

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018)»

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ
ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

**КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ**

сборник научных статей
по материалам всероссийской научной конференции
с международным участием

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018)»

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ
ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ

сборник научных статей
по материалам всероссийской научной конференции
с международным участием

Краснодар
2013

УДК 008+378
ББК 71+74.5
К 90

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского института культурологии, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского института культурологии (ответственный редактор);

Науменко В. Е., кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского института культурологии, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия;

Костина Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского института культурологии.

К 90 Культура и образование в современном обществе: стратегии развития и сохранения: сб. науч. ст. по матер. всеросс. науч. конфер. междунар. участ. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, В. Е. Науменко, Н. А. Костина. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2013. – 352 с.

ISBN 978-5-94215-195-9

В сборник вошли материалы докладов и сообщений всероссийской научной конференции с международным участием «Культура и образование в современном обществе: стратегии развития и сохранения», проведенной Южным филиалом Российского института культурологии в партнерстве с Институтом развития образования в сфере культуры и искусства 9-12 сентября 2012 года.

В статьях авторов рассмотрены проблемы взаимодействия культуры и образования как фундаментальных характеристик общественного развития, вопросы формирования единого образовательного пространства в сфере культуры и искусства, теоретические аспекты межкультурного взаимодействия и межнационального диалога в современном мире.

Сборник опубликован при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018)» (государственный контракт № 896-01-41/06-12 от 23 мая 2012 года).

УДК 008+378
ББК 71+74.5

ISBN 978-5-94215-195-9

© Коллектив авторов, 2013
© Южный филиал Российского
института культурологии, 2013
© Экоинвест, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

Раздел 1.

Культура и образование как фундаментальные характеристики общественного развития

К. Э. Разлогов.

Что такое медиаобразование? 8

А. А. Оганов.

Образование в эпоху
информационной цивилизации 16

В. Г. Торосян.

«Возрастание к культуре»
как выход из кризисного состояния общества..... 22

Д. М. Маллаев.

Образование и культура
на приоритете общечеловеческих ценностей – основа
духовно-нравственного воспитания молодежи..... 31

В. С. Слепокуров.

Нормативы культуры
в меняющемся мире 42

С. А. Юрикова.

Реформирование образования
в свете социокультурных изменений 53

И. Г. Хангельдиева.

Бренд вуза как его нематериальный ресурс
и ключевой идентификатор 64

М. В. Грибановская, Н. А. Костина.

Принципы инновационной культурной политики РФ..... 85

В. А. Сагателян.

Социальная иерархия и мода: система взаимодействия
в современной массовой культуре 90

А. В. Тихонов.

Философия естествознания:
идея научно-философского синтеза и ее реализация 97

Л. М. Анцибор. Психологическая зрелость как источник противостояния формированию манипулятивных установок личности	105
М. С. Якушкина. Организационно-педагогическое сопровождение адаптации семей мигрантов в РФ	113

Раздел 2.

Проблемы и пути формирования единого образовательного пространства в сфере культуры и искусств

И. И. Горлова. Культурологическое образование: состояние и перспективы развития.....	128
Н. А. Кочеляева. Цели художественного образования и государственная политика в Российской Федерации	141
В. Ф. Зива. Творческая деятельность в узах культуры и искусств как интеллектуальная собственность	155
Е. Л. Кудрина. Толерантность как инновационное направление подготовки креативных студентов в вузах культуры и искусства	162
В. Е. Науменко. «Регионоведение»: модель учебного курса для вузов культуры	176
А. В. Караманов. Музей как центр культуры в современном «обществе знаний»	190
О. И. Бычкова. Инновационные подходы к образованию в сфере культуры	201
И. Г. Хангельдиева, Е. М. Богданова. Эдьютейнмент: от телевизионного формата до современных социальных и образовательных практик	206

В. Я. Суртаев. Медиареальность как ресурс коммуникативных практик в пространстве культуры	219
К. И. Политкина. Инновации в формировании культурологических и экологических убеждений в процессе обучения студенческой молодежи в университетах Северного Кавказа	232
А. И. Щербакова. Музыка в истории становления и развития художественного пространства отечественной культуры	240
И. И. Слуцкая. Эстетические и этические идеалы человечества: историко-культурологический взгляд	251
М. Г. Вохрышева. Культурные формы библиографической информации	264

Раздел 3.

Межкультурное взаимодействие и межнациональный диалог в современном мире

Т. В. Коваленко. Сравнительные исследования в перспективе современной культурологии	271
А. П. Люсьй. Сверхтекст как сверхкризис: кавказский рок и кавказский трикстер	283
Ш. Б. Шихиев. О единстве субстанции и общности пути	295
А. А. Гуцалов. Отличительные особенности индийской культуры как мировое культурное достояние	305
J. K. Patel. Indian Philosophy to Culture: a Detent	322
Прабхакара Дж. Р. Концепция познания в индийской философии	326
Е. Ю. Шамлиди. Формирование переводчика как личности для работы в межкультурном пространстве	333

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образование во все времена историко-культурного процесса было и остается одним из центральных вопросов культуры. Свидетельством этого является неослабевающее внимание ученых, педагогов, политиков, деятелей культуры к этим проблемам. Это не случайность и не очередной интерес к модному веянию. За этим стоят вполне конкретные тенденции общемирового цивилизационного процесса. При этом в рамках практически не прекращающихся дискуссий, посвященных проблемам образования, высказываются различные точки зрения: от жесткой критики классических образовательных парадигм, концепций, моделей, институтов, до вполне конструктивных идей, направленных на гармонизацию системы образования к современной культурной ситуации.

В рамках этих дискуссий обоснованно высказывается мнение, что известная нам традиционная модель образования практически всегда представляет собой простую трансляцию культуры, в основном некоторой монокультуры, господствующей в данном обществе и государстве в определенный промежуток времени. Основным смыслом такого образования обычно является обучение, понимаемое как простое усвоение учащимися некоторой суммы накопленной человечеством в различных областях, и, в значительной степени разрозненных, знаний. В таком образовании–обучении человек не только не является субъектом образовательного процесса, но и вообще отсутствует как личность. Он в этих рамках лишь объект обучения. Такое образование–обучение вообще не является образованием в собственном смысле слова.

Современная культурная ситуация требует существенного переосмысления традиционных образовательных парадигм, которые сегодня оказывается уже не состоятельными в смысле обеспечения развития любого цивилизованного общества.

Эти проблемы и стали предметом обсуждения на Всероссийской научной конференции с международным участием «Культура и образование в современном обществе: стратегии развития и сохранения», проведенной Южным филиалом Российского института культурологии совместно с Институтом развития образования в сфере культуры и искусства при поддержке Министерства культуры Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018)».

Участниками конференции стали российский и зарубежные ученые – культурологи, историки, искусствоведы и филологи, философы и антропологи, политологи и социологи, а также специалисты–практики, преподаватели высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерово, Самары, Омска, Краснодар, Ставрополя, Пятигорска и других городов России.

На конференции были обсуждены актуальные проблемы, например, технологические факторы воздействия на культуру, достижения, потери и риски в образовательном процессе, пределы трансиндентации человека в условиях кризиса культуры, феномен расколотого сознания в кризисном обществе, культурные интересы российской элиты и образование.

В результате обсуждения широкого спектра вопросов, связанных с тематикой конференции, участники отметили значение системы соционормативного регулирования и роль образования в сфере культуры и искусства как приоритетного направления культурной политики государства.

Конференция стала творческой площадкой для выявления инновационных подходов развития системы культуры и образования, обсуждения состояния и перспектив развития образовательного потенциала российской культуры, способной в полной мере дать ответы на непростые вопросы–вызовы исторического времени.

Редколлегия

РАЗДЕЛ 1.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

*К. Э. Разлогов**

ЧТО ТАКОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ?

В статье медиаобразование рассматривается как форма образования, которая наиболее соответствует современной ситуации в мире, когда увеличение количества информации, ускоренная смена новых технологий приводит к тому, что молодое поколение обгоняет старшее поколение на пути прогресса.

The paper media education is seen as a form of education that best suits the current situation in the world, where an increase in the amount of information, rapid change of new technology leads to the fact that the younger generation ahead of the older generation in the way of progress.

Ключевые слова: *медиаобразование, средства массовой коммуникации, медиапедагогика, кинообразование, киноискусство, эстетическое воспитание, медиатекст, информация.*

Keywords: *media education, mass communication, media education, film education, film, aesthetic education, mediatext, information.*

«Что такое медиаобразование?». Это вопрос я задал сам себе под воздействием очевидной институционализации этого неологизма. Медиа в переводе на условно русский язык – средства массовой коммуникации (последнее слово тоже иностранного происхождения). Появление учебника профессора А. В. Федорова – главного энтузиаста медиаобразования в нашей стране, издание специализированного журнала, создание профессиональной Ассоциации кинообразования и медиапедагогике России – все это свидетельствует о существовании и бурном развитии сферы, в необходимости которой я изначально сомневался.

По определению ЮНЕСКО, «медиаобразование связано со всеми видами медиа (печатными, графическими, звуковыми,

* РАЗЛЮГОВ Кирилл Эмильевич – доктор искусствоведения, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия (e-mail: kirill.razlogov@gmail.com).

RAZLOGOV Cyrill E. – Ph.D. (Theory and History of Art), Professor of the Russian State University of Cinematography, Honored Artist of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: kirill.razlogov@gmail.com).

экранными и другими формами) и различными технологиями. Оно дает людям понять, как массовые коммуникации используются в их социумах, овладеть способностями использовать медиа в коммуникациях с другими людьми, обеспечивая человеку знание того, как:

- анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты;

- определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы, их контекст;

- интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа;

- брать соответствующие медиатексты для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории;

- получить возможность свободного доступа к медиа как для восприятия, так и для продукции.

Медиаобразование является неотъемлемой частью прав гражданина любой страны мира на свободу самовыражения и права (на информацию и является инструментом поддержки демократии. Медиаобразование рекомендуется к внедрению в национальные учебные планы всех государств, в системы неформального, дополнительного и пожизненного образования» [1].

Такова позиция авторитетного международного органа.

В приведенном документе, на мой взгляд, перепутано несколько совершенно разных аспектов. Одно дело – владение человеком культурными кодами окружающей его действительности. С помощью этих кодов он получает возможность каким-либо образом оценивать то, что к нему приходит по всем каналам информации. Из распространенных средств коммуникации, на мой взгляд, человек абсолютно не нуждается в образовании именно в области экранной культуры, в контексте которой он живет с раннего детства и обучается ей так же естественно, как и родному языку.

А ведь медиаобразование выросло из идей кинообразования, сформировавшихся полвека тому назад, но так и нерализованных. Эта своеобразная генеалогия мне была особенно интересна потому, что я был и остаюсь по сей день противником «уроков кино», и вообще не понимаю, зачем нужно учить людей «живой» культуре. На мой взгляд, образование становится необходимым тогда, когда то или иное явление культуры уходит в прошлое или умирает у нас на глазах. Тогда оно требует му-

зеификации, и его восприятию (или весьма проблематичному возрождению, созиданию) нужно специально учить.

А до смерти, которая пока еще не маячит в сфере самой массовой экранной культуры, необходимости в специальном образовании нет.

Справедливости ради отмечу, что полвека тому назад – в середине 50-х годов, появился призрак «смерти кино», и был опознан даже его могильщик – телевидение. Отсюда и своеобразная закономерность зарождения идей кинообразования. Однако кино не было убито малым экраном (как оно в свое время не привело к смерти театра, более того, со временем стало очевидно, что экранное творчество существует в нескольких технических формах и вариантах социокультурного функционирования, и что кино и телевидение – лишь наиболее распространенные из них.

Для того чтобы смотреть фильм на большом или малом экране в нашей культуре, во всяком случае, специально учиться не надо. Такой необходимости не было даже на самом первоначальном этапе истории кино. Первые кинозрители, которые были, как правило людьми необразованными (образованные сословия от «киношки», как говорится, «нос воротили»). Восприятие изображения в движении было «естественным». Первые зрители пугались, когда на экране появлялся движущийся в сторону зала поезд. Классическая лента братьев Люмьер «Прибытие поезда на вокзал в Ля Сиота» стала первым фильмом ужасов в истории кино. Возможно, на раннем этапе и казалось, как позже американским индейцам в экспериментах антропологов, что человека разрезали на части, когда показывался крупный план головы. И все же довольно быстро аудитория соображала, что все не так трагично, и можно спокойно следить за тем, что происходит на экране.

Разговоры о кинообразовании начали кинематографисты, критики и любители киноискусства, когда они почувствовали что фильмы, которые они любили, молодое поколение игнорирует, и нужно юношей и девушек научить ценить и получать удовольствие от тех произведений, которые были дороги нам. На мой взгляд, и эта затея абсолютно бессмысленна, потому что такого рода обучение и такого рода культурный обмен (вплоть до «заражения чувствами») происходит путем коммуникации за пределами учебных аудиторий. Нужно вступить с человеком в контакт и диалог, и тогда, может быть, то, что ты переживаешь, будет так же пережито и им.

Многие считают, что возникающие в этой сфере проблемы (связанные не только и не столько с кино, сколько с восприя-

тием искусства вообще) могут быть решены с помощью так называемого эстетического воспитания. Возможности последнего также весьма ограничены, а его предпосылки в методологическом плане более чем сомнительны. Эстетическое воспитание – миф нашей культуры. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести серию исследований наших коллег из Государственного института искусствознания, основанных на теории так называемых опережающих групп.

По мнению руководителей этого масштабного проекта «опережающими» были те группы, которые знали и ценили произведения в соответствии с искусствоведческой иерархией. В результате оказалось, что на культурный уровень респондентов самое сильное влияние оказывает «чтение искусствоведческой литературы». То есть с искусством можно вообще не общаться, картин не смотреть, ничего не слушать, достаточно прочесть книгу, где сказано, что такое хорошо и что такое плохо, и ты будешь правильно отвечать на вопросы, и попадешь в опережающую группу. Далее, как следовало из предложенной методики, чем больше (читай – правильнее) ты наслаждаешься искусством, тем ты лучше работаешь, тем ты «продвинутой».

Когда был закончен первый этап этого исследования, организаторы пришли в ужас от того, что основная часть молодежи из произведений изобразительного искусства знала только два: одно – «Бурлаки на Волге», поскольку оно было в школьной программе, а другое – «Мишки в сосновом бору», потому что они изображены на обертках конфет. Все то богатство изобразительного искусства, которое хотелось бы им передать, оказывалось за бортом.

Еще в то в глубоко советское время – на рубеже 60-70-х гг. – я задался вопросом: «А что если профессорам и академикам предложить заполнить анкеты о том, какие юбки в моде в этом сезоне, или какие актеры, рок-певцы или эстрадные исполнители наиболее популярны?». Возможно процент правильных ответов будет приблизительно тот же, что и в случае полотен Репина и Шишкина. Высоколобый специалист и сегодня будет осведомлен о кумирах массовой молодежной культуры лишь благодаря тому, что он случайно услышал, увидел или прочитал. Ведь основное средство распространения музыкальной культуры в последние годы – это сотовые телефоны, а живая эстрада мигрировала в казино и игровые дома.

По сути своей этот разлад во вкусовой картине мира между поколениями, социально-демографическими слоями и различными сообществами – явление неистребимое и по-своему позитив-

ное, хоть и господствующие элиты это далеко не всегда понимают. Когда-то довольно давно я упомянул эти процессы в лекции в одном серьезном учреждении, что-то вроде Высшей партийной школы, сейчас бы сказали Высшей школы экономики или Академии государственной службы. Одна из слушательниц в ужасе меня спросила: «У Вас же есть дети, неужели Вы Вашим детям не говорите, что нужно читать, какие книги хорошие, какие плохие?» Единственное, что я нашелся ответить: «Да, я своим детям говорю, что в детстве я читал Майн Рида, Вальтера Скотта, Аркадия Гайдара и Жюль Верна, отрочестве – роман «Война и мир», и любил уже сегодня забытых авторов, таких как Ромен Роллан или Эрих-Мария Ремарк, но при этом всегда спрашиваю, а что ты слушаешь, что ты смотришь, что тебе интересно?». По рекомендации своих дочерей я с удовольствием посмотрел фильм «Танцор диско», на который одна читательница журнала «Советский экран» ходила аж 48 раз.

Для определенных поколений и роман «Война и мир» и фильм «Танцор диско» играли аналогичную роль культурных стимулов. Мне могут возразить, что «Война и мир» не имеет отношения к массовой культуре, а «Танцор диско», безусловно, имеет. Не соглашусь – и Лев Толстой и Достоевский сегодня – часть глобальной массовой культуры. Приведу только два примера: недавнюю телевизионную экранизацию «Идиота» и «Анну Каренину», которая стала абсолютным бестселлером в США, потому что ее помянула в своем шоу известная американская телеведущая.

Лев Толстой обогнал по популярности американские аналоги романов Александры Марининой не в последнюю очередь потому, что его книга, по сути – предтеча дамских романов, также как «Идиот» – сериал, только не телевизионный, а газетный, написанный в другое время и по другим канонам, но столько же душещипательный.

Поэтому, когда заговорили о медиаобразовании, я подумал, что опять возрождается идея учить живой культуре, опять мы будем насаждать наши собственные вкусы людям, которые являются носителями другой культуры, пусть она нам и не нравится.

Не так давно на заседании гильдии киноведов и критиков Союза кинематографистов России обсуждали картину, которая получила в нашей среде крылатое название «Ночной позор». Юрий Богомолов очень разумно сказал, что «Ночной дозор» – картина для подростков. Я добавил, что 13-летний подросток не может и не должен любить в искусстве то же самое, что и 70-летний критик. И, наоборот, 70-летний критик не обязан любить то же, что и 13-летний подросток.

Несколько огрубляя, рискну предположить, что поколение стареющих критиков гармонизировало свою психическую жизнь в сложных условиях советского строя преимущественно с помощью водки, а современный подросток с этой же целью в условиях демократизации и рынка использует клей. Нюхая клей, он входит в то самое состояние, при котором фильм «Ночной дозор» воспринимается как органичное произведение, потому что его внутренняя логика – логика кайфа. И в состоянии полунаркотического опьянения ты воспринимаешь его адекватно. Что теперь делать? Учить критиков нюхать клей?

Конечно, когда я обратился к первоисточникам, к тем материалам, которые медиаобразование пропагандировали, я обнаружил некоторые другие аспекты, пожалуй, не менее важные, чем приведенный выше парадокс. Что мы! можем реально почерпнуть из приведенного вначале документа ЮНЕСКО? Насколько человек нуждается в специальном образовании, чтоб овладеть технологией создания медиатекстов?

Наверное, нуждается. Опять-таки в таком специальном образовании в области кино все население земного шара не нуждается, коль скоро кинотехника остается достаточно дорогостоящей, труднодоступной и, как правило, профессиональной. В тот момент, когда добираться до этой техники, получаешь не общее медиаобразование, специальное кинообразование. Потратив полмиллиона долларов на приобретение техники, ты естественно израсходуешь 10 тысяч на то, чтобы научиться ей пользоваться.

В отличие от кино, сегодняшняя аудиовизуальная техника вполне доступна рядовому потребителю. Поэтому видеокамеру при удачном стечении обстоятельств могут приобрести многие. И здесь, естественно, пользователю были бы полезны не только инструкции, но и практические навыки по созданию медиатекстов.

Здесь можно провести условную аналогию с обучением письменности. Языку своему ты учишься естественным путем, а вот чтобы писать и читать тебя учат в школе. В сфере аудиовизуальной культуры для того, чтобы «читать», обучение не нужно, но для того, чтобы «писать», оно необходимо. Далее, в документе ЮНЕСКО есть положения, связанные с социальными вопросами, а вовсе не с системой образования. Это – свободный доступ к информации, который лишь косвенно связан с тем, получил ты медиаобразование или не получил. Доступ у тебя либо есть, либо нет, и обусловлено это твоим участием в разделении труда, положением твоих родителей, и с тем насколько они считают важным среди предметов первой необходимости приобрести и компьютер.

Считать, что медиаобразование является неотъемлемой частью прав гражданина любой страны мира на свободу самовыражения и права на информацию, – явное преувеличение. Это не специфическая черта средств массовой информации как таковых. Тут речь может идти только о содержании, носителем которого оказывается медиа. Человек может получать информацию с телевизионного экрана, может иметь телевизор в своем доме и непрерывно его смотреть, все равно никакого права на ту информацию, которая на телевизионные экраны не попадает (а это 90% важной для жизни человека информации), у него не будет. Медиа сегодня находятся под достаточно жестким контролем (кроме Интернета), их руководители не пропускают ту информацию, которую руководство (каналом или страной) не считает нужным распространять.

И все же у медиаобразования есть свой специфический предмет и своя цель. Это – овладение возможностями различных технических устройств, которые позволяют обмениваться сообщениями. И в этой области, конечно же, часть процессов идет естественным путем. В нашем мире живут люди разных поколений и разных сфер интересов. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что молодому поколению легче использовать разные функции мобильного телефона. Знаю по себе, что мои дети, нигде не обучавшиеся в этом плане, посылают SMS-сообщения и картинки, обрабатывают фотографии со значительно большей легкостью, чем это будет делать взрослый преподаватель, пусть даже в системе медиаобразования.

Кстати говоря, в этом состоит одна из особенностей процесса образования в условиях массовой культуры, потому что ныне информация потребляется быстрее и усваивается лучше представителями молодого поколения. Уже к десяти годам любой школьник в жизненном плане знает больше, чем его учитель. Последний при этом более осведомлен по вопросам своего конкретного предмета – по физике, химии или литературе. Во всех остальных вещах он, с точки зрения рядового школьника, полный профан, а ребенок – эксперт. И поэтому школьник, сидящий в классе, естественно, не будет с уважением относиться к учителю, который не знает новинок, о которых трезвонит и радио и ТВ.

Кризис современного образования на самом деле определяется разной скоростью приобщения к массовой культуре разных поколений.

Тем не менее, есть некоторая доля профессиональных знаний, которые необходимы для того, чтобы пользоваться современными средствами коммуникации, причем необходимы постоянно. Обращусь к собственному опыту. Имея три компьюте-

ра дома с выходом в Интернет, я продолжаю пользоваться ими в основном как пишущей машинкой, потому что это наиболее насущная для меня функция.

Все остальное остается за кадром, поскольку соответствующие навыки отсутствуют. В современном информационном жаргоне есть даже специальная формулировка – «сетевые люди». Это – люди, преимущественно молодые, которые «живут в Интернете». Когда я готовлюсь к голосованию по призам Российской академии Интернета, в члены которой меня любезно приняли, нам – «несетевым» людям, специально устраиваются просмотры сайтов, которые «сетевые» находят самостоятельно.

Мой случай – не исключение. Я пользуюсь Интернетом исключительно в профессиональных целях, как американские университетские преподаватели, которые первоначально и взяли это техническое средство у военного ведомства для того, чтобы обмениваться информацией по содержанию библиотек. Я не могу и не умею этим пользоваться так, как пользуются мои дети, которые оттуда скачивают популярные мелодии, ищут какие-то немислимые сайты, осваивают сферу нет-арта. К последнему, правда, я приобщился, работая над телепрограммой «От киноавангарда к видеоарту», но опять-таки по сугубо профессиональной нужде. И все потому, что этому не обучен.

И тут мне приходит в голову крамольная мысль, что медиаобразование нужно в первую очередь для представителей старших поколений. Представители молодого поколения должны учить пользоваться новой техникой своих родителей, а уж я не говорю про бабушек и дедушек. И медиаобразование – именно та форма образования, которая наиболее соответствует современной ситуации в мире, когда умножение информации, ускоренная смена все новых и новых технологий приводит к тому, что молодое поколение обгоняет старшее на пути прогресса. В этом смысле медиаобразование и есть то самое, что нужно сегодня и человеку и обществу, только это, по сути, образование наоборот.

Использованная литература:

1. UNESCO [Recommendations Addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization UNESCO] // Education for the Media and the Digital Age. Vienna: UNESCO, 1999. P. 273-274.

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье проанализированы основные тенденции и перспективы развития образования в условиях информационного общества. Автор отмечает, что качественная трансформация технологии обучения позволяет совместить идею образования и воспитания.

The paper analyzes the main trends and prospects of education in the information society. The author notes that a qualitative transformation of learning technology allows combining the idea of education.

Ключевые слова: информационное общество, образование, культура, коммуникация, глобализация, образовательная парадигма.

Key words: information society, education, culture, communication, globalization, educational paradigm.

Информационная цивилизация быстрыми темпами унифицирует общественную жизнь. Культура, пройдя свой долгий исторический путь от символики природной, натуральной к образно-символической, похоже, уже на подступах к символике абстрактно-знаковой, целиком искусственной. Далеко позади этапы пути от эры дописьменной к эре письменной, затем гутенберговой и вот уже технотронной. Также очевидны разительные перемены, происшедшие в процессе образования из единичных мозаично-лоскутных культур больших однородных множеств с ширящимися границами своей ойкумены (Европа, Латинская Америка, Арабский мир и т.п.). По приблизительным подсчетам этнографов канули в лету сотни тысяч племен, народностей, языков, диалектов; трудно представить число исчезнувших традиций, обрядов, ритуалов. Закономерен и интересен вопрос: как почувствовала эти потери культура, и много ли кризисов было у нее по этому поводу? Вопрос, можно сказать, животрепещущий, учитывая серьезную обеспокоенность большинства гуманитариев происходящими в современном мире информационными

* ОГАНОВ Арнольд Арамович – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии ИППК Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М. С. Щепкина, г. Москва, Россия (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

OGANOV Arnold A. – Ph.D. (Philosophy), Professor, Department of Cultural Research of the Moscow State University, Head of the Department of Philosophy and Cultural Research Higher Theater School (Institute), Moscow, Russia (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

процессами. Ведь именно они, по расхожему мнению, представляют угрозу будущей культуре, многообразию ее самобытных проявлений. Сложилась противоречивая ситуация. С развитием СМИ, масс-медиа стало возможным приобщение к культуре широких слоев, знакомство с образом жизни, традициями, искусством разных народов; значительно расширились взаимодействия и диалог культур. С другой стороны, интенсификация информационных процессов стало причиной омассовления культуры, ее нивелирования, стирания различий национального своеобразия. И еще: информационное взаимодействие разных культур способствует синхронизации процесса их развития. Очевидно и здесь есть плюсы и минусы. В. Миронов, прослеживая динамику межкультурных связей под углом зрения складывающегося в современном информационном обществе единого коммуникативного пространства, приходит к выводу: «Данное пространство по сути глобально, и оно возникает вне конкретной локальной культуры. Следовательно, не отдельные культуры (как в рамках диалога между классическими локальными образованиями) навязывают условия коммуникации между собой, а само коммуникационное пространство диктует условия диалога, условия всемирного культурного диалога. По сути, если сравнить с классикой, это уже и не культура в собственном смысле слова, а некое иное образование. Коммуникация подчиняет себе культуру» [1]. Точное замечание и уместная оговорка: «если сравнивать с классикой...». А если не сравнивать с классикой, не ограничиваться одним лишь этим критерием? Иначе ведь не признать импрессионизм и кубизм в живописи, экспрессионизм в литературе, кинематографе, конструктивизм в архитектуре, серийную музыку... Конечно, единое коммуникативное пространство притянет к себе культуру и это уже происходит, хотя вряд ли вся она в него войдет, растворится, растеряет свое качество. Не исключена и частичная трансформация этого пространства в пространство культуры, что также мы наблюдаем сегодня. Не все в современной информационной системе, включая телевидение, компьютер, Интернет, контрпродуктивно для культуры. Словом, быть может, «некое иное образование» и есть новая культура, нам незнакомая, «чужая»? Либо она, либо то, во что она переродится, скорее всего, и станет нынче неведомой нам культурой. Для будущих поколений она будет совершенно естественной, понятной, «своей».

Драматизм современной культурной ситуации, как отмечалось, обусловлен, главным образом, беспрецедентной в истории

кратковременностью периода наступающих перемен, скачкообразным сжатием социального времени, что внесло хаос в привычную нам шкалу ценностей, ввергло в растерянное состояние.

Культура, будучи неравновесной, самоорганизующейся системой не может исчерпать свои адаптивные ресурсы. Как это уже не раз бывало в истории, она примет ее вызов и восстановит свою иммунную систему посредством новой парадигмы, предугадать которую, нам не дано. Пока живо человечество, вечен кантовский дуализм между духом, идеей, верой – с одной стороны, и природой, понятием, познанием – с другой. В мире, где это равновесие будет нарушено, человечество не выживет.

Понятно, в процессе мировой глобализации и нарастания информационных процессов произойдут коренные перемены в образе жизни людей, их ценностные ориентации. Естественно, будет другая культура, адекватная иным параметрам социального бытия и сложатся другие основания самоопределения человека. Естественно и то, что замеченные сегодня тенденции вызывают повышенный эмоциональный резонанс, тревогу за привычные для нас ценности. Однако, во избежание засилья оценочных суждений в стремлении к объективности философия в процессе реконструирования реальности и зондирования будущего выбирает позицию вневходимости по отношению ко времени и пространству. Даже в этом идеальном случае было бы высокомерием предвидеть определенную модель будущей культуры, но без сомнений и помех приходит осознание ее способности к постоянному самопорождению, обновлению в соответствии со своей изначальной природой и востребованностью человеком. При всех притязаниях цивилизации культура никогда не станет ее падчерицей.

Одной из центральных проблем культуры на протяжении всего историко-культурного процесса развития человечества являлась проблема образования. И сегодня она остается столь же значимой для развития современных обстоятельств бытия, так как не перестает определять многие его важные факторы развития. Образование в эпоху глобализации и информатизации претерпевает принципиальные изменения и по контенту и по формам и методам осуществления.

Повсеместное расширение, разветвление информационных каналов, их проникновение во все сферы жизнедеятельности человека существенно сказывается на интенсивности распространения знаний, их глобализации и демократизации. В результате уже сегодня ряд азиатских и африканских универси-

тетов не уступает по своему образовательному потенциалу университетам европейским и американским.

Другим исключительно значимым последствием включенности образовательных институтов в инфосферу является качественная трансформация технологии обучения, эффективности присвоения знания. Есть все основания констатировать смену парадигм в образовательной системе, чем в первую очередь обуславливаются новые ценностные ориентации и тактико-методические перемены.

Определяющим фактором, кардинально преобразующим образовательный процесс, является возросшая доступность востребуемой информации посредством компьютерных технологий.

Ширится информационное поле, спектр концептуальных подходов, точек зрения, гипотез, оценок. Возможность заинтересованного самостоятельного отбора информации без какого-либо посредничества способствует вытеснению принудительных форм обучения, активизирует этот процесс в целом.

Роль обучающего (преподавателя) при этом не умаляется, но значительно возрастают требования к его профессиональной квалификации, которая становится более подконтрольной со стороны обучаемого. Сегодня не избежать методологического плюрализма, междисциплинарности, проблемности в подаче учебного материала. Приоритетными становятся эвристические методы, так называемые «мозговые атаки», оригинальные, парадоксальные суждения и толкования, казалось бы, самоочевидных истин. Все это тем более актуально, учитывая, что в наше время резко сокращается дистанция между собственно научными и образовательными институтами, заметно интенсифицируется процесс перетекания не только результатов, но и самих инновационных исследований, гипотетических прогнозов в образовательную систему.

Современное естественнонаучное мировосприятие не может ограничиваться рационалистическим, механическим толкованием природы, характерным для классической науки и образования. Оно не является столь универсальным, как это казалось со времен эпохи Возрождения. Мы становимся свидетелями и участниками перехода от нормативного, регламентированного образования к открытому, не унифицированному. Увеличивается сегмент продуктивных элементов знания, вытесняющих до оптимальных пределов знания репродуктивные, как правило, заданные обязательной учебной программой и зачастую пассивно присваиваемые.

Традиционные методы обучения ориентированы больше на запоминание, чем на обдумывание. Подобные целевые установки обосновываются необходимостью овладения базовых знаний. Но их достижение вполне возможно, и даже более плодотворно, посредством проблемных методов обучения, активно стимулирующих интерес к знаниям, и что особенно ценно, способствуют раскрытию творческого потенциала обучающихся.

Уместно здесь заметить, что именно в этом случае может быть эффективно реализована идея совмещения образования и воспитания, их единства.

В образовательной деятельности те или иные воспитательные цели и методы не могут искусственно привноситься извне, быть своего рода дополнительным фактором по отношению к собственно образованию. Воспитание, чтобы быть органичным должно быть производным от самого процесса обучения – создающего и возвышающего. Осознание индивидом этих духовно облагораживающих перемен, а вовсе не в результате следования моральным установкам, и есть единственно возможный воспитательный эффект.

Особо следует сказать об отношении между обучающим и обучаемым, когда первый традиционно характеризуется в качестве активно действующего *субъекта* образовательного процесса, а второй в качестве *объекта* воздействия. Такое их разведение заведомо отводит обучаемому роль пассивного приемника заданной преподавателем познавательной информации. Если это и не проговаривается, то, так или иначе, подразумевается.

Но как уже было отмечено выше, сегодняшние старшеклассники и тем более студенты, не удовлетворяются линейной направленностью получаемых знаний. Часто они сами активно продуцируют в учебном процессе ассоциативные связи, параллельные ряды вопросов и проблем, расширяя тем самым познавательное поле. В результате генеральная, так называемая базовая составляющая, прибавляется своего рода периферийным пространством знания. Очевидно, это и есть открытая система, возможная только при условии полноценной включенности в нее всех участников учебного процесса. В этом смысле можно говорить о его диалогичности и двустороннем партнерстве. Не будет преувеличением сказать, что и сам преподаватель в процессе общения с новым поколением, постоянно накапливаемого и обновляемого опыта, познавательного обогащается. Иными словами, участники объект-субъектных отношений могут меняться местами.

Таковой в общих чертах представляется современная парадигма образования, которая, как показывает практика, имеет явно выраженную тенденцию к укоренению в глобально-информационном обществе.

Использованная литература:

1. *Миронов В. В.* Философия в современной культуре: новые перспективы. Материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 20.

«ВОЗРАСТАНИЕ К КУЛЬТУРЕ» КАК ВЫХОД ИЗ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Автор поднимает вопрос о необходимости проекта «возрастание к культуре» как выхода из кризисного состояния общества. В качестве наилучшего средства для реализации проекта он предлагает классический университет, дающий фундаментальное образование, приобщающее ко всему богатству мировой культуры.

The author raises the question of the necessity of the «rise to a culture» as a way out of the crisis state of society. As the best means to implement the project, it offers a classic university, giving a fundamental education shall be attached to the wealth of the world culture.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, гуманизм, мировая культура, возрастание к культуре

Keywords: Age of Enlightenment humanism, world culture, a culture of growth

***Наше положение безнадежно, поэтому надо сделать
всё, чтобы его изменить.***

Френсис Скотт Фитцджеральд

В середине XX века философами была предсказана развилка, на которой окажется мир на рубеже тысячелетий. В «Ситуации, наиболее богатой возможностями и опасностями» (К. Ясперс), открывается путь «перехода эволюции на уровень культуры, и тогда человечество сможет держать её нити в своих руках» (П. Тейяр де Шарден), в противном случае оно, «расписавшись в своей несостоятельности, обречет себя на гибель» (тот же Ясперс). Сегодня, оказавшись именно в этой ситуации, мы ощущаем себя одновременно участниками, наблюдателями и жертвами «незавершенного проекта», точнее проекта несостоявшегося.

Очертания этого проекта, восходящего к эпохе Просвещения, были достаточно чётко оформлены ещё в XIX веке. В наиболее краткой форме – это «возрастание к культуре», жизнь в культуре как

* ТОРОСЯН Вардан Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия (e-mail: torosyan5@mail.ru).

TOROSYAN Vardan G. – Ph.D. (Philosophy), Professor, Department of Theory and History of Culture of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia (e-mail: torosyan5@mail.ru).

естественная необходимость, о чем прекрасно писал Гегель, Гердер, В. Гумбольдт. Наилучшим средством для реализации этого проекта виделся классический университет, дающий фундаментальное образование, прежде всего гуманитарное, приобщающее ко всему богатству мировой культуры. Подлинный смысл культуры – в гуманизме. «Гуманность заложена в природе человека и культура способствует её скорейшему достижению, выходу из состояния, подавленного варварством»: история народов представлялась «школой соревнования в достижении гуманизма – воспитании благородства, разума, свободы, высоких помыслов и стремлений, сил и здоровья, господства над силами Земли» [1].

Более реалистично относясь к истории человечества как к «результату действий людей, преследующих собственные цели», К. Маркс также разделял/различал «предысторию» и «подлинную историю человечества», переход к которой возможен только через преодоление варварства, когда «свобода – от» станет «свободой – для» – для творчества, «реализации сущностных сил человека». В достижении такой возможности Маркс, как и просветители, большие надежды возлагал на науку и технику – при этом, вовсе не рассматривая их развитие как самоцель. Десятилетия спустя прекрасно скажет один из наиболее значительных участников революции в науке рубежа XIX – XX вв. Анри Пуанкаре: «Не наука нужна для новых машин, а новые машины для того, чтобы оставить больше времени для занятий наукой». В этой связи вспоминается наблюдение великого изобретателя Эдисона о том, что люди привыкли десять часов ковырять лопатой вместо того, чтобы полчаса подумать, как ту же работу выполнить за десять минут.

Сегодня вектор социокультурной истории изменил своё направление: наука и образование рассматриваются как сфера услуг, подобно парикмахерским и прачечным, соответственно, оплачиваемым теми, кто захочет эти услуги получить, поэтому и их эффективность оценивается сиюминутной материализацией выгодой/отдачей.

Человек, возглавляющий одно из ключевых министерств, судя по всему, достаточно начитанный и, в частности, знающий высказывание о том, что «наука – это средство удовлетворять любопытство ученых за счет государства», предлагает переложить расходы на плечи неуместно любопытных. Правда, при этом мы гордимся тем, что на адронном коллайдере работает множество выходцев из нашей страны, которые могут предложить для этого свои мозги. Современному человеку трудно по-

верить, что в век Просвещения, когда в день и час и в точке неба, вычисленных Э. Галлеем за 18 лет до этого события, появилась комета, названная его именем, по всей Европе шли праздничные гуляния, запускались фейерверки, слагались оды в честь науки. Можно ли сегодня представить нечто подобное? А разве сегодня наука не приносит потрясающие открытия? В лучшем случае коротким сюжетом за утренним торопливым кофе промелькнет сообщение о том, как ученым (кстати, тоже выходцам из России) удалось задержать пучок света в кристалле (что, кстати, сулит новые прорывы и в технике) или фотография с орбитального телескопа «Хаббл», как одна галактика буквально заглатывает другую.

Провидческим даром обладают не только философы. В середине XX века Нобелевский лауреат по литературе Герман Гессе в своём знаменитом романе «Игра в бисер» увидел рубеж XX – XXI века как «фельетоническую эпоху». Разве не напрашивается на фельетон, грустный и даже страшный, что связывая глубокий кризис, сотрясающий мир уже несколько лет, с перепроизводством, подгоняемым потребительским менталитетом (и подгоняющим его), эксперты для выхода из него предлагают меры, стимулирующие дальнейший рост производства. Понятно, что в таком случае удастся пристроить всё возрастающее количество безработных. А куда девать произведенный ими товар? В поисках выхода из этого порочного круга другие эксперты ненавязчиво напоминают, что выходом из двух крупнейших кризисов XX в. оказались как раз две мировые войны. Если это покажется неуместной шуткой, то стоит вспомнить нобелевского лауреата по экономике (как всегда, американца) Милтона Фридмана, который разработал модель для спасения экономики Чили при условии, если установить там диктаторский режим (что и произошло при А. Пиночете, превратившем страну в концлагерь).

В своё время (а именно в 1979), когда вышло исследование Римского клуба «Пределы роста», предрекавшие, что при таких темпах эксплуатации природных ресурсов человечество в 2000 году перейдет «точку невозврата», оно вызвало настоящую панику. В следующем выпуске авторы даже извинялись: они несколько сгустили краски, чтобы привлечь внимание к проблеме. А вот в последнем из выпусков XX века («Фактор четыре») они извинялись уже за то, что действительность к концу XX века оказалась даже мрачнее первоначальных прогнозов. Как пишут авторы «Фактора четыре», «Амбициозная цель книги – изме-

нить направление технологического прогресса». Дело в том, что современная цивилизация уже сейчас могла бы добиться удвоения производительности труда при сокращении вдвое потребления ресурсов – «тем самым величина богатства, полученного от единицы ресурсов, может возрасти в четыре раза». Чтобы это произошло, требуется «лишь» изменение менталитета, ориентированного на безудержное, неоправданное потребление, стремление «не отстать от других. Как заметил Э. Фромм, «благосостояние – не экономическая, а скорее нравственная проблема», и материальное благополучие – необходимое, но недостаточное условие. Экономический рост должен служить духовным целям, реализации и актуализации личности. Между тем в нашу фельетоническую эпоху реализация личности напрямую связывается с материальным успехом, превосходством над другими, властью, приобретением вещей (тот же Фромм «Иметь или быть»). В современном мире реализуется даже не экономоцентристская, а хремастическая, по Аристотелю, модель: когда деятельность направлена не на удовлетворение насущных потребностей с наименьшими затратами, а как раз на максимально затратную практику для непомерного обогащения узкого круга людей.

Уже в XIX веке промышленная революция создала тип общества, «в котором не экономика встраивается в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему, и в результате рыночная экономика «перестраивает общество под себя». В этом обществе производство, по существу, является побочным результатом, ... а наша унижительная зависимость от материального, которую человеческая культура всегда стремилась смягчить, намеренно усилена и возведена в ранг главенствующей» [2].

Современный капитализм осознал возможность своего выживания, превратив людей, ненужных производству, в людей, нужных потреблению: «Потребление стало имманентной функцией производства, сделавшись коллективной мечтой масс и способом их времяпровождения, ... символом веры и престижа [3]. Именно исходя из этого строится социальная политика стран «золотого миллиарда» (где выгоднее – до поры – откупиться от людей, оказавшихся на обочине, пособиями, достаточными не только для выживания, но и для получения общедоступных «фантомных радостей», на это же направлена вся массовая культура во всем мире. Особенно ужасно, что на это же неизбежно нацеливается и образование, задачей которого

называется подготовка кадров, способных если к не сиюминутной материальной отдаче приобретенных знаний, то хотя бы способных быть «квалифицированными потребителями».

Очевидная выгода такого положения в том, что современная цивилизация перестала задавать себе вопросы. Между тем «отказ от некоторых вопросов несет в себе большую опасность, чем неспособность ответить на вопросы, уже стоящие на повестке дня, а неправильно заданные вопросы зачастую помогают отвлечь внимание от действительно важных проблем» [4].

Весьма характерно, что многие читатели «Игры в бисер» воспринимают описанную там «Касталию» как едкую сатиру на «яйцеголовых»: её обитатели / граждане были заняты «игрой в бисер», а если проще, игрой ума, подобно древнегреческим философам, и в этом было их предназначение, оплачиваемое государством. Сумма эта, как указывается в романе, не превышает десятой части военных расходов. На ситуацию действительно можно взглянуть двояко: с одной стороны, известен вклад в мировую культуру, включая любые науки «бесцельных умствований» античности. Известно, что многие открытия, сделанные и в наше прагматичное время и удостоенные Нобелевской премии (условием которой является практическое применение), родились в результате чистой игры ума (kunststück), доставившей удовольствие игроку и пользу человечеству. Не случайно и то, что некоторые нобелевские лауреаты до этого получили и «шнобелевскую» премию – за самую бесполезную идею. Разве не так рождается искусство, и не влечет ли ученого прежде всего любознательность? С другой стороны, можно увидеть в Касталии и дьявольский замысел тоталитарного государства – занять «яйцеголовых» чем-то, что этому государству не угрожало бы. Правда более дальновидные политики придумали «философские пароходы» и концлагеря.

Сложную для чтения «Игру в бисер» часто называли антифашистской, но Гессе «заглядывает за фашизм, в те времена, когда после неизбежных катаклизмов, вызванных крушением главных мировых систем, общество начнет вырождаться. Победа над фашизмом будет не только триумфом человеческого духа, но и величайшим испытанием для него; в конце XX века станет понятно, что великие теории на практике ведут к великой крови, и поэтому лучшим способом для самосохранения человечества будет не думать» [5]. Удивительно, как быстро удалось привести его к этому благословенному состоянию, отгородив

от мировых и собственных проблем в компьютерных играх, бесконечных шоу, в которые давно превратились даже дебаты политиков и многолюдные митинги.

Сегодня философы не опасны, и их пока терпят как некий рудиментарный орган, который отомрет и сам, особенно если им меньше платить и сокращать философские курсы в вузах, а преподавателей заставлять тратить все свое время на бесконечные отчеты, планы, заполнение журналов и т.д., в объеме, сопоставимом с докторской диссертацией («макулатура против креатива»). Приучая самих ученых оценивать свою деятельность через отдачу «народному хозяйству», легко подвести и их к осознанию своей бесполезности. В свое время философ и нобелевский лауреат по литературе в одном лице Альберт Камю писал: «Мало сказать, что искусству угрожает государственная мощь. В этом случае дело обстояло бы просто: художник либо сражается, либо капитулирует. Проблема осложняется, становится смертельно опасной с того момента, как замечаешь, что бой завязывается в душе художника. Ненависть к искусству, которую так часто демонстрирует наше общество, была бы не столь губительной, если бы ею не заражались сами художники. Художники прошлых времен ставили под сомнение лишь собственный талант. Нынешние сомневаются уже в необходимости своего искусства, иначе говоря, в необходимости своего существования» [6]. Сказанное вполне можно отнести и к философам, и к учёным.

Обществу потребления не нужна не только философия, но и серьезная литература, кино, где нет крови и насилия. Характерная деталь: фирма IKEA, которая торгует мебелью по всему миру, объявила, что прекращает производство книжных шкафов. Разумное и практичное решение. И дело вовсе не в массовом распространении электронных носителей. Люди просто перестали читать, тем более бесполезную с точки зрения материальной отдачи, художественную литературу (за что особо надо поблагодарить ЕГЭ).

Вспоминается знаменитый роман Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», где функция пожарных – жечь книги, а скорой помощи безболезненно ликвидировать умников, которые, несмотря на все запреты, сохранили их. Правда, некоторым людям удалось сохранить в памяти тексты Шекспира, научные результаты в надежде таким образом передать следующим поколениям.

Современная форма варварства характерна тем, что может прийти не как оппозиция культуре, а «из культуры». Как за-

мечает Н. В. Мотрошилова, есть «общий тезис, под которым готовы подписаться многие историки, социологи, философы, работающие ныне над цивилизационными проблемами. Он носит своего рода характер приговора: в протекшей до сих пор истории то, что именуется варварством, было не только исторически начальным, оставленным далеко позади состоянием человеческого общества. И после возникновения цивилизации варварство неизменно оставалось спутником, оборотной стороной цивилизации, означая ее саморазрушение; даже и в новое время, эпоху «модерна» ... историческое развитие «неминуемо порождало ... новое, более рафинированное варварство» [7].

Современная форма варварства выражается и в потребительском отношении к природе, вооруженном мощными техническими средствами, и в отношении человека к человеку, столь же потребительском («современная форма каннибализма», словами Э. Фромма, «когда стремятся максимально использовать других для себя»). Современное варварство – это разруха и голод, которым охвачены огромные регионы нашей планеты, подделка товаров, часто опасная для жизни (включая лекарства и детали самолетов), «грандиозные обманы, аферы в массовых масштабах на фоне удивительного легковерия населения и полной безнаказанности мошенников..., это общий разгул преступности с чудовищными по своему цинизму преступлениями; это культ бандитского образа жизни, его языка и символов; это массовая коррупция правоохранительных органов; это издевательское, наплевательское отношение к людям науки, знания и подлинной культуры вместе с культом подделок под искусство, пошлостью, наглостью в средствах массовой информации; это миллионы беспризорных детей при живых родителях...» [8].

Можно утешать себя тем, что все это – рудиментарные явления, но они только расширяются, расползаются как мутации, против которых не успевают выработать противоядия. Мы живем в мире, начиненном, пронзаемом, разрываемом насильем – это и террористические акты, и «бархатные революции», и локальные войны, принявшие уже глобальный масштаб. Между тем, хотя в течение длительной «предыстории» человечества насилие выполняло роль, «повивальной бабки истории» (К. Маркс), необходимо, наконец, осознать, что на сегодняшний момент оно исчерпало себя. Не говоря о том, что насилие может обернуться самоуничтожением человечества, насилие неэффективно даже в локальном масштабе: если даже попытаться отвлечься от моральной стороны (как очень бы хотелось очень многим), мы се-

годня не приведем ни одного примера того, что жертвы оказались оправданы, задача решена, человечество спасено. Осознание этого, очень непростое, было бы лишь одним из первых шагов для выхода из «предыстории человечества». В мире, разрываемом насилием и нетерпимостью, бесполезны призывы «жить дружно». Толерантность – это не просто терпеть друг друга, а уважение к человеку, способность ценить любую культуру, в том числе свою собственную. Давно замечено, что люди, заявляющие о том, что признают только свою религию, свою национальную культуру, не знают и тем более не ценят и её. Здесь необходимо не просто внушение толерантности, а воспитание уважения к культуре как к таковой, «возрастание к культуре».

Еще одним симптомом «фельетонической эпохи» было то, что вступление в третий миллениум отмечали дважды в 2000 и 2001 годах. То ли не разобравшись, как у нас с «зимним» и «летним» временем, то ли это кому-то было выгодно, во всяком случае, резко возросла продажа компьютеров, после страшилок о том, что они не разберутся с нулями, и произойдут массовые сбои, авиа и железнодорожные катастрофы, короче, конец света. Вспомним, что смена тысячелетий – наиболее подходящее время для конца света. Впрочем, обещают его и к концу 2012 года. Между тем зловерные философы утверждают, что конец света наступил уже давно, другое дело, что он – перманентный, а не сиюминутный, вроде испепеляющей молнии, раскалывающей Землю, или всемирного потопа, столкновения с астероидом и т.д. (хотя и стихийных катаклизмов, небывалых до этого, тоже хватает). Здесь больше подойдет библейская картина снятия, одна за другой, семи (а может, семидесяти) печатей.

Говоря о незавершенном, точнее, так и не свершившемся проекте Просвещения, приходится признать, что «XXI век так и не наступил, он лишь длит время века восемнадцатого, (при неизмеримо возросших опасностях и угрозах для всего человечества – В. Т.); пора, наконец, осознать, что современный глобальный кризис – это кризис Человека вообще, который за все тысячелетия своего существования так и не получился, так и не смог состояться» [9].

Что в данной ситуации могут философы и культурологи? И ничего, и очень много. Сегодня философа в первую очередь должна беспокоить не судьба философии (и философов, соответственно) в мире XXI века, а судьба мира без философии. Задача преподавателя гуманитарных предметов – не просто приобщать к богатству мировой культуры, но и научить делать выводы из её истории, научить задавать себе вопросы, а не просто запол-

нять клеточки в бланках, вопреки всему, что происходит. Как тут не вспомнить слова ещё одного нобелевского лауреата, экономиста К. Леонтьева о том, что долг каждого порядочного человека сегодня служить тормозом прогресса. Подлинно современные инновации должны быть прежде всего в области идей, а не технологий. Много раз говорилось о том, что историческая миссия России послужить уроком человечеству. Пока что это больше получается в плане как не следует делать (о чем предупреждал ещё А. Чаадаев). Но если Россия выберется, найдет выход из опутавших её проблем, она тем самым ещё и сможет указать путь одряхлевшему миру. Выход, действительно, в возращении к культуре: и именно культура как аккумулятор социальной памяти и социальной сложности, содержит возможности для экспериментов и творчества.

Использованная литература:

1. *Гердер И.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 636.
2. *Поланьи К.* Наша устаревшая рыночная психология // Избранные работы. М., 2010.
3. *Колпаков В. А.* Общество знания. Опыт философско-методологического анализа // Вопросы философии. 2008. №4. С. 37.
4. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 14-15.
5. *Быков Дм.* Русская Касталия // Известия» 2010. № 187. 7 окт.
6. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990. С. 363.
7. Там же. С. 44.
8. *Мотрошилова Н. В.* Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вопросы философии. 2006. №2. С. 49.
9. Проблемы развития российской цивилизации. Обзор Всероссийского философского форума // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 175-176.

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА НА ПРИОРИТЕТЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ – ОСНОВА ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается роль образования и культуры в формировании общечеловеческих ценностей, являющихся основой духовно-нравственного воспитания молодежи.

The article discusses the role of education and culture in shaping human values, which are the foundation of spiritual and moral education of young people.

Ключевые слова: образование, культура, общечеловеческие ценности, духовно-нравственное воспитание, духовно-нравственные нормы, образовательные технологии.

Keywords: education, culture, human values, spiritual and moral education, spiritual and moral norms, educational technology.

Сегодня необходимо понять роль образования в изменении планеты через общечеловеческие ценности в образовании.

Концепция реализации ценностей образования является сегодня основополагающей в воссоздании мира на Земле, поднятия духовности, возрождения нравственности. Сегодня образование охватывает всех, есть большое количество образованных людей, но нарушено духовное равновесие, в мире много знаний, но образование не всегда имеет истинную цель.

Концепция реализации образования имеет в каждой стране свою специфику и строится на менталитете того народа и среде его обитания, на принадлежности к конфессии и определенной национальной культуре.

Духовно-нравственное воспитание на приоритете общечеловеческих ценностей должно опираться на следующие принципы: открытости, честности, единства мысли, слова и дела. Приоритет образования в XXI веке в России, как и во всем мире, является главным стратегическим направлением в государственной политике в образовании.

* МАЛЛАЕВ Джафар Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной и специальной педагогики Дагестанского государственного педагогического университета, член-корреспондент Российской академии образования, г. Махачкала, Россия (e-mail: vip.dgaf@mail.ru).

MALLAEV Jafar M. – Ph.D. (Pedagogy), Professor, Head of Department of Correctional and Special Education of the Dagestan State Pedagogical University, Corresponding member of The Russian Academy of Education, Makhachkala, Russia (e-mail: vip.dgaf@mail.ru).

В современном обществе высоко ценится образование, и многие люди стремятся получить его. Сегодня детям в школах колледжах и т.д. даются в изобилии знания в различных областях науки, техники, культуры. Однако люди не испытывают внутреннего мира, покоя и счастья. Современное образование дает возможность стать человеку значительным в глазах общества, заработать средства к существованию. Но оно не может научить человека, как избавиться от дурных наклонностей и вредных привычек, не дает знания о том, как построить гармоничные взаимоотношения между людьми и природой.

В чем же причина? Образование сегодня «информационно-ориентированное», в области головы, а не сердца. Оно не помогает человеку познать самого себя, сформировать свой характер. А ведь именно сердце является источником истинного образования. Человек в процессе обучения должен изменить свой характер, наполнить сердце любовью и со страданием ко всем существам. Ценность личности зависит от ее культуры. Но истинный смысл слова «культура» заключается в отказе от плохих мыслей и поступков, в развитии благородных качеств характера. Поэтому одной из главных целей образования является воспитание характера у человека с детства. Богатство, ученость, положение, власть – все это непостоянно и недолговечно по сравнению с силой характера. Именно характер позволяет человеческой личности достичь в жизни спокойствия и радости. Чтобы воспитать в человеке характер, необходимо научить его следовать в жизни общечеловеческим ценностям, таким как истина, праведное поведение, мир, любовь и ненасилие. Им соответствуют следующие аспекты человеческой личности: интеллектуальный, физический, эмоциональный, нравственный, духовный. Они составляют основу нашей программы духовно-нравственного воспитания, цель которой – воспитать образованного человека с высокими духовными качествами характера.

1. Праведное поведение. В основе праведного поведения лежит принцип не причинения вреда ни самому себе, ни другим людям, ни природе. Для этого необходимо знать и уважать законы природы, морали и государства, а также выполнять свой долг и обязанности по отношению к своим родителям, обществу и т.д. Необходимо анализировать свои поступки и обращаться к голосу совести при их совершении. Карл Юнг утверждал: «Счастье заключается не в том, чтобы делать то, что мы любим, а в том, чтобы любить то, что мы делаем». Каждое действие человека не должно быть бесполезным, бестактным или вредным для себя и для других.

Занятия в разделе «Праведное поведение» ставят цель развивать в студентах:

– индивидуальные умения: помочь себе – это забота о своем имуществе, гигиене, правильное питание, забота о своем здоровье;

– социальные умения – нравственное поведение, хорошие манеры, гармоничные взаимоотношения с другими, стремление оказывать заботу и помощь другим, бережливость;

– этические умения – чувство долга, инициативность, ответственность, смелость, благодарность, уважение ко всем и т.д.

Праведное поведение включает в себя, в том числе и заботу о своем физическом теле, чтобы оно было здоровым, хорошо координированным и служило человеку при выполнении им жизненных предназначений.

2. Истина. Поиск истины есть отражение стремления человека к знанию окружающего мира, к познанию самого себя. «Корень действия лежит в мысли», – сказал Герберт Спенсер. Поэтому за всяким действием стоит мысль и очень важно, чтобы мысли были добрыми, не эгоистичными. Необходимо развивать силу различения, научиться контролировать свои мысли, чтобы они не были затемнены злыми намерениями.

Желание познать истину побуждает человека задавать себе вопросы: «Кто я? Какова цель моей жизни? Как мне жить полной жизнью в текущий момент? Как мне познать свое внутреннее Я?»

Очень важно для человека научиться говорить правду. Произнесение неправды ведет к разрушительному, негативному влиянию на человека.

Человек обладает великим даром природы отличать правильное от неправильного. Поэтому очень важно развивать в детях силу различения, силу интуиции.

Занятия в разделе «Истина» ставят своей задачей развивать в студентах такие качества, как любознательность, способность распознавания, чувство справедливости, бесстрашие, честность, оптимизм, стремление к познанию, способность к синтезу, решительность, единство мысли, слова и дела.

3. Любовь. Любовь рассматривается в программе как энергия, преобразующая духовное сердце человека. Когда сердце наполняется любовью, человек совершает бескорыстные поступки, проявляет такие качества как щедрость, всепрощение, сострадание, сопереживание, начинает видеть красоту, которая его окружает. Именно любовь заставляет человека желать счастья другому и радоваться его благополучию. Энергия любви исцеляет челове-

ка, способствуя улучшению здоровья. Когда мотивом действия является любовь, то оно становится праведным. Когда слова содержат в себе любовь, они превращаются в истину. Если чувства человека наполняются любовью, то он испытывает внутреннее спокойствие, умиротворение и счастье.

4. Мир. Мир – это гармония, равновесие, дающее человеку душевный покой, а также умение творить мир вокруг себя. Наполняясь душевным покоем, человек испытывает счастье и радость, становится уверенным в себе и живет в мире со всем миром.

«Мир начинается с улыбки», – говорила Мать Тереза. Человек улыбается, когда испытывает удовлетворение и счастье. Когда в душе человека мир, то и нация наполнена миром. Если нация находится в мире, то на Земле будет мир.

Состояние гармонии и мира можно достичь, если успокоить свой ум, который стремится увеличивать желание человека. Поэтому необходимо контролировать ум и устанавливать потолок для желаний. Сила воли поможет человеку сделать различие между тем, чем хочется обладать и тем, что действительно необходимо иметь.

Если ум наполнен негативными мыслями, то он вызовет появление негативных эмоций, и человек будет лишен покоя. «Если мы кого-то ненавидим и мысленно желаем ему зла, это неизбежно отравляет наше собственное эмоциональное состояние. Если мы внимательно понаблюдаем за нашим внутренним миром, то увидим, что, позволив овладеть собой сильному чувству ненависти или жалости к себе, мы способны отравить свою собственную внутреннюю атмосферу на весь остаток дня», – говорит Р. Скэннер.

Но если ум наполнен добрыми мыслями, то исчезнут волнения и тревоги, тогда наступит мир.

На занятиях в разделе «Мир» у студентов формируются такие качества характера, как концентрация, спокойствие, удовлетворенность, внутреннее согласие, уверенность в себе, дисциплинированность, сосредоточенность, уравновешенность, самодисциплина, скромность, терпение, самоуважение, чувство благодарности, понимание.

5. Ненасилие. Ненасилие рассматривается, как непричинение вреда живым существам ни мыслью, ни словом, ни действием. Чтобы это было возможно, необходимо воспитать в человеке миропонимание, тогда придет осознание тесной связи каждого объекта во Вселенной. В программе рассматриваются два аспекта ненасилия: психологический и социальный.

Психологический аспект – это сострадание ко всем существам.

Социальный аспект – принятие всех культур и религий, а также забота об окружающей среде.

Жить, причиняя минимально возможный ущерб другим людям, животным, растениям и планете – это признак цельной и уравновешенной личности.

Именно ненасилие дает возможность человеческой личности испытать чувство благоговения перед чудом Вселенной, чувство всеобщего единства.

Ненасилие характеризуется следующими качествами:

Психологические – милосердие, заботливость, сострадание, сотрудничество, умение прощать, отзывчивость;

Социальные – уважение к другим культурам и религиям, чувство братства, гражданственность, национальное самосознание, чувство социальной справедливости.

Рассматривая общечеловеческие ценности, следует отметить, что они неразделимы, взаимосвязаны, взаимозависимы и, проникая друг в друга, создают единую основу духовности человека.

Духовность – это понимание и открытие своих возможностей самим человеком изнутри, через свое «Я», то есть такой уровень нравственного развития, когда субъект при любых условиях остается спокойным и поступает, говорит с общепринятыми нормами человеческой морали. Такое понимание создает активную позицию конкретного человека, а не втягивают его в оппозицию против других людей.

Поэтому мы рассматриваем духовно-нравственное воспитание и образование на основе общечеловеческих ценностей как благодатное поле для возрождения народов России и всего человечества.

В современном мире некоторые считают, что сила – в деньгах, а некоторые – в образовании, другие считают, что истинной силой является интеллект. Сила богатства, сила образования, сила интеллекта – это только признаки слабости, а не силы. Только характер дает нам настоящую силу, наряду с характером хорошее поведение дает людям уважаемое положение. Несмотря на технический, экономический, социальный прогресс и современные удобства жизни, люди всех стран лишены мира и безопасности. Причина этого в плохом поведении людей, если бы они практиковали правильное поведение, в мироздании присутствовали добродетель и хорошее поведение, все бы люди на Земле наслаждались миром и счастьем.

Образование без характера, подобно плоду без сока, или козле, которая не дает молока. В современном мире сотни тысяч

образованных людей, ученых, интеллектуалов и много богатых людей. Несмотря на это в мире много страданий и несчастий, и причиной этому служит отсутствие должного характера и хорошего поведения.

В древности благородные души заботились о благополучии и безопасности всего мира. Имена этих благородных душ навсегда запечатлены в сердцах жителей многих стран, в серии изданий ЖЗЛ (жизнь замечательных людей), о них помнят даже сегодня. В чем причина? Это благодаря их духовно-нравственному развитию, добродетели и их поведения мы имеем такую веру в них, они являются истинными учителями жизни многих поколений.

Если бы сегодня все учителя практиковали то, чему они учат, они могли бы быть идеальными примерами для общества. Наставления без практики самого наставляющего не изменит этот мир. Поэтому роль учителя в современном мире является ключевой, божественной, созидающей. Учитель – это тот, кто внедряет добрые мысли, добродетели и такие ценности, как правдивость, верность, дисциплина, чувство долга и т.п. в сознании учащихся и формирует их поведение возвышенным и достойным образом. А учащийся – это тот, кто полностью принимает и усваивает наставления учителя со всей серьезностью и искренностью и непоколебимой преданностью. Студентов необходимо учить овладевать теми бесценными сокровищами, которыми богата наша культура и культурное наследие. Учитель – это сияющий свет для всего народа мира, но только если этот свет будет сиять постоянно, он сможет зажигать другие светильники вокруг себя. Если какой-то один ученик ведет себя неправильно, портится поведение только одного человека, но если один учитель ведет себя неправильно, то испортит поведение многих учеников.

Таким образом, именно учителя ответственны за неправильное поведение современного поколения учеников. Учителя могут учить очень хорошо, они могут подробно объяснять и показывать легкие способы обучения, владеть современными образовательными и информационными технологиями, но если они не практикуют то, чему учат, что объясняют и что показывают, тогда никто не будет следовать им и уважать их.

Сегодня правительство многих стран или отдельные богатые люди могут потратить значительное количество средств на создание инновационных образовательных учреждений, функционирующих на основе содержания и чтения материалов «о человеческих ценностях», но это не дает результатов. Челове-

ские ценности нельзя получить посредством чтения текстов, их не выпускает никакая фирма, их нельзя получить в подарок, эти ценности (ОЧЦ) нельзя купить на рынке, в супермаркете ни за какие деньги. Они являются естественным выражением человеческого сердца. Общечеловеческие ценности внутренне присущи человеку от рождения, и их необходимо выявлять и развивать через образование, через личную практику человека на протяжении всей жизни.

Является ли образование на основе общечеловеческих ценностей лишь только учебой, ученостью. Нет, образование на основе ОЧЦ – это не просто знание, добытое из книг. Это действие, в основе которого лежит духовно-нравственное развитие личности, через жизненную постоянную практику, от «сердца к сердцу», а не от «головой к голове». Это общечеловеческие ценности, введенные в практику жизни человечества независимо от национальной расы, среды обитания, принадлежности к конфессии. Люди на разных языках называют их по-разному, но они имеют один смысл. Например, у народов Дагестана: мир (покой) – «Сабур», праведность (совесть) – «Намус» и др. Люди часто просто называют их истина, праведность, мир, любовь, ненасилие, но это исходит только с губ. Настоящие общечеловеческие ценности даны нам с рождения, они должны не только говориться устами, они должны практиковаться в жизни. Например, любовь – это наша истинная природа, ненасилие – это отказ от любого насилия: взглядом, словом, действием, мыслью. Все эти ценности естественны для людей. Тот, кто ими всеми обладает, является настоящим культурным человеком и наделен качествами любви, сострадания, терпения, сочувствия, истины и жертвенности. С другой стороны, то что мы сегодня часто наблюдаем, – гнев, ненависть, зависть, эгоизм, гордыня, – являются животными качествами. Когда люди испытывают злость, они должны говорить себе: «Я – не животное». Животные не испытывают зависти, но человеческие существа полны зависти. Наблюдая за дикими животными в природе, мы видим, что одно животное не завидует другому животному из-за того, что оно более красивое, более сильное или занимает более высокое положение. Но люди завидуют даже по пустякам. Если кто-то строит двух-трех этажный дом, сосед начинает завидовать, если кто-то получает повышение по службе, люди начинают завидовать этому человеку. Если даже у животных нет зависти, как мы можем называть себя людьми, если мы полны зависти? Человек должен иметь веру и повторять себе, что он человеческое

существо, а не животное. Только тогда мы сможем избавиться от плохих качеств и развить общечеловеческие ценности, но если у человека в сердце животные качества, как он может говорить о человеческих ценностях? Например, если мы взглянем на стакан, наполненный чистой родниковой водой, если не выльем из стакана воду, то мы не сможем наполнить его другой жидкостью. Сегодня большинство людей как из стакана вылили прозрачную воду (ОЧЦ) и наполнили свои сердца плохими качествами. Если они не выльют эти плохие качества, то как они могут наполнить свои сердца человеческими ценностями.

Поэтому учителя, которые используют новую технологию обучения и воспитания студентов общечеловеческим ценностям, должны сначала очистить свои сердца от всяких примесей, а за тем наполнить их чистой, неизменной бескорыстной любовью и божественными качествами. Простое заучивание даже отрывков и священных писаний нельзя называть обучением ОЧЦ. Учитель должен проверить себя, практикует ли он то, чему учит. Например, он призывает учеников говорить правду, но сам вне урока говорит неправду, как можно ожидать то, что ученики научатся говорить правду. Учителя подобны бакам с водой, только если бак наполнен чистой водой, из крана будет течь чистая вода. Учителя – это баки с водой, ученики – краны, поэтому баки должны быть чистыми.

Сегодня каждый гражданин должен проверить себя соответствует ли зарплата, которую он получает тому объему работы, который он выполняет, каждый хочет зарплату побольше, а работу поменьше, но при этом не спрашивает: «Что я сделал, чтобы зарплата стала больше?» Люди строят грандиозные планы, но не прикладывают усилий для реализации их. Большинство считает, что все за них должны сделать правители, и вместо того, чтобы изменить себя изнутри, они стараются изменить других. Вот почему одна или другая страна находится в таком экономически неразвитом печальном положении.

Все это можно исправить, если учителя в образовании будут выявлять изначально в себе, а затем в своих учениках общечеловеческие ценности, которые станут основой духовно-нравственного возрождения страны. Учителя при этом должны иметь устойчивый, уравновешенный ум, на который не могут повлиять отдельные личности, интересы господствующих классов или другие материальные стимулы. Они должны быть устойчивыми указателями на дороге жизни. Поэтому учителя в XXI веке должны иметь устойчивый ум, только в этом случае

они могут обучать учеников истинным духовно-нравственным нормам на основе ОЧЦ. Сегодня студенты, очень внимательно наблюдают, насколько преподаватели сами следует тому, чему они учат, они завоевывают уважение, любовь учеников, только если они будут практиковать то, чему учат. За недостаток уважения учеников к учителям ответственны сами учителя. Поэтому есть одно правило: «с начала будь, потом делай, потом говори». Мы все должны придерживаться этого правила.

Современное образование охватывает человека на пяти образовательных ступенях: семейное, дошкольное, школьное, вузовское, послевузовское. Фундаментом и главной образовательной технологией для человека является семейное воспитание и образование. Педагогический процесс в семье приобретает первостепенное значение в условиях перехода человеческой цивилизации в новый планетарный цикл. Трансмутационные процессы, происходящие под воздействием мощных энергетических потоков, способствуют перерождению человека внутри наших физических тел, перестраивая ткани и органы, и, в первую очередь, мозг и нервные клетки человека. Привычные методы количественного обучения, которые практиковались десятилетиями без учета индивидуальности каждого обучающегося, становятся тормозом на пути внутреннего развития ребенка и идут вразрез с его внутренними космобиологическими процессами. Психика детей и подростков нашего времени отказывается воспринимать чисто механическую подачу информации. Объем памяти для человека разумного исчерпан, количественный подход накачивания знаниями уступает место качественному обучению: не усваивать как можно больше, а научиться самому процессу усваивания. Мы привыкли просто с детства запоминать, что можно, а что нельзя, что белое, а что черное, а нужно интуитивно, опытным путем усваивать целостность всех жизненных процессов, научиться концентрировать умственную и психическую энергию на том, что необходимо в определенном возрастном периоде для будущего раскрытия внутреннего потенциала личности. Такой процесс обучения, при котором мысли, чувства, слова и действия активизируются одновременно на основе общечеловеческих ценностей, с использованием методов выявления и различения знаний, изначально заложенных в человеке с рождения. Образование должно строиться на ОЧЦ с использованием диалогической формы подачи знаний через внутреннюю трансформацию учителя и ученика с первых дней обучения в вузе. Воспитание и обучение следует строить по принципу: каждый ученик – твой учитель. Каждый

человек, имеющий соприкосновение с воспитанием и обучением, должен определить свой уровень преподавания, честно и объективно дав оценку своим способностям и возможностям, – это первый шаг к профессиональному и духовно-нравственному росту педагога – воспитателя.

Таким образом, изложенная концепция частично отражает основные положения духовно-нравственного воспитания на приоритете общечеловеческих ценностей в образовании с учетом культуры, традиций и менталитета конкретного народа.

Образование и культура народов мира имеет общие закономерности развития и духовно близка друг другу. История развития культуры показывает, что очень большое влияние на мировую культуру оказала культура Индии и, в частности, она очень близка для российского народа. Она выстроена на основе общечеловеческих ценностях и транслируемая через искусство, музыку, танцы, песнопения, бескорыстное служение человеку, через традиции, обычаи составляет собой основу духовно-нравственного воспитания молодежи. Древняя духовная культура Индии сегодня является источником внутренней силы ее народа. Сегодня необходимо взглянуть на современную культуру многих народов, что происходит в нашем мироздании, почему потеряна преемственность в сохранении духовности между культурами и образованием прошлого, настоящего и будущего, в результате чего растет недовольство, ненависть, потеря ценностей, растет чувство страха за будущее. Мир нашпигован волной терроризма, насилием, люди уничтожают друг друга. Свободу вероисповедания умудряются в поликонфессиональном мире противопоставить друг другу, так как отсутствует Единая Истина и Божественная Любовь, Вера во Всевышнего. Удивительно, что ни руководители стран, ни народы, которыми они управляют, даже не пытаются выяснить причины распространения недовольства, ненависти, взаимного непонимания, нарушающего порядок (митинги, забастовки, зачастую затеваемые далеко не духовными носителями истины), а также воцарения всеобщего беспокойства и страха, подрывающими общественный мир и согласие. Причина существующего положения вещей кроется, скорее в духовно-нравственной, чем в экономической, политической, интеллектуальной или социальной сферах. Печально, что сейчас пренебрегают духовно-нравственным подходом в воспитании и образовании молодежи и все внимание направляют на развитие у учащейся молодежи профессиональных навыков и сообщение им каких-то обрывков ненужной информации и загрязненным Интернет-хаосом, где без духовности могут

утонуть юные души. Главным вопросом для Правительств стран является возрождение классической культуры и осознание важности проблемы духовного воспитания и образования на основе общечеловеческих ценностях. Пути решения указанной проблемы заключаются в том, чтобы дать молодежи такое воспитание и образование, которое, развивая интеллект, одновременно очищает эмоции и обучает физическим и ментальным методам, с помощью которых можно обнаружить источник любви, мира и радости, находящийся в их собственных сердцах. Культура и духовность молодых людей будет возрастать благодаря воспитанию и обучению на основе общечеловеческих ценностях и духовно-нравственного становления и развития личности. Все это поможет им стать на путь, ведущий к обретению уверенности в себе, внутренней удовлетворенности и служению своему народу.

Использованная литература:

1. Духовно-нравственное образование в России на основе общечеловеческих ценностей // Поиск истины. Дагестан. 2003. № 9. С. 46-50.

2. Образование – культура – духовность // Поиск истины. Дагестан. 2004. № 11. С. 36-42.

3. Маллаев Д. М. Духовно-нравственное воспитание учащихся на приоритете общечеловеческих ценностей // Современная наука: проблемы и перспективы. Вып. 5. Махачкала: ДГПУ, 2005. С. 118-126.

4. Воспитание духовно – нравственной личности на основе общечеловеческих ценностей: метод. матер. Махачкала: ДГПУ, 2004. 69 с.

НОРМАТИВЫ КУЛЬТУРЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

В статье рассмотрено целостное и системное понимание культуры, которое невозможно без выявления первостепенного значения в системе ее социальных функций регулятивной функции и раскрытия механизма ее реализации посредством действия системы соционормативного регулирования, охватывающей в единстве правовые и внеправовые культурные нормы.

The paper considers a holistic and systematic understanding of culture, which is impossible without identifying high priority in the system, its social functions, regulatory functions, and the disclosure of the mechanism for its implementation by act of socio-normative regulation covering the unity of the legal and extra-legal, cultural norms.

Ключевые слова: культура, нормирование, соционормативное регулирование, социокультурные нормы, культурная политика.

Keywords: culture, regulation, socio-normative regulation, socio-cultural norms, cultural policy.

Культура является интегрирующим началом, придающим обществу системную целостность. Упорядоченность общественных отношений как цель каждого государственного образования напрямую зависит от взаимодействия норм культуры, от согласованности правовых норм (императивных по силе воздействия) с установками и требованиями внеправовых социальных регуляторов, входящих в систему культуры, таких как мифы, обычаи, традиции, ритуалы, мораль, религия и др.

Противоречивое и многогранное развитие современного российского общества, аккумулирующее в себе объективные реалии как позитивного, так и негативного характера не может анализироваться без философской оценки влияния на него культуры. Социальная значимость нормативного пласта придает культуре те организованные формы воздействия, определяющие ее уникальность в историческом процессе развития общества. Естественной стабилизирующей основой в слож-

* СЛЕПОКУРОВ Виталий Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры предпринимательства, маркетинга и менеджмента Московского государственного университета культуры и искусств, г. Москва, Россия (e-mail: timemoscow@yandex.ru).

SLEPOKUROV Vitaly S. – Ph.D. (Theory and History of Culture), Professor, Department of entrepreneurship, marketing and management of the Moscow State University of Culture and Arts, Moscow, Russia (e-mail: timemoscow@yandex.ru).

нейшем процессе ремиссии и консолидации социума призвана стать культура как средство соционормативного регулирования, «культура, – согласно классического определения Эльны Орловой, – мир искусственных порядков».

Обеспечение не только устойчивости нашего общества, но и его поступательного развития осложняется падением авторитета моральных принципов и ослаблением действенности правовых установлений. В определенной мере это связано с тем, что само понимание сущности этих социальных регуляторов оказалось размытым, во многом формальным, отрывающим их от такой основы социальной жизни людей, какой является культура. Получили распространение попытки умалить значение социально-регулятивной функции культуры путем фактического выведения из содержания этой функции правовых регуляторов как якобы существующих вне культуры, замкнутых в автономной системе права.

Целостное и системное понимание культуры невозможно без выявления первостепенного значения в системе ее социальных функций регулятивной функции и раскрытия механизма ее реализации посредством действия системы соционормативного регулирования, охватывающей в единстве правовые и внеправовые культурные нормы.

Регулирование призвано обеспечить своевременную нейтрализацию возмущений и сохранить меру упорядоченности этой системы, необходимую для ее функционирования и развития. Соционормативная система культуры является важнейшим средством такого регулирования, носящего сознательный характер. Общество целенаправленно формирует социокультурные регулятивы, переводит их в арсенал социальной памяти, закрепляя их содержание символическими формами культуры, и путем обучения и воспитания внедряет их в групповое и индивидуальное сознание в качестве ориентиров для актуального поведения.

Однако нужно иметь в виду, что система соционормативного регулирования не исчерпывает содержание социального регулирования в целом. Существует и такая форма социального регулирования как директивное управление. Это – тоже сознательное регулирование, но оно предполагает наличие конкретного лица, отдающего распоряжения конкретным исполнителям, обязанным эти распоряжения выполнять.

Но, кроме того, существуют и формы регулирования, которые осуществляются автоматически, независимо от воли и со-

знания людей. В условиях экономики, основанной на частной собственности, функцию такого регулирования осуществляет рынок. Немалую роль в обществе, нередко весьма негативную, играют аффективные формы социального регулирования, охватывающие эмоциональные реакции людей на те или иные события, неожиданные для них, не соответствующие тому, что стало привычным. Какие-то явления могут вызвать в людях чувства страха или гнева, мотивирующие поведение, выходящее за пределы привычных норм. Аффективные реакции могут носить коллективный характер, побуждая к нерациональному поведению множество людей.

Причинами поведения, выходящего за границы принятых в обществе социокультурных норм, могут быть не только индивидуальные психологические реакции, но и внешние воздействия, оказываемые, например, средствами массовой информации. В наши дни массовая печать, радио и особенно телевидение нередко стремятся сделать привлекательными для читателей, слушателей и зрителей образцы поведения, выходящего за рамки всяких приличий. В этом проявляется извращение воспитательной и регулятивной функций, которые призваны выполнять СМИ и через их посредство художественная культура.

Противостоять таким негативным тенденциям может и должна система соционормативного регулирования. Эта система обладает инфраструктурой, обеспечивающей ее устойчивость и саморазвитие и выражающейся в методах социального регулирования – приемах использования социокультурных норм, соответствующих потребностям разных сфер общественной практики. В каждой из них функционирование этих норм проявляется через воздействие на две категории субъектов:

- общественные отношения;
- отдельные субъекты общественных отношений.

Инфраструктура соционормативного регулирования предполагает наличие механизма, включающего государственные органы, общественные организации, коллективы граждан, применяющие социокультурные нормы, различающиеся по формам своего воздействия.

Сознательная жизнь индивида проходит во взаимоотношениях с другими индивидами. Находясь в конкретной жизненной ситуации, каждый должен считаться с тем, как отреагируют другие на выбор им варианта собственного поведения, на его действия. Социокультурная норма позволяет выбрать такой вариант, который не противоречит интересам других индивидов.

Поэтому данный индивид принимает эту норму и ведет себя в соответствии с ней. Если же он ее не принимает, пренебрегая тем самым интересами других индивидов, общество отвечает на это разными санкциями – от наказания, преследования, предусмотренных нормами права, до воздействия на совесть индивида через общественное мнение, предусмотренное нормами морали.

Анализируя сложный и многогранный процесс взаимодействия правовых и неправовых норм культуры необходимо обратить внимание на следующее:

1) различные общественные отношения для сохранения и изменения требуют социально-нормативной поддержки различной силы;

2) в зависимости от объективных потребностей функционирования общества содержание правового воздействия на поведение людей в большей или меньшей мере выражает сущность нормативов внеправового характера;

3) система соционормативного регулирования нуждается в охране социальных установок демократического и гуманистического характера и постоянного совершенствования, вытеснения старых, регрессивных нормативов, не соответствующих требованиям развития общества.

Эффективность правотворческой и правоприменительной деятельности государства существенным образом зависит от того, насколько нормы права соответствуют внеправовым нормам, прежде всего моральным, поскольку они непосредственно отражают содержание общественного сознания, особенности национального характера, культуры народа. В связи с этим действующее право не может не считаться с действующими в обществе внеправовыми регуляторами. Нормативные документы уже в своих наименованиях могут содержать такие понятия, как мораль, совесть, обычай, традиция и т.д.

Воздействие социокультурных норм на поведение людей осуществляется через входящий в их инфраструктуру механизм соционормативного регулирования. Наличие в этом механизме тех или иных методов и способов регулирования зависит напрямую от уровня развития общества и от социальных отношений в этом обществе. Различные инструменты этого механизма используются в зависимости от вида нормы, признаков ее образования, области применения, согласованности с целями общественного образования, наличия специальных органов, созданных для ее соблюдения. Выбор тех или иных ме-

тодов и инструментов регулирования осуществляется с учетом особенностей сферы их применения – производственной, политической или иной, конкретного содержания процессов, подлежащих регулированию. И всегда за этой конкретикой главной остается цель – поддержание консолидации общества.

Социокультурная регуляция включает в себя проектирование процедуры исполнения действий, основанных на выражении субъектами собственной воли, на сознательном применении ими норм, выражающих требования общества. Это значит, что реализация социокультурных норм опосредуется не только общественным сознанием, но и индивидуальным сознанием членов общества. Процесс этого опосредования предполагает наличие у каждого индивида определенного уровня нравственной зрелости и правосознания. Достижение этого уровня происходит не автоматически, а в процессе воспитания.

Задача организовать мирное и справедливое сосуществование людей на земле сегодня возлагается на культуру, на освоение людьми содержащихся в ней позитивных нравственных ценностей и основанных на принципе справедливости требований права. Политическое воздействие на культуру оказывает государство. Как аппарат власти, оно всегда использовало и использует культуру как рычаг воздействия на психологию и поведение граждан. В зависимости от идеологии, выражающей интересы государства, оно формирует культурную политику. Эта политика направляет культурный процесс, поддерживая те тенденции, которые способствуют интеграции общества, повышению уровня его единства.

Для разработки и практического осуществления культурной политики методологически важно избегать чрезмерно широких трактовок культуры, отождествляющих ее с общественной жизнью, предпочитая трактовки, позволяющие понять ее как часть или сторону общественной практики, выполняющую по отношению к ней определенные организующие, регулирующие функции.

Соционормативное регулирование выступает как элемент механизма организации общества. Как всякая целостная система, общество стремится к самоорганизации и самосовершенствованию. Уровень развития общества существенным образом зависит от его устойчивости, уровня упорядоченности, т.е. урегулированности образующих его общественных отношений.

Регулировать (в социальной жизни) – значит определять поведение людей и их коллективов, давать ему направление

функционирования и развития, вводить определенные рамки, целенаправленно его упорядочивать [1].

Своеобразие регулирования заключается в простоте и недифференцированности целевой ориентации, а также в прикладном, необязательном характере стадии контроля над исполнением программы [2].

Социальные системы дают в большинстве случаев примеры сознательного формирования регуляторов. Любое общество с организационной точки зрения представляет собой специфическое соединение стихийных и сознательно выработанных регуляторов. Это свойство социальной организации определяется тем, что процесс выбора вариантов действия включен в сферу идеального целеполагания. Его осуществление является ценностным основанием регулятивной функции культуры, на котором базируется ее нормативная составляющая.

Человечество аккумулирует в процессе выполнения этой функции регулятивы и переводит их в арсенал социальной памяти, закрепляя их содержание средствами общественного сознания, и путем обучения, воспитания внедряет их в групповое и индивидуальное сознание в качестве ориентиров актуального поведения и фундамента для выработки новых регуляторов. Так обстоит дело с обычаями и традициями в этой сфере общественной практики. Активная роль сознания в его общественной, групповой и индивидуальной формах проявляется здесь вполне отчетливо.

Социальное регулирование обладает следующими признаками:

1. Оно выступает как взаимоотношение между субъектом и объектом регулирования. Все ступени регулятивного цикла связаны с сознанием. Для подкрепления действенности своих программ субъект регулирования использует авторитет социальных институтов, поддерживающих регулирование, например, государства.

2. Содержание социального регулирования определяется характером экономического строя общества и его культурой. В качестве объекта социального регулирования выступают общественные процессы любого типа, общественные связи и отношения между людьми, подлежащие переводу из одного состояния в другое.

3. Социальное регулирование проникает во все сферы жизнедеятельности общества. Функциональным назначением социального регулирования является изменение социальных процессов в направлении, требуемом субъектом.

Социальное регулирование – это функция культуры, сущность которой состоит в упорядочении социальных процессов особыми, выработанными в сознании субъектов регулирования программами, способными активно влиять на общественную практику. Эти программы определяют содержание социально-культурных норм.

Нормативность – это абсолютное свойство высшей формы материи – социальной жизни. Нормативность является объективной необходимостью, закономерностью развития социальной жизни. Складываются единообразные схемы развития, функционирования общественных отношений, определенные стандарты поведения. Происходит унификация социальной практики по различным системообразующим признакам. Общественный прогресс во многом определяется устойчивым характером, стабильностью связей и отношений, внедрением определенных эталонов в поведение людей, их повторяемостью и приданием им обязательного характера. Ни одно общество не смогло бы существовать без этих общеобязательных правил поведения людей [3].

Сущность нормативности как социального закона выражается в неизбежной унификации хаотичной совокупности волевых устремлений отдельных лиц по отдельным признакам, обусловленным объективными потребностями данной общности. Унификация в данном случае означает приведение чего-то к единообразию, к подчинению определенным стандартам. Это оказывается необходимой формой выражения содержания нормативности, которым являются объективные интересы и потребности членов общества, требующие нормативного обобщения. Если тот или иной ориентир взят на вооружение в качестве определенного образца поведения либо запрета, значит он признан обществом необходимым, социально полезным. Необходимость, являющаяся в качестве социальной нормы, это субъективно присвоенная необходимость, стало быть, изменившая форму своего бытия, ставшая необходимой «для нас» [4].

При анализе необходимости нормативности можно выделить две стороны проблемы. С одной стороны, это объективное требование социальной жизни, без чего не может существовать человеческий коллектив, поскольку нормативность вносит упорядоченность в отношения людей, с другой – люди в ходе общественной практики начинают осознавать социальную значимость и необходимость нормативности. Вы-

явление характерных признаков нормативности возможно в ходе многократного действия (повторения). Многообразный характер проявлений способствует более четкому их очерчиванию. Благодаря повторяемости тех или иных событий появляется возможность сделать вывод об общности характера достижения результатов разных вариантов общественных процессов.

Под социальной формой нормирования понимается, как правило, организация той или иной общности людей, сущность которой состоит в их объединении по различным основаниям для достижения различных целей с фиксацией его инфраструктуры. Социальная форма обеспечивает осуществление следующих основных функций в технологии нормирования:

а) создает организационный механизм нормирования, выступая своеобразной «машиной», нормирующей социальное пространство;

б) образует основной канал социализации человека в социальном пространстве;

в) фиксирует смену основного системообразующего принципа, а также изменение комбинации его взаимодействия с иными системообразующими принципами;

г) определяет методологию и методику нормирования социального пространства [5].

Нормативность как социальное явление служит универсальной организационной основой регулирования общественных отношений. Нормативность реальной жизни имеет определенные формы, в которых она объективируется в средствах социального регулирования и управления.

С. С. Алексеев дает следующее определение нормативного регулирования в структуре социального регулирования общественной жизни: «Нормативное регулирование – упорядочение поведения людей при помощи общих правил, т.е. известных моделей, образцов, эталонов поведения, которые распространяются на все случаи данного рода и которым должны подчиняться все лица, попавшие в нормативно регламентированную ситуацию» [6].

Нормативные регуляторы устанавливают конкретные, четкие рамки для поведения участников общественных отношений. Они неперсонифицированы; имеют четкую логическую структуру (например, право: если-то-иначе). Наличие четких санкций ведет к обязательности их исполнения. К нормативным регуляторам относится правовой, моральный, религиозный (каноническое право).

В совокупности нормативные регуляторы образуют целостную систему соционормативного регулирования, которая утверждает общественный порядок, стабилизирует процесс урегулирования общественных отношений.

Следует иметь в виду, что эта система не исчерпывает содержание социального регулирования в целом, она является подсистемой более сложной системы, включающей разные формы воздействия на поведение людей. В их числе немало место занимают аффективные формы, охватывающие эмоциональные реакции людей на события или явления, неожиданные для них, не соответствующие тому, что стало привычным. Человек может вдруг обнаружить, что его самооценка оказалась завышенной, что он не встречает должного уважения со стороны окружающих; это пробуждает в нем чувство обиды, влияющее на линию его поведения. Какие-то события могут вызвать в человеке чувства гнева или страха, мотивирующие поведение, выходящее за пределы привычных норм. Аффективные реакции могут носить и коллективный характер, побуждая к нерациональному поведению множество людей.

Причинами поведения, выходящего за границы принятых в обществе социально-культурных норм, могут быть не только индивидуальные психологические реакции, но и внешние воздействия, оказываемые, например, средствами массовой коммуникации. В наши дни массовая печать, радио и особенно телевидение стремятся сделать привлекательными для читателей, слушателей и зрителей немало образцов поведения, выходящего за рамки принятых норм. В этом выражается потеря воспитательной и регулятивной функций, которые призваны выполнять СМИ и через их посредство – художественная культура. Как известно, в системе социокультурных регуляторов уже в древности важную роль играла пропаганда позитивного поведения средствами искусства, создававшего образы положительных героев.

В печати к ненормативным социальным регуляторам нередко относят ценностный, директивный и информационный, а также такой своеобразный регулятор как социальный институт предсказаний [7]. Нам кажется, что противопоставление нормативному регулятору ценностного и информационного недостаточно оправдано, ибо нормы опираются на ценности и утверждаются в обществе с помощью информационных инструментов культуры. Поэтому ценности и информацию правильнее рассматривать не как автономные регуляторы,

существующие наряду с нормативным, а как факторы, обеспечивающие действие нормативного.

Они играют такую же роль и в процессах действия директивных регуляторов, которые действительно отличаются от нормативных, так как предполагают наличие конкретного субъекта, отдающего распоряжения конкретным адресатам.

Директивные регуляторы отличаются от нормативных тем, что ставят в более узкие и жесткие рамки поведение индивидов. Между тем, упорядочивание отношений в социуме – это всегда поиск социального компромисса между его структурными элементами, причем с развитием общества возрастает необходимость обеспечения максимальной свободы волевых действий каждого индивидуума, установления автономии личности. Нормативное регулирование отвечает этому благодаря тому, что оно включает разные по степени жесткости регуляторы. В системе, которая их охватывает, особенно важной является проблема оптимального соотношения норм права с другими социокультурными нормами (моральными, религиозными и др.), значения последних для возникновения правовых предписаний, правоприменительной деятельности.

Функционирование каждого норматива в процессе социального регулирования находится в прямой зависимости от его видовой принадлежности, включающей в себя институциональные или неинституциональные характеристики, а также от сферы общественной практики, в которой применяется данный норматив.

В каждой из этих сфер объектом воздействия социальных регуляторов является выбранная индивидуумом модель поведения и его мотивы. Мораль воздействует на внутренние мотивы выбора человеком линии поведения, право же в силу своей императивности устанавливает верхние и нижние границы в поведении субъекта, основанные на правовом предписании. Но сам результат – урегулированность общественных отношений – достигается только при совокупном использовании разных видов социокультурных регуляторов. Оказавшись в той или иной конкретной ситуации, индивид осознает необходимость выбора одного из вариантов поведения. Этот процесс связан с осмыслением и оценкой характера конкретных обстоятельств и уровнем подготовленности к восприятию нормативных требований.

По мере развития общества совершенствуется система социальных норм (от мононорм первобытного общества до современных норм), а вследствие этого корректируется механизм

социального регулирования, который, опираясь на социально-культурные нормы, определяет инфраструктуру социального регулирования. Эта инфраструктура предстает, главным образом, в виде организационного «базиса» или «скелета», особого построения устойчивых нормативно-организационных форм, от которых непосредственно зависит и развитие, и само функционирование социального регулирования [8].

Надо отметить, что инфраструктура социального регулирования – это не мифическая модель, созданная из идеальных компонентов того или иного общества, а развивающаяся система, которая способна четко реагировать на изменения социальной жизни и реально отображать особенности конкретного исторического периода.

Использованная литература:

1. *Алексеев С. С.* Теория права. Харьков, 1994. С. 30.
2. *Беллман Р.* Теория регулирования // Математика в современном мире. М., 1967. С. 170–179.
3. *Пеньков Е. М.* Социальные нормы – регуляторы поведения личности: некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972. С. 40.
4. *Плахов В. Д.* Социальные нормы. Философские основания общей теории. М., 1985. С. 76.
5. *Бутаков А. В.* Метод нормативного структурализма в теории государства: дис. ... докт. юрид. наук. СПб, 1997.
6. *Алексеев С. С.* Теория права. Харьков, 1994. С. 33.
7. *Венгеров А. Б.* Теория права. Т.1. М., 1996. С. 84.
8. *Алексеев С. С.* Теория права... С. 32.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье рассматриваются социокультурные аспекты современного общества, связанные формированием глобального информационного пространства и формулируется ряд требований к современному образованию, которые позволят обеспечить его одухотворенность и нравственную направленность. Автор предлагает пути реформирования образования в свете гибкого реагирования на происходящие в обществе и мире социокультурные изменения.

In the article discusses social and cultural aspects of the modern society of the formation of a global information space, and formulated a series of requirements to modern education that will ensure his spirituality and moral orientation. The author suggests ways to reform education in the light of flexible response to developments in society and in the world of socio-cultural changes.

Ключевые слова: образование, культурное пространство, информационное пространство, учебно-педагогический процесс, духовно-нравственная личность, экологическая культура, просвещение, духовная революция.

Keywords: education, cultural space, information space, teaching and educational process, spiritual and moral identity, ecological culture, education, spiritual revolution.

О значимости образования очень хорошо сказал однажды древнегреческий писатель Плутарх: «Образование – единственное, что божественно и бессмертно в нас; и две вещи – лучшие в человеческой природе: разум и речь» [1]. Божественность образования проявляется, прежде всего, в том, что именно оно является главным фактором превращения человека из биологического существа в Человека с большой буквы, т.е. в духовное существо, нравственное совершенство. Это одна из важнейших задач образования, приобретающая сегодня особую актуальность в свете происходящих социокультурных изменений.

Современный человек живет в сложной исторической ситуации. Ее сложность обусловлена, с одной стороны, начавшими

* ЮРИКОВА Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социологии Орловского государственного института искусств и культуры, г. Орел, Россия (e-mail: galina_ogiik@mail.ru).

YURIKOVA Svetlana A. – Ph.D. Candidate (Philosophy) Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology of the Orel State Institute of Arts and Culture, Orel, Russia (e-mail: galina_ogiik@mail.ru).

ся в мире процессами глобализации, приводящими к упразднению привычных структурных форм организации общественной жизни, формированием информационной цивилизации, а с другой стороны, переходным состоянием нашего общества, сопровождающимся распадом прежней системы ценностей, норм, регулирующих социальное взаимодействие, окончательным разрушением прежнего единого экономического и культурного пространства, столкновением национальных интересов, массовыми миграциями, ростом социальной подвижности и т.д.

Система образования должна гибко реагировать на происходящие в обществе и мире социокультурные изменения. Содержание образования должно быть адекватным сложившейся исторической ситуации и направлено на решение, прежде всего, главных задач, стоящих перед обществом и, в конечном счете, способствовать поддержанию жизнеспособности социальной системы. Нам представляется, что реформирование образования не совсем отвечает современным реалиям. На наш взгляд, между произошедшими в сфере образования изменениями, с одной стороны, и диктуемыми самой жизнью требованиями к нему, с другой, обнаруживаются, мягко говоря, несоответствия.

Каждая новая историческая ситуация предъявляет свои требования к личности, ставит новые задачи, требующие новых подходов к ним. Можно сказать, что новые задачи требуют в каком-то смысле для своего решения и нового человека. В решении этой сложнейшей задачи – формирования нового человека, высококвалифицированного специалиста с высоким уровнем духовной культуры, адекватного происходящим в мире и обществе изменениям, и способного качественно выполнять возложенные на него обязанности, традиционно ключевую роль должна играть система образования. Развитие научно-технической и информационной революции привели к тому, что темпы смены новых поколений техники стали опережать темпы смены поколений работников. Перед современным человеком встала неизвестная в прежние времена с их размеренной жизнью проблема – научиться жить в условиях быстроменяющихся социальных систем. Многие современные ученые отмечают ощущающуюся повсеместно растерянность современного человечества, вызванную разрушительными процессами в природном и социальном мире, ощущение, следуя Ж. Бодрийару, смертельно больного общества, зыбкости, хрупкости человеческого существования, о котором говорили в первой половине XX века экзистенциалисты. И главной причиной этой растерянности справедливо считают

непонимание до конца происходящего, недостаток знаний. Сложилась ситуация, когда скорость происходящих изменений начала опережать скорость научной мысли. Это является, по мнению доктора философских наук, профессора С. Г. Спасибенко, началом социально-экологического коллапса человечества, его самоуничтожения. Перед системой образования сложившаяся ситуация ставит задачу постоянного повышения квалификации и непрерывного образования.

Формирующееся глобальное информационное пространство, переход к рыночной системе хозяйствования в нашей стране высветил ряд других важных проблем. Главной, доминирующей ценностью информационного общества является информация. В современной литературе часто отождествляются понятия «новая экономика» и «экономика знаний». Поэтому сегодня справедливо подчеркивается: «Кто владеет информацией, тот владеет всем». Но обрушивающийся на современную личность огромный поток информации породил проблему управления знаниями. Появилась также проблема информационной безопасности личности, так как значительно расширились возможности дезинформации, манипулирования сознанием, целенаправленного информационного воздействия на психику человека. Поэтому, закончив высшее учебное заведение, человек должен иметь твердые, прочные знания, достаточно высокую мировоззренческую культуру, благодаря которым он «не растворится» в океане информации и умело будет пользоваться ею.

Совершенствование, реформирование системы образования не должно означать, как нам представляется, его радикальной перестройки. Здесь как нигде, пожалуй, важно следовать сложившимся национальным традициям. Как отмечают ученые, в нашей стране была предпринята попытка провести рыночные реформы не только в экономике, но положить их в основу всего народного бытия. Реформированию подверглась и система образования. Но, как известно, сфера образования, наряду с энергетикой, транспортом, является стратегической сферой, напрямую связанной с национальными интересами и безопасностью государства. Результаты реформирования не заставили себя ждать, и мы их все больше и больше ощущаем. Уже в середине 90-х годов социологи констатировали уменьшение продолжительности жизни, рост преступности, падение общего уровня культуры и морали, снижение уровня патриотизма, падение среднего уровня знаний, слабый уровень гуманитарной подготовки, уменьшение интереса к получению систематического образования.

Учитывая все выше сказанное, нам представляется, что переход на систему – «бакалавриат – магистратура», означающий и смену образовательных парадигм (с «образования – обучения» на «образование – становление») вряд ли является адекватным сложившейся ситуации.

По оценкам специалистов в настоящее время объем знаний, накопленных человечеством, удваивается каждые пять лет, а в 2020 году будет удваиваться каждые 10 недель. Это ближайшее будущее требует не просто образованных, а высокообразованнейших специалистов с глубокими знаниями, высоким уровнем абстрактного логического мышления, способностью к анализу и обобщению. Решение этой задачи в условиях ограниченного количества аудиторных занятий представляется мало возможным. Высокий уровень анализа и обобщения может быть под силу только специалисту в каждой отдельной отрасли знания, который и может ориентировать в большом объеме информации, дать обучающемуся глубокие знания.

Представляется проблематичным также, что процесс образования, предполагающий самостоятельное изучение до пятидесяти процентов материала, в современных условиях приведет, как предполагается, к самосозиданию, самоформированию личности, повышению ее духовности.

В условиях нарастающей бездуховности система образования, в которой должна быть сильной гуманитарная составляющая, должна играть исключительно важную роль. Только благодаря ей можно иметь результатом не только специалиста, но и личность. И второе, как нам кажется, всегда, а в сложившихся условиях особенно, является наиболее важным. Но, как известно, вместе со старыми стандартами уходит в прошлое и ряд дисциплин, связанных с изучением русской и зарубежной культуры, литературы и т.д. Но ведь трудно переоценить значение этих дисциплин для формирования духовного мира, мировоззрения молодого человека. И это все в условиях крайне низкой нравственной культуры в обществе, о которой недавно говорил и президент после трагической смерти пятерых воспитанников детского дома вместе с их сопровождающими. Но, как верно подчеркивал А. Швейцер, культура – это прежде всего этика. Культура начинается с запретов. Это все в условиях отсутствия у многих эстетической культуры, низкой политической культуры, в условиях отсутствия часто религиозной культуры, что является причиной безобразного поведения, вовлечения молодежи в различные секты и т.д.

Предоставленную возможность – «доваять» учебный план по каждой специальности по своему усмотрению, на выпускающих кафедрах используют максимально в своих интересах. Здесь уместно вспомнить известного русского мыслителя И. Ильина, который говорил: «Надо раз и навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолюдин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей, что формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [2].

Существует множество определений личности, но разделяемым многими является понимание личности как совокупности социально-значимых черт. Личность предполагает поэтому не только достаточно высокий уровень профессиональной культуры, но и духовной культуры, отражение его в поступках и действиях, осознании ответственности за все, что она делает. Здесь уместно вспомнить М. Бахтина, который характеризовал личность как субъекта поступания. Таким образом, формируя личность, мы одновременно формируем и специалиста. А вот обратное вряд ли возможно. Система образования с бедной гуманитарной составляющей, необходимой для формирования мировоззрения студентов, их духовной культуры способна сформировать только специалиста, да и, возможно, сомнительного качества при значительном сокращении аудиторных занятий. В лучшем случае это может быть неплохо знающий свое дело специалист, но при этом прагматичный делец, далекий от нравственного совершенства.

Система образования всегда была универсальным каналом трансляции культурных ценностей, что и создавало основу для дальнейшего развития общества и творческого роста личности, для ее самосозидания, самоопределения, для нахождения своего места в обществе.

Таким образом, она должна способствовать формированию в современных условиях и высоконравственной личности, и высокообразованного, высококвалифицированного специалиста. И если раньше, в предшествующих цивилизациях, главным в работнике был профессионализм, то сегодня, в условиях современной техногенной цивилизации, необходим специалист с высокой нравственной культурой. Созданная сложная техника, порой превышающая контролирующие возможности человека, сложные технологии требуют человека с развитым чувством долга, ответственности, понимания значимости для общества

своих действий, поступков, решений. Халатное отношение к своим обязанностям приводит, как мы знаем на многочисленных примерах, к тяжелым последствиям, трагедиям, уносящим жизни людей.

Формирование нравственной культуры – сложный, постепенный процесс, который должен быть направляемым и контролируемым. В условиях доступности любой информации необходима личность с высокой мировоззренческой культурой, становление которой невозможно без глубокого изучения духовной культуры прошлого. Эта проблема приобретает особую актуальность в современных условиях переходного периода, сопровождающегося процессами переоценки ценностей. Для современной молодой личности в этих условиях в большинстве случаев характерен мировоззренческий хаос, чувство потерянности.

Но самый печальный итог попытки быстрого преобразования общественной жизни – утрата современной личностью гармонии бытия. Это проявляется в нарушении качества жизни, потере смысла существования, духовных и эмоциональных страданиях, нервных расстройствах, чувстве одиночества, тревоги, неудовлетворенности, депрессиях, доводящих порою до самоубийства. Произошедшие изменения в области знания, идеологии, морали, в организации социально-экономической жизни вызывают у современной личности перегрузку индивидуальной системы значений. Переоценка ценностей – трудный для личности процесс, вызывающий чувство дезориентации и внутренней дестабилизации. Все это является часто причиной того, что в поисках внутренней гармонии человек попадает в сети различных сект, магов, колдунов и т.д. Здесь уместно вспомнить справедливое мнение нашего великого писателя А. И. Солженицына о том, что в современных условиях национальной идеей должно стать сбережение народа.

Современные реалии показывают, что образование и жизнь стали осуществляться в разных плоскостях. С одной стороны, есть тенденция развития образовательных и воспитательных систем, в основе которых – модели высокой культуры. А с другой стороны, наблюдается декультурация среды образцами массовой культуры. Но необходимо постоянно помнить, что человек – это открытая система, что снятие культурных одежд и одичание могут произойти уже за одно поколение. Адекватно отражая сложные, противоречивые отношения и процессы, протекающие в обществе, именно образование может стать спасительной для него в условиях системного кризиса ариадновой нитью.

Суть, цель образования, подчеркнем еще раз – формирование не только профессионального работника, но прежде всего личности, родителя, гражданина. Именно образование должно помочь человеку стать Человеком, найти свое место в меняющемся мире, обрести гармонию бытия. Это очень важно в современных условиях дефицита человечности, холодного, порою преступного, равнодушия к чужой судьбе, беде, в условиях господства расчетливого прагматизма и эгоизма.

В сложившихся условиях стала очевидной связь между качественным образованием и перспективой выживания человечества, построения здорового гражданского общества, эффективной экономики и безопасного государства.

Исходя из существующих реалий, современные ученые формулируют ряд требований к современному образованию, которые позволят обеспечить его одухотворенность и нравственную направленность.

Первым и важнейшим требованием считают отражение в образовании созидательной, действенной системы взаимодействия человека с природой. В условиях существующего экологического кризиса как никогда важно формирование экологического сознания, воспитание экологической культуры, результатом которой стало бы не варварское, потребительское отношение к природе, обусловленное эгоистическими интересами, а бережное, гуманное отношение к ней. Современные и будущие поколения должны осознавать, что люди связаны с природой биологически, физиологически, психологически, экономически, что от состояния природной среды, без преувеличения, зависит не только здоровье, но и жизнь человека. Сегодня, предлагают ученые, необходимо создать синтетическую науку – «глобальную экологию», чтобы люди осуществляли все виды деятельности на ее основе. Экологическую культуру необходимо рассматривать как осознание социально-нравственной обусловленности взаимоотношений людей между собой и природой.

Другим требованием является необходимость в целостном педагогическом процессе, чтобы, используя возможности всех учебных предметов, обеспечить пробуждение, становление и формирование высших духовных чувств и потребностей – познавательных, нравственных, эстетических. Сегодня поэтому все чаще говорят о необходимости одухотворенного образования, о том, что образование – это воспитание и обучение. Хорошо по этому поводу говорил, уже упоминавшийся русский философ, И. Ильин. Образование без воспитания, подчеркнул он, есть дело ложное и

опасное, так как создает людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, напористых и беззастенчивых карьеристов. Обучение развивает познавательные способности человека, расширяет кругозор, знакомит с богатством мировой и отечественной культуры, помогает построить целостную картину мира. Благодаря воспитанию формируется ценностное отношение человека к миру, к себе, к окружающим людям, к Богу, понимание того, что высшими ценностями должны быть Истина, Добро, Красота, Вера, Надежда, Любовь. В условиях же современной цивилизации все больше начинают доминировать такие ценности, как свобода, понимаемая часто как возможность полного, абсолютного самовыражения, личное благополучие, деньги, власть.

Система образования была и должна оставаться универсальным каналом трансляции культурных ценностей. Эстетическое и, неразрывно с ним связанное, нравственное воспитание должны начинаться с раннего детства и получать свое логическое продолжение в стенах высшего учебного заведения. Но проводимая реформа в сфере образования, подчеркнем еще раз, пока мало вселяет надежду на возможность формирования необходимой эстетической и нравственной культуры у современной личности.

Ситуации переходного периода создают возможность обогащения, вопреки принципу социальной справедливости, одних и обнищания других. Карьеризм, возможность легкой наживы, быстрого обогащения становятся очень привлекательными, особенно для молодого поколения. Система образования должна способствовать утверждению высших идеальных ценностей в сознании современного человека. Поэтому одна из главных задач образования – пропаганда идеальной системы ценностей, которая бы способствовала совершенствованию и самосовершенствованию человеческой личности. Здесь уместно вспомнить Ф. М. Достоевского, который подчеркивал, что под просвещением он понимает то, что уже буквально выражается в самом слове «просвещение», т.е. свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу в жизни.

Другой важнейшей его задачей является формирование необходимых обществу в данный момент не только высококвалифицированных, но и высоконравственных работников, специалистов, о чем мы уже сказали ранее.

Следующая важнейшая задача, стоящая перед системой образования, – воспитать в человеке уважение к высокой культуре, формировать человека культуры, что, в свою очередь, будет спо-

способствовать возрождению национальной культуры. Как подчеркивал наш великий русский мыслитель Н. Бердяев, благородство всякой культуры определяется тем, что «культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами» [3].

Необходимо понимать, что без решения этой задачи невозможно появление потребности у современного человека, подверженного влиянию массовой псевдокультуры, в национальном самопознании, невозможно формирование национального самосознания. В решении этой, пожалуй, сверхважной в сложившихся условиях задачи может сыграть важную роль союз образовательных учреждений с хранилищами истории и культуры предков – музеями. Нам представляется, что для пробуждения интереса к культуре своих предков и возможности продолжения ее жизни необходимо не только установление тесных связей между образовательными учреждениями и музеями, но создание по типу научно-производственных комплексов научно-образовательных центров, в структуру которых в качестве обязательного элемента включались бы музеи. Соответственно знакомство, изучение их экспонатов, информации, хранящейся в них, должно рассматриваться не как возможное дополнение к учебному процессу, а должно быть вплетено в саму «ткань» учебного процесса. Создание таких центров позволило бы решить и другие важные задачи: сделать полноценной жизнь малопосещаемых, особенно на периферии, музеев, разнообразить учебный процесс, сделать его более глубоким, ярким и запоминающимся.

Здесь уместно вспомнить выдающегося немецкого мыслителя М. Хайдеггера, который видел главной причиной ощущения чуждости мира, бесприютного существования в нем современного человека выход за пределы родного крова, уход от своих истоков. Первоистоки, «первопозиции», благодаря которым бытие в себе и для себя открывало, являло себя человеку – в древности. У современного же человека бытие находится в забвении. М. Хайдеггер предлагает включиться в процесс возврата к самим вещам. Современная наука, считает он, делает вещь, вещественность чем-то ничтожным, так что вещественность вещи остается потаенной, забытой. Существо вещи никогда не дает о себе знать, т.е. не берет слова. Представить вещественность вещи способно, в отличие от науки и философии, к примеру, искусство, которое не затемняет вещественность вещи, а дает возможность им «взять слово». Так, крестьянские башмаки на известной картине Ван Гога убедительнее и глубже рассказывают о жизни крестьянина и его труде, чем множество ученых слов. Но и сами вещи

способны говорить через слова. Например, в докладе «Вещь» Хайдеггер, рассматривая с этой точки зрения чашу, предлагает задуматься над тем, что же такое чашечность чаши? Что можно сказать о чаше? Чаша – прежде всего сосуд. Но не только. Ее подносят людям. И здесь, «говоря» о себе, чаша говорит об общении людей. Подносимое в чаше – питье для смертных. Оно утоляет жажду. Оно веселит их досуг, взбадривает, по его словам, их общительность. Чаша может быть и жертвенной, знаменуя тем самым «присутствие» земли и неба, божеств и смертных.

Для современного человека, по мнению этого великого мыслителя, с его забвением бытия то, что раньше было осязаемой, знакомой, близкой вещью в ее вещественности, теперь превратилось в непостижимую «вещь в себе». Человеку нужно вернуться в «мировость мира», к вещам в их вещественности, к «ладным вещам». Цивилизация принесла человеку много полезных вещей, но не меньше и «равнодушных» предметов, а подчас и опасных для него. Помочь в этом современному человеку могут и музеи.

Поэтому формирование человека культуры сегодня, по нашему мнению, следует осуществлять силами не только образовательных учреждений. Оно может произойти в результате тесного контакта образовательных учреждений с музеями – хранителями национальной, классической культуры, дающими возможность современному человеку вернуться в «мировость мира», к своей традиционной культуре и системе ценностей. Хорошо по этому поводу сказал А. Моруа: «Вы можете поступить на государственную службу, посвятить себя научным изысканиям или практической деятельности, чем бы вы ни решили заняться, необходима культурная база. Это одна из первых ступеней пирамиды» [4].

Сегодня необходимо ясно осознавать, что именно формирование человека культуры в условиях глобализирующегося мира – залог предотвращения хаоса, столкновения цивилизаций, возможности формирования и существования в будущем интегрального социокультурного строя по П. Сорокину, или гуманного постиндустриального общества по А. Печчеи. Только в этом случае станет возможной, прогнозируемая современными учеными, как наиболее приемлемый выход, глокализация – процесс, соединяющий в себе одновременно начавшуюся глобализацию и локализацию как механизм защиты национального своеобразия культур, который позволит, при уважительном отношении к иным культурам, не допустить доминирования в своем обществе чуждых ему ценностей.

Таким образом, современные реалии требуют, чтобы результатом учебно-педагогического процесса была прежде всего духовно-нравственная личность. Поэтому еще одним требованием, предъявляемым к образованию и вызывающим много споров, является необходимость сближения светского и православного образования для того, чтобы объединить усилия светской и религиозной педагогики в решении задач духовно-нравственного воспитания и образования.

Трудно не согласиться с мнением, согласно которому в сложившихся условиях современное человечество действительно может спасти только «духовная революция», необходимость которой обосновывает и Его Святейшество Далай-лама XIV [5]. Призыв к духовной революции не означает призыва к религиозной революции. Духовная революция должна заключаться в преобразовании сердца и ума посредством «вращения» таких духовных качеств, как любовь, доброта, сострадание, терпение, терпимость и т.д. Человечество, которое оказалось на грани катастрофы, в целом, и любое общество могут спастись, подчеркнул Его Святейшество только в том случае, если они станут этичными и мирными. Важнейшую роль в решении этой задачи должно играть образование, начиная со школьной скамьи.

Использованная литература:

1. *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М., 1999. С. 344.
2. *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: статьи 1948-1954 гг. Т. 2. М., 1992. С. 300.
3. *Бердяев Н. А.* О культуре // Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 196.
4. *Моруа А.* Семейный круг. М., 1989. С. 527.
5. Его Святейшество Далай-лама. Этика в новом тысячелетии. М., 2004.

БРЕНД ВУЗА КАК ЕГО НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС И КЛЮЧЕВОЙ ИДЕНТИФИКАТОР

В статье рассматривается бренд высшего учебного заведения, выделены четыре типа брендов в сфере образования. Автор рассматривает бренд вуза как нематериальный ресурс университета и его ключевой идентификатор, как фирменный стиль в единстве с уникальностью и качеством предоставляемых услуг.

In the article the brand of higher education, identified four types of brands in the field of education. The author examines the brand of the university as an intangible resource of the university and its key identifier as the corporate identity in unity with the uniqueness and quality of services provided.

Ключевые слова: бренд, университет, рейтинг, рынок образовательных услуг, репутация, фирменный стиль.

Keywords: delirium, university ranking, education market, reputation, corporate identity.

С каждым годом вузы России в большей степени испытывают на себе влияние рыночных отношений, усиливается конкуренция, уплотняется рынок образовательных услуг, меняется образовательная политика, частично законодательство страны, спрос на различных специалистов, вступают в силу новые образовательные стандарты. Эти обстоятельства макроэкономического характера ставят перед российскими вузами новые задачи микроэкономического свойства. Задачи микроуровня – это задачи конкретного вуза в конкретных предлагаемых обстоятельствах. Высшие учебные заведения, существующие в условиях рыночной экономики, не могут быть свободны от правил, по которым она функционирует. И как это не покажется парадоксальной частью своих проблем и задач образовательные

* ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна – доктор философских наук, декан факультета «Предпринимательства в культуре», заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, профессор кафедры культурологии ИППК Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

HANGELDIEVA Irina G. – Ph.D. (Theory and History of Culture), Dean of the Faculty «Entrepreneurship in Culture», Head of the Department of Applied Cultural and Social and Cultural Management of the International University in Moscow, Professor, Department of Cultural Research Training Institute of the Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

структуры должны решать с помощью бизнес-технологий, в частности, связанных с коммуникациями, расширением собственного информационного поля, с опорой на те, приемы и способы, которые апробированы бизнесом.

Высшие учебные заведения различного уровня и направленности, за редким исключением, остаются в плену прошлых оргструктур, в которых, как правило, не предусмотрены такие подразделения, как отделы развития, маркетинга, рекламы и связей с общественностью. Очень редко вузы проводят собственные исследования рынка образовательных услуг, выявляя своих реальных и потенциальных конкурентов, разрабатывают свои торговые предложения в виде линейки образовательных услуг с акцентом на уникальность их предложения, стратегии развития, исходя из собственных резервов и запросов рынка труда. К сожалению, мода в данном вопросе бывает выше профессионального подхода и здравого смысла.

Руководство вузов не задумывается о значимости, например, фирменного стиля как важного идентификатора в информационном поле, образовательном пространстве и общественном мнении страны. Хотя в последнее время важным прорывом в этой области стали сайты вузов, которые практически созданы всеми учебными заведениями. Однако качество данных сайтов даже у самых именитых университетов не всегда отвечают существующим базисным требованиям, а тем более бизнес-критериям.

В сфере классического бизнеса давно признано, что одним из важнейших нематериальных ресурсов является бренд компании, который часто добавляет существенный объем ее цены на рынке. Известно, что компания «Apple» стал самым дорогим брендом в мире, положив конец четырехлетнему доминированию «Google», как это следует из данных исследования BrandZ-2011. Развивающиеся страны представлены 19 брендами в списке 100 самых дорогих брендов мира согласно выводам исследования Brandz, выполненного в 2011 году компанией Millward Brown Optimor, входящей в WPP.

Ниже представлена интересная таблица [1], в которой собраны самые капитализированные мировые бренды 2011 года:

Рейтинг	Бренд	Капитализация, млрд. долларов	Динамика капитализации с 2010 года
1.	<i>Apple</i>	153,285	+84%
2.	<i>Google</i>	111,498	-2%

Рейтинг	Бренд	Капитализация, млрд. долларов	Динамика капитализации с 2010 года
3.	<i>IBM</i>	<i>100,849</i>	<i>+17%</i>
4.	<i>McDonald's</i>	<i>81,016</i>	<i>+23%</i>
5.	<i>Microsoft</i>	<i>78,243</i>	<i>+2%</i>
6.	<i>Coca-Cola*</i>	<i>73,752</i>	<i>+8%</i>
7.	<i>at&t</i>	<i>69,916</i>	-
8.	<i>Marlboro</i>	<i>67,522</i>	<i>+18%</i>
9.	<i>China Mobile</i>	<i>57,326</i>	<i>+9%</i>
10.	<i>GE</i>	<i>50,318</i>	<i>+12%</i>

* Стоимость бренда *Coca-Cola* включает в себя также стоимость брендов *Lites, Diets* и *Zero*.

Эйлин Кэмпбелл (Eileen Campbell), главный исполнительный директор исследовательской компании Millward Brown, отмечает, что «наш рейтинг стоимости брендов – это четкий показатель способности организации создавать реальную и долгосрочную рыночную стоимость для акционеров» [2].

Компания Apple показала фантастические результаты динамики капитализации своего бренда за 2011, который составил 84 %. Эта компания тщательно выстраивает свой бренд и постоянно вводит инновации для дальнейшего развития и поддержания имиджа и репутации. Всемирно-известный бренд демонстрирует пример глобального успеха, на котором другие бренды могут учиться.

Все компании, которые занимают лидирующие позиции в бизнесе сегодня, не могут обойтись без особого внимания к поддержанию своих брендов. Западные вузы это хорошо осознают и занимаются данной проблемой очень серьезно. Частично их рейтинговые успехи и особый спрос на мировом рынке образовательных услуг связаны не только с предоставлением качественных образовательных программ, но и развитием и поддержанием брендов. Сегодня в международном образовательном пространстве особое значение приобрел бренд-менеджмент. Это критически важная компетенция, которая необходима лидерам бизнеса и соответственно лидерам образования в разных странах мира. Бренд-менеджмент позволяет выстраивать адекват-

ные стратегии долгосрочного развития и повышать стоимость компаний. «В среднем, общий рост капитализации мировых компаний в 2010 году составил 13%. При этом наиболее успешные бренды повышали свою стоимость на 30% быстрее» [3].

Как известно, первые международные рейтинги университетов появились не так давно, всего около девяти лет назад, в 2003 году. К ним был проявлен большой интерес различных субъектов образовательной политики разных стран: вузов, правительств и общественности. Рейтинг вузов включает наряду с другими критериями оценки и критерий оценки бренда. Господин А. Торкунов ректор МГИМО, справедливо отмечает, что «за рубежом приоритет в формировании бренда университета принадлежит магистратуре, аспирантуре и научной работе преподавателей. В российских вузах магистратура еще только формируется, а аспирантура мало напоминает аналогичные программы в ведущих вузах мира» [4]. Поэтому имя университета держится на подготовке студентов первого уровня и отчасти на прошлой традиции и заслугах. Хотя сегодня российские вузы-лидеры, значительно обеспокоенные утратой своих прежних позиций в дорејтинговый период существования, предпринимают ряд попыток расширить свое присутствие, в частности, в рейтинге мирового цитирования, но вопросам брендинга как технологии, расширяющей информационное поле вуза с опорой на реальное качество образовательных услуг и уникальность предложения, уделяют все-таки недостаточное внимание.

Бренд университета напрямую связан с его репутацией. С 2011 года к рейтингу репутации мировых вузов по версии газеты «Times», вернее его известного приложения «Times Higher Education» была добавлена позиция, связанная с опросом профессорского состава, и выведенная в отдельную публикацию. Репутационный рейтинг составляется на основе опросов представителей профессионального сообщества. В этом году опрошено было 17 тысяч 554 ученых – на 31% больше, чем в прошлом году.

Ниже приведен фрагмент данного репутационного рейтинга из топ-10 вузов мира [5]:

Reputation Rank	Institution	Country	Region Reputation
1.	Harvard University	United States	100.0

Reputation Rank	Institution	Country	Region Reputation
2.	Massachusetts Institute of Technology	United States	87.2
3.	University of Cambridge	United Kingdom	80.7
4.	Stanford University	United States	72.1
5.	University of California Berkeley	United States	71.6
6.	University of Oxford	United Kingdom	71.2
7.	Princeton University	United States	37.9
8.	University of Tokyo	Japan	35.6
9.	University of California Los Angeles	United States	33.8
10.	Yale University	United States	32.4

Из аналитики представленного рейтинга очевидно, что устойчивость позиций ведущих образовательных брендов мира, пока остается в пользу американских и британских университетов. Однако необходимо отметить, что дает о себе знать относительно новая тенденция, связанная с усилением позиций восточных университетов. Другими словами, Восток предпринимает попытку наступать на позиции и владения Западных университетов. В репутационном рейтинге из восточного региона заняли свои места не только японские университеты, но и университеты КНР. Японию кроме токийского университета представляет киотский университетом (20 место), Китай – университет Цинхуа (30 место) и Пекинский (38 место). Этот же регион представляет университет Гонконга (39 место).

По свидетельству создателей рейтинга, который составлен на основе ответов представителей профессорско-преподавательского состава различных университетов мира, статистика результатов опроса такова: «44% ответов пришло от ученых из американских университетов, и 44 университета США вошли в топ-100 рейтинга, 28% ответов были получены из вузов Евро-

пы, и 25% – из вузов Азии и Ближнего Востока» [6].

Общеизвестно, что существует несколько вариантов рейтингования вузов, разными организациями. Рейтинги эти несколько разнятся по своим результатам, но не впервой полсотни, и в наборе критериев, по которым они составляются.

Критериями отбора в получении определенных позиций в рейтинге кроме статусного имени-бренда, которое завоевывалось подчас не только 10-летиями, а иногда столетиями, является определенная совокупность. Сегодня к ним относятся наличие известных научных школ и направлений, количество нобелевских и прочих лауреатов известных мировых премии, индекс научного цитирования, количество научных статей, опубликованных в общепризнанных мировых журналах, подобных «Nature» и «Science» и т.д. и т.п.

Несмотря на это сегодня многие считают, что мировые рейтинги не объективны, что они не учитывают особенности отдельных культуры и традиций. Это касается не только России, хотя по итогам мирового рейтингования она с каждым годом теряет свои позиции. Если ранее два национальных университета входили в топ-100, то в настоящее время эти позиции, к сожалению, утрачены. Подобным положением дел, безусловно, представители российского университетского сообщества весьма озабочены.

Недавно в России принято решения создавать свой мировой рейтинг, который не должен быть построен на известных критериях. Многие считают, что в России должен быть принципиально иной рейтинг. Некоторые эксперты высказывают точку зрения, согласно которой в критериях нового мирового рейтинга необходимо учитывать «специфику каждой из культур. Мы же слышали сейчас, что в Германии Гамбург после Лейпцига отказался участвовать в рейтингах. Это проблема для многих европейских стран, то, что рейтинги, которые осуществляются сейчас, не подходят для многих культур, для многих стран, они объективную картину не показывают. Это результат глобализации! При всем том, что известные вузы мы без всяких рейтингов знаем» [7]. Конечно, в мировой практике рейтинги имеют немаловажное значение в определении стоимости бренда и его значимости в глазах общественного мнения. Но, кроме мировых рейтингов, существуют и национальные. В них то сегодня и проявляется значимость вуза в зеркале общественного мнения. Но как бы известен вуз ни был, ему все равно необходимо заниматься своим продвижением и заботиться о том, чтобы его

торговая марка или знак мог претендовать при определенных условиях на статус бренда, а если он уже таковым обладает, то важно суметь сохранить его и при возможности возвысить.

Интерес к брендингу в России обозначился в конце 90-х годов XX века. Это было следствием перехода нашей экономики к рынку. Именно этим обусловлена востребованность брендинговых технологий, которая закономерно будет возрастать пропорционально развитию рыночной конкуренции. Брендинг, по авторитетному мнению специалистов, является сильным маркетинговым ресурсом. Многие считают, что именно брендинг дает реальную возможность решать 80% бизнес-задач с помощью 20% правильно затраченных усилий (реализация известного правила Парето). Другими словами он позволяет минимизировать затраты, но при этом достичь желаемых результатов.

Как справедливо отмечают отечественные представители маркетинга сегодня, «в современном мире брендами является почти все. Брендами являются целые страны, существуют бренды – государственные институты, бренды – праздники, бренды – географические объекты, брендированные элементы образа жизни, и многое другое... Как только экономика касается какой-либо из сфер нашей жизни, как только появляется возможность извлечений прибыли из какой-либо потребности человека, в эту сферу тут же устремляется капитал, появляется конкуренция, и как следствие необходимости эффективной конкурентной борьбы создаются все предпосылки для появления брендов. Наивно полагать, что люди не могут являться брендами, они ими являются в первую очередь, все значимые фигуры прошлого и настоящего – бренды в чистом виде» [8].

Совершенно очевидным становится тот факт, что спрос на брендинг, как эффективную управленческую технологию, включающую стратегический и тактический аспекты, будет востребован всеми сферами российской жизнедеятельности. Чрезвычайно актуальным брендинг делается для креативных направлений социокультурной деятельности, к которым принято относить не только искусство и так называемые творческие индустрии, а также и здравоохранение и образование.

Практическое освоение новых креативных технологий управления, к которым справедливо принято относить брендинг сегодня, является продуктивной идеей для российского производителя образовательных продуктов и услуг. Представители отечественного образования вплотную подошли к осознанию того, что продвижение результатов их креативной

деятельности на рынок образовательных услуг России, ближнего и дальнего зарубежья, не может происходить спонтанно. Медленно, но приходит понимание, что завоевание собственного сегмента рынка, как внутри страны, так и за рубежом – это трудоемкая, кропотливая и полифункциональная работа.

В процессе подготовки статьи был аккумулирован зарубежный теоретический и практический опыт; по возможности, обобщен и осмыслен современный российский материал, который, как правило, был получен из первых рук в силу того, что приходилось участвовать во многих российских и зарубежных «полевых» исследовательских проектах.

Маркетинговые коммуникации и брендинг являются атрибутивными характеристиками рыночных отношений. Собственно говоря, маркетинг (от английского – «market», что дословно означает «рынок» или более точно «ведение рынка») – это наука, изучающая общие закономерности и особенности функционирования, развития и трансформации рынка. Принято отмечать, что маркетинг – это деятельность по изучению рынка, разработке, распределению и продвижению товаров и услуг для осуществления сделок купли-продажи, с помощью которых наилучшим способом достигаются цели организации и удовлетворяются потребности покупателей. Главная идея маркетинга заключается в том, что удовлетворение потребностей покупателей является лучшим способом получения прибыли и обеспечения роста (продаж, производства).

Россия до экономических реформ от этих проблем была достаточно далека. Но сегодня мы стремительно, с разной степенью успешности, осваиваем рыночные отношения и механизмы. Но в области образования, особенно в формах высшего образования (фундаментально-исследовательские, прикладные, креативные направления...), процесс этот в силу ряда объективных и субъективных причин происходит несколько замедленно. Одной из причин подобного положения вещей является отсутствие понимания важности профессионально выстроенной маркетинговой политики, а в некоторых случаях неумение ее сформировать. От профессионально разработанной маркетинговой политики во многом зависит устойчивость положения того или иного учебного заведения на рынке образовательных услуг.

Сейчас практически уходит в историю период, когда руководители учебных заведений недопонимали и в связи с этим недооценивали необходимость маркетинговых исследований, а соответственно, и наличие в управленческой структуре соответству-

ющего подразделения и его кадрового обеспечения. Но подобное положение дел, к сожалению, еще не является правилом. Уроки рынка для России не всегда осознаются и берутся на вооружение. Если говорить применительно к нашим проблемам, то причины здесь могут быть разные. Среди наиболее важных причин на первый план следует вынести мировоззренческую: неготовность к новым условиям существования, инертность сознания, непонимание того, что образовательные услуги на рынке – это товар. Известно, что товары и услуги в условиях конкурентной борьбы должны существовать по законам рынка. Чрезвычайно сложно сдвинуть с места управленческую машину, если сознание не готово к принятию совершенно новых решений.

Другая причина не менее существенная – кадровая. Отсутствие профессионального коммуникационного менеджмента, в образовательных учреждениях и организациях чревато деструктивными последствиями. Указанное обстоятельство для России принципиальный вопрос. Часто встречаются модели управления, когда руководители высших учебных заведений стремятся сосредоточить в своих руках всю полноту власти не только организационно-административной, но и коммуникационно-управленческой. Следует признать, что в ряде образовательных структур подобное совмещение функций не приносит иногда отрицательных последствий, хотя и не является моделью эффективного управления. Только профессиональный коммуникационный менеджмент, актуализирующийся в деятельности специалистов, владеющих всем арсеналом современных управленчески-коммуникационных технологий, понимающий специфику образования, способен создать оптимальную модель существования конкретного учреждения, организации или образовательной программы в условиях рыночной экономики.

Еще одна препона – косность организационно-управленческих структур. Штатное расписание оргструктур, например, российских государственных учебных заведений, особенно вне центра, не пересматривалось «с времен Очакова и покоренья Крыма». Если их сравнить с западными аналогами, то поверхностного взгляда достаточно для того, чтобы «почувствовать разницу». Образовательные учреждения, которые стремятся модернизировать себя изнутри, иногда рискуют попасть в немилость контрольных органов. Известны факты, что еще совсем недавно последние вменяли прогрессивным управленцам в вину включение в организационную структуру новых отделов, таких как маркетинговый или PR-отдел.

Следующая проблема – экономико-финансовая: скудность государственного финансирования, с одной стороны, а с другой – неготовность образовательных учреждений самостоятельно заниматься предпринимательской деятельностью в полной мере в рамках существующего законодательства. Кроме того, что весьма широко эксплуатируется – это внебюджетные наборы, которые подчас в несколько раз превышают плановые цифры Министерства образования.

Важным тормозом в этой сфере является недоработки государства, как в формировании образовательной политики, так и в правовой сфере, связанные с отсутствием необходимой законодательной базы и стимулирующего налогообложения, которые существуют и весьма успешно работают в развитых странах.

Наконец, это проблема применения на практике в области образования современных маркетинговых коммуникаций, поиск эффективных технологий, изучение целевых аудитории потенциального потребителя, проведение промоциональных акций (кроме традиционных дней открытых дверей), мероприятий с целью привлечения и стимулирования представителей различных целевых аудиторий к активному потреблению специфических образовательных услуг.

Еще одной весьма важной проблемой остается проблема образного решения визуализации бренда, которая сегодня для вузов России не является понятной и в определенной степени приоритетной. Это прерогатива профессиональных креаторов и дизайнеров. Но вузы привыкли очень скупно тратить свои средства на затеи подобного рода, которые с их точки зрения приравниваются к баловству и излишеству, что является безусловной стратегической ошибкой. Часто вузы делают данную работу кустарно, не обращаясь к настоящим профессионалам. В этом случае хочется напомнить известную поговорку о том, что скупой платит дважды.

Маркетинговые коммуникации – совокупность различных методов и способов изучения целевых аудиторий и воздействия на них с помощью разнообразных средств.

Брендинг является одним из составляющих элементов маркетинговых коммуникаций. Брендинг – это инструмент завоевания, удержания и последовательного расширения целевой аудитории. Не факт, что товарный знак или торговая марка может стать брендом. Одного желания производителя недостаточно. Здесь огромное значение играет позиция потребителя, его

эмоционально-психологическое отношение к товару или торговой марке. Бренд интегрирует в себе несколько составляющих элементов.

Брендинг не может осуществляться, если вуз не имеет ярких идентификационных маркеров, фирменного стиля, основу которого должен составлять товарный знак. Этот знак необходим для того, чтобы потребитель хорошо запомнил его и был способен выделять это знак из множества других однородных. Именно на его основе может сложиться настоящий бренд.

Конечно, бренд не может актуализироваться без наличия некоего продукта – товара/услуги. В нашем случае образовательной услуги. Причем услуги совершенно особого рода – удовлетворяющей духовную потребность человека в получении образования в определенной профессиональной области. Любой товар/услуга в условиях рынка, включая и образовательные предложения, производятся с целью: быть реализованным на рынке. Вуз и его профессиональный преподавательский состав зарабатывает себе на жизнь реализацией результатов своего интеллектуально-педагогического труда. За вложенный труд люди должны получить вознаграждение, а в условиях рынка в идеальном варианте – организация, в которую они объединены – прибыль. Производителю товара для его создания необходимы как минимум три элемента:

- ресурсы
- капитал
- труд.

Итак, товары/услуги произведены и могут быть представлены потребителю. Первым обязательным условием является то, что они должны быть качественными по своим потребительским характеристикам. Но от простого товара/услуги даже с высокими потребительскими свойствами до бренда дистанция огромного размера. На пути превращения товара в бренд есть ряд ступеней, одной из которых принято считать превращение товара сначала в торговую марку, причем узнаваемую, завоевавшую популярность в среде потребителей. А затем уже превращение ее в бренд, марку у которой есть своя легенда и пространственный информационный шлейф.

Понятия торговой марки и бренда в современной теоретической литературе не однозначны. Термин «торговая марка» или в английском варианте «trade mark» – это марка ремесленника или фабричная марка. Словом «trade» в английском языке обозначается – ремесло, профессия, торговля, а словом «mark»

– знак, метка, штамп, фабричное клеймо. Иначе говоря, между товарным знаком и торговой маркой можно поставить знак равенства, но знак этот будет относительным, так как в одном случае речь идет о знаке производителя, а в другом – о знаке реализатора-посредника в лице продавца. В настоящее время термины «товарный знак» и «торговая марка» применяются в зависимости от обстоятельств и зачастую не разграничиваются. Важно еще отметить, что торговую марку принято интерпретировать как юридически закрепленное имя производителя. Собственного говоря, имя вуза и есть его торговая марка.

Обратимся теперь к переводу слова «бренд» и его этимологии. Brand – слово, заимствованное из английского языка, в переводе означает: раскаленное железо, выжженное клеймо, фабричное клеймо, фабричная марка, а также клеймить, ставить печать, отпечатываться в памяти, оставлять неизгладимое впечатление.

Теоретики и практики западного брендинга весьма по-разному трактуют понятие бренд. Ниже приведены некоторые из вариантов:

- широко известная товарная марка
- товарная марка, у которой есть лояльные покупатели
- товар, встроенный в коммуникации
- мифологизированный товар, встроенный в коммуникации
- продажа регулярно выполняемых обязательств
- устойчивая ассоциация с товаром
- коммерческая марка плюс добавленная стоимость
- репутация, помогающая продаже товара
- определенный стиль и опыт жизни

Исходя из множества указанных подходов, в современном научном сообществе склонны рассматривать брендинг, то есть процесс создания бренда, как управление ожиданиями потребителя и обещаниями производителя. Бренд, по сути, это во многом впечатление, которое формируется в сознании потребителя от взаимодействия с тем или иным товаром и услугой. Если потребитель использовал, например, услугу и остался ей в высшей степени удовлетворен, то все его воспоминания об этом будут носить позитивную окраску. При любом упоминании имени бренда это впечатление будет, в определенной степени, оживать в его сознании. Поэтому бренд трактуют как нематериальный ресурс компании. Очень часто в обществе можно встретить не совсем правомерное суждение, что маркетологи продают воз-

дух. Это особенно усугубилось в условиях развития креативной экономики или экономики впечатлений. Именно нематериальный характер брендов наталкивает непрофессионалов в области менеджмента и коммуникаций на такие выводы.

Особенностью бренда является то, что его важной составляющей считается возникновение образа-представления и образа-восприятия.

Образ – это идеальный феномен. Принято определять его как субъективное отражение явлений, событий и предметов внешнего мира (в нашем случае товара с рядом разнообразных ассоциаций) в сознании потребителя. Атрибутивными свойствами бренда и вызываемых им образов принято считать субъективность, нематериальность, существование во времени, изоморфность... Бренд, как и образ, в руки не возьмешь, он нечто эфемерное, иллюзорное, виртуальное. Именно это в какой-то степени и роднит бренд с искусством. С той лишь разницей, что в искусстве существует не просто образ-представление и образ-восприятие, а целостный художественный образ. Итак, на основе какого-либо товара/услуги некий образ создан. Теперь его необходимо транслировать потребителю, вызвать у него совершенно запрограммированную эмоционально-психологическую положительную реакцию и подвести его к решению совершить покупку.

Важно подчеркнуть, что для профессионального брендинга коммуникационный менеджмент играет практически определяющую роль. И в результате станет совершенно понятно, почему товар/услуга должны быть встроены в коммуникации для того, чтобы стать первоначально доступными целевым аудиториям, затем популярными и возможно сверхвостребованными. Сегодня на рынке, в том числе и образовательном, достаточно много однородных предложений по качеству, имиджево-репутационным характеристикам, уровню востребованности целевыми аудиториями. В этом случае очень важно точно спозиционировать эти образовательные предложения, чтобы работать именно со своей целевой аудиторией. Проблема сбыта товара или услуги будет зависеть от того, как производитель будет его продвигать на рынок, с помощью каких средств и технологий, насколько правильно он найдет свою нишу, как быстро сформирует узнаваемую торговую марку, а затем бренд. Устойчивый бренд – залог успеха и стабильности в конкурентной среде.

Если это будет делаться профессионально грамотно, то данной товар или услуга будет обрастать информационным шлейфом, искусственно и естественно встраиваться в коммуникаци-

онный поток. Искусственно – значит по специально разработанному алгоритму, с финансовыми затратами заинтересованных лиц. Естественно – когда репутация производителя и качество товара/услуги настолько высока, что стала широко известна и его слава «бежит», как в песне поется «впереди планеты всей», тогда говорят не просто о репутации, а о «good name» [9].

Став брендом, получив и информационную и мифологическую составляющую, товар и его производитель не могут почить на лаврах. Именно теперь все и начинается. Запускается очень важный этап – этап поддержания бренда или его обслуживание. Бренд как капризное создание, требует постоянного внимания и профессиональной поддержки, в коммуникационной среде для дальнейшей символизации и мифологизации его образа или образов.

Итак, бренд не создается в одночасье. Брендинг – это всегда время. Брендинг – это сложный путь, а не столбовая дорога, это кросс по пересеченной местности, полоса с не простыми препятствиями. Брендинг – это процесс, на пути которого есть взлеты и падения, периоды стабилизации. Бренд имеет определенный жизненный цикл. Теория и практика брендинга в своем арсенале имеет технологии реанимации ранее существовавших брендов, но по каким-то причинам угасших (ребрендинг), а также технологии обновления существующих брендов (необрендинг). Важно понимать, что бренд требует внимания, его процветание зависит от многих факторов: от качества товара, от информированности общества, от спроса на него, поддержания общественной востребованности...

Анализируя современный образовательный рынок, с интересующей нас точки зрения следует отметить, что мы вправе говорить не только о нескольких типах российских образовательных учреждений и организаций в аспекте брендинга, но и о его специфике. В самых общих чертах можно выделить четыре типа таких брендов, актуализирующихся в сфере образования:

1. Вузы, имеющие славную историю и мировую известность, но нуждающиеся в необрендинге.
2. Вузы, просуществовавшие десятки лет, но требующие коренной модернизации в современных условиях.
3. Вузы, созданные и завоевавшие известность в период рыночных реформ, имеющие сложившуюся репутацию, но требующие поддержки.
4. Вузы, только созданные и находящиеся в начале пути, и созидающие свою образовательную услугу с нулевого цикла.

Справедливости ради, следует подчеркнуть, что как всякая типология, препарирующая и обобщающая живую материю ре-

альности, она грешит упрощением. Совершенно очевидно, что в действительности можно найти много примеров, которые не впишутся в предложенную схему, как в прокрустово ложе. Тем не менее, подобные обобщения весьма полезны, как в теоретическом, так и практическом отношении.

В плане специфики следует заметить, что образовательные бренды очень часто формируются и поддерживаются именем собственным, уникальным талантом конкретного человека, как правило, ученого или творца-художника, снискавшего себе мировую славу: Ломоносов, Менделеев, Щепкин, Станиславский, Вахтангов... Кроме имени собственного, важной составляющей является укоренившаяся образовательная или/и исследовательская традиция. Неслучайно образовательные учреждения ассоциируются или отождествляются в некоторых случаях с именем ученого и художника. Образовательная традиция часто возникает там и тогда, где успешно развивается научные школы, как это произошло с МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, МФТИ, МГТУ им. Баумана, Московской консерваторией им. П. И. Чайковского, РУТИ (бывший ГИТИС) и другими вузами страны.

Не является исключением ассоциирование вуза с брендом реального человека. Для вуза, а товаром/услугой становятся осуществляемые им образовательные программы. В сфере современного высшего образования в России существует ряд известных образовательных структур. Образовательные услуги, которые они предлагают, пользуются заслуженным уважением и спросом потребителей, как правило, внутри страны, но в определенных случаях и за рубежом. К группе подобных вузов можно отнести российские творческие учебные заведения, особенно театральные, музыкальные, хореографические, которые широко известны во всем мире. Подобные вузы можно определить как лидеры-тяжеловесы. Вряд ли с ними в ближайшем будущем нечто катастрофическое случится, и они исчезнут. Однако, говорить о том, что процесс формирования бренда у них завершен, было бы опрометчиво. Но в стране существует большое количество вузов, о которых практически на уровне страны мало, что известно. В отношении бренда у них весьма большие проблемы.

В условиях экономических реформ произошли ряд трансформаций и коренных переименований торгово-товарных знаков ВУЗов, имеющих широко известное дореформенное имя. В частности, в такую ситуации был поставлен Историко-архивный институт, который был переименован в РГГУ и пытался позиционироваться как альтернатива МГУ.

Третью группу составляют ВУЗы – ровесники экономических реформ, которые были созданы более 20 лет назад, как в государственном, так и негосударственном секторе образования. К ним можно отнести два ярких примера, а именно ВШЭ (научные руководители Е. Г. Ясин и А. Н. Шохин) – государственный сектор и Международный университет в Москве (Президент Г. Х. Попов) – лидер негосударственного сектора образования. Эти образовательные структуры создавались с нуля, и являются знаковыми ВУЗами экономических реформ.

Наконец, последний тип – ВУЗы, сегодня стоящие на нулевой отметке.

У всех перечисленных типов ВУЗов собственные задачи в брендирования, качественно отличающиеся друг от друга.

Вузов в СССР и России всегда было немало. Возникает закономерный вопрос: «Бренд существует только в условиях рынка или он может существовать и при других экономических формах организации хозяйствования?» Товары и услуги были и при социализме, качественные, как правило, в дефиците. Конкурс в престижные высшие учебные заведения впечатлял своими цифрами.

Экономические реформы, обострили конкурентную борьбу на рынке образовательных услуг. Последние годы условия конкурентной борьбы усугубились демографическими проблемами в стране. «Демографическая яма» дала о себе знать в снижении спроса на образовательные услуги. Спрос снизился по объективным причинам, главной из которых стало уменьшение количества выпускников в школах, так как в 90-е годы в стране наблюдался резкий спад рождаемости. В результате, вузы, не входящие в группу лидеров должны были изыскивать новые ресурсы для отстаивания своих позиций. Подобных примеров на московском, как и российском рынке образования много.

Для того, чтобы сдвинуть данное положение вещей с мертвой точки нужно понимать, что для этого необходим профессиональный коммуникационный менеджмент и что сегодня самостоятельность в данном вопросе чревата негативными последствиями. Важно использовать все доступные коммуникационные ресурсы, учитывая целевую аудиторию и ее интересы. Например, для одной аудитории важны отзывы в профессиональных изданиях, для – другой в гламурных, для третьей – Интернете...

Руководители государственных образовательных учреждений, у которых существуют финансовые проблемы, должны знать, что не за всякое упоминание и информацию необходимо кому-то платить. Те, кто делает СМИ, заинтересованы в ново-

стях и сенсациях. Если ваши образовательные и исследовательские программы могут привлечь внимание эксклюзивностью информации, то редактору газеты или телепрограммы они тоже могут быть интересны. Еще более интересен в этом аспекте событийный менеджмент, когда информационным поводом становится крупное или эксклюзивное событие, на которое откликаются информационные агентства и масс-медиа.

Многие вузы России производят качественные образовательные услуги, но не всегда умеют их правильно предложить потребителю.

Технологии брендинга за рубежом основательно разработаны и активно применяются, в России же делаются в этой области только первые шаги. Если крупный бизнес более оперативен в данных вопросах, то социальная сфера, проигрывает по многим параметрам. В частности, образование в России, вплотную приблизившись к реалиям рынка, должно преодолеть сложный период вхождения в него и адаптации к нему, минимизировать потери, используя опыт развитых стран. В России существует немало нюансов, которые должны быть осмыслены отечественными теоретиками и практиками. Представители сферы образования должны отдавать себе отчет, что только профессионалы, владеющие необходимыми навыками и знаниями, одаренные креативно, могут действительно влиять на процесс продвижения образовательных услуг, на поддержание известных торговых марок и брендов, а также создавать совершенно новые конкурентоспособные и востребованные потребителем бренды.

Важной составляющей брендинга общепризнано считается разработка и укоренение фирменного стиля организации или учреждения. Фирменный стиль является одним из основных маркетинговых инструментов любой современной компании. В формуле брендинга фирменный стиль – это единственный неабстрактный инструмент продвижения товара или услуги на рынок (если принять, что качественный продукт – это безусловный факт). Сегодня важно понять содержание фирменного стиля, технологии его воздействия на потребителя и практические аспекты создания фирменного стиля, в частности, связанные со спецификой сферы образования.

Что такое фирменный стиль? Фирменный стиль (corporate identity) – это комплексная система визуальной идентификации компании, способствующая формированию благоприятного имиджа компании и усиливающая эффективность рекламных контактов с потребителями, повышающая доверие партне-

ров и способствующая повышению общего имиджа и репутации компании на рынке.

Основными элементами фирменного стиля являются:

Товарный знак – зарегистрированное в установленном порядке обозначение (объект промышленной собственности), служащий для отличия продукции данного производителя от продукции других;

Логотип – специально разработанное, оригинальное начертание полного или сокращенного наименования предприятия;

Фирменный блок – объединенный в единую композицию товарный знак и логотип, а также разного рода поясняющие надписи. В качестве последней нередко выступает фирменный слоган, фирменные цвета, шрифт, модульные сетка и система верстки.

При разработке фирменного стиля учитываются как общие характеристики сферы деятельности компании, предлагаемые ею для товаров и услуг, так и индивидуальность ее предложений на данном рынке.

Фирменный стиль является своего рода высказыванием, подчеркивающим индивидуальность фирмы, для которой он был разработан. В зависимости от вида деятельности, фирменный стиль может включать в себя целый комплекс различных видов воздействия на целевую аудиторию: визуальных, звуковых, психологических, а иногда и некоторых других.

Наиболее распространенным является визуальное воздействие, имеющее своей целью подчеркнуть уникальность фирмы, ее товаров и услуг, а также ее роль на рынке. Ежедневно каждый россиянин видит более 1500 логотипов и торговых марок, расположенных на упаковке товаров, на самих товарах, в рекламе и на элементах фирменного стиля. Но, по статистке, потребитель принимает решение о покупке какого-либо продукта или услуги лишь после того, как он предварительно увидит, как минимум, 7 рекламных обращений вашей компании. Для того, чтобы реклама была наиболее эффективна, опытные рекламодатели делают ее в едином фирменном стиле. Этим достигается некая визуальная идентичность рекламных обращений, которая позволяет потребителям интегрировать всю воспринимаемую информацию о ваших товарах или услугах.

Самым эффективным воздействием является ненавязчивое рекламное обращение. Не стоит заниматься самовосхвалением. Речь идет лишь о тонко проработанных нюансах и заранее просчитанных ассоциациях, управление которыми является

мощнейшим оружием маркетинга. Именно так правильно разработанный фирменный стиль, в отличие от прямой рекламы, может весьма сильно воздействовать на потребителей.

Базовыми для всякой организации являются следующие элементы фирменного стиля:

- логотип;
- корпоративная и персональная визитки;
- фирменный бланк;
- фирменный бланк второго типа для использования в электронном виде;
- различные типы конвертов;
- факсимильное сообщение;
- фирменная папка для бумаг;
- фирменные шрифты;
- фирменные цвета;
- брендбук (brand-book, брошюра, описывающая графические стандарты и правила использования логотипа и фирменного стиля в различных ситуациях).

Дополнительные элементы фирменного стиля:

- слоган (рекламный лозунг или девиз, содержащий сжатую, легко воспринимаемую, эффектную формулировку рекламной идеи.);
- рекламный символ фирмы (определенный персонаж или образ, закрепленный за фирмой или выражающий суть ее деятельности);
- фирменный буклет;
- плакат;
- сувенирная продукция;
- упаковка (или упаковочная бумага);
- информационный лист и прайс-лист;
- пакеты;
- наружная реклама;
- промо-сайт в Internet;
- рекламные баннеры.

Для организаций сферы образования при разработке фирменного стиля все элементы должны быть согласованы со стилистикой архитектуры и интерьеров; должны учитываться исторические моменты существования компании и сложившаяся или складывающаяся атмосфера театральных, музейных, клубных помещений. В результате чего у потребителя будет ассоциативно возникать образ того пространства, которое он посетил и которое оказало на него благоприятное впечатление.

В заключение важно отметить, что использование логотипа и фирменного стиля в ежедневной деятельности вуза – это этап, имя которому – жизнь. Для того, чтобы логотип и фирменный стиль действительно стали лицом компании и разработанная торговая марка стала брендом, им необходимы вера, поддержка, а также правильное использование. После того, как логотип подан на регистрацию и успешно зарегистрирован, важно чтобы не только те, кто принимал участие в обсуждении проекта, но и все рядовые сотрудники поверили в новый логотип, поверили в то, что он принесет успех всем и каждому. Важно объяснить значение логотипа, его сильные стороны, рассказать о скрытом послании, заложенном в логотипе. Люди, объединенные одной идеей, всегда способны на большее. Они могут дать положительный заряд новому названию, логотипу и фирменному стилю и привести компанию к успеху.

Если слова «компания», «фирма» заменить словом «вуз», то все сказанное останется справедливым и для этой профессиональной области деятельности. Конечно же, фирменный стиль в единстве с уникальностью и качеством предоставляемых услуг, сможет стать основой бренда. А впоследствии сделать его важным нематериальным ресурсом высшего учебного заведения, с одной стороны, а с другой – его ключевым идентификатором в современном информационном пространстве образовательных услуг.

Использованная литература:

1. См. подробнее: В рейтинге самых дорогих брендов мира сменился лидер [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adindex.ru/news/researches/2011/05/10/65409.phtml>. – (Дата обращения: 03.06.13).

2. Там же.

3. Там же.

4. *Баранов И.* В хвосте мировых рейтингов [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=321#top. – (Дата обращения: 03.06.13).

5. Top universities by reputation 2012 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2012/reputation-ranking>. (Дата обращения: 03.06.13).

6. Американские университеты лидируют в мировом репутационном рейтинге [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.parta.org/news/?news_id=1787. (Дата обращения: 03.06.13).

7. *Миронов В. В.* Критерии рейтинга вузов не подходят для оценки качества образования во многих странах [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://radiovesti.ru/articles/2012-10-10/fm/69284>. (Дата обращения: 03.06.13).

8. См. Трауберг В., Бадьин А. Люди-бренды и human branding [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/marketing/section_62/article_2491. – (Дата обращения: 03.06.13).

9. См.: Хангельдиева И. Г. «Good name» – стратегический ресурс развития бизнеса или о значении культуры предпринимательства // Предпринимательство в культуре и культура предпринимательства. М., 2005. С. 16-27.

М. В. Грибановская, Н. А. Костина***

ПРИНЦИПЫ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются инновационные принципы современной культурной политики, среди которых выделены аксиологические, принципы коммуникации, управления. Авторы предлагают при разработке инновационных стратегий культурной политики учитывать не только социально-экономические или социально-политические приоритеты, но и самоорганизационный потенциал культуры.

The article discusses the principles of modern innovative cultural policy, among which are the axiological, the principles of communication and management. The authors propose the development of innovative strategies for cultural policy to take into account not only the socio-economic or socio-political priorities, but also the potential of self-organization and culture.

Ключевые слова: *культура, общество, культурная политика, инновации, принципы, приоритеты.*

Keywords: *culture, society, cultural policy, innovation, principles, priorities.*

Творчество культуры основано на динамике взаимодействия традиций и инноваций. Поэтому когда одна часть экспертов говорит о необходимости сдерживания инновационных трендов в культуре, аргументируя это ролью традиций, а вторая, напротив, апеллирует к новейшим зарубежным моделям и разработкам, подчеркивает роль изменений в культуре, то ошибкой, на наш взгляд, было бы однозначно принимать ту или иную аргументацию в качестве истинной. Динамика культуры основана на механизмах

* ГРИБАНОВСКАЯ Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия (e-mail: grmarina@email.ru).

GRIBANOVSKY Marina V. – Ph.D. Candidate (Library Science, Bibliography and Bibliology), Associate Professor, Department of Economics and Management of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia (e-mail: grmarina@email.ru).

** КОСТИНА Наталья Анатольевна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского института культурологии, г. Краснодар, Россия (e-mail: kostnat72@mail.ru).

KOSTINA Natalia A. – PhD Candidate (Library Science, Bibliography and Bibliology), Senior Research Fellow, Department of Scientific and Educational Projects and Programs of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Krasnodar, Russia (e-mail: kostnat72@mail.ru).

преимущественно, устойчивости и изменчивости, поэтому сложность разработки инновационных принципов современной культурной политики как раз и заключается в поиске их соответствия общим параметрам порядка культуры – ее основным закономерностям развития. Источники эффективности социокультурного развития заложены в самой культуре, в ее ресурсах. Поэтому инновационные принципы культурной политики необходимо согласовать с тенденциями к саморазвитию и самоорганизации.

Среди принципов инновационной культурной политики можно выделить те, следование которым позволяет комплексно решать стратегические задачи социокультурного развития.

1. Аксиологические (ценностно-смысловые) принципы:

а) «признание культурного разнообразия как основы сохранения национально-культурной самобытности страны» позволяет отказаться от практики «защитной самобытности», ориентированной в большей степени на свое прошлое, а не на будущее развитие. Отношение к культурному разнообразию – центральный вопрос, ответ на который лежит в теоретических основаниях стратегии культурной политики: что это, перспектива развития или угроза национальной стабильности и социальному единству, путь к разрушению национальной культурной идентичности? Сохраняет ли единство язык? На каких критериях выстраивать межкультурный диалог? Как научить современных людей совместному сосуществованию на принципах толерантности и взаимного уважения при сохранении собственной культурной идентичности;

б) «культуроцентризм и культуросообразность» предполагают отношение к культуре как системообразующему фактору; формируют современные образовательные стратегии и новые формы социализации, способствующие становлению коллективной идентичности россиян. Они же способствуют восстановлению социокультурных институтов и повышению их значения для преодоления негативных тенденций во всех сферах общественной жизни.

2. Принципы коммуникации:

а) «позитивное эффективное взаимодействие в условиях культурного многообразия» (на всех структурных уровнях системы) отвечает идеям демократии и культурного плюрализма. Глобализация мирового социокультурного пространства и изменения, связанные с этими процессами, поднимают на новый уровень проблемы сохранения цивилизационной идентичности России, определения места ее национальной культуры в системе мировой

культуры, развития культурно-цивилизационного многообразия, снижения риска гомогенизации культурного пространства;

б) «открытость информационно-коммуникативных взаимодействий» обусловлена развитием новых принципов коммуникации (саморазвивающихся сетевых, полилогических взаимодействий), определяемых информационно-коммуникативной доминантой современной культуры. Формирование новой информационной среды с ее глобальным медиа- и виртуальным пространством инициирует проявление новых рисков, таких как «цифровое неравенство», «превышение информационных потоков» и др. Опора на принцип открытости в культурной политике «эры глобальных кризисов» предполагает не только интенсивное развитие и совершенствование информационно-коммуникативных систем, но и их широкое использование для решения многих социокультурных проблем.

3. Принципы управления, требующие согласования с механизмами самоорганизации:

а) «когерентность развития различных антропо-социокультурных систем» (культуры, экономики, политики, техники и т. д.) обеспечивает согласование поведения социальных субъектов (государство, общество, социальная группа, индивиды) во времени/пространстве относительно основных целей и направленности действий, выступает основой социокультурных процессов в гражданском обществе, способствует выстраиванию в социуме нового отношения к культуре как фактору роста и ресурсу общественного развития. Данный принцип работает на снижение негативных последствий экономического и политико-идеологического детерминизма в социокультурной сфере. Он направлен на создание условий для саморазвития и самоорганизации, признания свободы творчества и самовыражения каждого человека в культуре;

б) «культурное выравнивание региональных пространств и формирования единого (целостного) культурного пространства» открывают широкие перспективы для совершенствования региональной и муниципальной инфраструктуры сферы культуры, способствуют повышению уровня культуры повседневности жителей различных российских поселений. Сверхзадачей «культурного выравнивания» выступает создание равных условий для доступа к культурным ценностям и реализация права на культурное саморазвитие личности;

в) признание «многосубъектность культурной политики» помогает ответить на вопросы о том, кем осуществляется куль-

турная политика, чьи интересы она проводит, чьи потребности удовлетворяет. Им обуславливается необходимость выбора приоритетов (степень свободы культуры и способности личности к саморазвитию) и согласования разных стратегий (пути достижения целей социокультурного развития, выстраиваемых разными субъектами культурной политики);

г) «распределение компетенций и полномочий (прав и ответственности) между уровнями власти и местным сообществом» отвечает принципам демократии и способствует становлению институтов гражданского общества;

д) «принцип транспарентности» обеспечивает «прозрачность» и открытость действий, возможность осуществления контроля общества над действиями власти. Особенно он результативен в основаниях культурной и информационной политики национальных государств в условиях глобализации, когда они хотели бы достичь согласия относительно понимания ситуации и ожидаемых последствий посредством координации информационных и коммуникационных потоков и, соответственно, согласования планов своих действий сообразно тем или иным целям.

Современная культурная политика такого субъекта, как российское государство – выступает концептуально оформленной совокупностью научно обоснованных взглядов и принципов, соответствующих определенным ценностно-смысловым основаниям, целям и приоритетам. На их основе разрабатывается и реализуется комплекс разного рода программ и проектов, имеющих стратегическое значение для социокультурного развития страны (региона, локальной территории и т. д.). Приоритеты культурной политики любого уровня – это категории стратегического планирования, поэтому их сведение (даже на уровне муниципалитетов) к решению оперативных управленческих задач означает разрушение фундамента концепции социокультурных изменений, что ведет к «устранению» ценностно-смысловых параметров культурной политики.

Только вся совокупность законодательно-правовых норм и соблюдение правовых отношений обеспечивает реализацию права человека на культуру. Однако одной из труднопреодолимых остается проблема соотносительности правовых механизмов с принципами свободы, лежащими в основании любой культуры. Наличие разработанной и нормативно закреплённой системы прав человека и гражданина в сфере культуры обеспечивает основания для проведения культурной политики на федеральном и региональном уровнях, получения равных прав на культуру на всей территории страны.

Таким образом, при разработке инновационных стратегий

культурной политики было бы целесообразным исходить не только из социально-экономических или социально-политических приоритетов, основываясь при принятии решений только на идеологических принципах властной элиты относительно направленности и форм реформирования и модернизации общества. Необходимо учитывать и самоорганизационный потенциал культуры, действие ее параметров порядка как ценностно-смысловых регулятивных механизмов. Следование принципам теории самоорганизации предполагает, что стратегические цели культурной политики согласованы с общими параметрами порядка культуры, а вырабатываемые системой управления и другими социокультурными институтами специальные параметры не нивелируют возможность проявления на личностном уровне действия особенных параметров порядка. Тем самым не разрушится сверхсложная сущность культуры, но и не прервется процесс ее становления.

Использованная литература:

1. *Астафьева О. Н.* Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность: лекции. М., 2010. 69 с.
2. *Гринберг А.* О стратегии инновационного развития // Форум-2008: новое в междисциплинарных исследованиях и дебатах: альманах. М., 2008. С. 26.
3. Духовная культура российского общества: состояние и тенденции формирования: Результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rags.ru/node/536>. – (Дата обращения: 03.06.13).
4. Результаты выборочного социологического опроса молодежи Российской Федерации «Культурные потребности молодежи в контексте современных социокультурных изменений», проведенного по заказу Министерства культуры Российской Федерации // Социология власти. 2010. № 1. С. 35–49.

СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ И МОДА: СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается специфика моды в условиях современного общества. Автором изучены характерные черты моды в системе культуры, особенности эволюции механизмов модных изменений и вопросы взаимосвязи социальной иерархии общества и системы моды.

Ключевые слова: культура, общество, мода, изменение, массовая культура, социальная иерархия, функция, социальное неравенство.

The article discusses the specifics of fashion in today's society. The authors studied the characteristics of fashion in the culture system, especially the mechanisms of evolution of fashion changes and the interrelationship of the social hierarchy of society and fashion.

Keywords: culture, society, fashion, change, popular culture, social hierarchy, function, social inequality.

Сформулировать точное определение феномена «мода» и явственно определить, что скрывается за ним, сегодня достаточно сложно, поскольку на протяжении сотен лет это понятие имело разный смысл. Его значение и содержание изменялись в зависимости от социальных обычаев и предпочтений, прежде всего, в одежде. Ситуация осложнена тем, что в современной науке, мода включена в структуру специальных исследований различных областей гуманитарного знания – философии, социологии, культурологии, искусствоведения, каждая из которых имеет свой предмет и по-своему определяет моду [1]. В современном обществе мода пронизывает все сферы социальной жизни, выступая качественной и в ряде случаев и содержательной характеристикой ряда институтов культуры. Существует политическая мода, мода на религию, на образ жизни, на язык и специфическую лексику, на системы символов и знаков ... Трудно найти какую-либо область социальной практики человека, которую бы не коснулась на или иная «модная тенденция».

Чаще же всего, под модой подразумевают предмет гардероба, несущий в себе дополнительную ценность в материальном смысле, как принято считать на уровне массового сознания. Но, мода при-

* САГАТЕЛЯН Вачик Ашотович – аспирант кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия (e-mail: svachika@yandex.ru).

SAGHATELIAN Vachik A. – postgraduate student, Department of Theory and History of Culture of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia (e-mail: svachika@yandex.ru).

дает одежде большую ценность не на материальном уровне, а на уровне воображения и убеждений человека: это не одежда, которую мы видим, а некий ее незримый элемент, считает специалист в области фэшн-исследований Ю. Кавамура [2]. Мода возникает в результате принятия неких культурных ценностей, которые могут относительно часто подвергаться изменениям. И. Бреннмнкмайер определяет моду как «господствующую тенденцию в одежде, принятую в обществе на данный момент времени» [3].

Современная мода функционирует в социальных системах для которых характерны следующие черты:

– динамичность – социальная дифференциация и мобильность;

– открытость – развитые каналы коммуникации;

– избыточность – развитая система тиражирования материальных и культурных благ, существование множества конкурирующих модных образцов.

Поэтому значение моды несколько шире значения приведенных выше характеристик, поскольку оно подразумевает дополнительную привлекательную ценность, которую получает одежда вместе с характеристикой «модная» и которая притягивает к себе потребителей моды. Д. Финкельштейн совершенно точно указывает, что потребители модных товаров считают, что вместе с товаром они приобретают добавленную ценность [4]. Аналогичного взгляда придерживается и К. Белл, убедительно доказывая, что мода – это главное достоинство одежды без которого ее внутренние качества остаются открытыми для восприятия, мода формирует ценность дополнительно приобретаемую одеждой [5].

Изменения в моде представляют собой процесс постепенно развивающийся внутри старых социальных форм. Так появление моды в городах Западной Европы XII – XIII века было связано с развитием городской культуры, с потребностью в новых формах коммуникации, более поверхностных и непродолжительных. Местом подобных контактов стали городские площади и улицы, где встречались паломники, посетившие святые места, купцы и странники, побывавшие в дальних странах, рыцари, возвращавшиеся из крестовых походов. Именно в городах появлялись новые культурные образцы и идеи, развивалось производство, сначала в виде городского цехового ремесла, ориентированного на изготовление изделий на продажу, затем в виде мануфактуры. Но местом рождения модных тенденций всегда была элитарная субкультура – дворы европейских правителей, сообщества их приближенных и знати.

Социальное значимое мода приобретает только XIX веке в результате буржуазных революций и промышленного переворота, когда сформировалось общество «равных возможностей», в котором были отменены прежние границы и запреты и стало развиваться массовое производство, позволяющее удовлетворять потребности в разнообразных и дешевых товарах для массового потребителя, возникли новые каналы коммуникации и средства связи: почта, телеграф, железные дороги, газеты, журналы, радио, телевидение, интернет. Современная мода остается детищем городских мегаполисов [6].

Однако, какой бы отрезок времени мы бы не взяли для анализа, сущность моды заключается в ее изменении, именно ее развитием объясняется появление новых и эволюция существовавших ранее стилей. Т. Полемус подчеркивает связь моды с идеологией социальных перемен и ситуацией, в которой изменение не только возможно, но и желательно [7]. Так во второй половине XX века негативное отношение молодежи к общепринятой моде привело к появлению ее новых образцов и значительному изменению стилей. После второй мировой войны протест принимал самые разнообразные формы, проявляющиеся в молодежных субкультурах: в 1940-е годы – зути в США и зазу во Франции; в 1950-е – битники и байкеры в США, тедди-бойз в Великобритании, стиляги в СССР; в 1960-е – рокеры, «моды» (модернисты), хиппи; в 1970-е – хиппи, бритоголовые и панки; в 1980-е – панки, «новые романтики», рэпперы, «зеленые»; в начале 1990-х – «гранж». Стилистические изменения – результат существования в обществе системы моды, именно она предоставляет средства, благодаря которым мода претерпевает постоянные изменения.

Впервые на особенные черты общества, в котором появляется и действует массовая мода, конце XIX в века указал немецкий социолог Г. Зиммель. Он выделил следующие признаки моды.

1. В обществе должны существовать различия между социальными слоями по престижу (поэтому в первобытном обществе не было моды).

2. Представители низших слоев стремятся занять более высокое положение в обществе и имеют для этого ряд возможностей – систему «социальных лифтов» [8].

Концепция Г. Зиммеля, объяснявшая причины возникновения и механизмы функционирования моды исходя из особенностей психологии и поведения различных социальных групп, получила название концепция «эффекта просачивания». Согласно ей, низшие слои стремятся подражать элите, демонстрируя ил-

люзорную общность с высшими классами, копируя их модные образцы. Таким образом, модные стандарты и образцы постепенно «просачиваются» сверху – вниз, достигая низших слоев общества, распространяясь в обществе в целом – так возникает массовая мода. Социальная элита принимает новые образцы в качестве модных с целью обозначить вновь и сохранить свой статус и отличие от остальной массы. Массы вновь стараются овладеть модными стандартами и образцами высших слоев, стремясь к более высокому социальному статусу. И так бесконечно.

Культура как система демонстрирует устойчивые формы поведения, потребления, часто передающиеся из поколения в поколение. А поскольку мода выступает частью такой системы – она удовлетворяет потребность ряда социальных групп быть «не как все».

Поэтому как часть системы массового потребления, мода не свободна от традиций, морали, административных ограничений, социально-психологических регуляторов. Модельеры, предлагающие модели в русле всегда относительно консервативной массовой культуры, работают уже не для искусства (так называемая «высокая мода»), а для производства одежды. Эти модели по-французски называют *pret-a-porter*. Уже в самом названии содержится их противопоставление высокому шитью, предназначенному прежде всего для показа.

В рамках концептуального взгляда российского социолога В. И. Ильина, мода удовлетворяет две противоположные потребности: отличаться от других и быть похожими на других [9].

Мода выполняет функцию внешне выражаемого классового обособления, особенно важную в современном обществе. Как пишет Э. Фукс: «именно потому, что сословные разграничения официально упразднены и все люди стали гражданами, наделенными будто бы одинаковыми правами и одинаковыми обязанностями, именно потому, что – за исключением военного мундира – не существует больше законов и установлений, запрещающих носить рабочему тот или иной покрой платья, а горничной или мещанке – платье из той или иной материи или пользоваться теми или иными украшениями на том основании, что они будто составляют «привилегию» одних только женщин из верхних десяти тысяч и т.д., – именно поэтому последние чувствуют потребность публично отличаться как можно яростнее от *misera plebs*, от жалкой черни. Другими словами: при всем видимом равенстве они хотят быть чем-то лучшим, высшим, более благородным» [10].

Процесс развития моды – это вечная гонка: эталонные группы убегают от масс, а массы стремятся догнать их. При этом

часто бег идет по кругу: едва масса обзавелась туфельками на толстых каблуках, как пионеры моды одевают шпильки; масса гонится за ними на пределе возможностей своих кошельков, но не успела она обрадоваться новинке, а эталонные группы снова одевают обувь с широкими каблуками, которую широкие массы модниц уже выбросили и т.д.

Творцы моды свободнее большинства населения, выступая инициаторами подвижек в культуре. Однако они не могут полностью игнорировать культуру, делать резкие скачки в сторону. В таком случае они оторвутся от массы и потеряют свой культурный капитал. Поэтому они должны быть такими, как все, но чуть-чуть впереди. Как верно отмечал Э. Фукс, «для тех, кто не желает выдаваться курьезно-странным костюмом, остаются только два выхода: как можно чаще менять моду, чтобы менее состоятельные люди не могли с ними тягаться, и одеваться как можно элегантнее» [11]. Отсюда такое неотъемлемое качество моды, как стремление к инновациям, носящим постоянный, непредсказуемый по направлению характер.

Эту тенденцию к постоянному движению и инновациям питает также сам характер капиталистического производства, которое является по своей природе массовым. Оно может нормально развиваться лишь при условии его дополнения массовым потреблением. Только массовое производство дает настоящую прибыль. Там, где люди используют вещи до их полного физического износа, производство не имеет стимулов к развитию. Поэтому мода создает искусственное повышение спроса, поскольку выбрасываются не физически изношенные вещи, а те, которые вышли из моды, а это может происходить каждый год, а то и чаще. Капиталист, менеджер заинтересованы как в попытке творцов моды убежать от масс, так и в стремлении масс их догнать. Эта гонка по кругу является неисчерпаемым источником прибыли. Поэтому капиталистическое производство по своей природе сочетает элитаризм с демократизмом.

Стремление оторваться от массы, но не радикально (это превратит их из эталонной группы в посмешище), является движущим мотивом творцов моды. Они убегают от толпы, которая стремится их догнать. Поскольку материальные ресурсы творцов моды намного выше, чем у массы, то им удастся отрываться. Однако проходит год, и их модели (не буквально, а в виде подобию) становятся массовыми. Творцы снова рвутся вперед, а масса стремящихся быть модной – за ними.

Поэтому мода возникает только в обществе, имеющем существенное социальное неравенство, но открытом для культурной

конкуренции: здесь дворник имеет право подражать президенту в одежде, стиле жизни и т.д., если, конечно, у него на это хватит денег. Но на этом стоит капитализм: равенство прав при неравенстве возможностей.

А. Б. Гофман выделяет характерные черты тех социальных систем, в которых действует мода [12]:

1. Динамичность. Общество стремится к изменениям, осуществляет их, обладает достаточно высоким инновационным потенциалом.

2. Открытость. Общество стремится к разнообразным контактам с другими обществами, осуществляет их, обладает развитыми средствами и каналами коммуникации.

3. Избыточность. В обществе существует развитая система тиражирования материальных и культурных благ, некоторая избыточность разнообразных и конкурирующих между собой культурных образцов, из которых может осуществляться выбор индивидами, группами и массами (группами групп).

4. Социальная дифференциация и мобильность. Общество неоднородно в социальном отношении, оно разделено на различные классы и другие социальные группы. Однако в отличие от сословий или каст эти группы не разделены между собой непреодолимыми барьерами. Они могут подражать друг другу, заимствовать друг у друга культурные образцы, в них существует социальная мобильность.

Соответственно мода отсутствует в статичных и закрытых сообществах, а так же в сообществах со строго ограниченным набором благ и культурных образцов либо в социально однородных или, наоборот, в сообществах с жестко фиксированной иерархией социальных групп (касты, сословия), между которыми не может производиться свободный обмен индивидами и культурными образцами.

Мода как социальная норма может иметь разную степень жесткости. Еще совсем недавно все делилось на две строго очерченные группы товаров: «модные» и «немодные». При этом первая группа имела четкий и ясный перечень признаков, а все остальное попадало во вторую группу.

Постепенно мода стала терять былую жесткость и однозначность. Культура постмодерна дробится на множество стилей, каждый из которых имеет свое право на существование в качестве модного. Можно носить разные виды одежды и быть модным.

Проанализировав связь социальной иерархии и моды, мы обнаружили, что мода возникает только в обществе, имеющем существенное социальное неравенство, но открытом для культурной

конкуренции. Мода является социальным регулятором, демонстрируя, с одной стороны, социальное неравенство в обществе, обозначая различия между социальными группами, с другой стороны, мода сглаживает различия между социальными группами, являясь фактором демократизации современного общества.

Использованная литература:

1. См. подробнее: Грусман М. В. Мода как феномен культуры и средство социокультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб., 2010. С. 3-4.
2. *Кавамура Ю.* Теория и практика создания моды. Минск: Гревцов Паблишер, 2009. С. 18.
3. *Brenninkmeyer I.* The Sociology of Fashion. Koln-Opladen: Westdeutscher Verlag, 1963. P. 4.
4. *Finkelstein J.* After a Fashion. Carlton: Melbourne University Press, 1996. 160 p.
5. *Bell Q.* On Human Finery. L.: Hogarth Press, 1976. 134 p.
6. См.: Зиммель Г. Психология моды // Научное обозрение. 1901. № 5. С. 4.
7. Polhemus T. Streetstyle: From Sidewalk to Catwalk. L.: Thames and Hudson, 1994. 144 p.
8. *Зиммель Г.* Мода // Избранное. Т. 2.: Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. С. 266-291.
9. *Ильин В. И.* Поведение потребителей. Краткий курс СПб: Питер, 2000. 224 с.
10. *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов. Т. 3.: Буржуазный век. М.: Республика, 1994. С. 152.
11. Там же. С. 155.
12. *Гофман А. Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. СПб: Питер 2004. С. 164-182.

ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ: ИДЕЯ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО СИНТЕЗА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

Статья посвящена исследованию идеи Ю. А. Жданова о синтезе научной и философской мысли. Рассматриваются идейные корни этой концепции: философия Г. В. Ф. Гегеля и В. И. Вернадского. Реализация этой идеи происходит в современном образовательном процессе на философском факультете, в содержании обязательного предмета «Концепции современного естествознания». Таким образом, проводится параллель между трудами Ю. А. Жданова и современной философией науки. Тем самым показывается, какое значение имеет духовное наследие Ю. А. Жданова для современной образовательной ситуации.

The article investigates the idea Zhdanov on the synthesis of scientific and philosophical thought . Considered the ideological roots of this concept : philosophy , G. W. F. Hegel and V. I. Vernadsky . This idea occurs in the modern educational process at the Faculty of Philosophy , in the content of the compulsory subject «concepts of modern science». Thus, the parallel between the works of Zhdanov and contemporary philosophy of science . Thus showing how important the spiritual heritage Zhdanov for modern educational situation .

Ключевые слова: Ю. А. Жданов; Г. В. Ф. Гегель; В. И. Вернадский; философия науки; естествознание; природа философии; философское образование.

Key words: Y.A. Zhdanov; Philosophy of Hegel; V.I. Vernadsky; Philosophy of Science; Natural Science; Philosophy; Philosophical Education.

Приказом Юрия Андреевича Жданова, ректора Ростовского государственного университета с 1957 по 1988 гг., доктора химических наук, кандидата философских наук, профессора, академика РАЕН и лауреата государственной премии СССР, на философско-экономическом факультете РГУ, на отделении «Философия», во второй половине 60-х годов было введено преподавание химии, биологии, физиологии высшей нервной деятельности. Тем самым он реализовывал идею единства гуманитарного и естественнонаучного знания, разработка которой находилась в то время в центре внимания его исследовательских интересов. Сам философский факультет Ростовского государственного

* ТИХОНОВ Андрей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия (e-mail: equilibre2003@yandex.ru).

TIKHONOV Andrey V. – Ph.D. Candidate (Philosophy), Associate Professor, Department of History of Philosophy of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (e-mail: equilibre2003@yandex.ru).

университета был образован в 1970 г. по его инициативе, вследствие разделения философско-экономического факультета на философский и экономический. Круг научных интересов Юрия Андреевича Жданова очень обширен: в него входят и органическая химия, и кавказоведение, и философия культуры. Но среди других, идея реализации взаимодополнения философии и науки, теории и практики, представляла особый интерес, поскольку речь шла о философии естественнонаучного знания, перспективы развития которого в будущем ученый прозорливо предвидел. В дальнейшем исследовательские интересы Ю. А. Жданова легли в основу формирования и развития философии культуры и философии науки на философском факультете РГУ, поэтому можно утверждать, что Ю. А. Жданов приложил немало усилий в деле формирования структуры факультета и его содержательной научной части.

Объяснение его интереса к необходимости включения в содержание философского знания естественнонаучной проблематики можно увидеть в том, что «Ю. А. Жданов – естествоиспытатель, химик по образованию, но гуманитарий по стилю мышления» [1, С. 8]. Но если проследить философские корни такого единства, то они объясняются тем, что «из всех великих философов прошлого Ю.А. Жданову ближе всех Гегель, особенно его идеи всеобщего как органической целостности, а не как абстрактного единства субстанций» [1, С. 8]. У Гегеля в «Философии Духа» речь идет не о наличности, внешности, «абстракции» Духа, так же как и уже не говорится о его отрицании. Здесь Дух представлен, в соответствии с «тремя моментами логического» (то есть с тремя моментами реального вообще, сформулированными Гегелем в первом томе «Энциклопедии»), уже в третьем состоянии, в состоянии завершенности, замкнутости на себя, в котором соединяются для дальнейшего углубления оба предыдущих его описания. Стадия завершенности Духа есть стадия его конкретики: Дух вышел из собственного отрицания (превысил «природу») и обогатил свое первое наличное состояние. Гегель видит конкретику Духа в процессе его самопознания. Мы понимаем, что параллельно движению становления Духа, идет также движение его самооценки, саморефлексии. И это движение сопряжено с движением развития (внешнего и внутреннего), и подчиняется тем же «моментам логического», и обладает такой же триадической структурой, какая была представлена в первых двух томах «Энциклопедии». Движение самопознания движущегося Духа и является в этом смысле «удвоенной

реальностью» [2]. При этом, эта реальность остается цельной, «неразличенной»; Дух всегда остается в «живом единстве» с собой. Понятие «тотальность» как раз и выражает завершенность и цельность любой реальной ситуации, она применима к любой категории философии Гегеля. Каждая категория есть «тотальность» в том смысле, что она является результатом соотнесения двух других, более ранних, менее конкретных противоположных категорий; также «тотальность» включает в себе историю соотнесения результирующих ее противоположностей как устойчивую определенность; и, наконец, «тотальность» выступает как цельное образование первой «рассудочно-абстрактной» ступени в следующем звене общего развития Духа.

Философский концепт Гегеля о развитии мыслящей субстанции в ее конкретике, которая выражается в спекулятивном, накопительном единстве абстрактно данных логических ситуаций, перетекающих друг в друга в дальнейшем движении этой субстанции, была воспринята Ю. А. Ждановым. Этот философский концепт был переработан им в связи с вопросами природы научного и философского познания: «научные теории, возникающие в результате обобщения частных научных исследований, затем сами применяются в качестве метода получения новых знаний» [1, С. 18-19]. Теория, полученная в результате применения того или иного метода, сама становится методом научного развития.

Но гегелевская мысль имманентно в себе содержит и требование единства разных видов человеческого знания. Тут поднимается вопрос о соединении рациональной природы естественных наук, научной рациональности с философскими теориями, рациональность которых имеет другой вид в силу отличия самой философии от науки. Сама по себе проблема выражается в том, что предмет философии нелегко определить таким образом, каким он может определяться в науках. Наука указывает на свой предмет: «естествознание само по себе определяется предметом исследования – природой» [3, С. 286]; а философия не может представить нам наглядный пример предмета своего исследования. Трудность четкого определения предмета философии заключена в том, что философия стремится очертить область мыслительного бытия, стоящего за чувственной реальностью. Выражение умозрительного бытия как предмета философского исследования возможно при обращении к специфике философии, к её многообразию. Философия – бесконечная по своей тематике и по возможности открытия новых областей

исследования сфера творчества. Но ее связь с естественными науками заключается в определенных ограничениях ее исследовательского поля, которыми являются актуальность рассматриваемой проблемы, запрос времени и общества. Философское творчество предполагает обращение к интересам «научного сообщества» современности.

Гуманитарное знание как более гибкое, более подвижное, чем научная теория, открывает в том числе и возможность импликации того или иного типа философского мировоззрения в качестве методологического дополнения к научному исследованию. С точки зрения Ю. А. Жданова «методологическим потенциалом обладают и теории, полученные в частных науках» [1, С. 19], научные теории становятся эвристическими инструментами, направляющими к возможным способам понимания универсума, и тогда мы не ощущаем кардинального различия между философией и научной теорией. Такое расширенное понимание научной теории предполагает, что ученый косвенно отказывается от формализации изучаемого объекта, ключ к «настоящему» миру скрыт в борьбе теорий, наука также предполагает различие интерпретаций. Тем самым решается проблема соединения философии и науки, которая была заложена в учении Гегеля. «Согласно Гегелю, идея есть единство понятия и реальности. Можно по-разному трактовать это единство, но главное – уяснить себе, что понятие – не формальный словесный термин, знак, и результат исторического процесса познания мира, его предметов и процессов. Понятие охватывает и чувственно-эмоциональное, образное восприятие мира, воображение, и представление; оно поднимается до рассудочного, логического, теоретического мышления и венчается разумным знанием действительности» [4, С. 171].

Говоря о философском отношении к проблемам естествознания, нельзя не сказать о русском философе В. И. Вернадском, также близком к идеям Ю. А. Жданова. Теоретическая связь этих мыслителей не случайна: Юрий Андреевич сам говорил в своих воспоминаниях о влиянии на его научное мировоззрение труда В. И. Вернадского «Биогеохимические очерки». В.И. Вернадский занимался проблемами методологии научного познания. Основной задачей, возникающей перед исследователями природы, по Вернадскому, является задача соединения многообразия фактов в идею единства космоса. Предметом исследования для Вернадского выступает изучение «научного мировоззрения», которое не может быть законченным и завер-

шенным образованием. «Научное мировоззрение» развивается, оформляется постепенно в ходе исторического развития науки, оно есть выражение человеческого духа, так же, как и философия, и религия, и искусство, и так же оно имеет историческую конкретику. Обладая в различные эпохи разным выражением, «научное мировоззрение» не может быть «подогнано» под какое-то единственное представление о природе. Первичная задача В.И. Вернадского в его работе «О научном мировоззрении» состоит в обосновании раздвижения рамок научного знания, обогащения науки другими областями человеческой духовной деятельности, в том числе и философией. Другая задача заключена в демонстрации читателю идейных источников «научного мировоззрения», находящихся вне науки и взаимодействия научного и философского мышления [5].

Таким образом, свойственный идеям В. И. Вернадского «глубокий синтез естественнонаучной и философской мысли» [6, С. 9] присущ и мировоззрению Ю. А. Жданова, обоих ученых объединяет общая теоретическая задача. Но нельзя думать при этом, что речь тут идет о простом соединении исследования объективно-природного и субъективно-мыслительного, о сочетании природного и духовного. Сам Юрий Андреевич отмечает следующее. «Нельзя рассматривать проблему лишь с точки зрения простой бинарной оппозиции: человек – природа. Диалектика здесь хитрее: она охватывает триединую целостность, которая включает в себя исходную естественную природу, воздействующего на него человека и вторую, очеловеченную (обесчеловеченную) природу, как результат его процесса жизни и производства. Так возникла концепция двух форм объективного процесса, двух форм объективной реальности» [7, С. 396]. То есть, самой сутью философии Ю. А. Жданова является концепция «двух форм объективной реальности» – природы как естественного объекта и природы как объекта человеческой деятельности. Изучение так понимаемой реальности должно нести широкомасштабный характер, характер того, что мы сейчас называем «междисциплинарным» исследованием: «современное научное развитие непрерывно выходит за рамки тех ограничений, которые порождаются специализацией, условиями решения данной конкретной задачи» [8, С. 170].

Такое философское содержание является основанием идеи о слиянии деятельности «обществоведов» и «представителей естественных наук», в котором будет предполагаться взаимоконтроль разных видов деятельности, и по мысли Ю. А. Жданова

эту идею следует внедрять и реализовывать в ВУЗах, доводить «для каждого студента». Следует избегать того, что можно назвать «узким практицизмом, близоруким прагматизмом, чужающимся теории» [9, С. 261]. Исходя из веры в разумную действительность, в основы научной рациональности, Ю. А. Жданов выступал за взаимодополняющее единство науки и философии, которое предполагает высокую степень «социальной ответственности», что в конечном итоге приведет к преобразованию действительности, к улучшению всех аспектов жизни общества.

Активную исследовательскую работу коллектива философии и культурологии Южного федерального университета в направлении синтеза философии и науки, в разработке тематики философии науки, что выражается в содержательном наполнении учебного курса «Концепции современного естествознания», я считаю развитием философской установки Ю. А. Жданова, примером сохранения духовной культуры и научной атмосферы Ростовского государственного университета. Идея использования философского подхода к объяснению данных частных наук, и наоборот, вовлечение в общепhilosophическое знание научных теорий, реализуется в современных философских исследованиях нашего региона, что позволяет говорить об идейной преемственности, научной школе, а значит и о духовном наследии нашего университета.

Философия естествознания относится к междисциплинарным направлениям современной науки и содержит в себе проблемы общемировоззренческого характера, знакомство с которыми необходимо не только для студентов естественно – научных, но и гуманитарных факультетов.

Актуальность и необходимость такого вида знания, базирующегося на стыке наук, продиктована рядом обстоятельств. Во-первых, потребностями сегодняшнего дня, особенно экологическими. Во-вторых, потребностями современного синтетического знания, особенно в связи с современными открытиями в области физики и космологии, конструирующими общую естественнонаучную картину мира. В-третьих, предрасположенностью философии и естествознания к взаимодействию и взаимообусловленности, поскольку и в той, и в другой науке имеются общие объекты, проблемы, цели и задачи. В-четвертых, реальностью XXI века самой по себе, представленной в виде информации, ноосферы, коэволюции, синергетизма, челоукооразмерности природы и космоса и в виде других систем биокосмо-антропологического характера, что диктует адекватное познавательное поведение.

Можно выделить следующие актуальные задачи для современных специалистов по философии естествознания:

1. Рассмотрение специфики естественнонаучного и специфики гуманитарного знания, выделение периода попытки объединения этих «двух культур» в философии XIX в. и тенденцию современного их слияния в единую картину мира. Необходимо показать на конкретных областях знания, имея в виду их инновационный характер, начало движения философии в сторону естествознания и естествознания в сторону философии в период нововременной научной революции (XVII век) и сопоставить с современной научной революцией.

2. Анализ нового процесса сближения естествознания и гуманитарных наук (начало XX века), который связан с появлением двух фундаментальных концепций в физике: теории относительности и квантовой теории поля. Это предполагает ответ на вопрос: как это отразилось на химии, биологии, физике, географии, космологии и на традиционных философских категориях: «материя», «движение», «пространство», «время»?

3. Демонстрация эволюции науки от классического ее состояния к неклассическому и постнеклассическому. В этом движении происходит становление философии естествознания. Такая задача требует описания истории философии естествознания.

4. Характеристика феномена «научная картина мира» и описание современной картины мира, с определением в ней места естествознания.

5. Отражение современного понимания природы и его отличия от предшествующей натурфилософии.

6. Поиск тех блоков знания, в которых происходит совпадение философии и любой частной науки (например «среда обитания», «биосфера», «ноосфера»).

Теоретический замысел Юрия Андреевича Жданова, касающийся сближения философского и научного способов освоения действительности, воплотился в обязательном курсе «Концепции современного естествознания», что позволяет говорить о его предвидении, предвосхищении научно-познавательной и методико-образовательной ситуации в высшей школе.

Использованная литература:

1. Волков Ю. Г. Ю. А. Жданов и его воспоминания // Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004.

2. *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1998.

3. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия: учеб. М: Проспект, 1996.

4. *Жданов Ю. А.* Без теории нам смерть! смерть! смерть! // Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004.

5. *Вернадский В. И.* О научном мировоззрении // Очерки и речи. Вып. 2. Петроград: Научное химико-техническое изд-во, 1922.

6. *Таланов В. М. В. И. Вернадский и Ю. А. Жданов:* высокое соприкосновение // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1.

7. *Жданов Ю. А.* На волнах философии // Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004.

8. *Жданов Ю. А.* Главный инструмент познания // Светлые мысли, четкие идеи (статьи из периодики прошлых лет). – Ростов н/Д: Антей, 2009.

9. *Жданов Ю. А.* Социальная роль общественных наук // Светлые мысли, четкие идеи (статьи из периодики прошлых лет). Ростов н/Д: Антей, 2009.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПРОТИВОСТОЯНИЯ ФОРМИРОВАНИЮ МАНИПУЛЯТИВНЫХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы формирования личности человека в условиях современной социокультурной среды. Автор изучает условия успешной социализации личности как взаимодействие таких параметров личности как психологическая зрелость и формирование манипулятивных установок личности.

Ключевые слова: *психологическая зрелость, манипулятивные технологии, самопонимание, рефлексивность, самоактуализация, макиавеллизм.*

The article deals with the problems of formation of human personality in the modern social and cultural environment. The author examines the conditions for successful socialization of the individual parameters such as the interaction of the individual as psychological maturity and formation settings manipulative personality.

Keywords: *psychological maturity, manipulative technologies, self-understanding, reflexivity, self-actualization, machiavellianism.*

При всем исключительном богатстве и разнообразии находящегося в распоряжении ученых исследовательского инструментария, нельзя не признать, что в самом подходе к вопросу о феномене человека различные научные и философские направления нередко до сих пор не только не идут «в ногу с прогрессом», но постоянно демонстрируют тенденцию вернуться к скептическому взгляду, который был свойствен еще христианской патристике, всесторонне развившей библейский миф о грехопадении. Конечно, М. Фуко был прав лишь до известной степени, когда он утверждал, что человек впервые за все время своего существования стал объектом познания лишь в XIX в. в результате «общей перестройки эпистемы», в то время как под именем человека или человеческой природы XVIII век передал эмпирическим наукам «некоторое, очерченное извне, но пока еще пустое изнутри пространство, которое они должны были объять и исследовать» [1].

Возможно, наиболее характерным отличием современного подхода к природе человека от предшествующих эпох являет-

* АНЦИБОР Людмила Михайловна – доктор биологических наук, доцент кафедры общей психологии Молдавского государственного университета, г. Кишинев, Республика Молдова (e-mail: mantsibor@mail.ru).

ANTSIBOR Lyudmila M. – Ph.D. (Biology), Associate Professor, Department of General Psychology Moldova State University, Kishinev, Moldova (e-mail: mantsibor@mail.ru).

ся представление о том, что исторические и культурные особенности, выражающие ее динамику, опираются на сложный ряд структурных взаимодействий, важнейшим из которых является примат социальной психологии над индивидуальной. Многие психологи и антропологи приходят также к тому убеждению, что человеческая природа формируется в результате изначально заложенного в ней конфликта биологических и социокультурных факторов. Но подобная констатация часто является основой для далеко не утешительных выводов. «Человеческий мозг, – отмечал Э. Фромм, – живет в двадцатом веке; сердце большинства людей – все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы» [2].

Условия успешной социализации личности являются предметом изучения современных теории личности, акцентируемых на «здоровых» способах социализации. В данном контексте представляет интерес изучение взаимодействия таких параметров личности как психологическая зрелость и формирование манипулятивных установок личности.

Степень зрелости личности, по Б. Г. Ананьеву, выражается в способности принимать собственные решения и сознательно осуществлять выбор в сложных жизненных ситуациях, быть целостным, автономным и творческим [3]. Э. Эриксон выделяет такие качества зрелой личности, как индивидуальность, самостоятельность, своеобразие, смелость быть отличным от других [4].

Для достижения зрелости индивид должен свободно ориентироваться в окружающем его мире, преодолеть своё стремление получать поддержку извне и найти новые источники уверенности в самом себе. Однако зрелость психического развития создает лишь возможность для самоосуществления человека в качестве члена социума. Эта возможность реализуется в поведении человека, в его поступках, оцениваемых сквозь призму социальных ценностей, которые определяются конкретными экономико-культурными условиями. С понятием социальной зрелости следует связывать внутреннюю установку личности на имеющие позитивную направленность общечеловеческие ценности, их культурное содержание и цивилизационные гуманистические импульсы [5].

Недостаточная зрелость психического развития на этапе формирования самосознания и рефлексии не может служить на-

дежной основой социального поведения личности, способствуя усилению склонности к манипулированию. Незрелый индивид инстинктивно стремится манипулировать своим окружением для удовлетворения своих потребностей и желаний. Макиавеллизм является одним из свойств личности, в наибольшей степени связанных с манипулятивным характером поведения.

Теоретические и экспериментальные разработки психологов дают основание предположить, что макиавеллисты (личности, отдающие предпочтение манипуляции как наиболее естественной и эффективной стратегии поведения во взаимоотношениях с людьми для достижения личных целей) являются успешными манипуляторами. Манипуляция построена на том, что человек скрывает свои подлинные намерения и с помощью ложных отвлекающих маневров добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели. Макиавеллисты способны выбирать определенную линию поведения, могут умело «подтасовать» информацию и сформировать ложное впечатление о себе с целью добиться желаемого результата. Основной характеристикой, которая делает макиавеллиста «макиавеллистом», является склонность к манипулированию другими ради собственной выгоды, использование манипуляции в качестве основного средства достижения поставленных целей, которая может быть разной в зависимости от этих целей. В зависимости от целей выбираются и соответствующие «манипулятивные технологии». Именно технологическая вариативность позволяет макиавеллистам добиваться желаемого результата. В общении они, как правило, предметно ориентированы: в социальных взаимодействиях они более целеустремленны и конкурентоспособны, прежде всего, благодаря ориентации на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами. Высказываются даже предположения о том, что субъекты с высокой степенью выраженности макиавеллизма отличаются от «немакиавеллов» коммуникативной ригидностью, низкой эмпатичностью, они игнорируют психологические особенности партнера и т.д. [6].

Целью данного исследования является изучение структурных компонентов самопонимания и сравнительный анализ проявления макиавеллизма в характере личности в зависимости от степени ее психологической зрелости. Всего в эксперименте приняли участие 220 человек в возрасте от 18 до 48 лет (средний возраст 23,6 г.). Для исследования были использованы: Мак-шкала-IV (Geis, 1978; в апробации Знакова), м. оценка уровня самоактуализации (Калина, 1997), м. диагностики уровня не-

вротизации Вассермана, м. «оценка степени зрелости личности» (Стивенса), м. смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2000) и м. определения уровня рефлексивности (Карпов, 2003).

Полученные на первом этапе исследования результаты свидетельствуют о следующем: чем больше степень самоактуализации личности, тем ниже уровень невротизации ($p > 0,01$); чем больше личность стремится к самоактуализации, тем меньше у неё проявляются черты характера, свойственные «макиавеллистски» направленной личности ($p > 0,05$). Стремление человека к самоактуализации препятствует формированию личности склонной к манипулированию. Как индивидуальная черта, макиавеллизм отражает желание и намерение человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях, в то время как самоактуализация указывает на стремление человека к здоровым отношениям с людьми, далекое от желания использовать другого в своих интересах. Человек, разделяющий ценности самоактуализирующейся личности, не склонен манипулировать людьми.

По результатам исследования «оценки степени зрелости личности» выявлено, что в группе так называемых «подростков» макиавеллистов в 2,5 раза больше, чем немакиавеллистов, в то время как, «взрослых» больше среди немакиавеллистов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что оценки по Мак-шкале отрицательно коррелируют с общим показателем оценки «зрелости» личности ($p > 0,05$). Это может объясняться тем, что взрослый человек, остановившийся в своем развитии на уровне «подростка», во всем проявляет заложенный в нем дух соперничества и стремления к победе. Такие люди делят мир на победителей и побежденных, сильных и слабых, богатых и бедных; с их точки зрения, жульничество и обман для достижения успеха вполне оправданы. Они способны наперед просчитывать свои ходы и знают, как пользоваться убеждением, умело выстроенной системой аргументов. Отсюда и склонность «подростка» к манипулятивному поведению, так как их внимание целиком направлено на достижение победы, славы, власти и общественного положения любыми способами. Психологически зрелая личность менее всего будет использовать в своем поведении такую стратегию поведения, как манипуляция. Становление человека как полноценного члена общества, характеризуется, во-первых, его превращением в индивида, конструктивно функционирующего на благо себе и другим, и, во-вторых, его умением брать на себя ответственность, а это предполагает честность и открытость во взаимоотношениях.

Зрелая личность дает возможность другому человеку быть таким, какой он есть, в то время как макиавеллист испытывает трудности во взаимопонимании, что усложняет взаимоотношения и снижает уровень социальной адаптации. Зрелая личность способна успешно, продуктивно трудиться, правильно строить свою жизнь, взаимоотношения, а не заниматься саморазрушением и обвинением других в случае неудач, искать новые пути их преодоления. В то время как макиавеллист видит в другом человеке, не партнера, не отдельную личность, а лишь средство достижения своих целей.

Из возрастной психологии известно, что в юношеском возрасте наблюдается завышенный уровень притязаний, сочетающийся с недостаточной самостоятельностью и готовностью к самоотдаче. Последнее не способствует установлению партнерского доверия, располагая субъектов к асимметричному межличностному взаимодействию по принципу «доминирование-подчинение». Одним из ключевых понятий или факторов, необходимых для полноценного развития и формирования личности, является процесс самопонимания, который направлен на то, чтобы «дифференцировать личность от общества», подчеркнуть ее индивидуальность, неповторимость, непохожесть на других (В. Дэймон и Д. Харт, С. Кук-Грейтор, Кодол). В философии индивидуализация понимается как процесс отделения особенного в индивидуе от присущих ему элементов «всеобщего». Принцип индивидуализации (*principum individuationis*) является основой существования живых особей как неповторимых сущностей (Аристотель, Локк, Шопенгауэр, Шеллинг, Лейбниц). В основу данной позиции положено понимание индивидуализации как некой основы существования. В психологическом аспекте индивидуализация мыслится как процесс поиска человеком душевной гармонии, интеграции, целостности, осмысленности. Таким образом, встает следующий вопрос: не является ли самопонимание одним из условий формирования склонности личности к манипулированию, так как по определению макиавеллист относится к другому как к бездушной вещи, в то время как процесс индивидуализации, психологической зрелости предполагает качественные изменения на ценностно-моральном уровне и исключает такую форму взаимоотношений как «обладание» (Фромм).

Подлинное бытие личности, по мнению Бинсвангера, обнаруживается благодаря углублению её в себя с целью выбрать независимый ни от чего внешнего «жизненный план». В тех

же случаях, когда открытость индивида будущему исчезает, он начинает ощущать себя заброшенным, а его внутренний мир сужается, возможности развития остаются за горизонтом видения и, как следствие, возникает невроз и желание использовать другого в качестве средства для удовлетворения собственных желаний [7].

Как показали результаты второго этапа исследования (структура самопонимания) у макиавеллистов рефлексивность отрицательно коррелирует с автономностью, автосимпатией и спонтанностью ($r=-,395$, $r=-,679$, $r=-,395$), т.е., по сравнению с немакиавеллистом она носит в большей степени критический характер. Это блокирует возможность спонтанного самовыражения, самоощущенности и самопонимания, говорит о некоторой дисгармоничности, разорванности экзистенциального компонента самопонимания у макиавеллистов. Если в норме все его компоненты развиваются равномерно, включая в себя свободу самовыражения, высокую степень осмысленности, то у макиавеллистов как бы выпячиваются лишь некоторые стороны процесса самопонимания и осмысления жизни. Так, например, «независимость» может соседствовать с низкой степенью осмысленности жизни, но в то же время является свидетельством неудовлетворенности ею: «принятие себя» сочетается с невозможностью разрешить себе быть собой, т.е. жить «здесь и сейчас». Возможно, Мак-личность довольна собой, лишь играя определенную роль, которая ей выгодна сейчас, и она следует сценарию, логике роли именно из-за отсутствия глубинного доверия к себе, к миру, и к окружающим ее людям.

С. Кьергергор, М. Хайдеггер и К. Ясперс неоднократно подчеркивали, что существовать – значит всегда быть поставленным перед выбором. Любая жизненная ситуация содержит в себе несколько альтернатив и, человек стоит перед необходимостью принять решение: быть ли самим собой или «промахнуться» мимо себя», вступив на путь манипулятивного взаимодействия. Несмотря на то, что макиавеллисты лучше замечают слабые места других людей и успешно пользуются этим умением, трудно представить себе, что они лучше понимают партнера по общению и тем более понимают самих себя. Самопонимание относится к более широкому бытийному плану сознания субъекта и предполагает возможность человека выйти за собственные пределы, узнать правду о себе. Направленность к своему внутреннему миру предполагает «экзистенциальные размышления о себе» и включение в какую-то иную систему координат, в которой жизнь

наделена смыслом [8]. Напротив, невротическое стремление, например, к власти, характеризуется стремлением к господству в сочетании с неуважением к другим людям, к их индивидуальности и достоинству чувств, преклонением перед любой силой и презрением к слабости, а также боязнью неконтролируемых ситуаций и др. [9] В известном смысле, всё это и присуще макиавеллисту.

Таким образом, можно утверждать, что существуют некоторые особенности в структуре самопонимания у личности, склонной к манипулированию, а именно: им присуща большая по сравнению с немакиавеллистом, поляризация, большее противопоставление когнитивного и экзистенциального компонентов, которые и создают благоприятные условия для формирования манипулятивных установок личности. Развитие самопонимания способствует согласованию реального поведения с ощущением самого себя, что выражается в осмыслении жизни и сохранении позитивного отношения к себе как целостной личности. Это, в свою очередь, исключает отношение к человеку как к вещи и использование его лишь в своих корыстных целях.

В настоящее время в практику учебной и творческой деятельности вводят психологические тренинги по обучению элементам психической саморегуляции. Однако необходимо усилить внимание к психодидактике, т.е. приемам педагогического воздействия на психическое состояние учащегося с целью достижения эффекта обучения и воспитания личности, которая имеет не только определенный статус в системе социальных отношений, но и особым образом относящееся к самому себе. В тоже время, нельзя выпускать из виду билатеральность воспитательного процесса: не только взрослые формируют личность ребенка, но и сами они изменяются в процессе общения под воздействием самой формируемой личности.

Использованная литература:

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1994. С. 364-365
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 11.
3. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001. С. 272.
4. Эриксон Э. Детство и общество. М., 1996. С. 592.
5. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека в контексте андрологии // Новые знания. 2002. №4. С. 17-20.

6. *Ames M., Kidd A. H.* Machiavellism and women's grave point average // *Psychological Reports*. 1979. Vol. 4. №1.
7. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. М., 1999. С. 300.
8. *Знаков В. В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // *Психологический журнал*. 2005. Т. 26. №1. С. 18-28.
9. *Хорни К.* Самоанализ. М., 2007. С. 208.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
АДАПТАЦИИ СЕМЕЙ
МИГРАНТОВ В РФ**

*(исследование ведется при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 11-06-00587а)*

Автор рассматривает формы и позиции организации адаптационной педагогической работы с семьями вынужденных мигрантов в РФ, которые позволяют снизить негативные последствия вынужденного переселения и создать условия для личностного роста мигрантов в новом мультикультурном пространстве.

The author examines the shape and position of the organization of adaptive educational work with the families of forced migrants in the Russian Federation, which can reduce the negative impact of forced displacement and to facilitate personal growth of workers in the new multicultural space.

Ключевые слова: миграция, семья, социокультурное пространство, адаптация, культура, духовные традиции, духовные ценности, толерантность, образование.

Keywords: migration, family, social and cultural space, adaptation, culture, spiritual traditions, spiritual values, tolerance and education.

Во второй половине двадцатого столетия миграционные процессы приобрели глобальные масштабы, охватив все страны, социальные группы, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Развитие трудового обмена между странами Содружества является чрезвычайно сегодня важным для стабилизации развития СНГ. Это объясняется тесными историческими, культурными и экономическими связями между государствами-участниками СНГ. По прогнозам экспертов, иммиграция в Россию с каждым

* ЯКУШКИНА Мария Сергеевна – доктор педагогических наук, заведующая лабораторией формирования образовательного пространства СНГ ФГНУ «Институт педагогического образования и образования взрослых» Российской академии образования (e-mail: vosp_spbgu@mail.ru).

YAKUSHKINA Maria S. – Ph.D. (Pedagogy), Head of the Laboratory of Educational Formation of the Commonwealth of Independent of the Teacher Education and Adult Education of the Russian Academy of Education (e-mail: vosp_spbgu@mail.ru).

годом будет приобретать все большее экономическое и политическое значение, так как доля россиян в трудоспособном возрасте, начиная с 2007 года, постоянно уменьшается. До 2020 года – даже с учетом ежегодного миграционного притока в 300 тысяч человек – число трудоспособных жителей в России будет сокращаться ежегодно примерно на миллион. В целом в ближайшем будущем развитию миграционных потоков будут способствовать следующие факторы: изменение демографической ситуации и потребностей рынка труда в промышленно развитых странах, безработица и кризис в положении населения в менее развитых странах, формирование международных сетей на основе традиций семьи, культуры и истории.

Неравенство в развитии государств и обществ стало столь очевидным, что миграцию остановить уже невозможно; в то же время демографические проблемы большинства развитых стран побуждают теперь правительства этих государств не к закрытию границ, а к поиску новых путей совместного существования различных этносов и культур, конфессиональных и социальных групп. В ситуации быстрого старения населения большинства европейских стран миграция дает шанс на сохранение возрастного, а, следовательно, и экономического баланса в обществе. В последнее время это правило становится применимым и к России. Однако социальная инфраструктура России не рассчитана на такое значительное увеличение удельного веса вынужденных переселенцев среди населения, что создает социально-экономическую напряженность. Особая трудность решения проблем, стоящих перед вынужденными мигрантами, ложится на тех, кто приезжает с семьями. Ведь процесс адаптации семей к новым условиям осуществляется путем серьезных экономических, социокультурных, психологических изменений в странах-реципиентах рабочей силы.

Позитивное решение проблем семей вынужденных мигрантов сталкивается с рядом противоречий:

- между востребованностью трудовой миграции в экономике ряда стран, в том числе России, и невозможностью сопровождения административными структурами и экспертным сообществом потоков нелегальных трудовых мигрантов в целом, их адаптации и адаптации их семей к новым условиям работы и жизни.

- между реальным наличием в различных регионах страны семей вынужденных мигрантов и недостаточной подготовленностью общества к созданию оптимальных условий для решения социальных и личностных проблем, адаптации семей

вынужденных мигрантов в новом для себя социокультурном пространстве;

– между потенциальными возможностями школы в решении социально-педагогических проблем детей вынужденных мигрантов и недостаточной научно-теоретической и практической разработанностью технологий деятельности с данной категорией населения;

– между потребностью в высококвалифицированных специалистах, способных профессионально оказывать помощь семьям вынужденных мигрантов, и отсутствием научно-методического обеспечения для подготовки данной категории специалистов.

Сегодня проблемы правовой, социальной, психологической и культурной адаптации мигрантов и их семей относят к ключевым вопросам стабилизации миграционной ситуации в государствах-участниках СНГ. Чем выше уровень адаптации мигрантов к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача людей для развития регионов, и наоборот, усиление конфликтного потенциала миграционных потоков на территориях въезда снижает уровень адаптации вынужденных мигрантов, деструктурирует рынок труда и усиливает социальную напряженность.

К настоящему времени законодательство СНГ о трудовой миграции представлено рекомендательным законодательным актом «Миграция трудовых ресурсов в странах СНГ», содержащим базовые принципы согласованной законодательной политики в области трудовой миграции в рамках СНГ, а также Соглашением правительств государств – участников СНГ о сотрудничестве в области миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов. Они регулируют основные направления сотрудничества в области трудовой деятельности и социальной защиты работников-мигрантов и членов их семей.

Серьезной проблемой остается социальная адаптация мигрантов, основанная на субъективной интерпретации адаптивной ситуации, направленная на оптимизацию вхождения мигрантов в новую социокультурную среду. Она возможна посредством принятия норм и ценностей новой среды, сложившихся здесь форм социального взаимодействия, а также изменения социокультурной среды в целях приспособления ее к себе. Социальная адаптация создаёт условия, которые способствуют разрешению противоречия «между степенью идентификации человека с обществом и степенью обособления его в обществе» [1].

Невероятно сложна сегодня проблема культурной адаптации мигрантов. «Люди стали больше ездить, народы – активнее переселяться в поисках работы, лучших климатических условий, лучшего будущего для своих детей» (А. Авдеев). «Мы сможем найти пути к тому, чтобы помочь этим людям, особенно тем, кто искренне хочет стать полнокровным жителем России, узнать наш язык, культуру, духовные традиции и ценности» (К. Ромодановский). Как отмечают аналитики, проблема культурной адаптации сегодня не решается коренным образом, в результате возникают конфликты на межнациональной почве.

В разработке миграционной педагогики исследователи опираются на труды отечественных педагогов А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко В. А. Сухомлинского и других, в которых обосновывается важность педагогической поддержки в развитии личности; а также на работы, раскрывающие основы педагогики сотрудничества (Ш. А. Амонашвили, И. Д. Демакова и др.), педагогики диалога (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Б. М. Бим-Бад и др.), педагогики свободы (О. С. Газман, А. Г. Асмолов и др.), педагогики творчества (Ю. П. Азаров, Т. А. Барышева и др.).

Исследователи указывают, что адаптация семей мигрантов будет успешной, прежде всего, при овладении мигрантами национально-культурными ценностями принимаемой страны. Усвоение национальных культурно-исторических ценностей требует знакомства с культурными достижениями других народов, овладения ими и далее формирования культуры межнационального общения. Культура – это не только еда, одежда и песни. Это и образ мыслей, и быт, и способы общения. Однако культура может одновременно выступать как средство общения, сплочения людей и как средство разобщения. Основной причиной конфликтов и столкновений в различных регионах является низкий уровень культуры межнационального общения. Культура мигрантов развивается только на грани культур, в диалоге с другими культурами. Педагогика диалога, по мнению исследователей, является важнейшей средой адаптации и педагогической поддержки детей-мигрантов в инокультурной среде (Е. В. Бондаревская, О. В. Гукаленко, И. В. Бабенко, Л. М. Сухорукова).

Ценными для российской миграционной педагогики являются идеи гуманистической психологии, педагогики, демократизации образования, толерантности, мультикультурализма, воспитания ребенка в поликультурном обществе. Выбор этих идей в качестве доминирующих и целесообразных для педаго-

гической поддержки детей-мигрантов обусловлен тем, что эти теории создают условия для усвоения детьми смыслов творческой жизнедеятельности, обретения ценности жизни и ее сохранения, потребности и умения жить в поликультурном обществе в диалоге с различными национальными культурами (Ш. А. Амонашвили, Л. С. Выготский, О. С. Газман, Н. Б. Крылова, Н. Л. Селиванова и др.). Педагогический опыт большинства изначально мультикультурных стран, принимающих мигрантов, показывает, насколько важно принятие концепции межкультурного образования и воспитания. В первую очередь это несет пользу коренному населению (или национальному большинству) страны, озабоченной сохранением социальной стабильности в обществе.

Ребенок-мигрант, живущий под влиянием мигрантской субкультуры и наталкивающийся ежедневно на культуру большинства, находится в сложной кризисной ситуации. Здесь огромную роль играет педагогическая поддержка ребенка в форме занятий родным языком, включения в содержание образования в детском саду и школе культурных архетипов (сказок, песен, игр). Все это способствует развитию языка общения между детьми доминирующей культуры и культуры меньшинства, ускоряет интеграцию ребенка в новую культуру.

В настоящее время актуальной является идея поликультурного или мультикультурного образования в едином образовательном и воспитательном пространстве СНГ. В последние годы в России заметны успехи поликультурного воспитания. Поликультурное воспитание направлено на освоение подрастающим поколением этнической, общенациональной (русской) и мировой культуры в целях формирования готовности и умения жить в многокультурной полиэтничной среде.

Высшей ценностью поликультурного образовательного и воспитательного пространства является человек, личность учащегося, а главный смысл и цель образования должны быть связаны с его развитием, социально-педагогической поддержкой, защитой индивидуальности, ненасильственным культуросообразным воспитанием, созданием условий для творческой самореализации.

Механизмом, обеспечивающим поддержку и защиту личности в поликультурном образовании в контексте педагогики работы с детьми-мигрантами, является создание условий, при которых учащийся-мигрант является активным субъектом учебно-воспитательного процесса.

Положительный результат может быть достигнут лишь общей, интегрированной совместной деятельностью в области поликультурного образования всех видов служб региона, края, города, школы.

Поликультурное образовательное учреждение – это не просто институт формирования знаний, умений, навыков и организации воспитательного влияния педагогов на учеников, а пространство их совместной жизнедеятельности, в котором осуществляется соединение культурного, социального, собственно образовательного и личностного начал.

Эффективным институтом социализации, социальной адаптации, поддержки и защиты личности вынужденного мигранта наряду с семьей может явиться школа как «открытая» социально-педагогическая система, поскольку в новых экономических, политических и социокультурных условиях, в которых оказывается семья вынужденного мигранта, снижаются ее адаптационные возможности, что вызывает необходимость оказания им квалифицированной помощи со стороны других социальных институтов.

Другим институтом, имеющим образовательную и воспитательную функцию, является музей. Социально-педагогическая работа музеев с семьями вынужденных мигрантов и их детьми явится «инструментом» эффективного влияния на семью, а также оказания личностно-ориентированной помощи личности вынужденного мигранта в ее интеграции в новое социокультурное пространство. При этом главным направлением социально-педагогической работы музея будет являться создание оптимальных условий для решения социальных и личностных проблем детей вынужденных мигрантов и их семей.

Работа школы или иного образовательного института с семьями вынужденных мигрантов будет эффективной, если: учреждение станет «открытой» системой и будет использовать в образовательном и воспитательном процессе потенциал различных социумов.

Необходимо отметить, что специалистам, а особенно руководителям образовательных учреждений, в которых обучаются дети вынужденных мигрантов, желательно строить свою работу по следующим позициям:

1. Повышение профессиональной компетентности специалистов учреждений, работающих с семьями вынужденных мигрантов и их детьми посредством проведения специальных обучающих программ;

2. Использование личностно ориентированных технологий, которые представляют собой воплощение гуманистиче-

ской направленности, обращенность к человеку, гуманистические нормы и идеалы;

3. Использование позитивного регионального потенциала для развития поликультурного образовательного пространства;

4. Создание в структуре образовательного учреждения службы помощи для поддержки, реабилитации детей и взрослых;

5. Взаимодействие с другими социальными институтами в работе с данной категорией населения (сфера дополнительного образования, различные общественные и государственные организации и др.)

6. Активное использование диагностик.

Важную роль в адаптации детей-мигрантов, освоении ими различных социальных ролей – их социализации мы отводим игре, игрушкам, куклам.

Проблематика куклы, с одной стороны – уходит корнями в традицию, ритуал. С другой стороны, она чрезвычайно современна и актуальна, ведь не только мигрант, но и любой человек, в связи с усложнением социальной структуры общества, вынужден сегодня «примерять» на себя многие символы и роли. Надевая маску или костюм, человек сам обретает черты куклы, куклы-марионетки. В этом, однако, и есть серьезная проблема, ведь марионетка – кукла, движениями которой кто-то управляет с помощью невидимых нитей [2]. Сегодня существует даже переносный смысл этого понятия: в переносном значении марионетка – человек, являющийся послушным орудием в чужих руках.

Современные исследователи отмечают широкий спектр воздействия кукол на детей (Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Э. Ле Шан, В. К. Лосева, А. М. Михайлов). С помощью игры в куклы можно и следует стимулировать развитие любого ребенка. Кукла занимает особое место среди игрушек, потому что она – отображение человека. С ее помощью дети, разыгрывая бытовые сценки, ищут собственное «я» [3]. Кукла – это «друг, с которым можно поделиться сокровенными мыслями, горестями и радостями». Важно подчеркнуть, что кукла формирует у ребенка мотивацию к доверию, послушанию, желанию делать людям добро, выступает наглядным примером того, как надо вести себя в различных ситуациях.

Кукла в руках ребенка позволяет ему самостоятельно пробовать то, что делают взрослые, чтобы понять, зачем они это делают. Сначала ребенок переносит в игру с куклой то, что делает мама и другие взрослые; затем все то, что он видит в жизни.

Часто родители не обращают внимания на игры своих детей с куклами. Взрослые в первую очередь стремятся научить ребенка чему-то, с их точки зрения, «разумному»: конструированию, счету, письму, анализу и логике, не уделяя должного внимания игре с куклами, не понимая всей ее важности и значения. А ведь через наблюдение за игрой ребенка с куклой можно многое узнать о его проблемах [2, 3]. Вовремя не замеченные, неувиденные, неосознаваемые взрослыми проблемы детей приводят подчас к тому, что у ребенка появляется предрасположенность к психологическим заболеваниям, таким как, как: заикание, энурез и т.д. Вместе с тем, эффективным способом лечения таких заболеваний может стать именно кукла, игра с ней: в литературе описаны случаи лечения при помощи кукол бронхиальной астмы, диатеза, кожных аллергических и сердечно-сосудистых заболеваний [4]. Наблюдения психологов, медиков, педагогов свидетельствуют о том, что посредством куклы – когда внимание ребенка сосредоточено на игре – можно разрешить накопившиеся проблемы гораздо быстрее и эффективнее, чем в разговоре, беседе с врачом, психологом. Организация самостоятельной игры ребенка с куклой позволяет создать условия для коррекции его поведения, т.е. в целом для социализации ребенка. Самостоятельная игра ребенка с куклой позволяет взрослому – родителю, воспитателю или педагогу детского учреждения – увидеть проблему ребенка: часто дети не рассказывают, что с ними происходит, но воспроизводят ситуацию в игре [5].

Издавна считалось, что кукла – защитный барьер и для ребенка, и для взрослого. Так, на Руси тряпичную куклу дарили новорожденному для защиты от нечисти, невесте, покидающей дом матери, от бесплодия. Куклу клали в постель роженице для облегчения родов. Воспитателю дошкольного учреждения организация самостоятельной деятельности ребенка с куклой позволяет защитить себя от многих негативных ситуаций, которые приносят дети из дома, спрятаться, наблюдая со стороны и решая возникшие проблемы, «не погружаясь» в них.

Для детской куклотерапии можно помочь ребенку своими руками создать куклу, похожую на его страх. Ребенок ее рисует на куске плотного картона. Кукла вырезается и подвешивается на нитку. В результате, устраивая театр теней, играя с куклой, ребенок получает возможность «управлять» своим страхом.

Как смастерить такую традиционную куколку-оберег из лоскутков [6]. Для этого нужен следующий материал: прямоугольный или квадратный кусочек льняной или хлопчатобу-

мажной ткани примерно размером с носовой платок, несколько пестрых лоскутков, нитки. Сворачиваем льняную ткань в трубочку. Кладем ее на середину квадрата из белой ткани по диагонали. Сверху ткань загибаем, заворачиваем в нее часть льняного валика. На треть от края перетягиваем все ниткой – получилась шея и голова. Два угла привязанной к валику ткани свободно болтаются по бокам – это руки. Перевязываем их на концах, так, чтобы вышли ладошки. Середину туловища обматываем свободной частью белой ткани и фиксируем нитками место талии. На лысую голову повязываем платочек – первый пестрый лоскуток, из второго делаем юбочку. Из третьего, самого маленького, – фартук.

Очевидно, что создание программы самостоятельной работы с куклой в дошкольном учреждении или в школе может включать в себя разные направления, связанные с определенными операциями ребенка с куклой: изготовление народных, этнографических кукол, кукол-оберегов; изготовление кукол страхов и обучение ребенка управлять ею, для того, чтобы снять страх; изготовление кукол для игры как процесс; обучение ребенка игры с куклами для освоения действий взрослых из взрослой жизни – что собственно и станет основой примеривания ребенком разных ролей и социализации.

Игра ребенка с куклой не должна быть эпизодичной; это целенаправленный, последовательный, поэтапный процесс, который лучше всего, эффективнее осуществляется в рамках совместного взаимодействия детей и взрослых – воспитателей, сотрудников музея, имеющих тематические кукольные экспозиции, родителей.

Формирование программы самостоятельной деятельности ребенка с куклой в образовательном учреждении может происходить в созданных в ДОО детско-взрослых творческих сообществах детей-мигрантов, родителей, педагогов [7].

Анализ литературных источников показывает, что создание интерактивного воспитательного пространства на территории музея требует значительных изменений в деятельности музейных педагогов: создания в музее условий для самостоятельности, самовыражения в соответствующим образом организованном воспитательном пространстве дошкольного образовательного учреждения, школы, микрорайона, муниципального района.

Примером такого, созданного при помощи среды музейных экспонатов, воспитательного пространства может быть рассмо-

трено пространство Детского исторического музея, расположенного в Музее политической истории России, где воссоздан интерьер крестьянской избы. Здесь детей знакомят с жизнью крестьян на Руси в XIX веке; рассказывают и показывают, какими игрушками играли дети в то время.

Важным направлением работы по социализации детей-мигрантов может быть деятельность по изготовлению игрушки – в нашем примере на базе Детского исторического музея работает «Мастерская Филиппка», где детям предлагают самим сделать игрушки из ткани, бумаги или картона. В процессе изготовления игрушки дети знакомятся с иной культурой, учатся ценить чужой труд, ведь и они могут попробовать свои силы в работе. Педагог вместе с ребенком, используя образцы русской народной игрушки – кукол, лошадок, деревянного паровоза, вышитой рубашки, лаптей, корзины – создает новые игрушки, новые игры, которые другие педагоги музея могут использовать во время занятий со следующими группами детей. Дети любят новые игрушки, поэтому после занятия в «Мастерской Филиппка», как правило, каждый ребенок уходит из музея со своей игрушкой в руках.

Чтобы получить воспитательный эффект от самого процесса изготовления игрушки и ее результата – полученной, созданной руками ребенка и взрослого игрушки – следует заранее оценить педагогическую полезность будущей игрушки и правильно выбрать материал для ее изготовления. Любая народная игрушка, органично сочетающая в себе древние традиции и индивидуальное творчество мастера, обязательно несла в себе отпечаток времени и местности, где она была изготовлена. Это всегда находило свое проявление в выборе материала, стиля и сюжета дальнейшего ее использования. Наиболее характерными, подсказанными самой природой материалами, с которыми имели дело русские мастера-игрушечники, является дерево и глина.

Сегодня педагоги при выборе игрушки и материала ориентируются на то обстоятельство, что дети многое познают с помощью осязания: они трогают всюду разные поверхности и структуры, слушают звучание, исследуют другие свойства. Выбирая игрушку и материал для самостоятельного творчества, необходимо также учитывать возраст, личностные особенности ребенка – из какого материала он любит и умеет что-либо делать.

Игрушка всегда должна побуждать ребенка действовать и творить, развивая воображение, моделируя ситуации из реальной жизни, несмотря на то, что музейный педагог подсказывает, помогает, учит, как сделать игрушку.

Еще один пример организации работы детей с игрушками – музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН [8, 9]. Здесь на китайской экспозиции, например, представлены различные куклы, собака Шидза (благопожелательный образ), тигры большие и маленькие (тигр символ силы и здоровья). По ходу занятия с детьми педагог выясняет, с какой игрушкой дети хотели бы поиграть, если бы им разрешили открыть шкафы, дает задание нарисовать эту игрушку дома, принести рисунок в детский сад или школу, устроить выставку рисунков, за которые в школе детям поставят оценку.

На следующее занятие дети приносят рисунки с понравившимися игрушками в музей, из них формируется выставка детских рисунков. Для детей-дошкольников закрепление материала проводится на экспозиции, когда они после экскурсии лепят, рисуют, делают аппликации того, что им больше всего понравилось. Как правило, это бывают игрушки. Все желающие своими руками делают игрушку и уносят с собой частичку уникального национального достояния, которое они видят в витрине.

Педагоги отмечают, что ребенок увлекается процессом превращения материала для творчества в игрушку; фантазирует, активизируя воображение; старается «оживить» предмет, задавая ему свою, собственную жизнь в пространстве и времени. Создавая подобный практикум, необходимо обратить внимание на то, что самодельные куклы и животные должны иметь существенные признаки, тогда одна и та же фигурка может изменяться: смеяться и плакать, спать и бежать, огорчаться и радоваться.

Незавершенность образа игрушки позволяет ребенку увидеть и создать в ней те черты и те качества, которые ему требуются для самореализации в данный момент. Дети, не имеющие игрушек-самоделок, как отмечают психологи, живут в обедненном мире.

В Российском этнографическом музее разработан комплекс образовательных программ, в которых заложена идея целостного восприятия культур разных народов России и СНГ через знакомство с традиционной культурой и бытом народа в игровой и театрализованной форме. Занятия в музее обязательно включают народные игры, танцы, знакомство с подлинными этнографическими предметами, в частности, с игрушками из глины, дерева, соломы, бересты и т.д. Это могут быть наборы матрешек, петушки, свистульки, куклы. Дети рассматривают игрушки, описывают их, узнают, что игрушки всегда жили вместе с людьми, служили им, украшали их быт.

Занятия начинаются с приветствия кукле, одетой в национальный костюм. Посещая эти занятия, дети не только знакомятся с народным искусством, но и сами становятся создателями игрушек из природного материала под руководством мастера – педагога. Наиболее востребовано изготовление детьми кукол-персонажей русских народных сказок. Далее с помощью самостоятельно изготовленных детьми кукол происходит постановка и показ уникального – единственного в своем роде спектакля.

В Музее американских индейцев в Нью-Йорке созданию условий для занятий с детьми, особенно с детьми-мигрантами, музейные педагоги уделяют наибольшую часть своего рабочего времени. Программы для детей предусматривают не только самостоятельное изготовление игрушек-кукол, но и воссоздание элементов быта – изготовление цветов, плетение корзин, плетение украшений из бисера, – приготовление пищи того народа, с которым в данный момент знакомятся дети. Под руководством педагога происходит весь процесс приготовления, затем дети все это съедают и, конечно же, убирают за собой. Дети уходят из музея сытыми и с игрушками в руках.

Подвижные игры, посильный труд – обязательные условия развития ребенка: ребенок играет потому, что хочет играть, а трудится, потому, что это его долг. Здесь для музейного педагога огромное поле деятельности – организовать труд в виде игры. Сфера игры – это сфера образов, условностей, раскрываемых фантазией ребенка возможностей. Только тот педагог сделает труд ребенка условием его физического, нравственного и интеллектуального развития, который сумеет найти занятие по силам и способностям, организовать его и обеспечить ребенку успех. Посредством вовлечения ребенка в трудовую деятельность, взрослый создает условия для воспитания у ребенка трудолюбия, укрепления памяти, закалки воли и характера.

Можно привести пример организации деятельности детей в Детском историческом центре Музея политической истории России. Педагог рассказывает, например, как проходил сев, какие традиции соблюдались: самый уважаемый человек на селе выбирался для того, чтобы весной бросить в землю первые зерна, при этом он надевал лучшую рубаху, плел новые лапти, а корзина для сева внутри обшивалась холстиной, чтобы ни одно зернышко не пропало зря. Детям разрешают трогать игрушки, рассматривать их, поиграть с ними. Им можно примерить детскую крестьянскую рубашку, лапти, подержать в руках корзи-

ну, попробовать определенным движением руки «бросить зерна в землю». Цель занятия: через игрушку, как этнографический источник, «погрузить» детей в мир русских традиций.

Включение в самостоятельное творчество присутствующих на занятиях родителей, совместное обсуждение проблем, связанных с воспитанием и социализацией детей-мигрантов, является не менее важной задачей.

В Кунсткамере на Китайской экспозиции широко представлены тряпичные игрушки, сделанные детьми совместно со взрослыми. Для музея эта экспозиция очень значима, т.к. она ярко иллюстрирует формирование китайских семейных традиций. Семьи в Китае всегда были очень большими, иметь 8-12 человек детей считалось нормой, одежда передавалась от старших к младшим, а когда совсем изнашивалась, из лоскутков шили игрушки, которые набивали старыми тряпками или ватой, а затем расписывали красками.

Позитивный опыт в организации самостоятельной трудовой деятельности детей и родителей с вышедшими из использования предметами – орудиями труда накоплен в этнографической деревне-музее под названием «Кикиберг», расположенной недалеко от Гамбурга. Она воссоздана на начало 20 века, а возраст орудий труда более 70-80 лет. Деревня «Кикиберг» длительное время являлась партнером МАЭ (Кунсткамеры) по организации этнографических исследований, экспедиций с участием школьников. В эту деревню родители с детьми могли приехать на несколько дней – это специфика музея удаленного от города. На территории музея можно пожить в деревенском доме. Поработать на пасеке и попробовать мед. Поработать в конюшне: почистить, покормить и поухаживать за лошадью и покататься на ней. Скосить участок поляны и покормить корову, заработав при этом молока. Можно постричь овец, почистить пруд, где разводят рыб, покормить их, заработав рыбу на ужин. Можно смастерить деревянную игрушку на старинном станке, но самое популярное место у посетителей – это кузница, где под руководством мастера можно выковать себе сувенир на память о посещении музея. Каждый посетитель сам выбирает себе занятие, мастера-педагоги помогают освоить ту или иную трудовую деятельность. Они показывают: как правильно косить траву, собирать мед на пасеке, доить корову, стричь овец. Посетителям предоставлена возможность – «примерить» на себе различные образы: косаря, пасечника, пчеловода, конюха, кузнеца. Хотелось бы подчеркнуть, что такая деятельность, с нашей точки зрения, востребо-

вана благодаря тому, что организована через формирование детско-взрослых общностей, где взрослые и дети трудятся рядом.

Уникальность любого музея для социализации семей мигрантов состоит в том, что подлинные предметы материальной культуры или отживших культур позволяют создать условия для активного диалога между ребенком, взрослым и музейным предметом. Преобразуя музейную среду, сообщества детей и взрослых пополняют ее новыми ценностями и традициями своего народа, «принимают, присваивают» ценности народа страны-реципиента рабочей силы, формируя воспитательное пространство как механизм социализации ребенка и в целом развития его личности.

Таким образом, организованная адаптационная педагогическая работа с семьями вынужденных мигрантов позволяет снизить негативные последствия вынужденного переселения, а, следовательно, и социально-экономическую напряженность в странах-реципиентах рабочей силы. Но главное – создать условия для личностного роста мигрантов в новом мультикультурном пространстве.

Использованная литература:

1. *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М: Изд-во МГУ, 1968. С . 67.

2. Кукла-марионетка [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.livemaster.ru/topic/1476>. (Дата обращения: 03.06.13).

3. *Зинкевич-Евстигнеева Т. Д., Михайлов А. М.* Волшебный источник. СПб: Питер, 1996.

4. Куклотерапия [Электрон. ресурс]. – Режим доступа http://www.psyline.ru/articles/8450_kukloterapiya.aspx. (Дата обращения: 03.06.13).

5. *Рождественская М. В.* Будьте внимательны к детям. Киев: Радянська школа, 1999.

6. Народная игрушка: куклы. Закрутка [Электрон. ресурс]. – Режим доступа <http://www.rukukla.ru/article/trya/zakrutka.htm>. (Дата обращения: 03.06.13).

7. *Якушкина М. С.* Основные модели взаимодействия институтов непрерывного образования в процессе формирования воспитательного пространства // Современные модели воспитания в условиях диверсификации образовательного пространства: тез. участников Летней науч. школы. Тверь: ООО ИПФ «Виарт», 2005. С. 118–126.

8. *Якушкина М. С., Будай Л. П.* Прикосновение к вечности: уроки Кунсткамеры: учеб. пособ. СПб: Паритет, 2003.

9. *Якушкина М. С., Будай Л. П.* Игры народов мир. СПб: МАЭ (Кунсткамера) РАН, 2004.

РАЗДЕЛ 2.

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

И. И. Горлова*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются проблемы состояния и перспектив развития культурологического образования, акцентируется внимание на проблемах подготовки специалистов-культурологов. Автор рассматривает основные этапы формирования культурологии как научной и учебной дисциплины в контексте проблем подготовки кадров.

This article discusses the status and prospects of development of cultural education, focuses on the problems of training specialists in cultural studies. The author considers the main stages of the Cultural Studies as an academic discipline and training in the context of training problems.

Ключевые слова: культура, культурология, культурологическое образование, учебная дисциплина, специалист-культуролог, ученый культуролог.

Keywords: culture, cultural studies, cultural studies education, academic discipline, specialist cultural studies, cultural researcher.

Важное место в осмыслении проблематики формирования и развития культурологического образования занимают исследования А. Я. Флиера, С. Н. Иконниковой, А. С. Запесоцкого, И. М. Быховской, Т. Ф. Кузнецовой, Л. М. Масоловой, О. Н. Астафьевой, А. В. Костиной, Г. И. Зверевой и др. В них рассматриваются теоретические основы, принципы и особенности государственной образовательной политики в сфере культуры (культурологическое образование), а также представлено осмысление проблем ее формирования и развития в социокультурном, цивилизационном аспекте.

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского института культурологии, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия (e-mail: ii.gorlova@gmail.com).

GORLOVA Irina I. – Ph.D. (Theory and History of Culture), Professor, Director of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Honored Worker of Science of The Russian Federation (e-mail: ii.gorlova@gmail.com).

Однако между учеными (культурологами, педагогами, философами, обществоведами) нет договоренности о том, как едино понимать термин «культурологическое образование». Разные концепции понимания культуры приводят к разным трактовкам задач и целей культурологического образования. Огромный опыт и впечатляющие результаты имеющиеся в отечественной науке в рамках изучения различных аспектов феномена культуры и конкретных форм ее проявления, богатая традиция и многоликость исследовательских школ в этой области познания, в конечном итоге обусловили появление новой самостоятельной области знания, отдельного научного направления – культурологии. В середине 1990-х годов «культурология» была закреплена в государственных образовательных стандартах не только в качестве базовой учебной дисциплины гуманитарно-социального цикла, но и в виде самостоятельной профессиональной образовательной программы подготовки студентов-культурологов.

О стремительном ее вхождении в учебные аудитории свидетельствует тот факт, что культурологии принадлежит особая, исключительная роль в исследовании феномена культуры.

В. М. Розин отмечает, что интерес к культурологии объясняется разными причинами: именно культурологи предложили новые оригинальные трактовки истории известных произведений искусства, личности их творцов. Культурология дает новое целостное видение, изменяет наше понимание, позволяет подняться еще на одну ступень научного познания и художественного постижения истории, современности, окружающего нас мира и нас самих [1]. Действительно, в период с 1960-х по начало 1990-х годов в нашей стране и за рубежом издано несколько десятков различных популярных книг, учебников, монографий и учебных пособий по культурологии, которые очень сильно различаются по структуре и содержанию.

Идея выделения культурологии в автономную и обособленную область научного знания была выдвинута в начале XX века Вильгельмом Оствальдом. Выдающийся немецкий химик и философ, лауреат Нобелевской премии он еще в 1915 году в своем сочинении «Система наук» впервые рассмотрел смысловые границы круга сходных явлений, определяемых понятием «культура», указав их общий характер (... «специфически человеческие особенности, отличающие род *homo sapiens* от прочих животных видов») и взаимную обусловленность. Предметную область соответствующих явлений Освальд предложил назы-

вать «наукой о цивилизации», или культурологией, которую считал одной из наук XX века [2].

Известный американский культурантрополог Лесли Уайт ввел в научный оборот само понятие «культурология». По его представлению культурология в отличие от всех других наук о культуре, акцентирует внимание на теоретических вопросах. Его главной задачей является создание некоего концептуального конструкта, который дает возможность рассматривать под одним углом зрения как дописьменные, так и письменные культуры. На эту мысль Уайта натолкнуло осознание ограниченности структурно-функционального и психологического подходов, используемых антропологами США и Европы при исследовании локальных культур африканского континента, Океании и Южной Америки.

Точка зрения Уайта не была поддержана большинством специалистов. Однако после выхода в свет его книги «Концепции культурных систем» трудно найти ученого и педагога, которые не пользовались бы понятием «культурология», имея под ним представление о науке интегративного плана. Большинство из западных специалистов при этом называют себя антропологами, лингвистами, археологами, но ни как не культурологами.

В России с конца 1960-х годов дискуссия о содержании, характере науки, ее предмете и методе приобретает все более широкий размах, нарастает и острота ведущихся споров среди философов, историков, филологов и литературоведов. Э. С. Маркарян предпринимает попытку на ряду с социологией обосновать право на существование культурологии. В его работах впервые в отечественной гуманитарной мысли появляется этот термин [3].

Среди культурологов все более крепнет убеждение в том, что наука о культуре стоит на пороге нового, интеграционного, этапа своего развития, что применение культурологического подхода позволяет более глубоко проникнуть в суть происходящих как в России, так и в мире процессов. В эти годы в изучение культуры вносят вклад разные науки, в которых реализуются разные ценностные отношения. В культурологии появляется множество школ и даже индивидуальных версий культуры. Иногда говорят, что в культурологии столько теории, сколько крупных культурологов. Например, есть «эволюционистские» версии культуры (Э. Б. Тайлор, Г. Спенсер, Дж. Дж. Фрезер, Л. Г. Морган), «диффузионистские» (Ф. Гребнер, Л. Фробениус), «функционалистские» (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун). В философии развивает-

ся деятельностный подход к культуре, рассматривающий ее как аксиологическую систему (Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, М. Б. Туровский) или как диалог культур (В. С. Библер). Под влиянием школы «Анналов» в исторической науке, и прежде всего медиевистике, возникает историко-антропологическое направление, перенесшее смысловую доминанту с экономической и политической проблематики на историю духовной культуры (А. Я. Гуревич, Л. М. Баткин). Появляются «методологические» (А. Л. Кребер, К. Клакхон), «антропологические» (М. Мид), «игровые» (Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет) версии культуры. Семиотика культуры появляется в рамках филологической науки, она основывается на достижениях западного структурализма, к тому времени уже угасшего в Европе и представленная московско-тартуской школой (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, В. В. Иванов). Анализируя этот процесс и его причинно-следственную обусловленность Л. М. Баткин отмечает, что в 70-80-х годах прошлого века термин «культурология» обозначал открытое интеллектуальное пространство, широкое «надцеховое методологическое единство», позволявшее ученым некоторым образом выходить из-под влияния партийной идеологии и марксистско-ленинских мировоззренческих установок. «Историки, философы, филологи, искусствоведы, лингвисты, психологи, социологи и т.п. устремились в общий смысловой мир, т.е. в «культуру». Желали – а иногда и умели – стать культурологами» [3].

Таким образом, теоретические проблемы культуры стоят в центре внимания целого комплекса гуманитарных наук. Культурология же – детище XX века, имеет собственную «нишу» в созвездии гуманитарных наук, наук о культуре. В доказательство этого тезиса могу предъявить следующие аргументы:

– никакая другая наука не претендует на выявление общих закономерностей становления и развития культуры как целостности;

– никакая другая наука о культуре не берет на себя труд интеграции того знания, которое накоплено в рамках тех или иных дисциплин;

– никакая из наук, имеющих своим объектом культуру, не осмысливает результаты, полученные другими науками, в комплексе, на более высоком теоретическом уровне.

Иными словами, культурологию культура интересует как глобальный феномен, не имеющий локализации во времени и пространстве, как континуум, контекст, в котором разворачивается бытие всего человечества. Культурология стремится к уни-

версальной точке зрения, к синтезу различных подходов, теорий к выработке на этой основе единой концепции культуры, позволяющей не только описывать, но и прогнозировать ее развитие. В этом смысле культурология может рассматриваться в качестве междисциплинарной метатеории самого высокого уровня.

Однако культурология включает в себя и пласт эмпирического знания. Его составляют данные, накопленные этнологами, историками, социологами, в том числе социологами культуры и уже прошедшие стадию первоначального осмысления и обобщения. Эти данные можно образно назвать «эмпирическими фактами второго порядка». Культурология обращается к вещам, которые, на первый взгляд, общеизвестны, но при ближайшем рассмотрении оказываются весьма сложными и не понятными. Культуролог превращает в научную проблему то, что на уровне обыденного сознания не вызывает сомнения. В этом смысле он как бы заново открывает мир, срывает с него маску тривиальности.

При подобном подходе культурология как научная дисциплина включает в себя следующие компоненты:

- исследования закономерностей развития культуры как сверх сложной системы;
- поиск общего и особенного в исторических судьбах различных культур;
- раскрытие сути культурного прогресса, культурного кризиса;
- изучение генезиса и процесса взаимодействия цивилизации;
- выявление «кодов» (ядер) культур и т.п.

Будучи новой наукой в современном отечественном гуманитарном знании, культурология призвана обеспечить прорыв в осмыслении процессов, которые происходят в мировом сообществе, ставшем глобальным, необычайно мощным и оказавшимся в своем стремлении к покорению природы перед лицом катастрофы для всего человечества. Ее призвание и в том, чтобы обеспечить прорыв в России, которая переживает, собственный, все более затягивающийся системный кризис. Культурология способна, на мой взгляд, дать ответ на известный драматизм событий и в этом состоит ее призвание содействовать преодолению того западного антропоцентризма, при котором человек трактуется с позиций самодостаточности, самозамкнутости, жесткого противостояния собственного «Я» как другим «Я», так и внешнему природному миру, считавшемуся в пред-

шествующие тысячелетия и столетия неисчерпаемыми. На место конфронтации, вульгарно материалистических идеологем выдвигаются принципы современного толерантного, системно-синергетического подхода.

Окончательным признанием культурологии как научной отрасли знания стало введение культурологии в начале 90-х годов в номенклатуру научных специальностей ВАК РФ таких как 24.00.01 – теория культуры, 24.00.02 – историческая культурология, 24.00.03 – музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», 24.00.04 – прикладная культурология. В образовательной практике культурология стала обязательным элементом образовательного стандарта наряду с другими социально-экономическими и гуманитарными дисциплинами [5].

«Включение культурологии в систему учебных дисциплин явилось следствием признания того, что человек, каким бы видам деятельности не занимался, к какой бы профессии не готовил себя, без знания основных понятий и проблем культурологии, без понимания закономерностей культурных процессов и особенно без ясных представлений о культурных перспективах человечества он будет подобен слепцу без поводья внутри лабиринта. Жить в культуре и ни чего о ней не знать – преступно, ибо в этом случае каждое действие человека может оказаться – и оказывается! – разрушительным для культуры» [6].

Интенсивный рост знаний о культуре получает отражение в постоянном совершенствовании учебных программ по культурологии, введении новых стандартов (третьего поколения), содержащих все более серьезные требования к изучающим этот предмет.

Однако несмотря на серьезные успехи культурологии как научной отрасли знаний и учебной дисциплины до сих пор термин «культурологическое образование» встречается очень редко. Не добившись единства в дефинициях и столкнувшись с ситуацией реальной потребности, ученые начали содержание культурологического образования выводить из тех социальных функций, которые культура или культурологическое образование должны выполнять по отношению к социуму и отдельному человеку. Именно из функционального и институционального (а не теоретического) подходов сформировались внутри «культурологического образования» всевозможные дифференциации. «Общеобразовательное», «профессиональное», «неинституциональное», «фундаментальная культурология», «прикладная культурология», «педагогическая культурология». Постепенно, (если не останавливаться

на нюансах и дефинициях) формировалось то общее, что составляло содержание «культурологического образования».

При этом культурологическое образование можно и нужно рассматривать в узком и широком смысле: в узком – как преподавание учебной дисциплины «Культурология», которое осуществляется как в гуманитарных, так и в технических вузах, в широком – преподавание цикла дисциплин, обозначаемых как культурологические для подготовки специалистов-культурологов. Мы в данной статье рассматриваем культурологическое образование в самом широком смысле. Получение культурологического образования предполагает, как отмечает ученый-культуролог В. Н. Орлов, формирование в обучающемся:

1. знаний о культуре, ее истории, современном состоянии <...>, то есть всего того, что составляет содержание предметов истории и теории культуры;

2. навыков деятельности, направленной на создание (или участие в создании) фактов культуры;

3. наличия эстетических и культурных норм и знаний, стимулирующих восприятие и усвоение ценностей отечественной и мировой культуры;

4. наличие норм культурного поведения и поведенческих реакций личности на непосредственное общение с социальной и природной средой [7].

В отличие от инженерного, естественнонаучного, филологического образования, образование культурологическое в России учитывает региональные особенности. Веками обживалась огромная территория с многонациональным, полиэтничным, многоконфессиональным населением, разнохарактерным укладом хозяйствования. На этой огромной территории исторически сложились культурные центры («гнезда»), каждый из которых обладал культурной неповторимостью, уникальностью. Государство же с помощью создания общей инфраструктуры просветительных, культурных, образовательных учреждений, их территориального размещения стремилось организовать (и исторически организовывало) эти центры в единое культурное пространство России. Инфраструктура образовательных учреждений, их типов и мест размещения, как правило, являлась производной от социально-экономических и культурных характеристик государства и его отдельных регионов. Территориальные особенности России таковы, что если мы хотим сохранить российскую государственность, культуру и образование, а это значит, – не потерять исторически накопленного опыта, – то не следует стремиться к культурной тотальной унификации, следу-

ет учитывать и сохранять традиции «культурных гнезд»: Северо-Запада, Черноземья, Северного Кавказа, Дальнего Востока, Сибири, Урала и др. Пространство российских территорий подсказывает: нельзя ориентироваться только на творческие, интеллектуальные, финансовые ресурсы наших столиц – Москвы и Петербурга. Это приведет к ослаблению интеллектуального потенциала русской провинции и локализации культурных гнезд, к разрушению межкультурного «диалогового» режима, «Целостности» культурного и образовательного пространства российского государства. Следует учитывать при организации культурологического образования и следующие ситуации. Достаточно полистать культурологические, этнологические исследования, учебники истории, выходящие в отдельных регионах и субъектах федерации можно заметить, почти всякое из этих изданий подчеркивает особенности, присущие культуре отдельного этноса, нации. Зато нет целостной истории культуры, например, народов Северного Кавказа, или юга России в целом, практически нет ни одной новой работы, рассказывающей об историко-культурных связях или взаимовлиянии культур.

Конечно работы, посвященные отдельным культурам и их особенностям, нужны, и если сама республика или регион их не издаст, они останутся ненапечатанными. Однако, сегодня не менее важны работы, подчеркивающие, выявляющие нравственно-культурную общность различных культур, общность исторических судеб народов России. Но монографий и учебников, посвященных этому, непозволительно мало. Разрушены переводческие школы, дающие возможность создавать условия для «диалога культур». Издание такого рода трудов – забота культурологов.

Такое понимание проблемы важно прежде всего потому, что всякое государство может успешно развиваться только в условиях сбалансированности традиций и инноваций. Глобализация же стремится к разрушению национальных традиций, этических и эстетических норм, исторически сформированных отдельными нациями и этносами. Создавая оппозицию самому себе, этот мир, лишенный национальных особенностей, продуцирует такие страшные явления, как терроризм, религиозный фанатизм и сепаратизм, неприятие индивидуальности, духовные одиночество и изоляцию, способствует развитию девиантных, отклоняющихся форм поведения. И это должно учитываться при организации культурологического образования.

Основу культурологической модели современного образования составляют идеи полихронности культур, сформированные Е. И. Видт, А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотманом, В. С. Степиным.

В культуре можно выделить три компонента: традиционный, латентно отражающий остатки прежней культурной модели; актуальный, ориентированный на реалии настоящего времени; и потенциальный, стремящийся к воплощению новых идей. Таким образом, при определении культурологической модели образовательного процесса положения о полихронности культуры реализуются в трех основных аспектах – как процессы формирования целей образования, конструирование его содержания и в процессе обучения.

Культурологическая составляющая современного образования предусматривает взаимосвязь данных компонентов культуры. Содержание процесса образования должно заключать в себе диалектику становления и развития культур, и их взаимообусловленность. Так, традиционная, актуальная и потенциальная культуры обеспечивают целостность восприятия, которая «достигается в процессе обучения при условии реализации идеи диалога культур», – считает А. И. Пейгусов [8].

В своем исследовании В. В. Макаев, З. А. Мальков, Л. Л. Супрунова указывают, что установка на развитие личности посредством постижения культур в исторических средах, развертывание диалога вокруг ключевых проблем их воспроизводства и взаимодействия позволяет осознать, что культура имеет многообразные проявления во времени и пространстве и помогает определить место и значение человека в современном мире [9].

Авторами сформулированы следующие задачи культурологического образования:

- глубокое и всестороннее овладение культурой собственного народа, что является непременным условием интеграции в другие культуры ;

- формирование представленной о многообразии культур в мире и в России, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим прогресс человечества и условия для самореализации личности;

- создание условий для интеграции личности в культуры других народов;

- развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур;

- воспитание в духе мира, толерантности, гуманного межнационального общения.

Следовательно, ядром современного культурологического образования способно и должно стать мировоззренческо-методологическая база образовательной политики, обеспечивающая целостность ее основных характеристик, интеграция смыслов и

значений различных концепций, формирование законов эффективного взаимодействия социума и личности.

В последнее десятилетие правительством России предпринят ряд шагов по содержательной модернизации культурологического образования, по повышению его качества, по интеграции российского культурологического образования в международное образовательное пространство. В январе 2010 года приказом Министерства образования и науки Российской Федерации были утверждены новые (третьего поколения) федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по культурологии по двум квалификациям «бакалавр», «магистр». Предмет профессиональной деятельности культуролога (бакалавра и магистра) формируется на основе изучения:

- фундаментальных проблем теории и истории культуры;
- культурных форм, процессов, практики в истории и современности;
- деятельности по сохранению культурного и природного наследия;
- способов производства культурных значений, средств их распространения, закрепления и потребления в публичной и приватной сферах жизни общества;
- межличностных и межкультурных взаимодействий в глобальном и локальном измерениях;
- форм, способов и средств культурных массовых коммуникаций;
- состояния просвещения и образования в сфере культуры.

Виды и задачи профессиональной деятельности бакалавра и магистра определяются необходимостью подготовки компетентных и конкурентоспособных на рынке труда специалистов, способных удовлетворять научные, культурно-образовательные и социально-практические потребности общества в динамичной, меняющейся социальной среде. Это предполагает для бакалавра и магистра возможности:

- научно-исследовательской деятельности по исследованию проблем теории и истории культуры, теоретическому изучению, конкретному анализу и освоению современных культурных форм и процессов, объектов историко-культурного назначения в научно-исследовательских институтах и центрах, музеях, библиотеках, архивах;
- организационно-управленческой деятельности в органах федерального, регионального, муниципального государственного управления;

– проектно-аналитической и экспертной деятельности по социокультурному проектированию в аналитических центрах, общественных и государственных организациях;

– производственно-технологической деятельности в аналитических центрах, общественных и государственных организациях, средствах массовой коммуникации;

– культурно-просветительской деятельности в организациях и учреждениях культуры, определения и решения культурно-просветительских и социально-культурных задач в различных сферах жизни общества;

– преподавательской деятельности в образовательных учреждениях высшего, среднего и начального профессионального образования.

Освоение образовательных программ по специальности «Культурология» (подготовка бакалавров и магистров) позволяет обеспечить выпускнику социально-личностные, общенаучные, экономические и организационно-управленческие, общепрофессиональные и специальные компетенции [10].

Таким образом выпускник в области культурологии обязан:

1. Понимать и уметь объяснить феномен культуры, ее роль в человеческой жизнедеятельности, иметь представление о способах приобретения, хранения и передачи базисных ценностей культуры.

2. Знать формы и типы культур, основные культурологические центры и регионы мира, закономерность их функционирования и развития, знать историю культуры России, ее место в системе мировой культуры и цивилизации.

3. Заботиться о сохранении и приумножении национального и мирового культурного наследия.

Получение культурологического образования позволяет студенту сочетать фундаментальную общенаучную и специальную подготовку с духовным, художественно-эстетическим и нравственным развитием личности, всесторонне развивать свои творческие способности.

Выпускники-культурологи (бакалавры, магистры) могут стать многопрофильными социально-гуманитарными аналитиками, специалистами по проблемам обеспечения социальной безопасности прогресса, экспертами по вопросам социокультурной приемлемости любых социально значимых проектов [11].

Анализ подготовки специалистов-культурологов позволил выделить группу проблем, специфических для этой системы:

- недостаточная разработанность теоретических и прикладных вопросов собственного образования;
- недостаточность методических процедур разработки стандартов специалиста-культуролога и критериев выделения специальностей, специализаций и направлений;
- несоответствие имеющегося перечня специальностей потребностям общества;
- создание учебников по культурологии идет с явно заметным ускорением, но при этом наблюдается разнотой в их структурах, в их методологических основах;
- несмотря на значительное число ценных исследований, до сих пор еще мало, а практически нет, обобщающих и вместе с тем доступно и лаконично написанных работ, специально посвященных изложению теории и истории культуры от возникновения до наших дней;
- отсутствие перечня конкретных рабочих мест, где могут трудиться выпускники-культурологи [11].

Закончить статью хочу словами Д. С. Лихачева: «Я мыслю себе XXI век, пишет академик, – как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразия средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которым должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести – вот в общих чертах то, что нужно в XXI веке» [12].

Использованная литература:

1. *Розин В. М.* Культурология: учеб. 2-е изд. М., 2003. С. 58.
2. *Осокин Ю. А.* Современная культурология в энциклопедических статьях. М., 2007. С. 11.
3. *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.
4. *Баткин Л. М.* О том, как А. Я. Гуревич возделывал свой аллод // Пристрастия: Избранные эссе и статьи о культуре. М., 2002. С. 283.
5. *Быховская И. М.* Культурологическое образование: логика развития в трех «системах координат» // Культурологическое образование: состояние, проблемы, перспективы: матер. регион. науч.-метод. конфер. Краснодар, 2000. С. 122-135.
6. *Культурология: учеб. / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана.* М., 2010. С. 7.

7. Орлов В. Н. О культурологическом компоненте современного образования // Человек и духовно-культурные основы возрождения России: сб. науч. ст. – СПб., 1996. – С. 172-173.

8. Пейгусов А. И. Культурологический подход как методологическая основа проектирования образовательного процесса // Вестник МГУКИ. 2007. №2. С. 25.

9. Макаев В. В., Малькова З. А., Супрунова Л. Л. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы // Педагогика. 1999. №4. С. 5.

10. Зверева Г. И. «QUID POSTEA?» Университетская культурология в условиях реформы Высшего образования. Обсерватория культуры. 2005. №3. С. 98-104.

11. Флиер А. Я. Культурологи на рынке труда [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://vshk2.narod.ru/shkola-fliera-publ.html>. (Дата обращения: 05.06.13).

12. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 12.

ЦЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проанализированы правовые основы политики в области художественного образования, рассмотрены цели художественного образования, которые неразрывно связаны с фундаментальными основаниями человеческого развития и с правами человека.

The article analyzes the legal policy framework in the field of art education, The aims of arts education, which is closely linked to the fundamental bases of human development and human rights.

Ключевые слова: государственная политика, образование, культура, искусство, художественное образование, нормативно-правовые акты, права человека.

Keywords: public policy, education, culture, art, art education, regulations, human rights.

Процесс развития человеческой цивилизации неразрывно связан с поиском оптимальных механизмов совершенствования образования как социального института. Один из приоритетов современного образования – это развитие интеллектуально-творческой личности (независимо от сферы будущей профессиональной деятельности молодых людей), что объективно предполагает усиление гуманитарной составляющей образования на всех его ступенях, в том числе, актуализацию образовательного потенциала искусства.

Российская Федерация проводит целенаправленную государственную политику, ориентированную на системную поддержку и развитие образования в сфере культуры и искусства. Об этом свидетельствуют проводимые на государственном уровне межведомственные мероприятия, на которых обсуждаются самые разные вопросы, касающиеся роли культуры и искусства в развитии творческих способностей детей и молодежи [1]. Законодательство

* КОЧЕЛЯЕВА Нина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога, докторант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия (e-mail: nina.kochelyaeva@gmail.com).

KOCHELIAEVA Nina A. – Ph.D. Candidate (Theory and History of Culture), Associate Professor of the Department UNESCO in Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue, a doctoral student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (e-mail: nina.kochelyaeva@gmail.com).

в данной сфере постоянно совершенствуется с учетом происходящих сдвигов в понимании социальной роли художественного образования, его значимости для развития личностного потенциала каждого человека, а также вызовов, стоящих перед современной отечественной культурой.

Правовые основы политики в области художественного образования.

Основными российскими нормативно-правовыми документами, регулирующими сферу художественного образования, являются:

- Конституция Российской Федерации (1993) [2],
- Закон Российской Федерации «Об образовании» (1992) [3],
- Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996) [4],
- Закон Российской Федерации «Основы законодательства о культуре» (1992) [5],
- Семейный кодекс Российской Федерации (1995) [6],
- Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998) [7].

Особое значение для развития образования в области культуры и искусства имеют государственные концепции развития и национальные доктрины:

- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (2008) [8];
- Национальная доктрина образования в Российской Федерации (одобрена Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.10.2000, № 751) [9];
- Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, (одобрена распоряжением Правительства РФ от 29 дек. 2001 г. № 1756-р [10];
- Концепция художественного образования в Российской Федерации (утверждена Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 28.12.2001 № 1403) [11];
- Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы (одобрена Распоряжением Правительства от 25.08.2008, № 1244-р) [12].

Все эти документы отражают взаимосвязь целей художественного образования и основных направлений государственной политики в этой области.

Важную роль в формировании государственных приоритетов и практик образования в сфере искусства и культуры играют также широко признанные международные правовые

инструменты, в которых сформулированы принципиальные подходы к вопросам художественного образования:

- Всеобщая декларация прав человека (1948) [13],
- Европейская культурная конвенция (1954) [14],
- Декларация принципов международного культурного сотрудничества (1966) [15],
- Конвенция об охране всемирного природного и культурного наследия (1972) [16],
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1976) [17],
- Конвенция о правах ребенка (1990) [18],
- Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) [19],
- Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003) [20],
- Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005) [21].

В этом же ряду находятся:

- Рекомендации об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь (1976) [22],
- Рекомендации о положении творческих работников (1980) [23],
- Рекомендации о сохранении фольклора (1989) [24].

Исходя из Преамбулы Устава ЮНЕСКО, в которой провозглашается, что «...для поддержания человеческого достоинства необходимо широкое распространение культуры и образования среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира...» [25], основываясь на понимании культуры «как совокупности присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что, помимо искусства и литературы, она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования» [26], а, также опираясь на «Дорожную карту художественного образования», которая констатирует, что «культура и искусство – это важнейшие компоненты всестороннего образования, которое обеспечивает всестороннее развитие личности», в качестве актуальных целей художественного образования в Российской Федерации можно назвать:

- содействие праву человека на образование и на участие в культурной жизни,
- развитие индивидуальных способностей,
- улучшение качества образования,

– поддержку культурного разнообразия.

Наряду с перечисленными выше, в политических документах Российской Федерации также сформулированы цели, отражающие историческую специфику, современное состояние и актуальные вопросы развития отечественного художественного образования, отвечающие на вызовы современности и сформулированные, в частности, в принятой в 2001 г. «Концепции развития художественного образования»:

– обеспечение реализации Национальной доктрины образования в Российской Федерации,

– повышение значимости культуры и искусства для общего уровня образования,

– сохранение и развитие сложившейся в России уникальной системы учреждений образования в области культуры и искусств.

Для понимания и оценки современных векторов развития отечественного образования необходим более развернутый анализ стоящих перед ним целей.

Цели художественного образования. Цели образования в целом и художественного образования – в частности неразрывно связаны с фундаментальными основаниями человеческого развития, и первая из общих целей связана с правами человека.

Содействие праву человека на образование и на участие в культурной жизни

Сформулированная на основе международных деклараций и конвенций, направленных на предоставление каждому ребенку и взрослому права на образование, на обеспечение всестороннего и гармоничного развития, на участие в культурной и творческой жизни, эта цель имеет первостепенное значение для реализации основных прав человека, подтверждаемых рядом положений международных нормативно-правовых документов о правах человека и ребенка [27].

Российские нормативно-правовые акты также закрепляют право человека на образование и участие в культурной жизни. Пункт 1 Статьи 43 Главы 2 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на образование», Статья 43 закрепляет за гражданами Российской Федерации права и свободы, связанные с участием в культурной жизни: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. <...> Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям».

Подробнее эти права граждан Российской Федерации отражены в Законе Российской Федерации «Основы законодательства о культуре». Статья 13 «Право на гуманитарное и художественное образование» Раздела II «Права и свободы человека в области культуры» гласит: «Каждый человек без ограничения возраста имеет право на гуманитарное и художественное образование, на выбор его форм и способов в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании». Право каждого человека на участие в культурной жизни закреплено также и в других статьях этого же раздела. Статья 8 «Неотъемлемость права каждого человека на культурную деятельность» гласит: «В Российской Федерации культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого гражданина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств». Статья 10 «Право на творчество» закрепляет за гражданами Российской Федерации соответствующее право: «Каждый человек имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями. Право человека заниматься творческой деятельностью может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной (любительской) основе». Статья 12 «Право на приобщение к культурным ценностям» гласит «Каждый человек имеет право на приобщение к культурным ценностям, на доступ к государственным библиотечным, музейным, архивным фондам, иным собраниям во всех областях культурной деятельности».

Таким образом, содействие праву человека на образование и участие в культурной жизни является одной из приоритетных целей художественного образования и способствует реализации основных прав человека, закрепленных как в международных, так и в российских нормативно-правовых документах.

Развитие индивидуальных способностей. Образование в сфере культуры и искусства, то есть процесс овладения человеком ценностями художественной культуры, их присвоения и интериоризации, является одним из важнейших способов формирования целостной личности, развития ее творческой индивидуальности, приращения ее интеллектуального, эмоционального и духовного богатства.

Как отмечено в «Дорожной карте художественного образования», «все люди имеют творческий потенциал. Искусство создает среду и реальные практики, благодаря которым учащиеся

включаются в творческую деятельность, в процессы развития. <...> Образование в области искусства и образование посредством искусства способствуют также развитию познавательных способностей учащихся, содействует достижению большего соответствия между потребностями современного общества, с одной стороны, и содержанием и методиками образования, с другой».

Художественное образование является значимой частью общего образования благодаря тому, что оно позволяет учащимся постепенно открывать весь спектр многообразных явлений культуры, учит понимать и оценивать их. Оно играет важную роль в процессе формирования навыков, способствующих самовыражению и активному участию в различных сферах человеческой деятельности, как один из механизмов их самореализации. Образование в области культуры и искусства, эстетическое воспитание приобретает особую актуальность в условиях все большей рационализации, прагматизации социальной реальности, способствуя восполнению нередко отсутствующей в достаточной мере эмоциональной составляющей образовательного процесса. Развитие индивидуальных способностей предполагает формирование интереса к художественному творчеству с самого юного возраста, его поощрение и укрепление.

Официальные документы, принятые в Российской Федерации, признают высокую значимость человека как субъекта развития в процессе модернизации российского общества, человеческого капитала и содержат положения об особой роли сферы культуры в деле формирования и развития личности. Так, в «Концепции долгосрочного экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» подчеркивается: «Повышение темпов экономического развития, структурные изменения экономики, вызванные переходом к инновационному типу ее развития, приводят к возрастанию роли человеческого капитала в социально-экономическом процессе. Ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний, отводится сфере культуры».

Это продиктовано обозначенными в Концепции следующими обстоятельствами: «переход к инновационному типу развития экономики требует повышения профессиональных требований к кадрам, включая уровень интеллектуального и культурного развития, возможного только в культурной среде, позволяющей осознать цели и нравственные ориентиры развития общества». Развитие личности ведет к росту ее потребностей «в культурно-

творческом самовыражении, освоении накопленных обществом культурных и духовных ценностей».

В этой связи целью государственной политики в сфере культуры становится «развитие и реализация культурного и духовного потенциала каждой личности и общества в целом». «В условиях перехода экономики России на инновационный путь развития, достижение этой цели становится особенно важным», подчеркивается в Концепции. Среди приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры называются и те, которые имеют непосредственное значение для рассматриваемой нами области:

- совершенствование системы поддержки детского и юношеского творчества;
- развитие системы непрерывного профессионального образования в сфере культуры и искусства;
- развитие науки в сфере культуры и искусства путем модернизации научных центров и институтов;
- обеспечение подготовки кадров в сфере искусствоведения, культурологии и межкультурных коммуникаций на базе ведущих высших учебных заведений отрасли.

Художественное образование рассматривается как важное средство развития современных культурных и творческих индустрий. Согласно принятой в Российской Федерации «Концепции развития образования в сфере культуры и искусства на 2008–2015 годы», его развитие направлено на решение следующих задач:

- выявление художественно одаренных детей и молодежи, а также обеспечение соответствующих условий для их образования и творческого развития;
- подготовка творческих и педагогических кадров в сфере культуры и искусства, а также педагогических кадров для системы художественного образования;
- сохранение и передача новым поколениям традиций российского профессионального образования в сфере культуры и искусства;
- эстетическое воспитание подрастающего поколения;
- воспитание подготовленной и заинтересованной аудитории слушателей и зрителей;
- приобщение граждан России к ценностям отечественной и зарубежной художественной культуры, лучшим образцам народного творчества, классического и современного искусства;
- реализация нравственного потенциала искусства как средства формирования и развития этических норм поведения и морали как личности, так и общества [28].

В совокупности, решение названных задач призвано способствовать как реализации индивидуальных способностей и интересов личности, так и достижению базовых целей государственной политики России, продвижению всего российского общества к более совершенному его состоянию в XXI веке. Сегодня требуется все больше людей, обладающих различными компетенциями в самых подчас далеких сферах, людей, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям и технологиям, умеющих воспринимать и осваивать инновации. Художественное образование, а также включение его элементов в общеобразовательные программы, способствует развитию подобного рода навыков у учащихся, вырабатывает у них способность к участию в самых разных сферах творческой деятельности, дает представление о многообразии явлений культуры, формирует художественный вкус, дает критерии оценки произведений искусства, учит вырабатывать и обосновывать собственные позиции по отношению к различным явлениям культуры и антикультуры.

Улучшение качества образования. Качественное образование по определению, приведенному в «Дорожной карте по художественному образованию», – это образование, построенное на трех принципах: оно учитывает потребности каждого учащегося, но при этом содействует распространению универсальных ценностей; обеспечивает равноправие с точки зрения доступа и результатов и гарантирует социальную инклюзивность, а не эксклюзивность; наконец, оно отражает индивидуальные права и способствует их соблюдению.

Главная задача российской образовательной политики – обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Национальная доктрина образования в Российской Федерации признает образование приоритетной сферой накопления знаний и формирования умений, создания максимально благоприятных условий для выявления и развития творческих способностей каждого гражданина России, воспитания в нем трудолюбия и высоких нравственных принципов. Особое значение в данной ситуации приобретает образование в сфере культуры искусства и повышение его значимости в программах общего образования.

Содействие выражению культурного разнообразия. Культурное разнообразие, по определению Коитиро Мацуура, Генерального директора ЮНЕСКО в 1999–2009 гг., – живое и возобновляемое сокровище, которое должно восприниматься не как застывшее

наследие, а как процесс, гарантирующий выживание человечества [29]. Каждая из культур приобретает различные формы во времени и пространстве, обеспечивая самобытность народов и обществ, составляющих человечество. Каждая из культур обладает собственным арсеналом уникальных средств и способов творческого самовыражения и передачи знаний, которые вносят свой вклад в общее наследие человечества.

Искусство – одна из форм проявления культуры и важное средство передачи знаний. Поэтому образование в сфере культуры и искусства имеет принципиальное значение для поддержки культурного разнообразия и развития средств самовыражения. Знакомство с достижениями различных культур, изучение традиционных знаний и форм творчества, как источника материального и нематериального богатства, способствует расширению представлений человека о мире, увеличению диапазона выбора и развития индивидуальных способностей. Статья 3 Всеобщей декларации о культурном разнообразии гласит: «Культурное разнообразие расширяет возможности выбора, имеющиеся у каждого человека, оно является одним из источников развития, рассматриваемого не только в плане экономического роста, но и как средство, обеспечивающее полноценную интеллектуальную, нравственную, эмоциональную и духовную жизнь». Образование в сфере культуры и искусства играет в этой связи особую роль. С одной стороны, оно является способом получения сведений о развитии культуры, с другой – это способ передачи знаний и понимания от одного поколения к другому, включая представления и ценности традиционных культур.

Современная ситуация глобализации сочетает в себе две взаимодополняющие тенденции. С одной стороны, благодаря развитию информационных и коммуникационных технологий, чрезвычайно возрастают возможности познания, культурного обмена и взаимодействия. С другой, угрозе исчезновения подвергаются культуры малочисленных народов или иных сообществ. В этой ситуации образование в сфере культуры и искусства может играть ключевую роль в сохранении и передаче знаний о культурах и формах их выражения будущим поколениям, способствуя тем самым поддержанию культурного разнообразия.

В Российской Федерации уделяется серьезное внимание вопросам сохранения и поддержки культурного разнообразия, в том числе и посредством различных практик образования. Положение о том, что «потенциал образования должен быть в полной мере использован для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления этнонациональ-

ной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства» [30], отраженное в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», свидетельствует о значимости для государственной политики вопроса о формировании положительного отношения к различным этническим и конфессиональным культурам. Образование выступает как один из важнейших инструментов воспитания уважения к различным этническим и конфессиональным культурам, средством их познания и формирования толерантного отношения к ним. Художественное образование (в том числе, и его компоненты, включенные в систему общего образования), позволяющее в процессе обучения узнавать и осваивать традиции и достижения различных культур, является наиболее эффективным средством достижения указанных в Концепции целей.

В сопровождающих Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии основных направлениях плана действий по ее осуществлению три из них (6, 7, 8), имеющие непосредственное отношение к развитию художественного образования, отмечены в «Дорожной карте художественного образования» [31]:

– поощрение языкового разнообразия – при сохранении уважения к родному языку – на всех уровнях, везде, где это возможно, а также изучение нескольких языков с самого раннего детства (направление деятельности 6);

– содействие с помощью образования осознанию позитивной роли культурного разнообразия и совершенствование в этих целях разработки школьных программ и подготовки преподавателей (направление деятельности 7);

– включение по мере необходимости в процесс обучения традиционных педагогических подходов с целью сохранения и оптимизации свойственных той или иной культуре методов коммуникации и передачи знаний (направление деятельности 8).

В Национальной доктрине образования Российской Федерации, являющейся основополагающим государственным документом для сферы образования, утверждаются следующие основные задачи российского образования:

– гармонизация национальных и этнокультурных отношений;

– сохранение и поддержка этнической и национально-культурной самобытности народов России, гуманистических традиций их культур;

– сохранение языков и культур всех народов Российской Федерации;

- развитие образования и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- сохранение и развитие значимости русского языка как одного из объединяющих факторов многонационального Российского государства;
- развитие высших учебных заведений как центров образования, культуры, науки и новых технологий.

Для реализации этих задач отчасти уже созданы, отчасти продолжают создаваться условия, при которых поддержание и сохранение культурного разнообразия страны становится возможным.

Особое значение для обеспечения культурных прав человека имеет Статья 5 Всеобщей декларации о культурном разнообразии, в соответствии с которой «каждый человек должен иметь возможность для самовыражения, творчества и распространения своих произведений на любом языке по своему выбору и, в частности, на своем родном языке; каждый человек имеет право на качественное образование и профессиональную подготовку в условиях полного уважения его культурной самобытности; каждый человек должен иметь возможность участвовать в культурной жизни по своему выбору и придерживаться своих культурных традиций при условии соблюдения прав человека». Одним из путей осуществления таких возможностей является образование в сфере культуры и искусства, поскольку оно позволяет решать двуединую задачу – формировать и поддерживать чувство принадлежности к общей мировой культуре, и в то же время – осознавать и реализовывать свою этническую, конфессиональную или иную культурную идентичность.

Использованная литература:

1. Стенографический отчет о заседании президиумов Государственного совета, Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию, 22 апреля 2010 года, Московская область, г. Истра [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7530> (Дата обращения: 06.06.13).
2. Конституция Российской Федерации [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.constitution.ru. (Дата обращения: 06.06.13).
3. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266-1 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/edu/>. (Дата обращения: 06.06.13).
4. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. N 125-ФЗ

[Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/education/>. (Дата обращения: 06.06.13).

5. Кобзева С. В. Сравнительно-правовой анализ регулирования оборота вредной информации в телерадиовещании и кинопрокате [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.roskultura.ru/law/zakrf/09/10/1992/1/text/380.html>. (Дата обращения: 06.06.13).

6. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/family/>. (Дата обращения: 06.06.13).

7. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=95046;fld=134;dst=4294967295>. (Дата обращения: 06.06.13).

8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=82134>. (Дата обращения: 06.06.13).

9. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (одобрена Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.10.2000, № 751) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=97368>. (Дата обращения: 06.06.13).

10. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, (одобрена распоряжением Правительства РФ от 29 дек. 2001 г. № 1756-р [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXR;n=242634;fld=134;dst=100009>. (Дата обращения: 06.06.13).

11. Концепция художественного образования в Российской Федерации (утверждена Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 28.12.2001 № 1403) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=84924>. (Дата обращения: 06.06.13).

12. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы (одобрена Распоряжением Правительства от 25.08.2008, № 1244-р) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=104672;fld=134;dst=4294967295;from=79661-0>. (Дата обращения: 06.06.13).

13. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/declarat/declhr.htm>. (Дата обращения: 06.06.13).

14. Европейская культурная конвенция (1954) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.kultura-portal.ru/tree_new/laws/final.jsp?pub_id=24580&rubric_id=1001. (Дата обращения: 06.06.13).

15. Декларация принципов международного культурного сотрудничества (1966) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/declarat/culture.htm>. (Дата обращения: 06.06.13).

16. Конвенция об охране всемирного природного и культурного наследия (1972) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/convents/cultural_heritage.pdf. (Дата обращения: 06.06.13).

17. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1976) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/convents/pactecon.htm>. (Дата обращения: 06.06.13).

18. Конвенция о правах ребенка (1990) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/convents/childcon.htm>. (Дата обращения: 06.06.13).

19. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>. (Дата обращения: 06.06.13).

20. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifarcom.ru/files/Documents/conv_cult_heritage.pdf. (Дата обращения: 06.06.13).

21. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/convents/cult_diversity.pdf. (Дата обращения: 06.06.13).

22. Рекомендации об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь (1976) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_33152.html. (Дата обращения: 06.06.13).

23. Рекомендации о положении творческих работников (1980) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www>.

innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_33190.html.
(Дата обращения: 06.06.13).

24. Рекомендации о сохранении фольклора (1989) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_33767.html. (Дата обращения: 06.06.13).

25. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Руководство Генеральной конференцией. Изд. 2002 года [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001255/125590r.pdf>. (Дата обращения: 06.06.13).

26. Преамбула к Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>. (Дата обращения: 06.06.13).

27. В частности, в «Дорожной карте по художественному образованию» приводятся ссылки на Статьи 22, 26 и 27 Всеобщей декларации прав человека (1948) и Статьи 29 и 31 Конвенции о правах ребенка (1990).

28. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=79661>. (Дата обращения: 06.06.13).

29. ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принята 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО Париж, 2 ноября 2001 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>. (Дата обращения: 06.06.13).

30. Приказ О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года от 11.02.2002 N 393 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html. (Дата обращения: 06.06.13).

31. Дорожная карта художественного образования: создание творческого потенциала для XXI века / Всемирная конференция по образованию в области искусств. Лиссабон, 6-9 марта 2006 г. С. 5.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

В статье рассматриваются особенности управления интеллектуальной собственностью вузов культуры и искусств. На основе анализа современных нормативно-правовых документов предлагается методика создания базы интеллектуальной собственности.

The article discusses the features of intellectual property management schools of culture and the arts. Based on the analysis of current legal documents the technique of creating the base of intellectual property.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, вузы культуры и искусств, художественный продукт, творческая монография.

Keywords: intellectual property, schools of culture and arts, the artistic product, creative monograph.

Принятие комплекса законов в области интеллектуальной собственности, ориентированных на условия рыночной экономики, в сочетании с другими мерами по развитию рыночных отношений в Российской Федерации, формирует новую правовую и экономическую ситуацию, как в сфере научных исследований, так и творческой деятельности. Высшим учебным заведениям в России впервые приходится сталкиваться с проблемами сохранения и коммерческого использования накопленного интеллектуального потенциала. Традиционная общественная роль высшей школы – получение, накопление и передача обществу знаний в форме обучения, публикаций и научных дискуссий – становится явно недостаточной в условиях рыночной экономики. Снижение объемов государственного финансирования вузовской науки и реальная конкуренция между высшими учебными заведениями ставит перед ними задачу приоритетного развития деятельности в области интеллектуальной собственности, управляемой на основе современных требований.

С 1 января 2008 г. введена в действие четвертая часть Гражданского Кодекса Российской Федерации (ГК РФ), регулирую-

* ЗИВА Валентина Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, проректор УМО Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия (e-mail: ziwa@mail.ru).

ZIWA Valentina F. – Ph.D. (Pedagogy), Professor, Vice-Rector of Association of the Moscow State Art and Industry Academy, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: ziwa@mail.ru).

ющая отношения в сфере интеллектуальной собственности. Понятие интеллектуальной собственности сформулировано в ст. 1225 Гражданского Кодекса Российской Федерации. В ней указано, что «Результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются: 1) произведения науки, литературы и искусства; 2) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); 3) базы данных; 4) исполнения; 5) фонограммы; 6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); 7) изобретения; 8) полезные модели; 9) промышленные образцы; 10) селекционные достижения; 11) топологии интегральных микросхем; 12) секреты производства (ноу-хау); 13) фирменные наименования; 14) товарные знаки и знаки обслуживания; 15) наименования мест происхождения товаров; 16) коммерческие обозначения.».

Признание творческой деятельности объектом интеллектуальной собственности обуславливает как бы новую функцию вуза как «производителя» специфического художественного продукта. Тем более, что вузы сегодня, как правило, представляют собой единый учебно-научно-производственный комплекс. К производственной части относятся самостоятельные структурные подразделения: учебные театры, концертные и выставочные залы, художественные мастерские, студии звукозаписи и телестудии, арт-студии и пр. Таким образом, в вузах культуры и искусства интеллектуальная собственность состоит из двух видов деятельности – это научно-исследовательская и творческая работа, под которой мы понимаем создание художественного продукта. Каким может быть художественный продукт в вузах культуры и искусств? Это постановка спектакля, номера, концерта, создание дизайн проекта и т.д. Художественный или творческий продукт введен в хозяйственный оборот (продажа билетов, фонограмм, оказание образовательных услуг), но не оформлен и закреплен как интеллектуальная собственность вуза.

Для того, чтобы эффективно использовать внутренний потенциал научного, творческого и учебного процесса вузов, необходимо создать соответствующие условия и управленческие механизмы, которые позволили бы довести до общественного использования и коммерческого применения результаты вузов-

ских научных исследований, учебных разработок и художественных продуктов. Экономическая ценность интеллектуальной собственности как товара и объекта коммерческой реализации требует от вуза как хозяйствующего субъекта квалифицированного управления этой областью деятельности вуза как единого организационного целого. Политика вуза в области интеллектуальной собственности формируется вузом самостоятельно с учетом действующего законодательства и особенностей деятельности конкретного вуза и реализуется пакетом внутривузовских документов. Политика вуза в сфере интеллектуальной собственности может отражаться в нормативных и распорядительных документах вуза, в условиях трудовых договоров, заключенных с работниками вуза, в должностных инструкциях и т. п.

Исходя из этого, вузам культуры и искусства как никогда важно провести инвентаризацию интеллектуальной собственности, которой они обладают, определить правовые нормы ее создания, оценки и защиты. Важной задачей создания методологии управления интеллектуальной собственностью вуза является разработка необходимых регламентов:

- положения о базе интеллектуальной собственности;
- положение о художественном продукте;
- программа практических действий, в которой определены методы, средства координации и руководства людскими, финансовыми и материальными ресурсами, направленными на создание художественного продукта.

Создание художественного продукта в вузе является непременной составной частью в деле подготовки специалистов. Единство учебного и творческого процессов в вузах культуры и искусств обеспечиваться за счет:

- привлечения студентов, стажеров, магистрантов и аспирантов к участию в научно-исследовательской и творческой работе;
- создания авторских и коллективных проектов в каком-либо виде искусства;
- участия в художественной жизни вуза.

Вузы с целью развития, стимулирования и поддержки создания студентами, магистрантами, стажерами и аспирантами художественного продукта могут:

- организовывать и проводить научные конференции и семинары;
- студенческие конкурсы;
- устанавливать гранты на создание творческого продукта;

– обеспечивать информацией о проводимых конкурсах различного уровня и об установлении различных, как внутривузовских, так и внешних грантов в области научно-исследовательской и творческой деятельности;

– создавать систему стратегического партнерства вуза с предприятиями (организация), заинтересованными в качественно подготовленных выпускниках и кадрах высшей квалификации.

Интеллектуальную собственность следует рассматривать как важный индикатор при мониторинге эффективности вуза. Так, поставленная на баланс интеллектуальная собственность в качестве художественного продукта, может рассматриваться в ряде целевых показателей развития вуза.

Если квалификационной оценкой ученого в научном сообществе является наличие ученого звания или ученой степени, значимость его опубликованных научных трудов и изысканий, подготовка аспирантов, выступление с докладами на научных конференциях и т.п., то в вузах культуры и искусства на первый план выдвигаются имена ведущих мастеров искусств. Как быть с ними, они ведь не всегда могут во время сдать статью или оформить свой педагогический метод в качестве учебного пособия или учебника. В тоже время все их творчество будь то роль, исполнительская или изобразительная деятельность, является ярким примером практической методики обучения. За счет их работ, за счет их участия в учебном процессе сохраняется школа русского искусства.

Московская государственная художественно-промышленная академия искусств им. С. Г. Строганова приняла такое решение: создать внутренний локальный нормативно-правовой акт «Положение о творческой монографии». Положение устанавливает порядок разработки творческих монографий по дисциплинам художественного профиля, следующих направлений и специальностей: дизайн, декоративно-прикладное искусство и народные промыслы, живопись, графика, монументально-декоративное искусство, история и теория изобразительного искусства, реставрация.

В Положении дается определение творческой монографии: творческая монография – авторское художественное произведение профессиональной деятельности, представленное публично и оцененное преподавателями академии, крупнейшими художниками по данному виду творчества или искусства; зафиксированное на электронных носителях.

В Положении устанавливаются единые требования к структуре и форме представления творческих монографий; регламентируется порядок оформления, оценка и использование в учебном процессе.

В Положении закреплено, какой художественный продукт может считаться творческой монографией. В частности, это:

- персональные выставки;
- внедренные дизайнерские, монументально-декоративные и архитектурно-художественные проекты;
- серии книжных иллюстраций;
- реставрационные работы общественно-значимых объектов;
- художественные произведения, поступившие на хранение в музейные фонды;
- проекты, получившие Гран-при и дипломы лауреатов международных, всероссийских и региональных конкурсов;
- проекты, реализованные в промышленных сериях

Цель творческой монографии – создание визуального художественного продукта, отражающего взгляд на мир, новые концепции пространства, времени, человека, истории, общества, культуры, природы и способы их воплощения, который способствует развитию художественного мышления;

Задача творческой монографии – разработка творческого объекта как законченного художественного целого, представленного в конкретной художественной форме, получившей публичное признание;

Основные функции творческой монографии: эстетическая, художественно-конструктивная, художественно-интерпретационная, коммуникационная, информационно-познавательная, обучающая, методическая, развивающая, мотивационная, воспитательная.

Требования, предъявляемые к творческой монографии:

- художественное авторское произведение (или ряд произведений), творческих проект (или ряд проектов) должны четко отражать художественный замысел автора, его основные методы и принципы исполнения, иметь художественную и методическую значимость;
- быть зафиксированы на электронных носителях (аудио-видео, DVD, CD RW и др.);
- иметь решение Научно-методического совета Академии об официальном утверждении художественного авторского проекта в качестве творческой монографии, претендующей на публичность представления и использование ее в учебной работе вуза;

Творческие монографии могут быть индивидуальными и коллективными. Авторами (соавторами) могут быть:

- профессорско-преподавательский состав и работники университета;

- аспиранты, соискатели;
- студенты (только соавторы), принимавшие непосредственное участие в работе над творческой монографией;

Соавторами могут быть представители других учреждений (если их вклад в работу не превышает 50%).

Порядок оформления и представления творческой монографии. Представление творческой монографии осуществляется в следующей последовательности:

- решение кафедры о выдвижении художественного произведения в качестве творческой монографии.

- оформление заявки на подготовку и проведение необходимых технических работ (съемка, фотография и др.) художественного произведения. Заявка подается на имя проректора по учебной и творческой работе (с указанием объема, количества, определение формы электронных носителей и т.д.).

- обработка и хранение обязательного экземпляра в библиотеке.

Оформление творческой монографии. Структура: титульный лист (титры); основное содержание, имеющееся в виде аудиовидеозаписи и т.д.; справочный аппарат.

Титульный лист (титры) должен содержать следующие элементы:

- полное наименование министерства, вуза, факультета, кафедры;

- сведения об авторе (Ф.И.О., ученая степень, ученое, почетное звание);

- название;

- место и год публичного представления;

- решение Научно-методического совета, разрешающее и рекомендуемое использование данной творческой монографии в учебном процессе по соответствующей специальности.

Сопровождающие документы:

- аннотация работы в объеме не более 3-х страниц;

- рецензии, отзывы;

- копии дипломов: лауреата, участника международных и всероссийских выставок, премии Гран-при и другие, свидетельства, отзывы в СМИ и другие документы, отражающие общественное признание работы;

- сведения об использовании материалов творческой монографии в учебном процессе Академии;

- знак охраны авторского права с указанием Ф.И.О. автора(ов), года представления произведения.

По усмотрению авторов могут быть представлены и другие документы, отражающие сведения о признании работы.

Прием документов, их регистрация, а также все делопроизводство регламентируется соответствующими Положениями, утвержденными решениями Ученого совета вуза.

Таким образом, творческая монография, выполненная с требованиями настоящего Положения, является объектом интеллектуальной собственности и учитывается как статистическая научно-исследовательская единица и публикация.

Важным этапом является работа по постановке художественного продукта (творческой монографии, спектакля, концертного номера, сборника музыкальных произведений, фольклорных собраний и пр.) на баланс вуза. Как представляется, при введении в хозяйственный оборот созданной и приобретенной вузом интеллектуальной собственности необходимо соблюдать правила формирования в бухгалтерском учете нематериальных активов, а также разработать внутренние локальные акты, утвержденные Ученым советом вуза.

Использованная литература:

1. Рекомендации по организации научно-исследовательской деятельности вузов. СПб., 2003. 44 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4 от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf4/>. (Дата обращения: 24.07.13).

3. Шульгин Д. Б., Кортон В. С. Модель системы управления интеллектуальной собственностью в вузе // Университетское управление. 2002. №1(20). С. 36-42.

4. Штенников В. Н., Файзуллин М. З. Проблемы инвентаризации научных произведений // Университетское управление. 2009. № 2. С.42-44.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ИННОВАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ КРЕАТИВНЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Автор статьи рассматривает проблемы толерантности для полиэтничного, поликультурного, полирелигиозного российского общества и предлагает формировать толерантность в процессе подготовки креативных студентов в вузах культуры и искусства.

Ключевые слова: толерантность, культура, искусство, полиэтничное общество, поликультурное общество, полирелигиозное общество, информационное общество, креативность, культурно-образовательное пространство, межнациональные отношения, культурное наследие.

The author considers the problem of tolerance for time. The, multicultural, polireligioznogo Russian society and serves to form tolerance in the preparation of creative students in schools of culture and art.

Keywords: tolerance, culture, art, multiethnic society, multicultural society, polireligioznoe society, information society, creativity, cultural and educational space, international relations and cultural heritage.

Проблема толерантности для полиэтничного, поликультурного, полирелигиозного российского общества является весьма актуальной. Толерантность обнаруживает себя как главный бренд общественного развития, интенция общечеловеческих интересов и потребностей. В условиях нарождающегося информационного общества россияне, по крайней мере, их активная часть, приобретают новые качества: высокую образованность, возросшую социальную ответственность, расширившийся культурный и мировоззренческий кругозор, плюрализм взглядов и позиций, активное развитие креативных начал.

Являясь результатом накопления человечеством опыта совместного существования на Земле множества народов, стран,

* КУДРИНА Екатерина Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Почетный профессор Монгольского государственного университета культуры и искусств, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Кемерово, Россия (e-mail: kudrina@kemguki.ru).

KUDRINA Ekaterina L – Ph.D. (Social and Cultural Activities), Professor, Rector of the Kemerovo State University of Culture and Arts, Professor Emeritus of the Mongolian State University of Culture and Arts, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Kemerovo, Russia (e-mail: kudrina@kemguki.ru).

культур, цивилизаций, идея толерантности на протяжении Нового времени медленно, но неуклонно проникала в сознание народов, становясь важным элементом их культуры. В течение последних десятилетий она превращается в доминирующую тенденцию, становясь императивом, доминантой нового века, общей тенденцией мирового процесса. Необходимо подчеркнуть, что культура толерантности должна бережно возвращаться, преодолевая традиции вековой интолерантности, традиционного противопоставления «мы» (хорошие) – «они» (плохие).

Возможность создания подлинного общества знания, благодаря развитию глобального информационного общества, в полной мере гарантируется свободой выражения мнений и свободой научного поиска, развития креативности и творческой деятельности. Свобода выражения мнений базируется на открытости и диалоге, которые влияют на отношения между гражданами и социальными группами внутри общества знания. Без свободы выражения мнений, которая находит свое проявление в толерантности, не может быть ни обмена, ни публичной дискуссии.

Свобода выражения мнений является гарантией жизнеспособности связей, которые объединяют граждан в определенном обществе, формируют их толерантность. Проявление толерантности (терпимости), которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Оно означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Оно означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность, неповторимость, уникальность, креативность.

В XXI в. толерантность стала одной из нравственных основ мирового сообщества. Термин «толерантность» оказывается ключевым понятием, эвристическим для понимания политических, социальных, культурных процессов и тенденций нового века. В связи с этим открытие Института толерантности и межкультурных коммуникаций в Кемеровском государственном университете культуры и искусств стало важным шагом в диалоге культур, в развитии нового уровня общественного сознания и современной этической доктрины, претендующих на центральное место «в оси координат XXI века».

Институт толерантности и межкультурных коммуникаций был открыт совместно со Всероссийской государственной би-

блиотекой иностранной литературы им. Рудомино. Директор библиотеки, она же директор Благотворительного фонда «Институт толерантности» Екатерина Юрьевна Гениева вместе с представителями аппарата Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе, Председателем Совета народных депутатов Кемеровской области, руководителями департаментов и отделов администраций Кемеровской области и г. Кемерово, уполномоченным по правам человека в Кемеровской области, руководителями вузов Кузбасса, священнослужителями, руководителями и представителями общественных организаций малочисленных коренных народов Кемеровской области приняли участие в церемонии открытия.

В настоящее время в рамках деятельности Института реализуется ряд проектов, способствующих формированию толерантности преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов университета.

Каждый проект уникален и значим, учитывая, что в истории человечества нетерпимость присутствовала всегда, порождая конфликты, войны, религиозные преследования и идеологическое противостояние. В повседневной жизни она выражалась и выражается в фанатизме, стереотипах, оскорблениях, а в государственном масштабе – в расовой дискриминации, в нарушении важнейших демократических свобод.

И сегодня, когда в субъектах Российской Федерации проживают представители более 160 наций и народностей, в том числе 89 коренных малочисленных народов, и каждый этнос имеет разное вероисповедание, сложную и особую историю развития, обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры особое значение приобретают проблемы формирования толерантности в полинациональной, поликонфессиональной, полиэтничной России.

Толерантность приобретает особую актуальность в условиях существования межэтнической напряженности, как латентных, так и открытых форм ее проявления. Проявление последних стало объективной реальностью. Данный тезис актуален не только для районов традиционно «конфликтных», как в сфере межнациональных, так и этноконфессиональных отношений (например, Северный Кавказ), но и такого, как сибирский регион. Отчасти это связано с тем, что право называть себя коренными на территории Сибири имеют и алтайцы, и хакасы, и татары, и русские, и другие этносы, проживающее на этой территории не одно столетие, но не отнесенные к категории «народов

Севера» или коренных малочисленных народов. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 45 малочисленных народов, 40 из которых распоряжением Правительства РФ № 536-р от 17 апреля 2006 г. отнесены к категории «коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [1].

Среди них: Алеуты, Алюторцы, Вепсы, Долганы, Ительмены, Камчадалы, Кереки, Кеты, Коряки, Кумандинцы, Манси, Нанайцы, Нганасаны, Негидальцы, Ненцы, Нивхи, Ороки (ульта), Орочи, Саамы, Селькупы, Сойоты, Тазы, Теленгиты, Телеуты, Тофалары, Тубалары, Тувинцы-тоджинцы, Удэгейцы, Ульчи, Ханты, Челканцы, Чуванцы, Чукчи, Чулымцы, Шорцы, Эвенки, Эвены, Энцы, Эскимосы, Юкагиры [2].

В таблице 1 приведены данные по десяти этим народам, среди которых два проживает в Кемеровской области компактным поселением: шорцы – 12,5 тыс. человек и телеуты – 2,6 тыс. человек.

Таблица 1.

1.	долганы	7 тыс.	долган, тыа-кихи, саха
2.	нганасаны	около 1 тыс.	тавгийцы, самоеды-тавгийцы
3.	энцы	237	енисейские самоеды
4.	ненцы	29 тыс.	самоеды, юраки
5.	селькупы	4,3 тыс.	остяко-самоеды
6.	кеты	1 494	остяки, енисейцы, енисейские остяки
7.	шорцы	12,5 тыс.	кузнецкие, кондомские и мрасские татары
8.	телеуты	2 650	тадар, байат-пачат
9.	кумандинцы	2,4 тыс.	
10.	теленгиты	2,4 тыс.	коренные жители южных районов республики Алтай

Основными особенностями коренных малочисленных народов являются традиционное природопользование, компактное проживание, алтайско-языковая семья (тюркская группа), этнические традиции и обычаи, шаманизм, национальные праздники (Пайрам, Пардакай и др.).

Следует отметить, что одним из шагов к нейтрализации межэтнической напряженности может стать линия на воспитание толерантности у подрастающего поколения и молодежи, вне зависимости от этнической принадлежности. Однако при воспитании толерантности не следует забывать и об ее оборотной стороне. А именно: по мнению ряда исследователей, подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности не только не создают предпосылок к преодолению «межэтнических граней», но наоборот «порождает» условия для их обострения [3]. С этим суждением трудно не согласиться, т.к. обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствуют их обособленности, и, наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам, что нарушало бы права большинства граждан государства, хотя может и соответствовать международным представлениям о правах национальных меньшинств.

Безусловно, толерантность в современных условиях как одна из основных универсальных ценностей современного общества приобрела статус глобальной социокультурной проблемы, проявляющейся во всех сферах жизнедеятельности и является важнейшим принципом и необходимым условием мира и социально-экономического развития всех народов, особенностью российской цивилизации.

Восприятие и осознание толерантности выступает частью культуры современного человека, становится частицей, объединяющей нации и религии, дает возможность раскрытия в человеке собственных внутренних мотивов, неосознанно подталкивающих к реализации всего положительного, что заложено в каждом индивидууме.

Основными целями Института толерантности определены распространение идей толерантности и их формирование как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусства. В связи с этим решаются задачи формирования средствами науки, образования,

искусства и просветительства культуры толерантных отношений к иным взглядам, убеждениям, духовным, эстетическим и национальным ценностям в молодежной среде; поддержки инициатив и проектов в области науки, культуры, направленных на сохранение и развитие научно-творческого взаимодействия Кузбасса с регионами России, странами СНГ, зарубежными странами.

Особое место отводится учету особенностей Кузбасского региона.

Не требует доказательства тезис о том, что приоритетом деятельности высших заведений сферы культуры и искусства является воспитание творческой молодежи, как людей, для которых личностными чертами становятся: независимость (личностные стандарты важнее стандартов группы); неконформность оценок и суждений; открытость ума (готовность поверить своим и чужим фантазиям, восприимчивость к новому и необычному); высокая толерантность к неопределенным и неразрешимым ситуациям, конструктивная активность в этих ситуациях; развитое эстетическое чувство, стремление к красоте. Основные аспекты креативности могут реализовываться в креативном процессе, в креативном продукте, в креативной личности и в креативной среде, а отличительными качествами креативов, по мнению психологов, выступают особым образом организованная сенсорная сфера, богатство фантазии и воображения, богатство эмоциональной сферы, высокий уровень саморегуляции деятельности.

Важным моментом для выяснения сути креативности становится и определение показателей уровня креативности (творческого начала) личности, среди которых – природные задатки и индивидуальные особенности личности; тип деятельности, в рамках которой функционирует и развивается человек; социальная среда, оказывающая влияние на развитие и проявление творческих способностей; чувствительность к новому, «открытость опыту»; склонность к широким обобщениям явлений, не связанных между собой очевидной, наглядной связью; «беглость» мышления, определяемая богатством и разнообразием идей, ассоциаций, возникающих по поводу самого незначительного стимула; гибкость мышления, способность переходить достаточно быстро из одной категории в другую, от одного способа решения к другому; оригинальность мышления, определяемая стремлением к самостоятельности, необычности, остроумности решения поставленной задачи.

И, безусловно, педагогическое сопровождение процесса профессионального становления творческой личности, должно строиться на учете следующих признаков креативной личности: активность, созидательность, эстетичность, неконформность, асоциальность, одиночество, аутизм. Полярность «социальной одобряемости» этих признаков требует корректного, бережного отношения к самой личности в процессе ее формирования, учета специфики межнационального общения в российской действительности, как сферы социализации личности. Такие проблемы межнационального общения, как рост социальной напряженности, разрушение единого культурно-образовательного пространства, усугубляющийся экономический кризис, политическая нестабильность в обществе, проявления межэтнической противоречивости и конфликтности, межэтнические конфликты, увеличивающиеся потоки беженцев и вынужденных переселенцев, политизированность общественного сознания настоятельно требуют внимания к вопросу формирования культуры межнационального общения. Основами культуры межнационального общения сегодня должны стать: создание новых правовых, нравственных и социальных норм, регулирующих отношения, в которые вступают этносы и представители разных национальностей; сохранение и возрождение культур народов субъектов Российской Федерации, составляющих неотъемлемую часть мирового культурного пространства; создание и деятельность национально-культурных автономий.

При этом средствами культуры, способствующими формированию толерантности, развитию межнациональных отношений и борьбе с ксенофобией являются искусство, культурное наследие, религия, средства массовой информации, наука, образование.

В XXI в. толерантность стала одной из нравственных основ мирового сообщества. Термин «толерантность» оказывается ключевым понятием, эвристическим для понимания политических, социальных, культурных процессов и тенденций нового века. При всем многообразии определений принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО на XXVIII сессии в 1995 году Декларация принципов толерантности определила понятие толерантности (терпимости) как:

– «...уважение, принятие и правильное понимание того многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений...»,

– «...терпимость, снисходительность, умение без вражды относиться к чужому мнению, к чужому образу жизни, к другой национальной культуре, к иному рода религиозным взглядам, языку, чувствам, мнениям, верованиям...»,

– «...определенная мировоззренческая и нравственно-психологическая установка личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные, чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения, слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего...»,

– «...готовность к диалогу, взаимопониманию и уважению, признание права на проявление национальных характеристик в поведении и высказываниях (если они не противоречат нормам морали и права общества в целом)...».

Являясь результатом накопления человечеством опыта совместного существования на Земле множества народов, стран, культур, цивилизаций идея толерантности на протяжении Нового времени медленно, но неуклонно проникала в сознание народов, становясь важным элементом их культуры. В течение последних десятилетий она превращается в доминирующую тенденцию, становясь императивом, доминантой нового века, общей тенденцией мирового процесса. Необходимо подчеркнуть, что культура толерантности должна бережно взращиваться, преодолевая традиции вековой интолерантности, традиционного противопоставления «мы» (хорошие) – «они» (плохие). «Вопрос о толерантности давно ставился социальными мыслителями в связи с исследованием базовых форм социальных связей и определялся решением вопроса о том, что движет людьми в обществе – конфликт, «борьба всех против всех», классовая или социал-дарвинистская борьба за выживание, или все-таки первичными являются отношения солидарности, взаимопомощи и взаимопонимания. В зависимости от решения этого принципиального вопроса толерантность может интерпретироваться как инструментальная норма, определяемая как возможность игнорировать другого, «позволять» ему сохранять свою специфику и автономно сосуществовать с ним, или же как одна из базовых культурных ценностей, универсальных поведенческих образцов, предполагающих не только сохранение и преумножение многообразия социокультурной реальности, но и живую заинтересованность в специфике другого, ее творческое использование и преумножение ради общего блага. Толерантность нередко понимается как следствие инклюзивной, т.е. способности принять иные ценности и нормы, не отказываясь от своих,

а структурно встраивая их в собственную культуру, расширяя, таким образом, ее потенциал» [4].

Сам термин толерантность относится к многозначным. Так, – «tolérance – «главное правило того, кто действует там, где все ошибаются» (М. М. Стасюлевич «Опыт исторического обзора главных систем философии истории», 1866г.), «веротерпимый к чужим мнениям» («Популярный политический словарь», 1926 г.), «терпимость к чужим мнениям и верованиям; снисходительное отношение» [лат. *tolerantia* – терпение] («Краткий словарь иностранных слов», 1966г.). А «терпеть – это 1. выносить, переносить, нуждаться и страдать; 2. крепиться, держаться, стоять не унывая; 3. ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; 4. не спешить, не торопить» (В. И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»).

Полярным по отношению к толерантности выступает ксенофобия (от греч. ξένος, «чужой» и φόβος, «страх»), проявляющаяся в нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному, восприятие чужого как непонятного, непостижимого, а поэтому опасного враждебного, воздвигнутое в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления.

Понимание толерантности как конвенции (примирение), как компромисса (взаимная уступка), как консенсуса (согласие) означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Оно означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность, неповторимость, уникальность, креативность.

Сегодня действуют международные нормативно-правовые документы, закрепляющие принципы толерантности – это Всеобщая Декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Протокол № 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Россия подписала Протокол в ноябре 2000 г.); Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него; Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам и др.

В Указе Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009г. « О стратегии национальной безопасности российской федерации до 2020 года» отмечено, что «для противодействия угрозам в сфере культуры силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развития межнациональных и межрегиональных культурных связей» (п. 82).

Очевидно, что толерантность сегодня позиционируется на уровне мировой и российской культурной политики как особый бренд общественного развития, интенция общечеловеческих интересов и потребностей XXI столетия.

Вместе с тем, уяснение причин и следствий несформированности толерантности, позволяет увидеть возможные проявления ксенофобии (таблица 2).

Таблица 2.

Причины и следствия отсутствия толерантности

Причины	Следствия
Расслоение мировой цивилизации	Межэтнические, межконфессиональные, профессиональные, гендерные, возрастные, региональные конфликты, локальные войны, новые формы рабства, насилия, террора
Экономические	Экономические войны, интеллектуально-информационное неравенство
Социальные	Рост нетерпимости, политический экстремизм
Религиозные	Религиозный экстремизм и религиозная нетерпимость
Морально-этические	Расовая ненависть, обострение межнациональных отношений

Существуют различные типы толерантного отношения:

1. безразличие или индифферентизм по отношению к существованию различных взглядов, практик;
2. невозможность взаимопонимания;
3. снисхождение;
4. критический диалог.

Среди, факторов, не располагающих к толерантному общению выделяют такие, как прямая агрессия; ущемление гражданских прав; социальная и/или юридическая незащищенность; человеческой жизни, имущества и собственности; проявления национально-культурной дискриминации; различные виды девиантного поведения; несформированность в обществе доминирующей идеологии в отношении толерантности и др.

Следовательно, компонентами формирования межнациональной толерантности должны стать:

- знание истории культуры своего этноса, ее традиций,
- знание национальной культуры этноса,
- знание роли своей национальной культуры и роли культуры этноса-партнера в мировой культуре,
- знание особенностей национальной культуры как выражения национальной психологии,
- знание языков: родного и языка межнационального общения,
- эмпатия, означающая знание психологических особенностей этноса, способности к сопереживанию, умение поставить себя на место другого.

Необходимо также помнить о компонентах системы борьбы с ксенофобией, среди которых – формирование национально-государственной идеи, культуросообразное воспитание повышение общего уровня культуры населения, развитие диалога между представителями интеллигенции разных народов, активное развитие мирного сотрудничества, воспитание уважения к общечеловеческим ценностям, развитие у власти интереса к просвещению и понимания важности пропаганды общечеловеческих принципов межнационального общения.

Вся деятельность международного сообщества в настоящее время направлена на преодоление ксенофобии. Так, принятие Программы действий в области культуры мира (принята 53-й сессией Генеральной ассамблеи ООН 10 ноября 1998 г.), провозглашение Генеральной ассамблеей ООН периода 2001-2010 гг. Международным десятилетием за культуру мира и ненасилия в интересах детей планеты, провозглашение Генеральной ассамблеей ООН 2010 года Международным годом сближения культур (резолюция 62/90), рекомендации Генеральной ассамблеи ООН организовать в течение 2010 года соответствующих мероприятий, посвященных межрелигиозному и межкультурному диалогу, взаимопониманию и сотрудничеству на благо мира, рекомендации Генеральной ассамблеи ООН к государствам-чле-

нам ООН рассмотреть инициативы, в которых определяются направления практических действий на всех уровнях общества с целью поощрения межрелигиозного и межкультурного диалога, терпимости, взаимопонимания и сотрудничества закрепляют принципы толерантности, определяют в качестве субъектов носителей культуры толерантности.

В таком разрезе формирование толерантности проявляется инновационным направлением подготовки креативных студентов. Напомним, что креативность [лат. creatio – сотворение, создание], является уровнем творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности, проступает особым видом способностей, проявляемых в успешности творческой деятельности. В то же время, креативность (англ. creativity) – творческие возможности (способности) человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом и/или ее отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания и характеристика полноценно функционирующего человека, способность продуцировать уникальные идеи, результаты, способы решения проблем. Сам термин, как способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации обозначает умственные процессы, которые ведут к решениям, идеям, осмыслению, созданию художественных форм, теорий или любых продуктов, которые являются уникальными и новыми, это и способность, свойство личности преодолевать утилитарность традиционных способов производства, социального восприятия, сознания, поведения, устоев с целью достижения социально значимых ценностей, то, что люди делают, чтобы изменить мир. Это, с одной стороны, – одна из основных задач психики, а с другой стороны – способность центральной нервной системы создавать (creation – создавать, творить) субъективную модель мира с помощью сенсорных, мнестических, когнитивных и аффективных систем в целях максимально гибкой адаптации индивида к окружающей среде (Юрий Вагин).

Творчество как деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью напрямую связана с формированием и функционированием креативности. Творчество специфично для человека, т. к. всегда предполагает творца – субъекта творческой деятельности. Творческие способности или творческие потенциалы заложены и существуют в

каждом человеке, а развитие креативности (как стиля деятельности) происходит в деятельности и, именно, в творческой деятельности. И здесь важную роль играет социальная среда база, платформа для формирования творческой индивидуальности. Такие умения креативного специалиста как самостимуляция, саморегуляция, самоконтроль подчеркивают влияния среды на формирование креативности. Помня, что характер культуры влияет на тип креативности и процесс ее развития, а развитие креативности не определяется генетически, а зависит от культуры, в которой воспитывался человек, не существует непрерывности в развитии креативности, спад в развитии креативности может быть объяснен за счет того, насколько выражены новые требования и стрессовые ситуации, с которыми сталкивается человек и спад в развитии креативности можно снять в любом возрасте путем специального обучения важно выработать способы стимулирования творческой активности детей и молодежи. Среди таких способов по мнению Дж. Гилфорда:

- Обеспечение благоприятной атмосферы. Доброжелательность со стороны учителя, его отказ от выставления оценок и критики в адрес ребенка способствует свободному проявлению дивергентного мышления.

- Обогащение окружающей среды самыми разнообразными новыми для него предметами и стимулами с целью развития его любознательности.

- Поощрение высказывания оригинальных идей.

- Обеспечение возможностей для упражнения и практики. Широкое использование вопросов дивергентного характера применительно к самым разнообразным областям как учебного, так и внеучебного характера.

- Использование личного примера творческого подхода к решению проблем.

- Предоставление возможности активно задавать вопросы.

Существующие мифы о креативности (креативность – удел креативных людей; деньги – мотиватор для креативности; креативность питается недостатком времени; страх приводит к новым открытиям; соревновательность способствует творчеству; организация, оптимизирующая свою структуру, креативна) выступают преградой, барьером к развитию креативности у современного человека. Преодоление этих барьеров возможно через признание тезиса – толерантность – инновационное направление подготовки креативных студентов. Любая культура существует не сама по себе, а во взаимодействии с другими

культурами, поэтому необходимо видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностей.

Использованная литература:

1. Постановление Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации от 24 февраля 1993 г. «Об отношении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера» // Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М.: Юридическая литература, 1994.

2. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем: учеб. пособ. М.: Московский государственный институт международных отношений, 2004. 304 с.

3. Бурькин А. А. «Односторонняя толерантность» как проблема взаимоотношений с миноритарными этносами в гражданском обществе в целом и в образовательном пространстве в частности // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Новосибирск, 2005.

4. Вагин Ю. Р. Креативные и примитивные. Пермь: ПГМА, 1996. 477 с.

5. Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. М., 1999. № 18.

«РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»: МОДЕЛЬ УЧЕБНОГО КУРСА ДЛЯ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ

Автор в статье предлагает совершенствование приемов, методов, форм обучения в вузах культуры посредством оптимизации модели учебной дисциплины «Регионоведение» для студентов культурологов.

Author of the article suggests improvement techniques, methods and forms of education in the schools of culture through the optimization model of discipline «Region» for students of cultural studies.

Ключевые слова: *регионоведение, регионология, культурологическое образование, учебный процесс, учебный план, учебная дисциплина.*

Keywords: *regional studies, regional studies, cultural studies education, the learning process, curriculum, course.*

Высшая школа с неизбежностью вновь и вновь сталкивается с проблемами повышения эффективности учебного процесса. Это не только совершенствование приемов, методов, форм обучения. В ряд этих проблем входят вопросы подбора учебных дисциплин, создание добротных программ, учебников, учебных пособий и т.п.

Совершенно очевидно, что высокая загруженность учебного процесса диктует особую «строгость» в деле включения в учебный процесс новых дисциплин. Это важно по многим причинам. И в первую очередь это связано с резким повышением требовательности не только к организации учебного процесса, но и к содержанию, которое должно стать востребованным достоянием каждого выпускника высшей школы.

Многое сделано для решения этих проблем. Оптимизации учебного процесса служат введенные в высшей школе Федеральные государственные образовательные стандарты. Благодаря им не только оптимизируется сам процесс образования, но и совершенствуется его содержание, ибо в них заложена основа

* НАУМЕНКО Владимир Емельнович – кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского института культурологии, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, г. Краснодар, Россия (e-mail: naumenko@rambler.ru).

NAUMENKO Vladimir E. – Ph.D. Candidate (Native history), Head of the Complex Problems Study of Culture of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Honored Scientist of the Republic of Ingushetia, Krasnodar, Russia (e-mail: naumenko@rambler.ru).

для учета реальных возможностей и условий обучения.

Современное культурологическое образование характеризуется не только совершенствованием преподавания «базовых» дисциплин, но и появлением в учебных планах новых предметов, методик, направлений образовательного процесса. Заметным явлением стало включение в образовательный процесс предмета «Регионоведение».

Проблемы регионоведения в последние годы плодотворно решаются в трудах российских исследователей [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Эти вопросы все чаще становятся предметом рассмотрения на научно-теоретических конференциях различного уровня [10]. Издается даже специализированный журнал «Регионоведение» (г. Саранск). Как отмечает исследователь региональных проблем Е. В. Морозова, в нашей стране с 1981 года начала разрабатываться концепция формирования интегрального научного направления – регионоведение.

В научном мире до сих пор нет единой точки зрения на этот счет. Одни ученые настаивают на придании регионоведению (регионоведению) собственного научного статуса; другие полагают, что изучение регионов – не новая наука, а научное направление, базирующееся на междисциплинарном подходе к региону как объекту исследования.

Для того чтобы стать на одну из точек зрения, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть, что собой представляет понятие «учебный предмет». Нормативное издание, каким является «Педагогическая энциклопедия», дает нам следующее определение: «Предмет учебный – дидактически обоснованная система знаний, умений и навыков, отобранных из соответствующей отрасли науки или искусства для изучения в учебном заведении. Перечень и взаимосвязи предметов учебных, которые изучаются в учебном заведении того или иного типа, определяются учебным планом этого заведения...» [11].

Таким образом, учебный предмет есть основы соответствующей науки, т. е. учебный предмет аккумулирует важнейшие факты, понятия, законы, теории, методы науки, отобранные для изучения в соответствии с требованиями общества и возрастными особенностями учащихся. Конечно, студенческая аудитория, для которой и предназначается данный учебный предмет, способна освоить и «высокие» теоретические знания. Но в данном случае, как нам представляется, не следует учебный предмет сводить к простой «проекции» науки на школу, в том числе и высшую.

В учебном предмете, как считают видные российские педагоги [12], материал должен располагаться в логической последовательности, в системе, с опорой на предыдущее, но его структура более проста, чем структура соответствующей научной дисциплины. Такая установка, естественно, ставит и педагога, и содержательную сторону учебного предмета в определенные рамки, которые в отличие от «регионоведения» – науки о регионе, общих закономерностях его функционирования и развития, применимы в общих чертах к региону вообще, нацелены на решение практических задач. С одной стороны, здесь нужно через конкретное знание выйти на более широкий уровень теоретического представления о регионе. С другой, обеспечить вхождение специалиста в тот социальный опыт, который накоплен обществом, освоение им конкретных знаний о регионе, где ему предстоит работать.

Процесс и содержание обучения должны быть научно обоснованы. Но научно обосновать учебный предмет еще не значит построить его по образцу науки. Научное обоснование – прежде всего обоснование педагогическое. И оно должно ответить на вопрос – почему нужно включать этот предмет в учебный план? Как построить этот учебный предмет?

Необходимость включения предмета «Регионоведение» в подготовку культурологов продиктована достоинствами самого предмета. Во-первых, расширяется, углубляется объект и предмет культуроведения; во-вторых, усиливается системный подход ко всему комплексу изучаемых дисциплин; в-третьих, включение регионального компонента в учебный процесс и отдельного, интегрального по сути учебного предмета «Регионоведение» придает большую целостность и системность образовательному процессу; в-четвертых, происходит осмысление всего комплекса проблем культурологии сквозь призму региональной специфики; в-пятых, определяется историко-культурная среда региона, составляющие её духовно-ценностные основы; в-шестых, создаются условия для выхода на планетарный уровень культурологии. Этого требует современный уровень образования, особенно при подготовке кадров культуры. Здесь все более энергично проявляет себя тенденция, основывающаяся, с одной стороны, на признании приоритета общечеловеческих знаний, ценностей, что выдвигает на первый план такие общие принципы как гуманизм, демократизация и т.п. С другой стороны, происходящие процессы децентрализации, повышение роли и значения регионов все с большей настойчивостью требу-

ют последовательного проведения в сфере образования принципа регионализации.

Характерной чертой регионоведения является то, что объект его интересов значительно шире ряда обязательных дисциплин. Так, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования рекомендует освещать историю конкретного региона, этногенез населяющих его народов, конфессии, культурные традиции, ландшафтные зоны, заповедники и заказники, место и роль региона в отечественной и мировой культуре и другие вопросы. Таким образом, в содержании предмета имеет место синтез вполне самостоятельных частных направлений, входящих в другие предметы или являющиеся самостоятельными. С этой точки зрения, пропедевтическая направленность предмета очевидна. И поэтому проблемы, изучаемые регионоведением, вполне могут быть включены в традиционную культурологию. Но в этом случае мы не достигнем желаемого результата. Т.к. предмет и объект регионоведения настолько уникальны, что потребовался самостоятельный учебный предмет. В силу своей обобщающей направленности (пусть на уровне региона) он может стать добротной основой для всего комплекса дисциплин культурологического цикла, изучаемого в вузе.

В связи с этим существенным является вопрос, в какой последовательности студенты должны изучать общие, национальные и региональные знания, ценности. В педагогической литературе оптимальным вариантом считается тот, который идет от единичного и специфического к общему, т.е. только после усвоения местного (регионального) материала, родной культуры, студент сможет приблизиться к достижениям мировой культуры, выработать в себе сознание планетарного субъекта [13].

Концептуально мы видим такую схему построения учебного курса «Регионоведение», которая включает три этапа, а внутри них несколько подэтапов [14].

Первый этап. Определение исходных ориентиров. Включает в себя ряд подэтапов:

Первый. Необходимо определить объект изучаемой дисциплины, её предмет, цели и задачи; важен на этом этапе также учет общедидактических требований к модели учебного предмета и основных функций курса.

Второй. На этом подэтапе важно определить требования к содержанию курса, основные принципы отбора идей, фактов, глубины освещения понятий, фактического материала; принцип содержания курса, принцип строения.

Третий. Следует сформулировать методические требования, определить принципы методики.

Второй этап. Проектирование курса. На этом этапе следует выстроить конкретные цели обучения. Для этого необходимо определить блоки знаний, умений и то, что направлено на формирование качеств личности. Обязательными являются также разработка тематического плана и распределение материала по разделам и темам курса.

Важно обеспечить проектирование общей схемы учебного процесса. Это предусматривает выбор средств целеполагания и мотивации учебной деятельности. Важно схематически представить процесс усвоения знаний, определить виды занятий, а также методы и приемы обучения. Необходимо продумать средства контроля усвоения материала, обеспечить межпредметные связи в объединенной схеме по всему курсу и в рамках учебных планов в целом. Итогом этой работы может стать составление программы учебного предмета «Регионоведение».

Третий этап. Его можно обозначить как апробация курса. Сюда включаются: испытание модели курса в педагогической практике и его последующая корректировка. При этом необходимо осмыслить результаты апробации в целом и сделать выводы, на основе которых формулируются методические рекомендации о внедрении учебного предмета «Регионоведение» в вузовскую практику.

Обязательным является также требование учета общепедагогических положений, которые должны быть преломлены сквозь призму специфики предмета, т.е. с учетом его целей, характера, объекта и предмета исследования. Дело в том, что идеи и фактический материал учебного предмета должны быть использованы на многих лекциях и семинарах.

На основе составляющих первой и второй ступени в основном выстраивается модель вузовского учебного предмета «Регионоведение».

Итак, объектом учебного курса является конкретный регион (в нашем случае) – Юг России, один из самых многонациональных и поликонфессиональных. Предметом изучения являются вариативные системные качества региона, составляющие различные внутренние и внешние связи.

Задачами курса становится представление многообразных, широко ориентированных блоков знаний, необходимых для усвоения и осмысления, посредством включения фундаментальных идей и понятий, новых парадигм, т.е. теорий, моделей, ко-

торые могут быть приняты в качестве образца решения исследовательских задач в других регионах или науках. Важной задачей остается и раскрытие взаимообусловленности и взаимозависимости мира, в котором регион существует. Во многом процессы, происходящие в нем, обусловлены общемировыми доминантами, внутригосударственной спецификой, взаимодействием с соседними регионами страны. Следует осуществить связь с другими гуманитарными дисциплинами и, прежде всего, культурологией, историей культуры, историей, этнологией, фольклористикой, исторической географией. Краеведением и т.п. Необходимо выделить духовно-ценностные параметры региона, тенденцию их развития и степень влияния на развитие материальной и духовной культуры. Задачами предмета остаются также освещение соотношения параметров регионального и общемирового, а также о месте Юга России в стране и мире в целом.

Общедидактические требования к модели курса «Регионоведение» в целом отвечают установившимся в педагогике подходам. Это, прежде всего, единый комплекс, включающий содержательный и процессуальный компоненты. Учебный предмет «Регионоведение» должен содержать основы наук о регионе, а также включать элементы целой отрасли научных знаний и разделы научных дисциплин соответствующего цикла. Так, например, без основ экономики, политологии, географии, социологии и других дисциплин полнота раскрытия проблем данного учебного предмета раскрыта не будет.

По типу учебный предмет «Регионоведение» относится к предметам, излагающим основы наук и, поэтому, ведущим компонентом выступает именно совокупность научных знаний, формы самой учебной деятельности, служащие средствами усвоения знаний.

В качестве главного требования к содержанию курса выдвигаются самые общие и широкие понятия современной региологии, общие регионалистские принципы и закономерности. Данное требование, а также цели и предмет курса определяют и главный принцип отбора материала, включающий в себя новейшие теоретические разработки, концепции, понятийный аппарат, т.е. все новейшие достижения современного знания, которые позволяют создать целостную, системную картину учебного предмета.

В процессе преподавания учебного предмета неизбежно встают вопросы о глубине освещения понятий, степени детализации фактологического материала. Здесь требуется един-

ство подходов. В связи с интегральным характером предмета, а также дефицитом учебного времени, нужно в общих чертах, но конкретное освещение понятийного аппарата, а при изложении фактологического материала следует добиваться его тщательного подбора и детализации, с учетом того, что отдельные проблемы найдут отражение в других учебных предметах.

Другим важным принципом, отвечающим потребностям интегрального учебного предмета «Регионоведение» является дедуктивный принцип его строения – принцип развивающего обучения. Основную часть курса важно открыть темой «Понятие о регионе. Основные категории». Целесообразно соблюсти и последовательность основных разделов: 1. История региона. 2. Этногенез народов региона. Этническая карта региона. 3. Типы поселений и средства коммуникации. 4. Язык и этнокультурные процессы. 5. Особенности религиозной жизни. 6. Исторические памятники и культурное наследие. Краеведение и охрана памятников культуры. 7. Национальное достояние. Музеи. Национальные парки и природные ландшафты. 8. Вклад региона в российскую и мировую культуру. 9. Международные связи региона и туризм.

Такой порядок изложения материала позволяет подать его, следуя от общего к конкретному, менее общему. Здесь четко прослеживается двухступенчатая модель изложения, когда регион характеризуется сначала крупным планом, а затем осуществляется детализация материала. В заключение курса целесообразно дать итоговое обобщение по предмету, в рамках которого выявить связи с культурологическим основанием учебного предмета.

Важно определиться и с методологическими подходами в преподавании учебного предмета. Учитывая определенную интегральную направленность учебного курса «Регионоведение», его обобщающий характер, мы воспользовались разработкой Н. Н. Гаврюшенко для пропедевтического вузовского курса «Основы музыкальной культуры» [15]. Автором обозначены 15 принципов содержания: 1) концептуальность, 2) методологический характер, 3) фундаментальность [обоснованность общими науками и теоретическими моделями], 4) вооруженность культурологическим подходом, 5) интегрированность, 6) соответствие современному уровню науки, 7) системный подход к объекту, 8) предельная широта картины объекта, 9) гуманитарная сущность, 10) насыщенность примерами, 11) приоритет типовых примеров, 12) дедуктивность структуры, 13) глубина в освеще-

нии понятий и детализации конкретного материала, 14) проблемный характер, 15) перспективность, т.е. устремленность к дальнейшим этапам процесса учения. В целом, с элементами коррекции, можно согласиться с такими методологическими подходами и опираться на них в процессе обучения.

Главным компонентом учебного предмета «Регионоведение» являются знания. В этой связи важно не только воспроизводить материал на лекционных занятиях, но и обеспечить одно из важнейших условия современной дидактики – интенсификацию методики учебного предмета одним из компонентов которой являются разнообразные формы активизации познавательной деятельности студентов. Очевидно, что выбор методов подачи материала определяется рядом факторов: во-первых, спецификой темы; во-вторых, местом и функцией этой темы в курсе в целом; в-третьих, типом учебного предмета (здесь следует учитывать его интегративность); в-четвертых, задачами, которые ставит педагог. При этом важно соблюсти баланс в общем расчете средств методики, во избежание, как перевеса репродуктивности, так и методического однообразия.

В связи с этим важно определиться с основными методическими принципами преподавания применительно к курсу «Регионоведение». Они вытекают из общеметодических принципов и могут быть сведены к следующему: 1) доступность изложения, 2) опора на концепции активного развивающего обучения и гармонического развития личности, 3) разнообразие методов обучения и форм работы, 4) важная роль активных методов, 5) значительная роль самостоятельной работы студентов, 6) сочетание изложения нового материала с практической проработкой основных аспектов и с формами контроля и коррекции знаний, 7) основательная «рациональная наглядность» (М. И. Махмутов), т.е. опора на графические обобщающие схемы и таблицы, 8) экстраполяция многообразного опыта общей педагогики, 9) учет культурологической специфики объекта.

Знания – это своего рода один из конечных результатов учебной работы. В блок знаний включается являющийся определяющим комплекс понятий. Отобранный понятийный аппарат должен включать как общенаучные понятия, так и круг основных регионоведческих понятий.

Практика убедительно подтверждает, что без детальной, глубокой проработки этих проблем регионоведение рискует отстать от жизни. Кстати сказать, именно недостаточная проработка теоретических проблем регионоведения составляет главную труд-

ность учебного предмета. Это обстоятельство влечет за собой также и многие просчеты в осуществлении практических дел при решении конкретных проблем региона. Отсюда и проблемный характер учебного предмета. Кроме того, такая специфика должна стимулировать исследовательский поиск. Это позволяет предположить, что названные проблемы найдут свою достойную научную проработку в будущем.

В блоке знаний немаловажным представляется и обобщение – типология регионоведения, т.е. расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа. Это не только важный с точки зрения науки метод, но и важное дидактическое условие. Указанный предмет и система доказательств в нем должны базироваться на широкой фактологической базе, и здесь важны не столько количественные параметры, сколько примеры историко-географического порядка, социологические выкладки, должна присутствовать глубина отбора материала, чтобы были широко представлены все этнические социумы, территории, ландшафтные зоны, административные единицы. Важными составляющими типовых примеров должны быть – фольклор, традиционная народная культура, этногенез народов региона, географические данные, история, художественное творчество, материальная культура, особенности быта, традиции, обряды, обычаи. Среди примеров должны присутствовать данные о межрегиональных связях, взаимодействии региона с общероссийским и мировым сообществом.

В преподавании учебного предмета важно широко использовать средства схематического представления региона. Здесь уместны различные схемы, таблицы, графики по практически всем основным параметрам функционирования региона в тесной взаимосвязи со всей страной. В сочетании со словесными пояснениями это позволяет оттенить системные свойства объекта, показать его элементарный состав, структуру, связи, функции. В учебном предмете «Регионоведение» имеются широкие возможности привлечь целый комплекс средств «рациональной наглядности», которая может быть выражена в: схеме состава региона, таблицах по типологии региона, схемах и графиках по различным отраслям жизнедеятельности региона, схемах логического соотношения понятий, обобщающей схеме курса. Здесь уместно использовать различные структурно-логические схемы, на которые можно перевести значительные объемы изучаемого материала, с целью большей наглядности и лучшего усвоения последнего.

Важна и психологическая характеристика знаний, вовлеченных в регионоведение. Их отличает значительная степень новизны в сравнении с объемом знаний первокурсников. Это требует не просто потребления новой «порции» предлагаемого материала, но влечет перестройку мыслительной деятельности, преодоление усвоенного стереотипа европоцентризма, переформирование уже полученных в условиях средней школы системных знаний, подводит студента к необходимости анализа и синтеза знаний. Это трудно, но это и составляет новизну знаний о регионе, что значительно повышает мотивацию учения.

Другим важным компонентом блока знаний, его производным, является блок умений. Значение его применительно к учебному предмету трудно переоценить. В отличие от предметов, носящих пропедевтический характер, где блок умений намного уже блока знаний, ибо они перекладываются на последующие предметы, составляющие основы умений, то в отношении регионоведения такая закономерность не срабатывает. Это не пропедевтический предмет в чистом виде. Это учебный предмет с высокой степенью обобщения материала, несущий блок интегративных знаний и, что самое важное, – знаний о регионе обитания студента, месте, где ему с большой степенью вероятности предстоит работать. Учитывая полиэтничность региона, другие его особенности, не трудно понять значение этого предмета для выработки умений и навыков общения. Поэтому в данном учебном предмете целесообразно представить умения, связанные с применением знаний о регионе при решении порой непростых жизненных и производственных задач. Важно трансформировать в сознании студента богатейший и разнообразный общественных, житейский и производственный опыт народов, населяющих регион. Другой стороной реализации навыков является выработка логических умений, навыков, связанных с умением работать и с понятиями, и с соотношением между ними, строить классификации и аргументировано излагать изученный материал. Важной составляющей этого процесса может быть и привитие общих учебных навыков, основанных на внедрении через учебный предмет поисковых и разнообразных эвристических умений. Регионоведение для этого предоставляет широкие возможности – такие, как постановка проблем на материалах предмета, объяснение ситуаций затруднения, построение гипотез, теоретических схем.

Завершение изучения учебного предмета проявляется в выполнении социального заказа общества – выработке таких личностных качеств, которые бы включали: гармоничность лично-

сти, духовность, высокую гражданственную направленность на восприятие высоких идеалов общечеловеческой культуры, устремленность к поиску истины, равновесие национального самосознания и планетарного мышления. Важным компонентом является воспитание творческой активности. Все эти возможности в полной мере предоставляются учебным предметом «Регионоведение».

Определение основных педагогико-дидактических принципов учебного предмета позволяет в общих чертах определить схему содержания курса. Содержание курса должно отвечать поставленным целям и структуре регионоведческого знания и должно соответствовать следующим уровням:

– ознакомительный уровень, предполагает знакомство с теоретическими проблемами и регионоведческими концепциями, историей региона, особенностями развития культуры населения его народов и другими вопросами;

– репродуктивный уровень, здесь требуются знания в области категориального, понятийного аппарата регионоведения, структуры, функций, типологии регионов, понимание ценностей духовной и материальной культуры народов, населяющих регион;

– креативный уровень – предполагает способность анализировать современные проблемы регионоведения, национально-этнических общностей, населяющих регион, умение ориентироваться в культурной, политической, социальной жизни народов.

Целеполагающая функция учебного предмета возлагается в основном на вводную тему, в которой сообщается о целях и задачах предмета, обсуждаются его приоритеты, а также детализируются основные циклы регионоведческих дисциплин. Следует указывать также на конкретные цели основных разделов курса и ведущих тем.

Перспективным в плане развития интереса к учению видится постановка вопросов и задач, еще не решенных регионоведением, решение которых всецело ляжет на плечи молодого поколения.

Важна и мотивация учения. Средства ее многообразны. Важнейшее мобилизующее значение имеет учебный материал. Здесь студенты знакомятся с интересующими их вопросами, касающимися различных теоретических проблем регионоведения и практического вклада конкретного региона в отечественную и мировую сокровищницу культуры; ими познается история региона, значимость культуры родного края, жизнь и

деятельность выдающихся представителей культуры выходцев с Юга России. Другими важными составляющими средств мотивации можно назвать: фундаментальное значение курса, яркие образные примеры, создание ситуаций затруднения и проблемных ситуаций, нахождение ответов, дискуссии по ключевым вопросам, апробацию результатов самостоятельной работы студентов на семинарах и учебной конференции, проведение диспутов и дискуссий и т.п. Факторами непроизвольной мотивации могут явиться также энтузиазм преподавателя и хорошая организация процесса обучения.

Одной из фундаментальных проблем обучения является усвоение знаний. Схематично это может выглядеть как процесс усвоения готового знания о регионе и понятий учебного предмета из устного или печатного источника. Здесь необходимо предусмотреть и схемы самостоятельного порождения знаний путем выведения частных знаний из общих, а также формирования понятий из наглядных примеров. Надо помнить, что регионоведение является курсом, имеющим большое практическое значение, поэтому формирование навыков должно носить конкретный и объемный характер, их необходимо закрепить в различных видах учебной деятельности.

Для этого следует предусмотреть и различные виды занятий. В рамках изучения курса важными являются лекции (беседы), семинарские занятия, консультации и индивидуальные занятия. Итогом изучения предмета может быть учебная конференция, которую следует готовить на протяжении всего периода изучения предмета. В программу учебной конференции может быть включена творческая встреча с деятелями региональной культуры, науки, видными политиками и т.п.

Предпочтительно обеспечить проведение активных форм семинарских занятий, таких как – проблемные семинары, деловые игры, «пресс-конференции» по вопросам регионоведения, познавательные соревнования, викторины, семинары с обсуждением студенческих докладов, рефератов. Возможно, проведение дискуссий по вопросам недостаточно исследованным в регионоведении. Значительная доля проблем может быть вынесена на самостоятельное изучение. Здесь важным остаются такие формы самостоятельной работы студентов, как: 1) репродуктивная, – т. е. работа с регионоведческой литературой, справочниками. На этой основе студентами создаются доклады, рефераты, изготавливаются средства наглядности, ведется подготовка по вопросам рубежного контроля; 2) репродуктивно-эвристическая и эвристическая, которая

предполагает написание докладов и рефератов, требующих большей самостоятельности и творческого подхода к теме. Возможно создание самостоятельных эссе и теоретических этюдов по проблемам регионоведения.

На завершающем этапе усвоения материала важное значение приобретают формы контроля. Весьма плодотворным и оперативным является тестирование, которое обеспечивает контроль над усвоением отдельных текущих срезов знаний и умений студентов. По-прежнему остаются актуальными и комплексы контрольных вопросов в целях воспроизведения знаний по каждой теме курса, а также итоговый комплекс вопросов к зачету или экзамену. Успешно применяются методы фронтального блицконтроля, позволяющие оперативно определять уровень усвоения материала, что позволяет своевременно устанавливать ориентиры в изучении материала. Важным остается контроль за самостоятельной работой студентов. Здесь необходимо обязательно вести ее учет путем фиксации в специальном журнале. Многие с точки зрения контроля дают семинарские занятия (попутный контроль). Завершает учебный предмет комплексный итоговый контроль (зачет или экзамен). Современный учебный процесс позволяет привлечь средства программного обучения, машинного и безмашинного, и компьютерные контролирующие программы с обратной связью.

В плане педагогической технологии необходимо составление единых схем процесса обучения, желательно по каждой теме. Единые схемы включают – аспекты целеполагания, мотивации уяснения знаний, виды занятий, методы и приемы обучения, методы контроля. Как полагает Н. Н. Гаврюшенко, «координация таких схем во всем курсе нужна не только из соображений разнообразия методических средств, но и в силу необходимости продуманной «расстановки акцентов»» [16].

Завершение описания модели курса «Регионоведение» возможно при наличии методических советов (материалов) для студентов и преподавателей. В качестве необходимого компонента должны присутствовать: примерная тематика рефератов и список рекомендуемой литературы к ним, а также библиография к каждой теме; контрольные вопросы по темам и примерные вопросы к зачету или экзамену; варианты планов семинарских занятий и программ учебной конференции.

Методические принципы создания модели курса «Регионоведение» раскрыты в составленной автором статьи программе курса.

Использованная литература:

1. *Агранат Г.* О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. 1996. №9.
2. *Барзилов М. И., Чернышев А. Г.* Политическая структура современной российской провинции. М., 1997.
3. *Бусыгина И. М.* Региональное измерение политического кризиса в России // МЭМО. 1994. №5.
4. *Гельман В. Я.* Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1.
5. *Игнатов В. Г.* и др. Региональные особенности местного управления и самоуправления. Ростов н/Д, 1996.
6. *Макарычев А.* Регионализм: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 1991. №3.
7. *Сухарев А. И.* Основы регионологии. – Саранск, 1996.
8. *Науменко В. Е., Нарожный Е. И.* Основы регионоведения: учеб. пособ. Краснодар, 1999.
9. Регионоведение: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
10. Региональные аспекты информационно-культурологической деятельности: матер. междунар. науч. конфер. Краснодар, 1998.
11. Педагогическая энциклопедия. Т. 3. М., 1966. С. 480.
12. *Скаткин М. Н., Краевский В. В.* Содержание общего среднего образования: проблемы и перспективы. М., 1981.
13. Региональные аспекты информационно-культурологической деятельности. Краснодар, 1998. С. 278.
14. *Гаврюшенко Н. Н.* Модель вузовского учебного курса «Основы музыкальной культуры» // Современные проблемы школьной и вузовской педагогики. М.; Краснодар, 1998.
15. Там же. С. 36.
16. Там же. С. 35.

МУЗЕЙ КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ»

В статье освещаются вопросы взаимодействия музея и образования, поиска новой методологии музейной педагогики, создания оптимальной модели взаимосвязи школы и вуза в контексте музейно-педагогической деятельности.

The article highlights the issues of cooperation between the museum and education, finding a new methodology of museum education, creating an optimal model of the relationship of the school and the university in the context of the museum and educational activities.

Ключевые слова: музеи, образование, музейная педагогика, музейно-педагогические технологии, музееведение, общество знаний, вуз, школа.

Keywords: museums, education, museum education, museum and educational technology, museology, the knowledge society, high school, school.

Интеграционные процессы в современном мире стимулируют проявление культурного многообразия, развитию межличностной коммуникации. «Визитной карточкой» каждой страны являются музеи, позволяющие составить представление о культурном потенциале и истории государства, его традициях, а также особенностях взаимодействия с посетителями. Постигание музея и музейной деятельности зачастую ассоциируются с определёнными стереотипами, которые не позволяют в полной мере осознать их важную роль. Традиционно принято считать музей «храмом истории», учреждением, которое изучает, реставрирует и сохраняет важные культурные ценности, проводит культурно-образовательную работу. Однако образовательную деятельность музейного работника можно сравнить с работой учителя, когда идёт речь о просвещении, популяризации различных традиций и обычаев, актуализации культурного наследия.

Взаимодействие музея и образования всегда вызывало бурные дискуссии и неоднозначные суждения относительно целе-

* КАРАМАНОВ Алексей Владиславович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Львовского национального университета им. И. Франко, Львов, Украина (e-mail: akaramanov@gmail.com).

KARAMANOV Alexey V. – Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor, Department of General and Social Pedagogy of the Lviv National University, Lviv, Ukraine (e-mail: akaramanov@gmail.com).

сообразности, эффективности и результативности такого рода деятельности. С одной стороны, эффективность здесь очевидна, поскольку именно музей способен по-особому преподнести любой учебный материал, создавая соответствующую среду. С другой, унифицированные музейные мероприятия, фактически поставленные на конвейер, зачастую приводят к формальному пониманию музейно-педагогического взаимодействия.

Позитивная роль школы в образовательном процессе нового поколения является очевидной: стимулируя к получению новых знаний, она может выступать как в роли воспитательного института, так и быть местом коммуникации.

Анализируя различные аспекты взаимодействия школы и музея, нельзя не заметить появления всё новых и новых тенденций:

- школа утрачивает монополию на знания;
- в обществе распространяется потребительская идеология;
- продолжается утрата и уничтожение культурных ценностей;
- музеи не задействованы в формировании интеллекта молодёжи;
- недостаточно взаимодействие образования и культуры.

Очевидно, что для изменения подобной ситуации необходимо создание инновационных образовательно-воспитательных моделей сотрудничества школы и музея, а также формирование мотивации обучения на основе взаимодействия академического и неформального образования.

Мы имеем в виду не локальное применение опыта музейной педагогики, а массовый характер образования в музее для всех слоёв населения с целью ознакомления с экспонатами, развития интереса, расширения кругозора, познания новой информации, обучения, формирования багажа знаний и т.д.

Примером воплощения подобного опыта может служить пилотный проект «Школа і музей: працюємо разом» («Школа и музей: работаем вместе») (Львов, Украина). Реализация проекта запланирована в течение 2008 – 2012 гг. при участии четырёх базовых школ (средняя школа № 50 им. А. Макаренко; средняя школа № 17 (с русским языком обучения); средняя школа № 81 им. П. Сагайдачного; учебный комплекс «Школа-сад «София») и пяти музеев (Национальный музей во Львове им. А. Шептицкого, Львовский музей истории религии, Львовский исторический музей, Национальный заповедник «Львовская галерея искусств», Львовский художественный мемориальный музей им. С. Крушельницкой).

Первый этап проекта (реализация 2008-2010 гг.) предполагал разработку учебно-методического обеспечения для учащихся 5-8 классов по предметам: история, интегрированный курс «Искусство», изобразительное искусство, музыка, художественная культура, христианская этика.

Среди его основных целей можно выделить: поиск новых форм и методов обучения в музее; повышение мотивации обучения наряду с модернизацией школьного образования; выработку элементов совместной деятельности учителя и музейного работника; интеграцию школьных предметов в пространстве музея; уточнение роли музейного работника (музейный педагог, реализатор образовательных проектов, организатор свободного времени в музее).

Поскольку процесс взаимодействия в музее предусматривает поиск разнообразных сопоставлений, связей, параллелей между видами искусств, цели разрабатываемых уроков основываются на принципах личностно ориентированного и развивающего обучения. Это способствует эффективному усвоению учениками культурно-художественного наследия, воспитывает национальное сознание, стимулирует заинтересованность выдающимися творческими личностями.

Учёт вышеупомянутых принципов создаёт условия для эффективного разрешения таких заданий:

- внедрение интегративных подходов во время изучения разных школьных тем (на основе интеграции между предметами: украинская и зарубежная литература, история, львововедение, христианская этика, изобразительное и музыкальное искусство, художественная культура);

- стимулирование познавательной активности учеников;

- влияние на развитие эмоционально-чувственной сферы учеников;

- содействие усвоению моральных норм поведения в музее;

- развитие умения у воспитанников проводить художественный диалог, анализировать различные произведения искусства;

- стимулирование к своеобразному «погружению» учащихся в историю культурных ценностей, хранящихся в музеях Львова.

Уроки в музее обязательно должны включать элементы интерактивности, которая проявляется на каждом этапе: в процессе объяснения темы, адаптации опорных знаний, восприятия темы и подачи новых знаний, во время подведения итогов и представления

домашнего задания. В частности, на стадии объяснения темы урока, важен характер взаимодействия учителя с музейным работником, согласованное раскрытие основного содержания темы (с позиции базовых знаний и их воплощением на экспозиции музея).

Во время адаптации опорных знаний учитель привлекает учеников-экспертов, которые заблаговременно готовят задание по теме музейного урока для объяснения его материала своим коллегам. На следующем этапе, в ходе диалога музейного работника с учениками, последние активно проводят поисковую работу, выполняют практические задания, обсуждают общие учебные проблемы.

В процессе подведения итогов урока и представления домашнего задания ученики проговаривают свои «музейные достижения» и получают несложную практическую работу для самостоятельного выполнения, обязательно имеющую творческий, ненавязчивый характер. Интерактивное взаимодействие в музее и интегрированное содержание уроков является наилучшей основой для:

- формирования общекультурной компетенции (развитие культуры чувств и креативности учеников);
- овладения умениями и навыками практического применения художественной терминологии;
- формирования способности воспринимать произведения искусства, выражать личностное отношение к ним;
- формирования представлений о сущности, видах, жанрах изобразительного искусства;
- воспитания ценностных ориентаций в сфере искусства;
- понимания связей искусства с естественной и культурной средой.

В данном контексте уместными могут быть советы для учителей и музейных работников, касающиеся различных аспектов организации и проведения музейных занятий. Прежде всего, это:

- обязательная предварительная проработка урока, согласование вопросов методики и дидактики;
- отбор экспонатов к теме по возрастным признакам (как правило, в 5-6 классах дети воспринимают не более 6-9 экспонатов);
- оптимальное определение типа и модели урока в соответствии с избранной структурой;
- предварительное ознакомление учащихся с правилами поведения в музее;
- соблюдение временных границ урока (в пятом классе урок желательно проводить 35 минут, в шестом – 35-40 минут);

- лаконичное, доступное и эмоциональное изложение материала урока для учеников (акцент на рассказе об экспонатах);
- разработка дополнительных дидактических средств (буклетов, карт, тестов, кроссвордов, и тому подобное), используемых на уроке;
- приобретение для учащихся планшеток и записных книжек (для использования во время урока и подготовки домашнего задания);
- обязательность домашнего задания на музейном уроке;
- индивидуальный подход к каждому классу;
- поддержка и помощь родительского совета каждого класса в организационных моментах;
- самооценка и анализ проведённого урока в ходе выявления его сильных и слабых сторон [1].

Одной из наиболее интересных форм взаимодействия школы и музея из нашего опыта является «Педагогический марафон» – массовые музейно-педагогические мероприятия с учётом индивидуальных и возрастных особенностей развития учащихся, которые предполагают их активное вовлечение в разные виды учебной деятельности. Как правило, они охватывают всех школьников в период проведения летней практики (конец мая – начало июня).

Цель всех мероприятий – ознакомление учащихся с культурно-художественным наследием г. Львова, архитектурой города, выдающимися художниками; предоставлении им возможности почувствовать особенности художественного мышления каждой эпохи; систематизация знаний по отдельным темам предметов: история Украины, украинская литература, изобразительное и музыкальное искусство, художественная культура, христианская этика, интегрированный курс «Искусство».

«Педагогический марафон» включает элементы музейной педагогики и изучает актуальные проблемы обучения и воспитания средствами искусства. В частности, следует отметить его направленность на использование «живого искусства» в процессе художественно-эстетического, морального, креативного развития школьников, предусматривающий непосредственный контакт с оригинальными произведениями художников, писателей, обсуждения их значения и выполнения соответствующих дидактических заданий [2].

Музейные уроки в рамках марафона, как правило, имеют такую структуру: вступление; объяснение темы урока (в процессе взаимодействия учителя с научным сотрудником музея); адаптация опорных знаний (на основе взаимодействия учителя с учениками-

экспертами); восприятие темы и воссоздание новых знаний (диалог научного сотрудника музея с учениками); итог урока (с применением устных и письменных форм работы); домашнее задание.

Во время объяснения темы главным источником информации для учащихся является информация музейного сотрудника, который рассказывает на доступном уровне об особенностях того или другого события, музейной достопримечательности, коллекции, реликвии, стимулируя школьников к активному включению в процесс коммуникативного взаимодействия. Параллельно происходит контроль, оценка и коррекция знаний учеников, что делает невозможным любое давление на них – все базируется на желании ученика познать новое, открыть для себя частичку музея, заглянуть в духовные тайны прошлого.

Важным этапом марафона является анализ всех мероприятий, которые проходили в музее; выполнение домашнего задания; подготовка творческой группой каждого класса презентации участия в музейных занятиях.

Итоги марафона подводятся на «круглом столе» путём презентации его наилучших достижений; как правило, в форме театрализованного действия учениками всех классов, соревнующихся в борьбе за победу в номинациях «Логика», «Гармония», «Интеллект», «Красота», «Креативность» и др.

На основе вышесказанного можно определить такие главные особенности «Педагогического марафона»:

- привлечение всего педагогического коллектива школы к работе;
- творческое сотрудничество с научными работниками, художниками и методистами г. Львова;
- продуманную организационно-методическое взаимодействие между школой и музеями города;
- чёткую работу учеников старших классов и студентов, которые выполняют функции волонтёров на музейных занятиях;
- диагностику наблюдений уроков с элементами музейной педагогики в каждом классе;
- богатую палитру дидактических форм, которые согласуются с соответствующими методами и приёмами;
- привлечение творческого совета родителей и администрации школы к обсуждению идей марафона на каждом этапе его реализации.

Следующий аспект нашего исследования затрагивает вопросы вузовского образования, особо актуальные в современном «обществе знаний». Как известно, «общество знаний» способствует

кардинальным изменениям устройства современного мира и жизнедеятельности людей. В нём особо возрастает роль культуры и системных, междисциплинарных знаний, понимание роли и значения которых обеспечивает более глубокое познание себя и других. Тем не менее, ввиду постоянно нарастающего объёма информации, общество не всегда вооружает человека необходимыми знаниями и опытом практической деятельности.

В современных условиях мы наблюдаем не только повсеместное падение уровня культуры, но и элементарную безграмотность среди населения, отсутствие навыков элементарного общения, бедный словарный запас, неумение высказать своё мнение, узость мышления и чёрно-белое восприятие окружающей действительности.

К сожалению, подобные тенденции – не редкость в высшей школе, поэтому возникает объективная необходимость в проведении кардинальных изменений. Одним из наиболее действенных способов мы считаем создание условий для более тесной интеграции высшего учебного заведения в пространство музея.

Для лучшего понимания такой интеграции мы считаем необходимым определить характер оптимального взаимодействия со студентами в музейной среде; выявить потенциальные междисциплинарные возможности различных учебных дисциплин в ходе музейного взаимодействия, средства активизации студентов и их способности к творчеству; выделить факторы развития их интеллекта на основе анализа ряда качеств – критичности, любознательности, гибкости; установить зависимость формирования интеллектуальных способностей студентов в музее от способов организации музейной коммуникации; проанализировать развитие различных видов интеллектуальной деятельности студентов в музейном пространстве.

Современное понимание музея представляет его как репрезентатора социокультурной функции в контексте расширения возможностей образования. В то же время музей может рассматриваться как институт общения и взаимодействия различных культур. Кроме этого, музей способен не только «погружать» зрителя к культуре прошлого, но и «прокладывать мосты» к ценностям настоящего.

По нашему мнению, в высшем учебном заведении объективно необходимым является разработка интегрированных учебных курсов, предусматривающих активную деятельность студентов в среде музея.

В частности, это могут быть дисциплины педагогического профиля – учебные курсы «Педагогика», «Педагогическое ма-

стерство», «Основы педагогики и психологии», «Педагогика высшей школы». Для этого первым шагом к их проведению может быть вступительная музейная лекция на предмет понимания и сравнения основных педагогических категорий в образовательном пространстве и среде музея. Такое занятие (вместе с соответственно подобранными приёмами и дидактическим материалом) будет стимулировать студентов к размышлениям об интеграции музея и высшего учебного заведения в направлении создания новых музейно-педагогических технологий, форм организации обучения и актуальных моделей коммуникации с посетителями; подготовке к работе с учениками общеобразовательных школ [3].

Собственно в музее наиболее эффективно будет происходить самовыражение и самореализация личности, развитие её творческих способностей, ведь полноценное формирование современной молодёжи невозможно без усвоения культурного достижений человечества.

В этом контексте уместно обратить внимание на учебные дисциплины культурно-художественного направления: «История искусства», «Эстетика», «Теория и история культуры» («Культурология»), «Прикладная культурология».

Включение данных дисциплин в пространство музея может быть реализовано на основе организации и проведения интегрированных занятий, которые могут совмещать традиционные лекцию и семинар. В частности, они могут быть сфокусированы на обсуждении различных аспектов художественного произведения, представленного в музее (выделение исторических аспектов его создания и появления в этом музее, определение стиля, жанра, вида искусства; эстетической ценности экспонатов, культурологической составной картины, её значения для современности).

Наибольшее значение в плане практического применения, по нашему мнению, могут иметь специализированные курсы: «Основы музейной педагогики», «Музееведение» («Музеология») «Музейная коммуникация», «Культурно-образовательная деятельность музеев»; «Музей и нематериальная культура», «Историческое краеведение». Именно они способны обеспечить эффективное взаимодействие преподавателя и студента в пространстве музея, создать соответствующие условия для усвоения необходимых знаний, овладения практическими методами и приёмами музейно-педагогической деятельности.

Алгоритм работы со студентами во время реализации данных спецкурсов предполагает постоянное взаимодействие в процессе музейно-педагогической деятельности, рациональное

согласовании теоретического и практического материала, применение современных образовательных технологий.

Такое взаимодействие предусматривает: моделирование разнообразных ситуаций в музейном пространстве для обогащения их культурного опыта; включение в социально значимую деятельность; развитие эмоциональной и мотивационной сферы, коммуникативных и организаторских способностей.

В ходе учебных занятий со студентами необходимо детально раскрыть для них методику подготовки дидактических материалов, содержание музейно-педагогических методов и приёмов, условия их применения для разных возрастных групп учащихся, что даст возможность практически воплощать теоретические знания и выявлять мотивацию к обучению.

Принимая во внимание результаты использования музейно-педагогических технологий в школе, рассмотрим элементы их реализации в пространстве вуза (на основе собственного опыта). Прежде всего, следует акцентировать на универсальность музейно-педагогических методов для различных направлений подготовки студентов в рамках изучения педагогических курсов и спецкурсов.

Целесообразной является отработка практических навыков музейного занятия путём моделирования ситуаций, связанных с раскрытием той или иной темы посредством музейных экспонатов.

Во-первых, можно разделить студентов на группы, определив задания на соответствующей экспозиции. Во-вторых, предложить им составить план урока на данной экспозиции (заранее определив его тип, возрастную категорию учащихся, дидактические методы и приёмы). В-третьих, стимулировать студентов к выделению ключевых экспонатов, задействованных на музейном уроке, подбору соответствующей музыки и презентации своего музейного занятия. Необходимо постоянно активизировать студентов в процессе работы, проводя консультации и объясняя ход выполнения задания.

Выполнение такого несложного задания позволит выявить прикладные педагогические знания студентов, создать необходимую атмосферу и непосредственно заинтересовать их музейной экспозицией.

Анализ различных аспектов деятельности музеев и вузов даёт возможность охарактеризовать такие пути их возможного взаимодействия:

– стимулирование к поиску студентами вместе с преподавателем межпредметных связей разных областей знаний с музейными экспонатами;

- определение «музейного потенциала» изучаемых учебных дисциплин;
- интерактивная творческая деятельность студентов с акцентом на развитие интеллекта;
- привлечение дисциплин художественного направления для обогащения собственного культурного опыта, развития ассоциативного мышления;
- подготовка к применению собственных знаний и умениям во время музейно-педагогического взаимодействия с учащимися разного возраста [4].

В условиях высшего учебного заведения (классического или педагогического университета) важно также внедрение интегративных музейно-педагогических курсов. Это имеет определяющий характер для формирования учебных компетенций студентов, организации новой учебной среды, образования творческих групп, решения актуальных культурно-образовательных заданий.

Основными стратегиями взаимодействия музея, школы и вуза в контексте обеспечения культурного развития общества можно назвать:

- согласованность в разработке и практической реализации музейно-педагогических программ, предполагающих активное вовлечение учащихся и студентов;
- апробацию эффективных дидактических технологий;
- объединение усилий школы и вуза на пути к демократизации обучения;
- способствование полноценной интеграции знаний в музейной среде;
- разработку новых методов и приёмов музейной коммуникации;
- акцент на развитие интеллекта, обогащение культурного опыта учащихся и студентов в музее.

Музеи с их колоссальным потенциалом способны стать не только «средствами обеспечения» такими знаниями, но и центрами реализации всего того, что включают в себя понятия «образование» и «культура», – создавать интерактивные программы обучения, вырабатывать собственный стиль, художественный вкус и мировоззрение посетителей, развивать навыки общения, постоянно привлекать новую публику на актуальные экспозиции и выставочные проекты.

Очевидным является поиск новой методологии музейной педагогики на основе современной философии образования; создание оптимальной модели взаимосвязи школы и вуза в кон-

тексте музейно-педагогической деятельности; отход от «авторитарных клише» в определениях терминов; учёт региональных и межкультурных особенностей, осознание значения своей «малой родины»; выработка потребности в новых впечатлениях и конструировании нового смысла окружающего мира; развитие исторической памяти и формирование гражданского общества.

Вышеизложенное отвечает требованиям «общества знаний», способствующего пониманию и развитию музеев как важных центров образования, просвещения и туризма, а также межкультурного общения.

Использованная литература:

1. *Караманов О. В., Ласкій І. В.* «Школа і музей»: працюємо разом»: львівський досвід інтегрованих уроків з музейної педагогіки // Історія України. Червень. 2010. № 21 (661). С. 15.

2. *Ласкій І. В.* Головні принципи і методи впровадження курсу «Музейна педагогіка» у середній загальноосвітній школі № 50 м. Львова // Матеріали до уроків із використанням елементів музейної педагогіки у 5–6 класах: за матеріалами проекту «Школа і музей: працюємо разом». Львів, 2008. С. 8.

3. *Караманов О. В.* Вищий навчальний заклад у просторі музею: перспективи впровадження інтегрованих курсів // Вісник Львівського університету. Сер. педагогічна. Львів, 2010. Вип. 26. С. 138.

4. Там же. С. 141.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБРАЗОВАНИЮ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются особенности инновационных подходов к образованию в сфере культуры в информационном обществе. Анализ специфики образовательной системы позволяет автору сделать вывод, о том, что рыночные отношения выступают катализатором трансформации традиционной модели образования, а информационные и бизнес-технологии удовлетворяют потребности в формировании нового типа хозяйственного мышления.

The article discusses the features of innovative approaches to education in the field of culture in the information society. Analysis of the specific educational system enables the author to conclude that the market relations act katalizatrom transformation of traditional education, and information technology and business meet the needs in the formation of a new type of economic thinking.

Ключевые слова: *информационное общество, образование, сфера культуры, информационные технологии, творческий потенциал.*

Key words: *information society, education, culture, information technology, creativity.*

Современный этап функционирования государства и общества, экономической и социальной системы, сферы культуры характеризуется как переходный к информационному типу общества, где основным источником развития являются инновации, информация, интеллектуальный фактор, использование которых в качестве ведущего ресурса культуры обеспечивает формирование качественно нового типа общества.

Транснациональная аудиторская компания Pricewaterhouse Coopers (PwC) [1] представила результаты нового исследования «Прорывные инновации и рост бизнеса», посвященного инновационной деятельности в современной экономике.

В опросе PwC приняли участие 1 757 представителей высшего руководящего состава компаний 25 стран из 30 отраслей,

* БЫЧКОВА Ольга Ивановна – кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского института культурологии, г. Краснодар, Россия (e-mail: bychkovaoi@mail.ru).

BYCHKOVA Olga I. – Ph.D. Candidate (Economy and Management), Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Projects and Programs of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Krasnodar, Russia (e-mail: bychkovaoi@mail.ru).

которые курируют инновационную деятельность в своих организациях. Исследование проводилось специалистами PwC при содействии Meridian West и является наиболее значительным и комплексным исследованием с привлечением первых лиц компаний разных стран, представляющих разные отрасли экономики.

Результаты исследования показывают, что инновационная деятельность компаний меняется коренным образом и из побочной деятельности инновации переходят в разряд основной. Сфера инноваций охватывает не только продукты и услуги – теперь объектом внимания зачастую становятся бизнес – модели, операционные системы, потребительский опыт и впечатление клиентов.

В начале 2000-х считалось, что инновации – это прерогатива компаний технологического сектора и сектора потребительских товаров из развитых стран. Сегодня инновации стали в один ряд с ключевыми факторами роста компаний вне зависимости от их географического местоположения и отраслевой принадлежности, указывают авторы исследования. Группа лидеров в области инноваций, сформированная в ходе исследования, включает компании, работающие в совершенно разных отраслях: от образования, культуры, здравоохранения до автомобилестроения и финансовых услуг.

Динамика развития образования в сфере культуры определяется балансом между процессами сохранения традиций и внедрением инноваций. Включение России в процесс глобализации приводит информационное общество к переосмыслению роли культуры и образования в определении вектора дальнейшего развития страны.

Процесс информатизации общества в настоящее время приобрел глобальный характер и является стержнем научно-технического, социально-экономического и культурного развития. Образование является единственной специализированной подсистемой общества, целевая функция которой совпадает с целью общества. Если различные сферы и отрасли хозяйства производят определенную материальную и духовную продукцию, а также услуги для человека, то система образования «воспроизводит» самого человека, воздействуя на его интеллектуальное, нравственное, эстетическое и физическое развитие.

В современных условиях образование видится как способ производства смысла и понимания, где личность вырабатывает в ходе обучения собственную позицию. Освоение знаний уже не

доминирует в образовательном процессе, где основным становится обсуждение предметности. Образование, через образ мира и личности в нем, обеспечивает формирование личности, ориентированной на духовные ценности, развивающей свой талант.

Образование в сфере культуры характеризуется следующими тенденциями и противоречиями:

- несоответствие целям и задачам интенсивного развития системы образования действующего в современных условиях законодательства в сфере культуры;

- чрезмерное государственное регламентирование финансовых и трудовых отношений в сфере образования при условии нехватки средств и недостаточной свободе их использования;

- отсутствие формируемых вне системы образования требований к содержанию и качеству образования в сфере культуры;

- несоответствие ресурсного обеспечения сферы культуры задачам социально-экономического развития страны.

Трансформация инновационных процессов выявила специфичные для новой экономики источники экономического роста, в числе которых особое место занимают знания, наука, новые идеи, интеллектуальная собственность и другие элементы неосязаемых активов, которые становятся важнейшим фактором эффективности деятельности отрасли культура, успешности реорганизаций, диктуемых динамичной конкуренцией и глобальной интеграцией. Проблема образования и подготовки кадров, отвечающих потребностям современной сферы культуры, является важной в государственной стратегии инновационного развития, ключевой для сохранения лидерства в глобальной экономике.

В качестве перспективного направления развития системы высшего образования для культурной сферы рассматривается широкое внедрение информационных технологий. Для успешного развития различных областей в сфере культуры с помощью информационных технологий продолжается реформа образования, в результате которой цели и содержание образования должны измениться в соответствии с требованиями современного общества.

Практика использования информационных и компьютерных технологий в профессиональном образовании отрасли культура свидетельствует о наличии противоречий:

- между существующими информационными компьютерными системами, обладающими широкими возможностями для решения образовательных задач и их невысокой востребованностью в учебных целях;

– между традиционными видами учебно-методического обеспечения и потребностью практики в инновационных формах информационных материалов;

– между содержанием профессионального образования и реальной профессиональной деятельностью;

– между требованиями, предъявляемыми к качеству образования на рынке труда, и фактической организацией процесса профессиональной подготовки, не соответствующей ожиданиям отрасли.

Эффективным направлением разрешения этих противоречий между социальным заказом общества на высококвалифицированного специалиста и существующими объективными условиями подготовки в сфере культуры является создание системы образовательных технологий, направленных на освоение гуманитарного знания и искусства, качественное изменение содержания образования, развитие навыков самореализации обучающихся в творческой деятельности.

Использование информационных технологий обучения в сфере культуры оказало серьезное влияние на изменение содержания, методов и форм обучения.

Все большее признание получает интеграционный подход к обучению взамен традиционного подхода получения знаний, навыков и умений по определенному набору дисциплин. Целью обучения становится формирование личности обучаемого в процессе приобретения знаний, навыков и умений. Информационные технологии в системе высшего образования помогают выполнять консультативные функции, значительно повышают эффективность учебного процесса. Этому способствует то обстоятельство, что методы компьютерного обучения непрерывно совершенствуются.

Новые подходы к подготовке специалистов сферы культуры требуют создания принципиально новой технологии приобретения научных знаний, иных педагогических подходов к преподаванию и усвоению знаний, модернизации программ обучения и методик преподавания. Они должны способствовать активизации интеллектуального потенциала обучающихся, развитию творческих и умственных способностей личности, формированию целостного взгляда на мир, позволяющего личности занять достойное место в информационном обществе.

Уровень грамотности населения и состояние системы образования – ключевые факторы, определяющие темпы экономического роста, индекс человеческого развития и качество

жизни. Тесная связь экономического роста с качеством труда и уровнем образования получает всеобщее признание, поскольку без конкурентоспособной системы образования не может быть конкурентоспособной экономики.

Профессиональная компетентность специалиста сферы культуры в условиях информационного общества раскрывается через многоуровневость образующих ее компонентов, единство деятельностных и личностных характеристик, направленных на реализацию творческого потенциала [2].

В целом появление новых направлений деятельности в экономике государства свидетельствуют о том, что рынок, в определенной степени становится катализатором трансформации традиционной модели образования. И внедрение образовательных информационных и бизнес – технологий в подготовку специалистов сферы культуры может в изменившейся хозяйственной среде удовлетворить объективную потребность экономики в формировании нового типа хозяйственного мышления и поведения людей, способных, основываясь на мировом опыте и стандартах, утвердить в государственной культуре современные технологии хозяйствования.

Использованная литература:

1. Исследование PricewaterhouseCoopers: Прорывные инновации и рост бизнеса [Электрон. ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/09/16/6258>. (Дата обращения: 27.07.13).

2. *Ирхен И. И.* Образование в области культуры и искусств в условиях реформируемой России: состояние и тенденции // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. №3. С. 122-129.

ЭДЬЮТЕЙНМЕНТ: ОТ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ФОРМАТА ДО СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Авторы в статье предпринимают попытку сформулировать определение понятия «эдьютейнмент», рассматривают этапы становления эдьютейнмента от телевизионного формата до современных социальных и образовательных практик.

Ключевые слова: эдьютейнмент, медиакультура, инфотейнмент, технотейнмент, образовательный процесс, обучение, образовательное развлечение, развлекательное образование.

The authors in the article will attempt to formulate a definition of «edutainment», considering the stages of formation of edutainment from TV format to contemporary social and educational practices.

Keywords: edutainment, media culture, infotainment, tehsnotainment, educational process, training, educational, entertainment, entertainment education.

Сегодня одним из популярнейших телевизионных форматов во всем мире является инфотейнмент. Появившись в 1980-х годах в США, данная форма подачи информации стала широко применяться повсеместно, быстро адаптируясь к традициям, культурам, разных регионов и стран.

Инфотейнмент – вновь выработанный формат подачи новостных и других видов информации в развлекательной форме, иногда с элементами театрализации и игрового начала или с раз-

* ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна – доктор философских наук, декан факультета «Предпринимательства в культуре», заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, профессор кафедры культурологии ИППК Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

HANGELDIEVA Irina G. – Ph.D. (Theory and History of Culture), Dean of the Faculty «Entrepreneurship in Culture», Head of the Department of Applied Cultural and Social and Cultural Management of the International University in Moscow, Professor, Department of Cultural Research Training Institute of the Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

** БОГДАНОВА Евгения Михайловна – аспирант кафедры культурологии ИППК Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

BOGDANOVA Eugene M. – postgraduate student, Department of Cultural Research Training Institute of the Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: ikh2006@yandex.ru).

личными их оттенками. Он характерен для различных видов СМИ: ТВ, пресса, радио и Интернет, но в наибольшей степени для электронных форм репрезентации информации.

Инфотейнмент сегодня становится более заметным явлением и не только в медиакультуре, но и в культуре в целом. Медийная составляющая в современном обществе активно развивается и не может существовать автономно от культурного процесса в целом. В связи с чем, инфотейнмент становится заметным социокультурным явлением и представляет собой результат интеграции: информации, в ее эстетизированных форм репрезентации, инновационных средств массовых коммуникаций, возникших и укоренившихся на рубеже XX–XXI вв. и различных элементов развлекательности как особой ценностной характеристики массовой культуры постиндустриального общества.

Сегодня инфотейнмент продуктивно рассматривать в широком и узком смысле. В широко – в рамках культуры в целом, в узком в границах медиакультуры, ядром которой до последнего времени все-таки остается телевидение. Современное телевидение является правообладателем практически всех форм и форматов актуализации инфотейнмента. Именно на телевидение появилось все многообразие форматов, жанров и субжанров телевизионных продуктов, которые стремительно развивались в его лоно, а сегодня выходят в другие культурные пространства.

Под воздействием инфотейнмента в культуре возникает ряд социальных практик, построенных именно на принципах инфотейнмента. К ним можно отнести политейнмент, бизнестейнмент, эдьютейнмент, технотейнмент. Важным моментом в развитии инфотейнмента является то, что он представляет собой важное звено, через которое осуществляется активное взаимодействие массовых и немассовых форм культурных практик.

Например, одним из самых популярных на сегодняшний день субжанров инфотейнмента является эдьютейнмент – формат развлекательных программ, созданный для обучения зрителей. Таким образом, инфотейнмент перерастает границы журналистики и перетекает в культуру в целом, так как технологии эдьютейнмента достаточно широко используются сегодня в практике образования и не только на телевидении.

Термин эдьютейнмент представляет собой транслитерацию английского слова *edutainment* – контаминацию слов *education* и *entertainment* – образование и развлечение.

Представляется проблематичным сформулировать четкое определение данного понятия в виду его малой изученности в

научном сообществе как зарубежном, так и отечественном. В настоящей статье сделана попытка осмысления и определения феномена эдьютейнмента.

Эдьютейнмент – формат образовательного процесса, при котором образовательно-информационный материал представлен с привлечением развлекательных методик, зачастую с использованием информационных технологий. Его образовательная сущность может быть отнесена как к официальному обучению в различных образовательных учреждениях, так и к неформальному несистематизированному обучению, встречающемуся в различных контекстах повседневности.

В более узком смысле под эдьютейнментом понимают формат телевизионных программ и программное обеспечение образовательного толка.

Несмотря на факт появления и распространения термина в начале 1990-х годов, аналогично инфотейнменту, само явление возникло задолго до его научного осмысления. В древности различные ритуализированные практики использовались с полифункциональными целями и были связаны не только с воспитательным началом, но во многом и образовательным. Ритуализированные формы находились в пограничной зоне между усвоением необходимых ценностей и житейских навыков, без которых, древний человек не мог обойтись. Подчас такие полифункциональные формы включали в себя не только идеи серьезного, но и элементы несерьезного (развлекательного), что в определенной степени позволяло сделать указанный процесс более доступным для усвоения жизненных правил и норм поведения членов первобытного общества. Подобные формы просматриваются и в мифологии древних культур. Позднее пророки неслучайно весьма часто использовали такую универсальную форму подачи информации как притчи для иллюстрации религиозных догматов, в которых многозначность образного содержания наполнялась мощным эмоционально-психологическим зарядом. В фольклорном творчестве, например, сказках и легендах также использовался принцип сочетания несочетаемого, для того чтобы наиболее ярко воплотить морально-нравственные смыслы и наставления. Подобным примерам нет числа в истории человеческой культуры. Можно эту же идею проиллюстрировать более поздним примером. В 1943-45 годах главой американских военно-воздушных сил специально для мультипликационного фильма «PrivateSnafu» был создан образ солдата, не предпринимавшего подобающие в военное время меры безопасности и попадающего вследствие этого в различные передраги. В данном образе одновременно демонстрировались

необходимые в той или иной ситуации действия: уроки по обеспечению секретности, предохранительным мерам против различных заболеваний приемы и технологии по предотвращению расовых конфликтов. Таким образом, посредством развлекательного мультипликационного фильма проводилось наглядное инструктирование солдат американской армии. Важно отметить, что названный фильм имел наивысшую популярность у солдат в течение долгого времени. Другой, знаменитый на весь мир, пример применения формата эдьютейнмент представляет собой детская образовательная телепередача «Улица Сезам», впервые вышедшая в эфир в 1969 году на канале американского общественного вещания PBS. В СССР одним из популярнейших образовательных мультипликационных фильмов был «Маззи в Голдолэнде», благодаря которому юные зрители могли приобщиться к английскому языку.

Аналогично, другие учреждения культуры применяют формат эдьютейнмента для привлечения посетителей: зоопарки, музеи искусства и науки, планетарии, тематические парки и другие являются наглядными примерами мест проведения досуга, где наряду с образовательными практиками посетители также реализуют развлекательные.

Трансформация ценностей была вызвана изменениями в экономической сфере, что связано с увеличением во много раз количества людей, занятых в управленческих областях за вторую половину XX века [1].

В своей работе «Это эдьютейнмент» Рэнди Уайт выявил зависимость количества затраченных на развлечение средств от степени образованности: траты на развлечения являются производным от степени образованности и доходов человека. В 2001 году в США среднестатистическая семья, главы которой имели среднее образование и доход около \$37 800 в год, тратила \$276 на развлечения вне дома. Семьи, возглавляемые специалистами с дипломом о высшем образовании и доходом около \$ 70 100 в год, тратили \$993 на развлечения подобного типа; и семьи магистров, зарабатывающих \$86 700 в год, тратили на такие развлечения \$1229. Таким образом, существуют предпосылки утверждать о значительном потенциале эдьютейнмент рынка [2].

Исследователи в области образования Сарри Валлден и Анне Соронен в своей работе «Эдьютейнмент. От телевидения и компьютеров до цифрового телевидения» описывают опасения, царящие среди некоторых преподавателей и авторов, о сдвиге от вертикального глубокого знания (глубокой мудрости) к горизонтальной широте взглядов (несвязанных обрывков информа-

ции), что ведёт к недостатку целостности и последовательности в культурном понимании.

Изучение есть психологический процесс, происходящий в разуме, и сложные вопросы не могут быть постигнуты с лёгкостью и простотой, за редкими исключениями. В контексте эдьютейнмента развлечение или увеселение рассматриваются в качестве неотъемлемой ценности исключительно в случае пользы их наличия для обучения. Одновременно эдьютейнмент не обязательно должен быть «весёлым и развлекательным», но всегда – «интересным и развлекательным». Такой подход пойдёт на пользу процессу образования [3]. Также, полагают исследователи, что в связи с аккумуляционной природой знания и возможностью его всё увеличивающегося накопления, благодаря стремительным технологическим усовершенствованиям происходит процесс увеличения неравенства информационной дистрибуции и распространения знаний как по всему миру, так и в национальном масштабе. Эдьютейнмент как определенная технология способен воздействовать на данную ситуацию и привести к уменьшению данного разрыва, поскольку есть основания предполагать, что постижение материала в формате эдьютейнмента является более органичным для человека, особенно молодого по сравнению с традиционными формами обучения. По мере увеличения когнитивных знаний и медиа-грамотности обучаемого могут применяться также методы обучения, требующие более продвинутой аудитории.

Вследствие стремительного усовершенствования информационных технологий процесс обучения как формального, так и неформального типов всё чаще переходит на дистанционную форму обучения и самообразования. Вероятно, в ближайшем будущем всё интенсивнее будет применяться формат неформального, более свободного стиля образовательного процесса. Выше перечисленные факторы позволяют сделать вывод о необходимости личной заинтересованности обучаемого в процессе обучения в качестве мотивации. В связи с растущей долей влияния развлечения на многие сферы культуры, и, следовательно, большего воздействия инфотейнмента на сферу образования в том числе, существуют предпосылки прогнозировать возрастающую роль эдьютейнмента.

Необходимо отметить, что в связи с процессом глобализации и увеличивающихся потоков иммиграции в мире формат эдьютейнмента может быть широко применён в процессе инкультурации и обучения иммигрантов, а также малообразованных слоёв населения.

В процессе создания образовательного материала в формате эдьютейнмент необходимо определить его целевую аудиторию, потребности и предпочтения данной аудитории. Следует определить возрастную группу, её основные интересы в проведении свободного времени, степень увлечённости компьютерными играми и Интернетом, просмотром телевизионных передач. Например, в случае подготовки материала для молодёжи до 18 лет больше внимания следует уделить рассмотрению образовательных компьютерных игр и он-лайн уроков, то же может относиться и к молодым людям более старшего возраста, активно использующих сеть Интернет в повседневной жизни; Относительно женской аудитории среднего возраста и старше следует ориентироваться скорее на создание образовательно-развлекательного телевизионного продукта. В ближайшем будущем прогнозируется интенсивное развитие интерактивного телевидения в этом направлении.

Обучение – это всегда процесс усваивания каких-либо знаний, навыков, умений.

Согласно Сарри Валлден и Анне Соронен, учение может быть классифицировано по контексту и назначению следующим образом:

Формальное учение реализуется в образовательных и учебных центрах, завершается получением признанных дипломов и квалификаций, при этом используются структурированные и организованные обучающие практики.

Неформальное учение имеет место при официальных системах образования и обучения и обычно не завершается получением формализованного свидетельства. Неформальное учение может быть представлено на рабочем месте, а также посредством деятельности общественных организаций и гражданских групп (например, молодёжными организациями, профсоюзами и спортивными клубами). Неформальное учение может также осуществляться учащимся самостоятельно.

Свободное учение описывает постоянный процесс овладения индивидами навыков, знаний, осмысления ценностей и формирования мировоззрения посредством приобретения ежедневного опыта, воспитательного воздействия семьи и окружающих, с помощью рабочей и игровой деятельности и масс-медиа («учиться всю жизнь»).

Случайное учение (дополнительное) происходит, когда во время повседневной рутинной деятельности индивид познаёт что-либо, ранее непредполагаемое быть изученным [4].

По другой классификации, обучение может быть классифицировано на когнитивное (познание), аффективное (эмоции) и психомоторное (навыки).

В связи с субъективным характером восприятия развлечения в отношении эдьютейнмента более эффективным будет получение учащимся удовольствия или положительного опыта в процессе восприятия формата эдьютейнмент. Следовательно, одной из главных задач эдьютейнмента становится обеспечение удовольствия реципиенту в процессе обучения, что может быть выражено, например, посредством:

- интересного содержания предлагаемого материала;
- удовлетворения от самостоятельного решения какой-либо задачи;
- социального взаимодействия с другими учащимися;
- прогресса в обучении;
- мотивирующего, представляющего смысл для учащегося материала, родственного к практическому аспекту его жизни.

Валлден и Соронен добавляют, «подразумевая телепрограммы, слово «развлечение» обычно используется в отношении программ, стиль которых содержит контент, представленный посредством использования признаков и средств некоторых жанров, например, ситуационной комедии, сериала, викторины или ток-шоу. Хотя зрители могут по-своему считывать тексты данных программ и давать им собственную интерпретацию, в данном случае слово «развлечение» относится к передачам, предназначенным продюсером быть занимательными и /или забавными» [5]. В случае успеха программы формата эдьютейнмент зрителям доставляет удовольствие привлекательная репрезентация поставленного в теме вопроса. Главной задачей является активизировать учащегося и наладить взаимодействие между ним и образовательным материалом, что подчиняется принципам конструктивизма.

Необходимо подчеркнуть, что эдьютейнмент предоставляет приоритет образованию перед развлечением. Перед эдьютейнмент-программами стоит ясная образовательная цель, реализуемая посредством развлекательных методик, чем они во многом отличаются от непосредственно инфотейнмента, часто предоставляющего отдельные факты без соответствующего контекста и не преследующего образовательной цели.

Основной характерной чертой телепрограммы в формате эдьютейнмент является образовательная цель её производства, также могут присутствовать другие образовательные элементы такие, как определение какой-либо задачи, возможность ответа,

оценка и, как минимум, относящееся к материалу имплицитное взаимодействие. Другая характерная черта, отличающая эдьютейнмент – это применение описательного подхода.

Эдьютейнмент представляет собой альтернативный вариант традиционному образованию.

Эдьютейнмент может быть классифицирован по цели и содержанию, по целевой аудитории (см. рис. 1).

Рисунок 1.

Также возможны и другие варианты классификации, например, по содержанию.

При создании эдьютейнмент-материала возникает ряд трудностей, одна из которых представляет собой сохранение баланса между обучением и развлечением. Желаемой целью является реализация не слишком развлекательного и одновременно не слишком утомительного образовательного материала. Например, в играх образовательный и игровой элементы могут быть отделены друг от друга настолько, что учащийся, выполняя задачи игры, не будет воспринимать образовательный материал; в данном случае развлечение замещает обучение – главную цель эдьютейнмента. Ларс Конзак выразил актуальную мысль: «Несмотря на то, что нас развлекают, и мы ценим это, или можем развлекаться сами, эдьютейнмент должен стремиться к образованию»[6].

В прежние времена проводимый досуг в свободное время воспринимался в качестве компенсации за тяжёлую работу. В

противовес работе отдых и досуг ассоциировались с отсутствием какой-либо практической пользы. На сегодняшний день, когда люди преимущественно работают, чаще используя свой разум, нежели тело, редкое, но высоко ценимое, время досуга они используют отлично от своих предшественников; их отношение к способу проведения свободного времени кардинальным образом переменялось. В современном обществе люди всё чаще воспринимают досуг в качестве возможности усовершенствовать себя и своих детей, сделать что-либо стоящее, чем попросту расслабляться и предаваться развлечениям.

Эдьютейнмент может иметь две формы реализации (см. рис. 2).

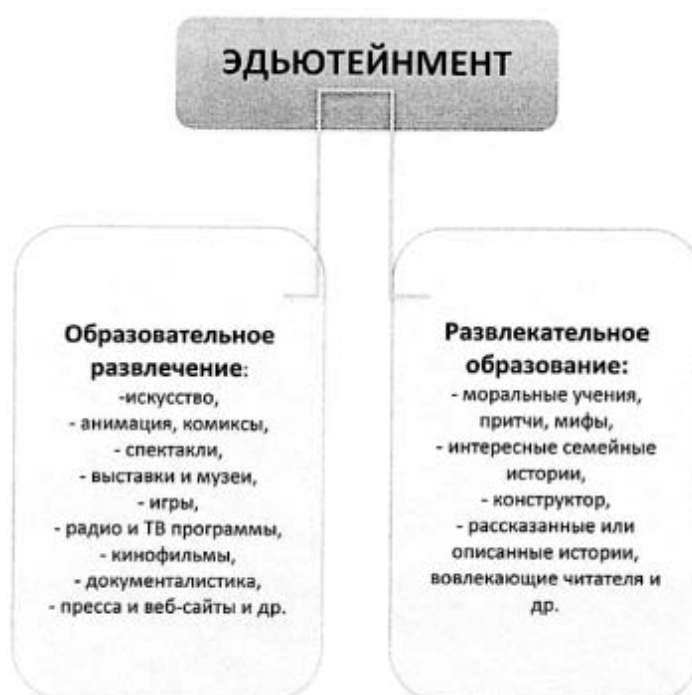

Рисунок 2.

Образовательное развлечение – это развлечение, созданное с развлекательной целью, с включениями образовательной информации или образовательной темы в определённой области.

В широком смысле любое вовлечение развлекательных медиа или мультимедиа в образовательный процесс может рассматриваться в качестве эдьютейнмента.

Развлекательное образование – включающее или сфокусированное на развлекательном материале образование. Такой подход к образованию весьма эффективен, так как сегодня он широко используется в различных областях человеческой жизни.

недеятельности и особенно в бизнесе. Это связано с тем, что бизнес наиболее чувствителен инновациям, которые способны принести ему, если не прямую прибыль, то сделать его более успешным, например, с точки зрения репутации и имиджа. Поэтому подобные форматы проведения образовательного процесса часто эксплуатируются в престижных бизнес-школах мира. А сегодня, когда особый статус приобретает креативный класс, для которого формы самовыражения и самореализации, свобода творчества, психологический комфорт и передовые условия профессиональной деятельности иногда значительно важнее уровня финансового вознаграждения, то роль эдьютейнмента приобретает особое значение во внутрикорпоративном пространстве и сознании.

В России термин эдьютейнмент преимущественно используется для описания новой формы развлекательно-образовательного досуга. Например, электронный ресурс «Theory&Practice» («Теории и практики») репрезентуется следующим образом: «это платформа для обмена знаниями. Мы создаем среду для тех, кто ищет знания и хочет ими делиться» [7]. Местом для проведения различных лекций и встреч может стать любое пространство: ресторан, бар, галерея, кафе, студии, офис или парк и т.д. данный ресурс соединяет информацию о подобных событиях, размещает расписание проведения подобных мероприятий ежедневно в Москве, Санкт-Петербурге и Копенгагене. Следует отметить, что только продвинутые неформальные группы и целевые аудитории используют данный подход, но и официальные представители различных правительственных структур. В частности, один из последних примеров. Правительство Москвы стало использовать для активизации молодежи формат «Научных кафе». Департамент науки, промышленной политики и предпринимательства города Москвы использует формат «Научных кафе» для интенсификации обмена знаниями между ведущими научными специалистами, предпринимателями и молодежной средой в неформальной обстановке.

Популярность приобретают различные мастер-классы по разным видам рукодельного творчества, экскурсии и лекционные курсы как платные, так и бесплатные. В туристической области относительно продолжительный период времени востребованными являются «образовательные туры», сочетающие отдых и обучающие программы, например, по изучению иностранного языка.

Описанное выше распространение практики интеллектуального досуга и нового осмысления досуга в России вызвано ростом и формированием «среднего класса».

«При всех различиях сформировавшегося среднего класса, например, в США, и групп, считающихся отчасти аналогичными, – например, в России или в Бразилии – у них есть значимые черты сходства. Одна из них – высокая оценка образования – и шире вложений в себя, готовность использовать в этих целях существенные ресурсы: время, деньги. Отсюда появление спроса и даже моды на «досуговое» получение дополнительного образования, в том числе – не имеющее обозримых утилитарных задач, и на интеллектуальные развлечения. Ценность праздности для некоторых социокультурных групп уступает место ценности демонстративного потребления образовательных услуг и развивающего развлечения» [8].

Выше описанное свидетельствует, что область применения эдьютейнмента достаточно велика в настоящее время и в ближайшей перспективе в связи с ростом спроса на образование и будет только увеличиваться. Востребованность эдьютейнмента напрямую связана с развитием технических средств, появлением новых предложений и идей и более всего с тягой людей к самосовершенствованию.

Усовершенствование информационных технологий и мультимедиа средств в соединении с их применением в сфере культуры и искусства повлекло возникновение нового явления, получившего название технотейнмент. Данный термин представляет собой неологизм от английского *technotainment*, сочетание двух английских слов: *technology* – техника, технология и *entertainment* – развлечение.

Поскольку данное явление образовалось только в начале XXI века, концепция технотейнмента ещё не сформирована полноценно и не применяется настолько часто, как это происходит с инфотейнментом и эдьютейнментом.

Приведённый термин описывает определённый тип образовательного формата, в котором материал, репрезентируется в развлекательной форме с привлечением различных мультимедиа приёмов: анимации, звуковых, световых и других эффектов и т.д.

В качестве примера можно привести изобретение программистов компании Google, так называемый, виртуальный музей GoogleArtProject, включающий в себя более тысячи произведений искусства из 17 музеев мира, каждому из которых американская компания предоставила возможность бесплатно воспользоваться последними технологическими разработками. Выбранные самими музеями картины были сфотографированы в разрешении, тысячекратно превышающем разрешение

стандартного цифрового фотоаппарата для наилучшей передачи изображения, и размещены в «залах» воображаемого музея. Другую интересную возможность – гулять по виртуальным залам, поворачиваясь на 360 градусов, предоставила технология StreetView.

Помимо технических качеств данного проекта, Жан-Жак Айагон, директор Версальского дворца – единственного в списке проекта французского музея, видит в нем символическое значение: «С другими музеями-партнерами мы составляем что-то вроде одного огромного воображаемого музея, осуществляя, таким образом, одно из желаний Андре Мальро: позволить каждому иметь свой собственный воображаемый музей. Одной из главных наших мотиваций было, как раз, то, что миллионы Интернет-пользователей во всем мире смогут абсолютно бесплатно получить доступ к сокровищам Метрополитен-музея в Нью-Йорке, нью-йоркского Музея современного искусства, музея королевы Софии в Мадриде и других крупных музеев» [9]. Закономерно, что получив такой доступ к столь эксклюзивной информации любой пользователь Интернета, приобретает возможность заниматься самообразованием на уровне мировых стандартов.

Существует мнение, согласно которому формат эдьютейнмента появился в России в период кризиса 2008 года, когда многие люди испытывали острую нехватку финансовых средств для трат на активную развлекательную деятельность. Как правило, мастер-классы, устраиваемые в кафе или галерее, не требуют больших финансовых вложений для организаторов, следовательно, входная плата на них достаточно низка, либо отсутствует вообще. Плюс ко всему, данные мероприятия являются промо-акциями заведения и привлекает новых посетителей. Например, сеть кофеен Starbucks еженедельно устраивает кофе-семинары в различных кофейнях своей сети, на которых у посетителей есть возможность узнать больше о кофе в целом, различных его сортах, правильных способах приготовления и сервировки, а также продегустировать этот напиток. Семинары являются бесплатными и открытыми для всех желающих.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что эдьютейнмент успешно прижился в России и интенсивно набирает обороты, завоёвывая всё больше любителей познавать новое таким образом. За счет своей гибкости, унаследованной от инфотейнмента, и низкой финансовой затратности, эдьютейнмент сегодня можно констатировать, что данная тенденция осуществляется не

только в крупных культурных центрах мира, но становится повсеместной формой, включая и российскую провинцию. Лозунг «Обучай – развлекай и развлекай – обучая» – становится сегодня актуальным как никогда, только надо помнить, что важно соблюдать золотую середину и не терять значимости образовательной составляющей. А примеры тому и весьма достойные существуют и в России, начиная с телевидения («Умницы и умники», «КВН», интеллектуальное казино «Что? Где? Когда?»...) и включая достижения в отечественном образовательном и культурном пространстве.

Использованная литература:

1. *White R.* That's edutainment. Kansas City, MO: White Hutchinson Leisure & Learning Group, 2003.
2. Ibid.
3. *Wallden S., & Soronen A.* Edutainment: From Television and Computers to Digital Television [Electron. resource]. – Access mode: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.105.7506&rep=rep1&type=pdf>. – (Access date: 03.06.13).
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Theory&Practice [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://theoryandpractice.ru/about>. (Дата обращения: 03.06.13).
8. *Сакоян А.* Наука без скуки [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2011/07/29/edutainment/>. (Дата обращения: 03.06.13).
9. *Строгонова А.* GoogleArtProject: великие музеи мира не выходя из дома [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian.rfi.fr/node/46061>. (Дата обращения: 03.06.13).

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ КАК РЕСУРС КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

В статье исследуются новые принципы организации глобального коммуникативного пространства, технологических механизмов создания и трансляции культурных смыслов, культурных основ новых форм социальности средствами медиареальности.

Ключевые слова: коммуникация, мультимедийные технологии, телекоммуникационные технологии, медиасистема, масс-медиа, медиареальность, медиакommunikация, медиакультура.

The article examines the new principles of global communication space, technological tools to create and broadcast cultural meanings, the cultural foundations of new forms of social media means mediareality.

Keywords: communication, multimedia technologies, telecommunications technologies, media system, media, mediareality, media communications, mediaculture.

Коммуникация как общецивилизационный процесс представляет собой многоуровневый обмен ценностями и нормами, изменяющими духовную жизнь индивидов, социальных групп, институтов. В современном мире любая новация в сфере социальных коммуникаций вызывает множественные изменения контуров социальной сферы, влияет на социально-психологическое самочувствие миллионов людей.

В научной литературе последнего десятилетия термин «медиа» и его производные чаще всего используются для обозначения социальных феноменов, возникающих в социально-коммуникативных процессах, определённых видов общественной интеракции.

На рубеже третьего тысячелетия инновационной сферой человеческой жизнедеятельности становится глобальное коммуникативное пространство, динамика развития которого характеризуется увеличением интенсивности коммуникаций,

* СУРТАЕВ Василий Яковлевич – доктор педагогических наук, профессор, директор Ростовского филиала Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия (e-mail: kultura@fiber.ru).

SURTAEV Vasily Y. – Ph.D. (Social and Cultural Activities), Professor, Director of the Rostov Branch of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honored Scientist of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia (e-mail: kultura@fiber.ru).

существенно воздействующих на восприятие массовым сознанием процессов, происходящих в обществе. Влияние технологических новаций эпохи – компьютерных и телекоммуникационных технологий, глобальной сети Интернет – обуславливает изменение характера информационных потоков, модифицирует коммуникативные практики. С одной стороны, в связи с развитием мультимедийных технологий происходит дальнейшее увеличение элементов посредничества в массово-коммуникативной деятельности, что расширяет манипулятивный инструментарий современных масс-медиа; с другой – глобальные функциональные связи сделали доступными новые формы коммуникации, не опосредованные медиасистемой – печатью, радио, телевидением, изданиями интернет-медиа. Это привело к формированию новых культурных систем, альтернативных культурно-коммуникативных практик, образующих как публичное, так и приватное пространство современного общества. Общепланетарный характер этой тенденции выводит на первый план необходимость исследования новых принципов организации глобального коммуникативного пространства, технологических механизмов создания и трансляции культурных смыслов, культурных основ новых форм социальности. Глобализация медиакоммуникаций и радиус действия её последствий, определяемых как культурные изменения, оцениваются в большей степени не по самим технологическим новациям, а по воздействию на повседневность миллионов людей.

Виртуализация коммуникативных практик стала одним из доминирующих мировых культурных процессов. Вся история XX столетия – это история развития и торжества техногенного визуального образа, впрочем, уже фотография с начала XIX века внесла радикальную перемену в самую сущность изобразительных систем, которые всё еще оставались тайной. Медиареальность эпохи Гутенберга, преимущественно вербализованная, с появлением фотографии, кинематографа, телевидения формируется как аудиовизуальная, экранная реальность, опосредующая эмпирический опыт комплексным медиумом синкретической аудиовизуальной образности. Медиация становится более сложной, а коммуникативные медиумы – всё более прозрачными.

Чтобы понять специфичность визуальной коммуникации, необходимо проникнуть в сущность измерений пластического образа, понять его функцию медиума в коммуникации. Визуальный образ, которым разговаривали пластические искусства,

различным образом отображал мир вследствие специфичности его коммуникативных средств. И если в скульптуре и архитектурных формах существовал трёхмерный код, то художественный язык живописных полотен был двумерным.

Изобразительные фрагменты появились в издательской технологии еще в XV веке в технике ксилографии. В самом начале XVI столетия (1501-1504) появляется офорт. Сложность процессов печати изображений и вследствие этого их дороговизна обусловили их большее применение в книгопечатании, чем в прессе, хотя и в периодической печати использовались изобразительные элементы, особенно в рекламной продукции. Фотография впервые позволила запечатлеть реальный действительный мир, так что современникам изобретения казалось, что она воспроизводит природу также достоверно, «как сама природа». И вместе с тем сферу применения фотографии как нового выразительного средства видели, прежде всего, в том, что она обогатит науку и искусство. Учёные обращали внимание на научно-исследовательские возможности фотоаппарата, а фотографы копировали способы работы художников, подражая в большей степени, чем живой природе, их манере видеть мир. Во второй половине XIX века были осознаны возможности применения фотографического образа в массовой коммуникации, основанные на свойстве фотографии фиксировать неинсценированную действительность и таким образом быть незаменимым источником сведений о реальных происходящих событиях.

Изобретение фотографии позволило использовать свет на новых носителях – стёклах, пластинах, бумаге. Как изменили восприятие пространства изображения, созданные с помощью феномена оптической проекции? Известно, что природные принципы проекционных изображений были известны ещё с античности. Проекционные системы, такие как камера обскура, устроенная в темном помещении с отверстием в одной из стен, или система линз (дифракция) существовали, по крайней мере, с XIV века. Изображение, спроецированное при помощи вогнутых зеркал, было возможно уже в XV столетии. В XVI веке в отверстия камеры-обскуры были вставлены линзы. Переносная оптическая камера стала использоваться в следующем столетии, а камера с матовым стеклом на задней плоскости (*camera lucida*) была изобретена в XVIII веке.

Первоначальная рецепция фотографии как художественного инструмента, подобного карандашу, проявила двойственность подходов к пониманию этого феномена. Пикториализм

видел в фотографии древнюю традицию оптико-графической системы, сохраняя её стиль, её жанры (портрет, ландшафт, натюрморт, ню и т. д.) её рисованные задники, её позы, и занимался раскраской фотографий, ретушью негативов, созданием многофигурных коллажей из нескольких негативов – одним словом, воспроизводил живописные эффекты. Другое течение видело фотографию в качестве нейтрального фиксатора визуальной реальности, используемого с большей свободой, при этом глаза становятся привилегированным органом чувств, а оптическое структурирование среды обитания человека становится универсальным языком. Правильное понимание этого факта, по мнению теоретика фотографии Д. Видела, приведёт к созданию в искусстве особого направления, объединяющего все дисциплины, подходящие под определение «фиксация оптически проецируемого изображения», к постижению механики эволюции изображения и пониманию перспектив использования цифровой системы записи изображения. Это означает рассмотрение феномена в его полной исторической перспективе, принятие четырех веков «натуралистической» живописи, начиная с художников Ренессанса, как прямых предшественников фотографии и кино.

Определение соответствия изображения онтологическому статусу объекта следует признать наиболее сложной проблемой при исследовании природы и своеобразия медиатекстов. В связи с этим возрастает необходимость уточнения присущих медиакультуре, особенно в сфере аудиовизуальной коммуникации, способов референции. Вопрос о соотносительности фиксации реальности в пространстве и времени традиционными пластическими искусствами – скульптурой и живописью – и искусствами техногенными – фотографией и кино рождал разные взгляды на эстетические возможности и устремления визуальной образности. Древний ритуал замены реального человека и реальных предметов его окружения их изображением, выполнявший магическую функцию, предполагал онтологическое тождество изображённого со своим прототипом. Постепенно, освобождаясь от роли «оберегающей», изображение вместе с тем выражало и психологическую потребность творящего человека создать идеальный мир, похожий на мир действительный, реальный. Сам факт рождения пластических искусств генерировал проблему правдоподобия, достоверности отображаемого в ином реальном мире. Дихотомия «оригинал – копия» изначально определила тот семантический стержень, вокруг кото-

рого будут развиваться художественные и эстетические коллизии искусства на протяжении тысячелетий.

Видимый мир живописного полотна, создавал отображение реального мира, иллюзию реальности. Изменялся контекст коммуникации; между художником и миром появлялся технический посредник, но зрителю он не был виден. Изменялись условия производства образа, но не условия его рецепции. Фотография виделась по самой своей сути объективным отображением реальности. Если фотография заставляет реальность перетекать с предмета на его репродукцию, значит, нет творящего субъекта и нет условий репрезентации, то есть в первую очередь субъективного выбора референта снимка. Таким образом, проблема копии отходила из сферы актуальной рефлексии, подменялась проблемой эстетической автономии фотографии, признававшейся самым важным событием в истории пластических искусств.

При своем рождении фотография пришла в мир «чистой» технологией. Её художественные возможности были осознаны гораздо позже, когда первый технический медиум стал фактором, воздействующим на традиционные искусства.

В 1920-е годы фотография как первый технический медиум подверглась критике представителя Франкфуртской школы философии В. Бенямина, увидевшего в фотографии произведение, все характеристики которого были обусловлены эпохой технической воспроизводимости.

Новыми принципами фотографии как медиума становятся: принцип кадрирования, масштаб изображённой предметности, ракурс как направление взгляда камеры и принципы монтажа, не применявшиеся прежде при создании визуального образа.

В каком бы аспекте ни рассматривать эстетические свойства фотографии, необходимо признать, что появление фотографического медиума радикально изменило массовую коммуникацию, создав конкурентное поле рецепции: абстракцию слова и визуальность фотографического отпечатка.

Специфичность медиума кинематографа изначально представляла собой предмет дискуссионный, хотя достаточно часто усматривалась в синтетичности, соединяющей живопись и архитектуру с театром, литературой и музыкой. Однако не всегда вопрос о природе синтетичности кинематографа решался однозначно. Французский теоретик кино Ж. Садуль в качестве первых средств повествования при помощи оптических изображений называет язык китайских теней и волшебного фонаря. Вместе с тем в арсенал средств немого кинематографа он вклю-

чает и литературу, театр, живопись – «благородные искусства» и неродное, «презираемое» искусство – лубок, театр марионеток, карикатуру [1]. Признание «всеохватности» кинематографа выражено в размышлении французского критика П. Мак-Орлана: «Это единственное искусство, которое может передать нашу эпоху буквально в экспрессионистической и многоплановой форме, сохраняя внутренние ритмы, которые научилась схватывать музыка и которые литература не может передать, так как язык заключен в строгие рамки, которые нельзя раздвинуть. В этом последнем случае орудие подавляет само творение. Кино позволяет точно передать психологию нашего времени. Можно даже сказать, что искусство кино нашли инстинктивно, чтобы дать эпохе единственно соответствующий ей способ выражения» [2].

Первый период развития нового канала коммуникации, каким явился кинематограф, чаще всего рассматривают со времени появления первых лент немого кино, относя изобретение аппаратуры в основном к истории киноаппарата, то есть к истории техники, а не того что она представляла. Вместе с тем специфика кинематографа определялась именно свойствами самого технического медиума. Наряду с символическими проводниками техника представала в коммуникативном акте сеанса синема одним из важных материальных медиаторов и, без сомнения, усиливала произведенные медиаэффекты.

Движение – одно из самых ярких выразительных ресурсов кинематографа по сравнению с другими визуальными образами; в языке коммуникации появилось нечто, что противостоит привычным средствам выразительности. И это было не только впечатление движения, движущегося образа, но возникало новое качество, которое позже будет осмыслено в терминах потока, «поточности» образа. Новый язык коммуникации, не «обозначает», а изображает, то есть не связывает нас с закреплёнными значениями, позволяя смыслу интегрировать наши впечатления. Прочтём в этом контексте размышления французского режиссера и теоретика кино Р. Клера, который пытается описать пространство коммуникации зрителя со стихией фильма: «Когда, забывая о нелепой интриге, мы отдаемся прелести следующих один за другим кадров и забываем о том, что послужило поводом к их возникновению, мы испытываем совершенно новое удовольствие. Перед нами проходит пейзаж в движении. Возникает рука. Нос лодки. Улыбка женщины. Три дерева на фоне неба. Кадры... Не объясняйте мне, что они обозначают, согласно установившимся правилам вашего языка. Мне доста-

точно видеть их, восхищаться в равной степени и их гармонией и их контрастами» [3]. Вместе с тем кинематограф воспринимался в контексте его массово-коммуникативных функций: как удачный или неудачный множитель образов искусства – такую функцию видел в нём В. Маяковский, полагавший, что «искусство даёт высокие образцы, кинематограф же, как типографский станок книгу, множит и раскидывает их в самые глухие и отдалённые части мира» [4].

В 1920-е годы кинематограф становится киноиндустрией. Техническую воспроизводимость как основу разрушения главного принципа уникальности бытия произведения искусства – принципа «здесь» и «сейчас» – положил в основу критики техногенных медиа представитель Франкфуртской школы В. Беньямин. То, что при этом исчезает, философ определил понятием «ауры», которой лишается произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости, что выводит его из сферы традиции. Тиражирование репродукции заменяет уникальное проявление массовым, позволяя репродукции приближаться к воспринимающему её человеку, где бы он ни находился, и актуализировать репродуцируемый предмет. Оба эти процесса, по В. Беньямину, вызывают «глубокое потрясение традиционных ценностей – потрясение самой традиции, представляющее обратную сторону переживаемого человечеством в настоящее время кризиса и обновления. Они находятся в теснейшей связи с массовыми движениями наших дней». Наибольшее выражение этой тенденции В. Беньямин усматривал в кинематографе, полагая, что значение этого медиума немислимо «без этой деструктивной, вызывающей катарсис составляющей: ликвидации традиционной ценности в составе культурного наследия» [5]. Критика представителями Франкфуртской школы ориентации реальности на массы и масс на реальность приводила их к выводу о том, что влияние этого процесса на мышление и на восприятие в XX веке следует признать безграничным, что получило развитие в классической работе «Диалектика просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера. Представленный ими критический анализ культурной индустрии, главными признаками которой выступают индустриальная стандартизация и серийность, создавал образ тоталитарной системы общества потребления.

В середине XX века техногенные каналы коммуникации получили развитие в феномене телевидения. Телевидение сразу сочли по типу коммуникации медиумом, типологически близким кинематографу, который наследует его изобразительно-вы-

разительную систему, его «лексику», «грамматику», «синтаксис», объединяясь с ним в единое пространство экранной образности. Объединяющим кинематограф и телевидение понятием стало понятие «аудиовизуальное средство». К. Разлогов считает, что в культурном сознании «категория аудиовизуального связана, прежде всего, с кинокультурой», при этом любое новое явление возникает на базе уже существующего, даже если оно изначально радикально отличается от последнего и действует как некий «функциональный последователь» своего предшественника [6]. Следуя этой логике, мы должны признать и телевидение таким «функциональным последователем» кинематографа, поскольку оба медиума объединены типом «аудиовизуального». Представляется, что если мы будем двигаться в русле традиции уподобления телевидения кинематографу, когда для сравнения избирается лишь один признак – экран как поверхность для отражения сообщения, нам не удастся раскрыть специфическое ни в медиуме телевидения, ни в медиуме кинематографа.

Стоит обратиться к истокам этих технологий, а первые опыты по передаче изображений на расстояние относятся к 1870-1880-м годам, как для аналогии телевидения с неизобретенным пока кинематографом не будет оснований. Еще в 1873 году в проекте, предложенном русским учёным А.Н. Лодыгиным, была предложена идея мозаичности изображения предмета, что совершенно не соответствует природе кинематографического изображения. В названиях первых телевизионных системах отражалась природа близких технологий, где признака «экранности» не было (например, «телефотограф» П. И. Бахметьева, «радиотелескоп» группы М. А. Бонч-Бруевича, «радиоглаз» С. И. Катаева, «телефот» Б. П. Грабовского), при этом различие усматривается не только в специфике пространственной, но и временной координаты. Отличительным специфическим признаком телевизионного медиума была собственно электрическая природа возникновения носителя сообщения, отсутствие привычной вещественной природы искусственно созданного посредника, существующего только в данный момент времени (и фотография, и кинематограф фиксируют образы на вещественных носителях: пластине, стекле, плёнке).

Сам термин «телевидение» подтверждает наличие иной пространственной задачи нового средства коммуникации: не сфокусировать изображение на полотне, расположенном в зале, но, преодолевая пространство, передать на далекое расстояние. В природе аналоговой передачи сигнала заложена необходи-

мость не только передать сигналы изображения и превратить их в световые импульсы но и расположить последние по экрану приёмной трубки в полнейшем соответствии с положением тех же точек изображения на фотокатоде передающей трубки. При этом изображение передаётся не всё одновременно, а поочередно точка за точкой. Идея последовательной передачи изображения, выдвинутая в 1880-х годах, стала основой для развития экспериментов по передаче изображений на расстояние, не имела своей предтечей технологии кинематографа. Природа технического медиума кинематографа – оптико-химическая, а телевидения – электронная, и на всех этапах осуществления технической составляющей коммуникативного процесса мы выявим только различное, начиная от носителя, физической среды коммуникации до совпадения понятия «экран» в кинематографе и телевидении, поскольку телевизионный экран – это, по сути, метафора, в которой «прячется» сложное техническое устройство, представляющее собой систему линз. Экран, перед которым ставили линзу, мало напоминал белое полотно кинематографа. Если проецировать луч света кинопроектора не на экран, а на любую другую поверхность, мы тем не менее увидим изображение, чего не может произойти в ситуации отсутствия экрана принимающего устройства в телевизионной коммуникации. И в данном случае определяющей является природа медиума, физическая невозможность его восприятия.

Если основой соотнесения кинематографа и телевидения выбирать признак аудиальности, то надо заметить, что в начале XX века, когда начинается развитие телевизионной коммуникации, кинематограф был «немым» и в дискуссии о том, необходим ли кино звук, позиции сторонников специфики кинематографа лишь как визуального средства были достаточно сильны. Совершенно иными представляются и принципы рецепции кинематографической и телевизионной продукции. Однако телевидение представляло собой новую, иную технологию отражения действительности: теперь изображения создавались электронным лучом. На смену предметным копиям пришли копии «энергичные». Единый кинематографический образ мира распался на мозаику дискретных световых точек, заставляя глаз постоянно «собирать» их в привычные контуры знакомых предметов. Это обусловило новые эффекты в восприятии и понимании электронного телевизионного текста.

Телевидение стало вторым после радио эфирным каналом массовой коммуникации, основанным на передаче сигнала.

Трансляционность как техническая характеристика предполагала возможность одновременной передачи и рецепции сообщения, симультанности звукозрительной коммуникации. Телевидение преодолело коммуникативные ограничения своих предшественников. В отличие от кинематографа оно получило «настоящее время», в дополнение к «настоящему времени» радио-зрительность. Специфику медиума телевизионной коммуникации одним из первых отметил С. Эйзенштейн: «Киномаг телевидения, быстрый, как бросок взгляда или как вспышка мысли, способный прямо и непосредственно пересылать миллионам слушателей и зрителей свою художественную интерпретацию события в неповторимый момент его свершения, в момент первой и бесконечно волнующей встречи с ним» [7]. Эту мысль обычно приводят не только как обоснование сиюминутности «порождения» аудиовизуального текста, но и видят в ней связь с другим качеством – достоверностью изображения. В наличии «настоящего времени» события видели подлинность происходящего, что приводило к выводу о жизни «в её непредвзятом течении» [8], считали «телевизионное «настоящее время» подлинным в отличие от кинематографического «иллюзорного» [9]. В «эффekte присутствия», воспроизводившего механически точное изображение объекта, видели гарантию достоверности телевизионной коммуникации [10]. Идея о непосредственной роли телевидения предполагала, что «объектом эстетического восприятия «становится не образ, а сам человек. Таков, каков он есть, без преображающего художественного начала. Без грима» [11]. Телевизионная реальность, по сути, отождествлялась со зримой реальностью внешнего мира, изображение, благодаря документальности, виделось «растворяющимся» в самой действительности. Влияние телевизионного медиума на сообщение осознавалось лишь как «необходимость реакции на ту «обратную связь», которая возникает между ТВ и транслируемым по его каналам произведениям искусства» [12]. Тем не менее, в трактовке С. Эйзенштейном характера сообщения как «художественной интерпретации события» заложены основы сути телевизионной репрезентации реальности: не столько в достоверности, сколько в оценочности представала медиареальность уже в первый период развития телевизионного вещания.

Обратим внимание на очевидное противоречие: почему в первый период развития телевидения, когда верно была схвачена его эстетическая сущность – интерпретация реального мира, в этом процессе не усматривается интерпретирующий субъект

в его функциональности и интенциональности; а вследствие этого не осознаётся и комплексность технического медиума. Чем объяснить такую оценку: «прямо и непосредственно», если иметь в виду медиа восприятия как а priori существующие в любой коммуникации? Думается, что ответ на этот вопрос мы получим в ходе анализа такого понятия, как «монтажность».

Если искать признак, который может действительно выступать связующим для всех техногенных визуальных медиа – фотографии, кинематографа и телевидения, мы должны будем указать на принцип монтажности, который в данном случае будет представлять собой специфический для всех видов визуальных каналов коммуникативный медиум. Первые трансляционные программы телевизионного вещания, осуществлявшиеся часто одной камерой, или, в кинотерминах «одноточечные» программы, представлялись немонтажными, несмотря на то что их монтажность ещё не осознавалась, создавалась, как и в первом периоде кинематографа, не механическим соединением различных частей, а пластической композицией. Ограничение предкамерной реальности рамками кадра, выбор композиции внутрикадрового пространства, освещённость, статика или динамика образа, масштаб изображаемых в кадре предметов, или, употребляя термин С. Эйзенштейна, мизанкадр, – всё это представляет собой осуществление монтажного принципа, всё это суть интерпретация реальности, получающая свое отображение в медиареальности, в данном случае – телевизионной.

Изменения технических медиа, продиктованные изобретением в конце 1960-х годов видеозаписи, проблематизировали пространственно-временной конструкт телевизионной коммуникации, продуктивные и репродуктивные возможности технологии, соотношение языка телевидения и кинематографа. В результате этих процессов понимание категории референциальности телевизионных текстов было вновь редуцировано к проблемам достоверности разных коммуникативных форм: прямого телевидения и его варианта – видеозаписи. Однако создание «непрямых» телевизионных текстов тем не менее не сделало менее дискуссионной проблему «достоверности» медиареальности: некоторые исследователи были склонны видеть в видеозаписи «иную степень достоверности», которая сохраняется в «эффekte присутствия» зрителей в результате «сиюминутности восприятия этого действия одновременно миллионами телезрителей» [13]. Феномен медиации процесса телевизионной коммуникации осознаётся исключительно как проблема эстетического посредничества в коммуникативном пространстве

художественного телевизионного текста. Там же, где речь идёт о документальных формах, осязаемая медиация видеотехнологии признаётся существующей лишь в сфере пограничной, там, где документальное переходит свои границы и становится «игровым способом типизации» [14], в то время как характер взаимоотношений коммуникатора и реального мира признаётся непосредственной моделью коммуникации. Вопрос о том, способно ли телевидение к художественному преобразованию реальности [15], не соприкасается с вопросом о достоверности документального кадра, в этом не «усматривается» противостояния онтологического и гносеологического в телевизионной медиареальности.

Во второй половине 1980-х годов, когда в результате появления видеотехнологий выявились новые возможности телевизионной коммуникации, снова возник вопрос о том, что такое телевидение, поднятый в начале 1960-х годов. Предметом дискуссий стала дихотомия: телевидение – искусство / телевидение – средство массовой информации. Как понимались в этой дискуссии собственно коммуникативные средства телевидения?

Две тенденции развития телевизионного вещания – сиюминутной информации («прямой эфир») и долговременного искусства (телеспектакль и телекино) вернули дискуссии о коммуникативной специфичности телевидения, о его «родственных связях» с другими художественными медиа. Проявился взгляд на телевидение как на коммуникативный феномен, схожий, не столько с большим кинематографом, сколько с большой литературой: «как и литература, ТВ – наиболее полное отражение действительности. Как и литература, оно располагает для этого всеми жанрами различного мышления – от документального очерка и лирического стихотворения до высокой трагедии и романа-эпопеи» [16]. Весьма показательна попытка привести телевизионную коммуникацию к функциям литературного медиума, что на протяжении многих лет осуществлял телевизионный экран в советской модели вещания.

Использованная литература:

1. *Садуль Ж.* История киноискусства от его зарождения до наших дней. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 17.
2. *Клер Р.* Размышления о киноискусстве. М.: Искусство, 1958. С. 25-26.
3. Там же. С.22-23.
4. *Маяковский В. В.* Кино. М.: Искусство, 1937. С. 209.
5. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. С. 23.

6. Новые аудиовизуальные медиа. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 42.
7. *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения: в 6-ти т. Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 30.
8. *Сапнак В. С. Шитова В. В.* Семь лет в театре. М.: Искусство, 1968. С. 174.
9. *Багиров Э. Г., Кацев И. Г.* Телевидение: XX век. М.: Искусство, 1968. – С. 191.
10. *Сапнак В. С.* Телевидение и мы. М.: Искусство, 1963. 168 с.
11. *Сапнак В. С., Шитова В. В.* Семь лет в театре. М.: Искусство, 1968. С. 274.
12. *Николов Е.* Искусство видеть мир. М.: Искусство, 1971. С.32.
13. *Муратов С. А.* Кино как разновидность телевидения // Проблемы радио и телевидения. М.: Искусство, 1971. С. 37.
14. *Вильчек Вс. М.* Контуры. Ташкент, 1967. С. 67.
15. *Богомолов Ю. А.* Проблемы времени в художественном телевидении (опыт сравнительного анализа. М.: Искусство, 1977. С. 23.
16. *Соколов В.* Быть или не быть... // Телевидение и радиовещание. 1987. №9. С. 19-20.

ИННОВАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УНИВЕРСИТЕТАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена анализу инновационной концепции формирования культурологических и экологических убеждений в процессе изучения цикла философских и культурологических дисциплин. Автор строит выводы, опираясь на изучение результатов проводимых ею исследований по проблеме «Культура, религия и экология в современной цивилизации» в среде студенческой молодежи, обучающейся в вузах Северного Кавказа. В статье уделено особое внимание потенциальным интеллектуальным возможностям религиоведения, а также философии и истории религии, социологии религии и психологии религии, экологии и социальной экологии для создания системы культурологических, религиоведческих и экологических убеждений у студентов гуманитарных университетов. Автор предлагает ряд конкретных инновационных форм изучения религиоведения и экологии в университетах Северного Кавказа.

The article is devoted to analysis of innovative conception of forming religious and ecological persuasions in the process of learning of philosophical and culturological discipline cycle. The author makes her conclusions on learning of results of her carrying out by the problem "Culture, religion and ecology in modern civilization" among students which study at North Caucasus Universities. The special attention is demanded to potential intellectual resources of philosophy, history, sociology, psychology of religion, ecology and social ecology for making of system of culturological, religious and ecological persuasions of students of classical universities. The author offers some concrete innovative forms of Religious and Ecological Studies teaching at North Caucasus Universities.

Ключевые слова: инновации; инновационная концепция обучения; убеждение; религиозный феномен; студенческая молодежь; культурологические убеждения; экологические убеждения.

Key words: innovations; innovative conception of teaching; persuasion; religious phenomenon; students; culturological persuasions; ecological persuasions.

* ПОЛИТКИНА Каринэ Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и этнологии Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск, Россия (e-mail: karen717@yandex.ru).

POLITKINA Karine I. – Ph.D. Candidate (Philosophy of Religion), assistant professor, Department of philosophy, culture and ethnology Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia (e-mail: karen717@yandex.ru).

Тревожный XXI век унаследовал от прошлого столетия многоплановые коллизии социального, духовного и экологического кризисов, сотрясающих здание современной цивилизации. Северный Кавказ, выступая как многоконфессиональный, полиэтнический, геологический перекресток, имеет существенное значение для развития российской культуры и сохранения мировой цивилизации. В культурной составляющей Юга России представлены культурные и экологические традиции, национальные и религиозные обряды народов этого региона. В средних и высших учебных заведениях Северо-Кавказского федерального округа (далее СКФО) обучаются представители более 100 этносов РФ. Среди учебных заведений СКФО особое место занимают старейшие вузы Ставропольского края: Пятигорский государственный лингвистический университет (далее ПГЛУ) и Пятигорская государственная фармацевтическая академия, недавно преобразованная в Пятигорский филиал ГБОУ ВПО ВолгГМУ (далее ПГФА). Эти солидные учебные заведения в течение более чем 70 лет своего существования выполняли важную роль обучения специальностям провизоров, специалистов в области судебной медицинской экспертизы, биохимиков для учреждений здравоохранения; учителей истории, русского, иностранных языков и других специалистов в системе образования РФ. Значение фундаментальных вузов КМВ как образовательных, научных центров, очагов полиэтнической, многокрасочной культуры Северного Кавказа трудно переоценить. Среди представителей интеллектуальных слоев населения СКФО выделяются научные кадры – кандидаты и доктора наук, подготовленные на многочисленных кафедрах ПГЛУ и ПГФА, специалисты-практики, прошедшие обучение и приобщение к мировой культуре в стенах этих заведений. Учебные заведения накопили уникальный опыт патриотического и интернационального воспитания, знакомства с межэтническими традициями, формирования толерантного отношения к полиэтнической российской культуре. Молодые люди и девушки из числа кабардинцев и русских, осетин и карачаевцев, армян и балкарцев, лезгин и украинцев, горских евреев и аварцев, чеченцев и ингушей долгое время вместе изучали историю России, философию, культурологию, историю религии и атеизма, этику, эстетику и др. предметы. Обучение сопровождалось широким спектром воспитательных процессов и способствовало развитию молодежной культуры на Северном Кавказе.

В 90-е годы прошлого века концепция образовательного процесса в России претерпела существенные изменения. Остановимся на инновационной концепции обучения новым специ-

альностям в ПГЛУ [1]. В 2008-2012 гг. в ПГЛУ был открыт ряд новых специальностей. В разнообразной палитре представлены международные отношения, международная безопасность, международная журналистика, рекреация и социально-оздоровительный туризм, социально-культурная деятельность, реклама, консультативная психология, инноватика, теология, связь с общественностью, конфликтология и многие другие.

Среди предметов, изучаемых сегодня в ПГЛУ, следует особо выделить культурологию, экологию, религиоведение, историю и культуру народов Северного Кавказа, профессиональную этику, историю мировых религий и современные проблемы философии религии. Изучение этих дисциплин является основой формирования научных убеждений культурологического, экологического и религиоведческого характера. В научном пространстве культурологических дисциплин, религиоведения, экологии и других, близких по содержанию, наук выделяется ряд фундаментальных общих категорий и концептов, имеющих существенное мировоззренческое значение. Среди них: биосфера, ноосфера, природа, природная среда, экосистема, религиозный феномен, культура, цивилизация; система противоречивых отношений между человеком и созданными им культурой, религией, цивилизацией с природным бытием и т.д. Эти и другие категории и концепты входят в содержание философии религии, социологии религии, социальной экологии. Наряду с конкретным теоретическим материалом из истории мировых религиозных построений данные понятия составляют категориальный аппарат религиоведения (англ. – Study of Religion). Научные знания о религиозном феномене образуют определенную теоретическую базу формирования религиоведческих убеждений. К числу условий формирования убеждений относятся следующие положения: развитие теоретического сознания личности; обогащение его научными знаниями из предметной области цикла культурологических дисциплин, религиоведения, экологии; формирование оценки в отношении получаемых знаний. Безусловно, интеллектуальная деятельность должна обладать особой привлекательностью, жизненным смыслом для студента.

Макро и микросоциологические исследования, осуществляемые автором в среде студенческой молодежи, обучающейся в вузах Северного Кавказа, по проблеме «Культура, религия и экология в современной цивилизации», обобщение практических результатов и концептуально-теоретический анализ при-

водят к ряду существенных выводов. В сознании студенческой молодежи имеются, по преимуществу, обыденные, ненаучные знания по комплексу проблем-взаимоотношений между культурой и религией; выявлены противоречия и коллизии в понимании вопросов о соотношении национальных, нравственных, правовых, религиозных и экологических компонентов в традициях, обычаях и обрядах, распространенных на Северном Кавказе. Многие молодые люди и девушки опираются на поверхностные знания в указанных острых проблемах-соотношениях, не имеют сформированных научных убеждений, основанных на специальных научных знаниях о сущности религиозного феномена. Когда дело доходит до обсуждения острых мировоззренческих вопросов, связанных с сохранением культурного наследия, в том числе самобытной северокавказской культуры, значительная часть студентов подменяет отсутствие научных знаний о религии, культуре и цивилизации мнениями и предубеждениями. При этом подавляющее большинство студенческой молодежи осознает свою неподготовленность, проявляет интерес и готово изучать религиоведение и связанные с ним самостоятельные дисциплины: философию религии, психологию религии, социологию религии и историю религий; с интересом вступает в обсуждение широкого круга очерченной выше проблематики, одобрительно откликается на необходимость диалога между представителями различных конфессий, этносов и культур. Опрошенные студенты ПГЛУ осознают серьезность сознательного участия в формировании научных религиоведческих и экологических убеждений. Особый интерес студенческая молодежь проявляет к экологическим и духовным вопросам сохранения северокавказской культуры как одного из культурных феноменов, как определенного, сложившегося культурного образца сплава дружбы, взаимопонимания, гостеприимства, уважения к старшим, к женщине-матери, к незыблемости семейного очага; к культивированию в студенческой среде уважительного отношения друг к другу, взаимовыручки и взаимопомощи, толерантного отношения к национальным обычаям, к поиску общечеловеческих ценностей и норм в многоконфессиональном, полиэтничном и многокрасочном здании северокавказской культуры.

Важным событием в культурной и интеллектуальной жизни СКФО явилось принятие находящимся в то время в должности Президента РФ Д. А. Медведевым (ныне премьер-министр РФ) в июле 2011 года решения о создании нового университета

на Северном Кавказе [2]. Высказанное пожелание Д. А. Медведева о создании в СКФО и во вновь созданном Северо-Кавказском университете (СКФУ) центра, в котором «исследования тех или иных догматов соответствующей конфессии осуществляются с общефилософских позиций [выделение наше – К.П.]» [там же], должно быть в полной мере отнесено и к другим университетам региона.

Знаковым этапом в образовательной жизни Северного Кавказа стало проведение 22 ноября 2012 года в Пятигорске под руководством заместителя Председателя Правительства РФ, полномочного представителя Президента России в СКФО А. Г. Хлопонина первого заседания Совета ректоров вузов СКФО и утверждение Рекомендаций по гармонизации межнациональных отношений в вузах СКФО [3; 4]. В документе, представляющем стратегическую линию правительства СКФО и вновь учрежденного Совета ректоров СКФО, говорится о необходимости усиления социальной направленности в изучении студентами ряда культурологических дисциплин о роли этносов в историко-культурном общественном процессе, при объективной оценке значения светских и религиозных традиций в социальной жизни народов, их влияния на менталитет и образ жизни [5, пункт 14].

Формирование культурологических и религиоведческих убеждений выступает как одно из важных направлений в реализации стратегической линии на «распространение достоверной этносоциальной, этноконфессиональной научной, учебной и общекультурной информации» [6]. Без специальных знаний из области культурологии и религиоведения, а конкретно, о содержании и структуре современных религиозных образований молодой человек не сможет отличить национальный компонент от религиозного содержания в вековых традициях и обрядах этносов Северного Кавказа. Наоборот, глубокое, научное, в рамках религиоведения, беспристрастное изучение вероучительного содержания буддизма, христианства и ислама, знакомство с содержанием основных фрагментов религиозных книг (Библии, Талмуда, Корана), рассмотрение их как памятников мировой культуры, содержащих наряду с религиозными догматами и нормами общечеловеческие ценности, может послужить основой для готовности к межконфессиональному диалогу, к интеграции студенчества на внимании к общечеловеческому, объединявшему началу в светской культуре и этике. На этом пути можно воплотить в жизнь Рекомендации Совета ректоров

высших учебных заведений Северного Кавказа по гармонизации межнациональных отношений в вузах СКФО [7]. Как неоднократно отмечал в выступлениях перед преподавателями и студентами Председатель Совета ректоров СКФО, ректор ПГЛУ, профессор А. П. Горбунов, методика обучения в высшей школе должна приобретать характер «производящей системы, обеспечивающей эффективную, результативную передачу знаний и формирование компетенций, ... с помощью которой осуществляется развитие человеческого капитала» [8].

В течение 30 лет преподавания и научной деятельности в области философии и социологии религии в северокавказских вузах автором этих строк накоплен значительный теоретический и практический опыт по формированию религиозных и экологических убеждений в процессе изучения культурологии, экологии, этики, религиоведения, истории мировых религий, истории религии и атеизма, культуры народов Северного Кавказа студентами ИМО, ИФСТМ, ИИМСИКТ, ИЧ, других подразделений ПГЛУ, ПГФА, ПГТУ, других вузов и учебных заведений Пятигорска. В качестве реализации инновационной концепции формирования научных культурологических и религиозных убеждений нами создана система, в которой имеется несколько взаимосвязанных направлений: учебное, научно-исследовательское, инновационно-проектное, внеаудиторное, воспитательное и др. аспекты формирования компетенций. В процессе обучения используются учебники известного специалиста по культуре Северного Кавказа Л. А. Воловой «Культурология» [9], «Этногенез и культурные традиции народов Северного Кавказа» [10]. Для создания научной и методической базы нами опубликованы и используются в процессе практических занятий и научно-исследовательской деятельности студентов учебно-теоретические пособия «Введение в религиоведение» [11], «Экология» [12], учебно-методическое пособие «Религиоведение» [13] с инновационными тематическими разработками в области научной проектной деятельности, монография «Методологические проблемы религии и экологии» [14].

Процессы усвоения научных культурологических знаний о религии и экологии сопровождаются тематическим посещением храмов и музеев, персональных и коллективных выставок изобразительного искусства художников и представителей художественных промыслов на КМВ. В неформальной обстановке приобщения к объективированным ценностям северокавказской культуры проводятся инновационные занятия, органи-

зуются дискуссии по вопросам общности духовных ценностей, содержащихся в религиозных построениях иудаизма, ислама, христианства. Завершающим этапом формирования религиозно-ведческих убеждений является проведение научно-практической студенческой конференции «Религия, культура и экология в духовном наследии Северного Кавказа». В тематику выступлений и студенческих докладов включаются инновационные проекты по следующим направлениям:

- роль русского языка и культуры как инструмента межнационального сотрудничества в университетской среде;
- историко-культурное наследие Северного Кавказа как ресурс укрепления российской идентичности;
- университеты Северного Кавказа как крупные площадки и тренды межнационального общения;
- переплетение в этикете кавказских народов горских традиций с религиозными верованиями;
- отношение Русской Православной Церкви к кризисным явлениям конца XX века и начала XXI столетия;
- нравственная доктрина Русской Православной Церкви о путях выхода из экологического кризиса;
- светская этика и этикет в среде студенческой молодежи.

Для ознакомления с инновационной практикой формирования культурологических и экологических убеждений краткая информация о мероприятиях помещается на сайт кафедры философии, культурологии и этнологии ПГЛУ. Проведение студенческих конференций отвечает установке на создание в университетах СКФО условий для проведения беспристрастного межэтнического и межрелигиозного диалога, способного интегрировать подрастающих представителей этносов, получающих образование в университетах Северного Кавказа. Креативное развитие сложившейся системы внесет вклад в сложный процесс обновления системы высшего университетского образования на Северном Кавказе и сохранения уникальной культуры.

Использованная литература:

1. Горбунов А. П. От года методических инноваций – к системным инновационным образовательным технологиям // Новации и инновации в образовании. Пятигорск, 2009. С. 6-11.
2. На Северном Кавказе появится федеральный университет [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://dev.newstube.ru/media/na-severnom-kavkaze-poyavitsya-federal-nyj-universitet>. (Дата обращения: 21.06.13]

3. Ректоры возьмутся за межнациональную дружбу [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://skfo.gov.ru/news/2012/11/22/soviet-rektorov-22112012>. (Дата обращения: 21.06.13).

4. Рекомендации Совета ректоров высших учебных заведений Северо-Кавказского федерального округа по совершенствованию форм и методов работы по гармонизации межнациональных отношений в вузах СКФО [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pglu.ru/22112012.php>. (Дата обращения: 21.06.13).

5. Там же.

6. Горбунов А. П. О совершенствовании форм и методов работы по гармонизации межнациональных отношений в вузах Северного Кавказа [Электрон. ресурс]: доклад, прочитанный 22.11.12 на заседании Совета ректоров СКФО. – Режим доступа: <http://www.pglu.ru/22112012.php>. (Дата обращения: 21.06.13).

7. Рекомендации Совета ректоров ...

8. Горбунов А. П. От года методических инноваций – к системным инновационным образовательным технологиям ... С. 7-8.

9. Волова Л. А. Культурология. Пятигорск, 2012. 240 с.

10. Волова Л. А. Этногенез и культурные традиции народов Северного Кавказа. Пятигорск: ПЛГУ, 2010. 210 с.

11. Политкина К. И. Введение в религиоведение: учеб. пособ. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 166 с.

12. Политкина К. И. Экология. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 70 с.

13. Политкина К. И. Религиоведение. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 86 с.

14. Политкина К. И. Методологические проблемы религии и экологии. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 100 с.

МУЗЫКА В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается роль музыки в становлении художественного пространства отечественной художественной культуры, включающее в себя историю литературы, процесс овладения письменностью, изучение литературных памятников, быта народа, памятников архитектуры и искусства. Автор утверждает, что для реконструкции целостной картины русской музыкальной культуры, необходимо изучить и проанализировать все музыкальные потоки, звучащие в мировом художественном пространстве.

Ключевые слова: *духовная музыка, художественное пространство культуры, обряды, обычаи, традиции, художественное пространство, музыкальная культура, субкультура, художественное творчество.*

The article discusses the role of music in the development of artistic space national artistic culture, including the history of literature, the process of learning written language, the study of literary texts, everyday people, monuments of architecture and art. The author argues that for the reconstruction of a holistic picture of Russian musical culture, it is necessary to study and analyze all music flows, sounding in the world art space.

Keywords: *spiritual music, art space culture, rituals, customs, traditions, art space, music culture, subculture, artistic creativity.*

Формирование художественного пространства культуры, картины мира, вобравшей в себя все смыслы и ценности эпохи, ее неповторимый колорит, все, что создано гением народа, его духовными исканиями, его прозрениями, – акт самоидентификации, самосознания, самоопределения, устремленный в будущее. В этой картине чудесным образом преображаются исторические факты, рождаются великие герои, выковываются духовные и нравственные устои, объединяющие людей, позволяющие им ощутить свою общность, единство, сопричастность.

* ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна – доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и философии культуры, декан факультета искусств и социально-культурной деятельности Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия (e-mail: anna.68@list.ru).

SHCHERBAKOVA Anna I. –Ph.D. (Theory and History of Culture), Ph.D. (Music Pedagogy), Professor, Head of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Dean of the Faculty of Arts and Social and Cultural Activities of the Russian State Social University, Moscow, Russia (e-mail: anna.68@list.ru).

Художественное пространство культуры – это наиболее емкое выражение «национального образа мира» (Г. Гачев), который в каждом случае оригинален и самобытен. В случае же, когда речь идет о мета-этнoсе, вобравшем в себя значительное количество различных народностей, задача исследователя-культуролога становится чрезвычайно сложной. Необходимо осмыслить все взаимодействия, взаимовлияния, взаимопересечения, которые на протяжении веков происходили в художественном пространстве отечественной культуры.

В этом пространстве, формируемом человеком и формирующем его, бытие обретает новые черты, новый колорит, оно наполняется сущностными особенностями, которые мы называем национальными, отличающими одно сообщество от других. Исследователю-культурологу, обратившемуся к изучению отечественной культуры, необходимо проанализировать ее истоки, тот мифологический образ мира, который был создан предками славян задолго до крещения Руси. Необходимо проследить, как великая языческая культура, которая не исчезла, несмотря на запреты и притеснения, претерпев значительные трансформации, выжила, вписалась в новую картину мира, и продолжает оставаться живительным источником для художников нашего времени. Для нас стало очевидно, что «земля русская» начала свой путь значительно раньше, чем возникло Государство Российское. Что к моменту становления государственности уже был накоплен значительный опыт, воплотившийся в трудовой и художественной деятельности славянских племен.

Чтобы понять, как складывалось художественное пространство культуры Руси в IX-XIII веках необходимо обратиться к истории, литературе, процессу овладения письменностью, к изучению литературных памятников, быту народа, памятникам архитектуры и искусства. И, в первую очередь, необходимо еще раз обратиться к спору, который на протяжении веков ведут историки, пытающиеся наиболее точно воссоздать процесс становления Государства Российского, перехода от Руси языческой к Руси христианской. К осмыслению того, как осуществлялся этот великий переход, что он принес Руси. Для исследователя, стремящегося осмыслить процесс становления музыки в художественном пространстве отечественной культуры, поиск ответов на эти вопросы не менее значим, чем для историка.

Также очень важно учитывать, что помимо письменных свидетельств существуют и другие следы пребывания человека на земле: результаты его деятельности: предметы домашнего

обихода, найденные археологами, сохранившиеся в веках обряды и обычаи, семейные традиции, песни, сказки, пословицы, поговорки, те черты древности, которые связывают современного человека с его далекими предками. Известно, что в древних раскопках в местах обитания славян археологи находили остатки шерстяной материи, грубого и тонкого полотна, кожаной обуви различных фасонов, куски ременных поясов, кожаных мешочков и сумок, грубых ковров и т.д. Кожу мяли руками, сосуды изготавливали из глины. Славяне умели делать не только челны и лодки, выдерживающие дальние походы, но и всевозможные поделки из дерева. Умели делать телеги и сани, обрабатывать металл, делали мечи и копья, шлемы, кольчуги. Существуют свидетельства того, что мечи славянской работы высоко ценились, их вывозили на продажу даже в Византию. Работали славяне и с благородными металлами, о чем свидетельствуют находки различных серебряных украшений: колец, пряжек, медальонов.

Таким образом, «строительство» художественного пространства культуры – это созидание красоты, изначальная потребность в творческом самовыражении, проявляющаяся даже в самых простых ремесленных поделках. Поиск красоты, свойственный творческой сущности человека, отражается и во взгляде на окружающий мир. Красота природы, обожание ее – это та основа, на которой происходит созидание красоты. Однако, созидание красоты, несомненно, связано, «мыслящей человеческой силой» (Н. Костомаров), способной преобразовать окружающий мир. Культурологический анализ процесса формирования художественного пространства культуры требует изучения движения «мыслящей человеческой силы» на протяжении тысячелетий творящей новое бытие, новое пространство культуры, поскольку «состояние житейской умелости» (Н. Костомаров) всегда теснейшим образом связано с уровнем духовного развития общества.

Процесс формирования художественного пространства отечественной культуры, которую многие исследователи рассматривают как «стыковую», находящуюся на пересечении многих национальных культур, изобилует, по выражению известного искусствоведа Г. Колпаковой, такими «противоречиями и крутыми поворотами», таким отсутствием обязательной логической системы посылок и следствий, что многое происходящее приобретает «оттенок предназначенности. История культуры России – не биография, как для большинства стран, а судьба» [1].

Обосновывая эту точку зрения, автор значительных исследований по истории искусства Византии и Древней Руси Г. Колпакова, отмечает, что становление художественного пространства России ни в один исторический период нельзя характеризовать каким-либо единственным и основополагающим вектором движения. Именно это представляется ей фактором, определяющим культурную широту и «всеядность» русской культуры. Но одновременно в этом видит Г. Колпакова «русскую культурную шаткость».

Размышляя над особенностью российского менталитета (такие размышления неизбежны для каждого исследователя, обращающегося к истории отечественной культуры), Колпакова замечает, что «мифологию, придающую космосу иерархию, гармонию, на Руси заменила сказка – подчеркнуто неструктурная, связанная не с осознанием космического порядка, а, наоборот, постоянно его нарушающая. Намеренная ориентация вне временных и пространственных координат, присущая сказке, «пойди туда, не знаю куда», «в некотором царстве...») надежда не на усилие и работу, а на чудо и случай, лежат в основе изначального русского сознания, заставляя его отрицать иерархию и порядок. Возможно, поэтому русской культуре присуща удаль, беззаботность, но в ней постоянно ощутимы хаос и смута, полет над бездной» [2].

Современному исследователю-культурологу необходимо проанализировать, насколько «хаос и смута», постоянный «полет над бездной» являются «судьбой» России, действительно ли «умом Россию не понять», или все-таки мы сегодня способны осмыслить сложный путь становления российской цивилизации, которую не только А. Тойнби, но и многие другие исследователи называют особенной. И может ли нам помочь в постижении «самости» (И. Бродский) российской цивилизации музыка, сама по себе являющаяся величайшим таинством, созданным человечеством?

Колпакова выдвигает чрезвычайно интересную идею изначального приоритета художественного сознания над Логосом в становлении русского национального характера, аргументируя эту позицию тем, что «на Руси до XVIII в. не существовало словесной традиции богословского мышления. И в Византии богословие постоянно запечатлевалось в самом богослужении и образе. Но на Руси, с ее постоянным сопротивлением Логосу, идея мышления через образы... стала основополагающей формой национального самосознания» [3]. Это чрезвычайно

существенное замечание, поскольку выдвижение художественно-эстетического аспекта как структурообразующего фактора в формировании национального менталитета, позволяет осмыслить тот огромный вклад, который русское искусство внесло в мировое пространство культуры.

Как справедливо замечает Л. Д. Любимов, «древнерусское искусство – наша национальная гордость. Отечественные исследователи проделали огромную работу по его изучению. Все яснее становится картина его многовекового развития. Самобытно и неповторимо это искусство, бесценен его вклад в сокровищницу мировой культуры. И все же подобно тому, как искусство средневековой Франции или Германии при всей своей самобытности вливается в общее русло культурного развития Западной Европы, искусство средневековой Руси (которую принято называть Древней), тоже возникшее на национальной почве и питающееся национальными источниками, тесно переплетается с другими художественными культурами, и прежде всего византийской» [4].

Становление отечественной музыкальной культуры – многовековой процесс антитентичного противостояния и одновременно взаимовлияния народного музыкального творчества и русской духовной музыки, сформировавшейся в рамках православной церкви, где достигли подлинного расцвета певческие традиции Древней Руси. В сущности, мы сталкиваемся с противостоянием двух субкультур – субкультурой народных масс и социальной элиты Древней Руси. Понятие «субкультура» в последнее время активно вошло в научный обиход. Для современного исследователя это понятие представляет большой интерес, поскольку позволяет вычлениить в целостном пространстве культуры те социальные группы, система ценностей которых стала основой формирования художественного пространства отечественной культуры. Относясь к культуре как к сложной системе, мы вправе рассматривать наличие субкультур как подсистем, включенных в общий процесс, противостоящих, борющихся одна с другой, влияющих друг на друга и, в целом, определяющих саморазвивающуюся сущность культуры.

Художественное творчество русского народа является основой отечественной классической музыки, неиссякаемым источником, из которого черпали и черпают вдохновение российские музыканты. Величайшие создания русской музыки органически связаны с образами народного творчества, его излюбленными приемами и формами развития, своеобразным

музыкальным языком. В монументальных картинах оперных и симфонических произведений русских композиторов широко раскрывается то, что в народном творчестве существует в лаконичных, но глубоко выразительных образах песен, сказов и т.п.

Но при этом не следует забывать и о значимости русской духовной музыки в процессе формирования художественного пространства отечественной культуры. Ведь именно русская духовная музыка является тем фундаментом, на котором формировалось отечественное профессиональное искусство. Участие в богослужении, обретение в этом процессе сплава литургического и художественного опыта, приобщение через этот опыт к космическому порядку и гармонии стало источником и духовного и художественно-эстетического становления в социокультурном пространстве Руси.

Две самостоятельные сферы – народное музыкальное искусство и русская духовная музыка, развиваясь, устремлялись навстречу друг другу, чтобы стать основой великой музыкальной культуры России, давно преодолевшей национальные границы и ставшей частью мирового художественного пространства. Сегодня, когда существует множество исследований, посвященных истории Древней Руси, уже можно с уверенностью утверждать, что музыка восточных славян развивалась в тесной связи с культурами других племен, населявших территорию Руси (скифы-сарматы и др.), а также восточных соседей славян – хазаров, печенегов, позднее – половцев (кипчаков). Значительным было воздействие многообразного фольклора волжских булгар. Несомненно, русская песня впитала в себя многие характерные попевки, обороты, не говоря уже о ладовых особенностях, музыки башкир, чувашей, мордовцев, калмыков и других приволжских племен, предки которых жили в этом крае.

Воздействие на музыку древних восточных славян оказала и античная музыкальная культура. Ее следы долгое время сохранялись благодаря наличию греческих поселений черноморского побережья. В числе археологических находок этого края сохранилось немало памятников, представляющих собой изображение музыкальных инструментов или бытовых музыкальных сцен. Элементы античной культуры могли передаваться Руси и через посредство южных и западных славян, отдельные племена которых в разное время находились в зависимости от греко-римского владычества. Во всяком случае, эти греко-римские влияния сказались на культуре древних восточных славян задолго еще до принятия ими христианства.

Стало уже традиционным говорить о «двоеверии» как об особом виде православного христианства, созданного в русской культуре. Однако, процесс синтеза, слияния старых языческих верований с новым религиозным мировоззрением характерен для многих цивилизаций. Рождение, самоутверждение, функционирование и трансформация ценностей в каждой национальной культуре происходит согласно тем внутренним законам, которые определяют ее саморазвивающуюся сущность. Именно эти и определяется как «самость», самобытность национальной культуры, так и выбор эстетических и этических идеалов, который осуществляет каждый народ в процессе своего становления.

Так принимая от Византии основы православия, русская культура осуществляет собственный выбор, «трансплантирует» (термин Д. Лихачева) именно те стороны византийской культуры, которые способны «прижиться» на российской почве, отвергая умозрительное и принимая художественно-образное видение мира. «С приобщением к христианству Русь учится ощущать себя в традиции, в колее мировой истории. И это ощущение формирует одну из центральных установок русского сознания – историзм. Взгляд русских на себя, на своих соседей приобрел историческую глубину, уходящую в тысячелетия, своего рода обратную перспективу» [5]. Потребность в «обратной перспективе» – необычайно значимое качество национального характера, сегодня обретает особенно мощное звучание.

Национальное самосознание, самоидентификация невозможна без широчайшей обратной перспективы, без проникновения в глубоко спрятанные в пластах истории сущностные черты народа. Историзм, отмеченный Г. Колпаковой, как одна из центральных установок русского сознания, оборачивается в XXI веке постоянным поиском смыслов и ценностей, заключенных в отечественной культуре. Этот поиск и является тем творческим стимулом, который оплодотворяет культуру, управляет ею, осуществляет функцию «порядка» в «хаосе» и «полете над бездной», не завершающемся гибелью, а раскрывающемся новые горизонты художественно-эстетического преображения бытия.

Обратная перспектива позволяет современному исследователю искать и находить те нити, которые связывают через тысячелетия прошлое и настоящее. Так из древних пластов народной песни возникает новое ответвление русского песнетворчества – городской фольклор. Происхождение жанра городской бытовой песни на Руси связано с процессом постепенного «евро-

пеизирования» музыки города в XVII-XVIII веках. Этот процесс в своем фундаментальном труде, посвященном искусству Древней Руси, Г. Колпакова интерпретирует следующим образом: «Благодаря Византии до начала XVIII в. Русь приобщалась к магистральным источникам, к главным для всего мира идеям. Лишь петровский переворот принес в русскую культуру ориентацию на провинциальные задворки европейской культуры, поставив Россию на место такого же художественного раритета, каким были и ее западноевропейские учителя – Швеция, Германия и Польша. «Вторичность» и «второсортность», определившие лицо русской культуры со времени Петра и вплоть до начала XIX в., – характеристики, принципиально невозможные для древней русской культуры, занимавшей одно из значимых мест в мировом культурном процессе» [6].

Для музыканта, осознающего значимость приобщения Руси к великой музыкальной культуре Европы, утверждение о «вторичности» и «второсортности» русской культуры со времен Петра невозможно, поскольку это полностью противоречит логике ее саморазвития, тому поистине грандиозному «взрыву», приведшему к рождению новой музыкальной Вселенной, открывшей миру Глинку и Даргомыжского, Чайковского и Танеева, Балакирева и Бородина, Римского-Корсакова и Мусоргского. Но поскольку в высказывании чрезвычайно уважаемого ученого Г. Колпаковой прозвучала абсолютно недопустимая фраза о «провинциальных задворках Европы», к которым были отнесены страны, обладающие высочайшей культурой, мы вынуждены высказать свою позицию по данному вопросу.

Так, назвать «провинциальными задворками Европы» Германию, уже давшую в это время мировой музыкальной культуре Г. Шютца, И.С. Баха, Г. Ф. Генделя, – недостижимые вершины музыкального искусства, представляется огромным заблуждением. Постигание творчества этих великих мастеров продолжается и сегодня, в начале XXI века. Для современного российского музыканта они остаются вершиной, к которой следует стремиться. Даже самый краткий экскурс в Германию эпохи барокко, которую Г. Колпакова назвала «провинциальными задворками Европы», доказывает, что оценка художественного пространства культуры – шаг чрезвычайно ответственный, а осмысление художественного пространства культуры как целостной саморазвивающейся системы, «Хаокосмоса» (А. Лосев), в котором каждая из подсистем живет и развивается по собственным законам, не подчиняющимся логике линейного

прогресса, задача чрезвычайно сложная. Следует признать, что великое искусство Музыка часто дает исследователям запоминающиеся уроки, обрушивая искусственно созданные концепции, тенденциозные мнения, суждения, выстроенные вопреки законам саморазвития культуры.

Вновь обратившись к России, мы увидим, что подчинение народно-песенного мелоса гомофонно-гармоническому стилю, протекающее под воздействием западноевропейской музыки (немецкой, итальянской, французской, польской), привело в XVII веке к рождению новых художественных форм. И это отнюдь не показатель «вторичности» или «второсортности». Обращение к европейской музыкальной традиции стало для российских музыкантов мощнейшим творческим стимулом, родило неутолимую жажду познания, желание как можно быстрее освоить все те достижения, которые Европа сделала достоянием мировой культуры. Это решительный шаг по лестнице восхождения к «российскому музыкальному Олимпу». И «хотя в России барокко не достигло такого пышного развития, как в ряде стран Западной Европы или в соседней Польше и его «жизненный срок» был здесь сравнительно непродолжительным, историческая роль этого стиля в русской художественной культуре чрезвычайно велика. Именно в рамках барокко, включающего в себя ренессансные явления вдруг получают позднее развитие и смешиваются в конце века с явлениями барокко, шедшими с Запада»[7].

Ю. Келдыш резко критикует позицию многих исследователей, которые в течение XX века, так же, как и сегодня Колпакова, придерживаются мнения, что пришедшее в середине XVII века с Запада в Россию барокко стало эпохой «умирания» древнерусского искусства, называя такую позицию «совершенным архаизмом». Отметим, что эти совершенно справедливые слова выдающегося российского музыковеда сказаны еще в 70-х годах XX века. Однако, такая точка зрения продолжает существовать, хотя, «современные историки русской музыки видят в искусстве второй половины XVII века новый прогрессивный этап развития отечественной художественной культуры» [8]. Келдыш абсолютно прав, когда утверждает, что влияния, которые русское искусство испытывало в это время, не только не лишило его самобытности и своеобразия, а, напротив, «помогло оформлению того нового, что вызревало и приготавливалось в его собственных недрах»[9].

И одним из первых шагов станет рождение песни-романса, прообраза будущего русского романса с его тончайшим лиризмом,

мелодическим и гармоническим богатством, проникновением в сокровенные глубины русского характера. В отличие от крестьянской, городская народная песня нашла свое отражение в нотных записях, благодаря чему процесс ее исторического развития легче поддается изучению. Возвращаясь к образцам русского фольклора более ранних эпох – в основном к старинной крестьянской песне, дошедшей до нас благодаря памяти народных сказателей и певцов, – подчеркиваем, что, несмотря на наличие разнохарактерных влияний, русское народное песнетворчество всегда имело и сохраняло свои яркие и самобытные черты, что способствовало дальнейшему развитию народной музыкальной культуры. Оно формировалось в результате взаимодействия того, что уже существовало на русской почве, с привходящими влияниями.

Изучение процесса становления русской духовной музыки обращает исследователя к певческим традициям Древней Руси, к стилистической эволюции, которую церковное пение испытало на протяжении XI-XVII вв., Изучение русской духовной музыки, истоки которой коренятся в богослужебном пении, в православной традиции, становление и развитие связано с поиском новых художественных средств, сегодня находится в начале пути. При этом можно констатировать, что интерес к этой проблематике постоянно возрастает. И это вполне закономерно, поскольку системный стиль мышления, характерный для современной научно-исследовательской мысли, требует постижения музыкального пространства отечественной культуры в его целостности, многоплановости, полифоничности, антитентичном переплетении различных направлений и стилей.

Чрезвычайно важно осмыслить эпохи перехода, когда происходит смена ценностных парадигм в пространстве русской культуры. Изучение духовной музыки от ее истоков и до наших дней необходимо и для того, чтобы проникнуть в огромный пласт музыки, созданной великими русскими композиторами, среди которых А. Кастальский, А. Гречанинов, П. Чесноков, С. Рахманинов, Г. Свиридов и многие другие, чьи сочинения стали частью сокровищницы отечественной художественной культуры. Таким образом, чтобы осмыслить роль музыки в становлении отечественной художественной культуры, осознать то, как формировалось это удивительное целостное пространство, которое мы называем русской музыкальной культурой, нам необходимо изучить и проанализировать все музыкальные потоки, соединившиеся воедино, чтобы мощно зазвучать в мировом художественном пространстве.

Использованная литература:

1. *Колпакова Г. С.* Искусство Древней Руси. Домонгольский период. СПб.: Азбука – классика, 2007. С. 7.
2. Там же.
3. Там же. С. 7-8.
4. *Любимов Л. Д.* Искусство Древней Руси. М.: АСТ, АСТРЕЛЬ, Транзиткнига, 2004. С. 3-4.
5. *Колпакова Г. С.* Искусство Древней Руси. Домонгольский период. СПб.: Азбука – классика, 2007. С. 15.
6. Там же. С. 17.
7. *Келдыш Ю. В.* Очерки и исследования по истории русской музыки. М.: Сов. композитор, 1978. С. 94.
8. Там же. С. 95.
9. Там же.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В статье рассмотрены вопросы формирования эстетических и этических идеалов в перспективе развития культуры и искусства. Автор прослеживает специфику гуманитарной картины мира (мифологии, философии, литературы, изобразительного искусства, архитектуры, музыки) в пространстве античной культуры, в культуры системе культуры Средних веков и Древней Руси как основание формирования этических и эстетических идеалов человечества.

Ключевые слова: *античная мифология, античная культура, этика, эстетика, культура Средневековья, искусство Древней Руси, гуманитарная картина мира, эстетические и этические идеалы.*

The article discusses the formation of aesthetic and ethical ideals in the perspective of culture and art. The author traces the specificity of humanitarian picture of the world (mythology, philosophy, literature, fine arts, architecture, music) in the space of classical culture, culture in the cultural system of the Middle Ages and Ancient Russia as the basis of formation of ethical and aesthetic ideals of humanity.

Keywords: *ancient mythology, ancient culture, ethics, aesthetics, culture of the Middle Ages, the art of ancient Russia, the humanitarian world view, aesthetic and ethical ideals.*

Обращаясь к античной мифологии, философии, литературе, изобразительному искусству, архитектура, музыке (о которой много написано, но, к сожалению, о звучании ее мы можем только догадываться по стилю поэтических источников), мы можем судить о той роли, которую играла гуманитарная культура на заре цивилизации, как в пространстве античного мира формировались эстетические и этические идеалы человечества. Очень точно сущность античной культуры определил один из выдающихся исследователей прошлого века Б. Р. Виппер. Он считал, что «с того времени, как итальянские гуманисты эпохи Ренес-

* СЛУЦКАЯ Ирина Ильинична – кандидат культурологии, преподаватель кафедры социологии и философии культуры, заместитель декана факультета искусств и социально-культурной деятельности Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия (e-mail: sluckevich85@mail.ru).

SLUTSKAYA Irina I. – Ph.D. Candidate (Theory and History of Culture), Lecturer, Department of Sociology and Philosophy of Culture, Deputy Dean of the Faculty of Arts and Social and Cultural activities of the Russian State Social university, Moscow, Russia (e-mail: sluckevich85@mail.ru).

санса вновь открыли непреложную общечеловеческую ценность античной культуры, греческое искусство стало занимать, и до наших дней занимает, совершенно исключительное положение среди других художественных стилей прошлого» [1].

Исследователь приводит основания, послужившие такому отношению к греческому искусству. По его мнению, первым является свойственная не только греческому искусству, но и всей гуманитарной культуре Греции – религиозным воззрениям, философской мысли – неопровержимая логика. Именно это, по его мнению, способствовало тому, что «греки были непревзойденными мастерами слова, изобретателями искусства речи и спора, риторики и диалектики. Такими же мастерами точной формулировки, ясной конструкции, убедительного довода являются греки и в пластических искусствах. Ни один народ не обладал в художественном творчестве таким чувством меры, такой мудрой экономией средств, таким ясным сознанием своих эстетических намерений, как греки» [2].

То есть древнегреческое искусство создало высокие эстетические идеалы, ориентации на которые способствовала достижению высочайшего уровня в творениях греческих мастеров. Но Виппер приводит еще очень существенные основания, благодаря которым достижения греческой культуры остаются и сегодня образцом, к которому следует стремиться. «Желание песен и лиры» – характерная черта античного мира, той атмосферы искусства, которая являлась постоянным фоном жизни. Образ Гомера – странствующего певца, аэда, повествующего о героической истории Греции, о ее богах и героях, прочно вошел в художественное пространство культуры. Его эпос гуманистичен, поскольку прославляет красоту и достоинство человека, его мужество и любовь к отчизне, верность в дружбе и любви, мудрость, силу ума, способность сострадать горю, готовность прийти на помощь в трудную минуту, презрение к смерти, готовность к подвигу. Красота внешнего облика обязательно связана у Гомера с красотой внутренней, она является выражением того духовного богатства, которым владеет герой. Эстетическое и этическое начала слиты воедино и не могут существовать отдельно друг от друга.

Через эстетику к этике – традиционный для античности путь постижения искусства, которое не только услаждает слух, но и учит, наставляет, формирует представления о должном, нравственном, достойном и благородном в жизни. Это очень характерно для творчества античных авторов. В поэме «Труды и

дни» Гесиод учит уважению к труду, призывает к социальной справедливости, защищает простого труженика-земледельца, более того, грозит власть имущим заслуженным наказанием, призывает их служить правде. Приводим несколько отрывков из этой поэмы, свидетельствующих о социальной позиции поэта, который в начале VII века до н.э. средствами искусства страстно отстаивает достоинство и значимость человека труда.

Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживают, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых [3].

А далее звучит настоящий гимн труду:

Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям, бездельники мерзки,
Нет никакого позора в работе: позорно безделье [4].

Если не знать, что в античности высоко ценилась образованность, знание философии, поэзии, музыки, а всякие ремесла – это был удел людей низкого звания, то такой призыв показался бы странным. Но то, что для нашего современника очевидно, поскольку с раннего детства каждый ребенок знает, что любой труд почетен (хотя, к сожалению, в реальной жизни это далеко не всегда соответствует действительности), для человека античного мира – это рождение нового взгляда на мир, на человека-труженика, революционный поворот в иерархии ценностей, формирование нового этического идеала.

Поэт не только возвышает человека труда, но и поднимает свой голос против царей, которые отклонились от прямого пути, заменили «правду неправосудьем». Царями-«дароядцами» называет их Гесиод и грозно взывает к ним:

Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде [5].

И в лирической поэзии античного мира, основной темой которой, конечно, является любовь, этическое начало тоже присутствует. Мы встречаем его в поучениях Феогнида, призывающего общаться только с хорошими людьми:

Между дурными людьми никогда не ищи себе друга.

Гавань плохая они. Мимо свой путь направляй [6].

Очень ярко стремление через поэзию провозглашать моральные истины проявилось в творчестве поэта VII–VI веков до н.э. Солона, провозглашавшего право человека на свободу, необходимость честного труда, стремления учиться и познавать новое. Его элегии проникнуты религиозно-нравственным началом, это поэт – пропагандист, оратор, трибун, уверенный в том, что по-

эзия должна оказывать благотворное воздействие на граждан, что она являет собой сильное средство для возвышения души и улучшения нравов в обществе. Имя Солона как поэта и общественного деятеля почитается в греческой истории. Согласно греческой традиции, он входит в число семи мудрецов мира.

В трагедиях Эсхила свобода противопоставляется деспотизму («Персы»), гуманизм, мужество, сила духа позволяют преодолеть физические страдания («Прикованный Прометей»), божественное возмездие неизбежно настигает преступника («Орестея»), поскольку каждый человек ответственен за свои поступки. Красота подвига, совершенного по имени человека («Прикованный Прометей»), воспетая Эсхилом, являет собой высший эстетический и этический идеал античности. В выполнении своего долга усматривает Софокл высшее проявление Красоты и Добра. Для него страдание и сострадание есть черты разумного человека, способного в любых условиях осознавать свой долг и неуклонно следовать своим принципам.

«Аякс», «Царь Эдип», «Антигона» и другие трагедии Софокла несут в себе моральный урок, преподаваемый средствами искусства человеку и человечеству. Идеал физической красоты, сохраненный в уникальных образцах греческой скульптуры, ее совершенных пропорций (Поликлет, Мирон, Фидий и др.), дополняется идеалом красоты духовной, этическим идеалом, созданным в литературе античного мира. Так, античность создает облик целостной личности, целостность здорового (прекрасного) тела и здорового (высокого) духа, единение эстетического и этического начал, позволяющих человеку достойно пройти свой жизненный путь.

В системе культуры Средних веков происходит переосмысление эстетических и этических идеалов, сложившихся в культуре античного мира. Человек определяется как «раб Божий», одно из творений бога, хотя и имеет особый статус как созданный по образу и подобию Божию, следовательно, обладающий душой и свободной волей. Тем не менее, хотя человек стоит ближе к богу, чем всякое другое его творение, совершенное подобие, а тем более равенство, здесь принципиально невозможно, поскольку бог не просто совершеннее человека, он находится на другом онтологическом уровне: как любой творец по отношению к своему созданию, он абсолютно отделен от него.

Трансцендентность бога, а, следовательно, истинных целей создания этого мира и человека, его непознаваемость и невыразимость в человеческих понятиях является существенным ус-

ловием понимания культуры Средневековья. Разумеется, культура и искусство этого периода, как любого другого, выражает человеческие представления о должном, прекрасном и добром. Особенностью культуры Средних веков является безусловное признание невозможности совершенного познания и выражения, все усилия человека в этом направлении являются лишь попытками уподобления, серией более или менее успешных метафор абсолютного добра и красоты в архитектуре, музыке, в образе жизни, но сами по себе добро и красота есть непознаваемый и невыразимый бог.

Противопоставление товарного, чувственного мира, к которому принадлежит человек, и несотворенного, сверхчувственного, абсолютного бога, которому принадлежат истинные добро и красота, понижает мировосприятие средневекового человека, который видит в природе не прекрасное, а в деяниях человека – доброе как они есть, а лишь их подобие. Соответственно, сама культурная деятельность человека, направленная на устройство своей личной или общественной жизни, на создание произведений искусства, имеет своим результатом подобие второго порядка. Идеалы красоты и добра для средневекового человека не имеют ничего общего с чувственной красотой и приятностью. В противоположность древним, средневековый человек воспринимает природу как препятствие на пути к истинной сверхчувственной красоте, как искаженное отражение трансцендентного, в той же самой мере, в какой самого себя видит искаженным подобием бога, как испорченную чувственной телесностью душу. Отсюда происходит тотальный аллегоризм и метафоричность средневековой художественной культуры и культуры социальных коммуникаций, выстраивающей иерархию социальных связей наподобие иерархии небесной.

Такое мироощущение кажется загадочным и экзотичным современному человеку, так же, как интригует его искусство этой эпохи. Тем не менее, схоластические определения красоты, казалось бы, столь далекие от художественной практики и от любых практических интересов, вызывают интерес и вдохновляют артистов последующих эпох. Так, известное определение красоты отцом средневековой схоластики Фомой Аквинским (XII в.), способно найти отклик в душе любого художника, хотя является квинтэссенцией отвлеченного отношения философии к практике. Фома определяет красоту как соединение трех качеств: целостности, гармонии, сияния. В Средние века главенствует представление о чисто умозрительной красоте, нравственной гармонии,

метафизическом сиянии, тем не менее, для человека Средневековья переживание умопостигаемой красоты воспринималось как нравственная и психологическая реальность. Признавая сверхчувственный характер идеальной красоты, средневековый человек одновременно, применяя аналогию и учитывая явные или скрытые параллели, разрабатывал ряд представлений о красоте чувственной, красоте природы и искусства.

Отличительным свойством средневековой эстетики является смешение категорий прекрасного и доброго. Как и другие атрибуты бога, они одинаково трансцендентны и недоступны чувственному познанию, но выражают разные аспекты божественного совершенства, однако для земного взгляда они могут замещать друг друга: в совершенной красоте просвечивает абсолютное добро, и наоборот, поскольку и то и другое принадлежит абсолютному существу в неразличимом единстве. Средневековый человек, созерцая прекрасное, угадывал за ним благое, непосредственно переходя от восхищения прекрасными формами и красками к их трансцендентному источнику, в котором совпадает истинные добро и красота. В этом смысле средневековому человеку чуждо представление о дьявольской красоте, красоте, противной богу. В дантовской «Божественной комедии» князь тьмы, падший ангел Люцифер, находящийся на самом дне ада, представлен страшным чудовищем с обросшим шерстью торсом, крыльями, растущими по сторонам лица, создающими ледяной ветер и т. п. В нем нет ничего обольстительного, намекающего на трагедию падения с райских вершин в глубину вечного проклятия, Люцифер станет трагическим героем лишь несколько столетий спустя.

Идею единства истины, добра и красоты средневековая философия унаследовала от античной философии, из учений Платона, Аристотеля, Плотина. В платоновском диалоге «Тимей», где описано сотворение мира, красота видимого мира признается отражением и образом идеальной красоты, которая есть выражение высшей разумности и всеблагости Создателя, пожелавшего сотворить прекрасный космос. Средневековый комментатор «Тимея» (IV в.) указывает на единство истинного, благого и прекрасного, определяя их как различные свойства одного совершенного существа, творца видимого мира, в котором они отражены: «...этот видимый мир, приемля смертные и бессмертные живые существа и преисполняясь ими, стал зримым живым существом, которое вбирает в себя всё видимое, и это единое и однородное небо есть образ умозрительного, зри-

мый и воспринимаемый бог, преблагой, преисполненный красоты и всесовершенный» [7].

Другим, и самым важным источником философской мысли для этой эпохи, было Писание. Комментируя Библию, средневековые мыслители в ней находят подтверждение идеи единства истины, добра и красоты как атрибутов единого бога. В книге Бытия говорится о том, что, создав мир, Творец увидел, что созданное им – хорошо, а в Книге Премудрости Соломона утверждается, что мир создан согласно числу, весу и мере, откуда и происходит его гармония и красота. Книга Бытия с первых веков христианства и до экзистенциалистов века XIX была источником этических рассуждений, а из Книги Премудрости Соломона, через комментарии Августина (IV в.), выросла средневековая эстетика. Рассуждения средневековых философов о добром и прекрасном, их различии и общности, вырастают из комментариев к греческому трактату «О божественных именах» Псевдо-Дионисия, написанному в IV–V веках неизвестным автором под именем первого епископа Афин Дионисия Ареопагита. Согласно ему, добро и красота, наряду с другими, есть божественные имена, которые можно бесконечно перечислять, рассуждать о них, но назвать бога невозможно, как невозможно охватить бесконечность.

Представление о мироощущении человека эпохи Средневековья, о его эстетических и этических идеалах можно получить, ознакомившись с шедеврами русской иконописи, где мы порой встречаемся с таким гениальным сплавом художественного совершенства, духовности и глубины, который потрясает и восхищает современного человека не меньше, чем в ту далекую от нас эпоху, когда творили такие мастера, как Андрей Рублев, Дионисий, Феофан Грек и другие. В работах этих и других великих мастеров русской иконописи эстетическими и этическими идеалами выступают милосердие и жертвенная любовь, красота духовного подвига, совершенного во имя блага человечества. Этими чертами наделена Троица Ветхозаветная (Андрей Рублев, Тихон Филатьев), в которой авторы запечатлели свой образ великой Красоты.

Возвышенным благородством наполнены иконы, на которых запечатлен лик Божества. Это Спас Вседержитель, написанный в конце XIII века, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Огромной силой духа веет от иконы «Спас Златые Власы», созданной в первой четверти XIII века, находящейся в музее Московского Кремля (Успенский собор). Черты

глубоких переживаний несет на себе хранящаяся в Русском музее икона «Спас Оплечный». Особое внимание в российской иконописи уделено образу Богоматери. В работах Симона Ушакова, Богдана Соболева, Тихона Филатьева запечатлен светлый лик, воплощающий высшую Любовь – любовь матери к сыну. Великой русской святыней является икона Владимирской Богоматери, которая являет собой непревзойденный шедевр изобразительного искусства. В исследованиях, посвященных этому шедевру, сообщается, что в древности ее создание приписывалось евангелисту Луке. Однако исследователи полагают, что она написана была в начале XII века гениальным византийским художником, чье имя осталось неизвестным [8].

К счастью, в истории русской иконописи осталось немало великих имен, среди которых по праву возвышаются фигуры Андрея Рублева и Феофана Грека, двух совершенно разных художников, чьи имена навечно запечатлены в истории русской культуры. Рублев символизирует собой новую эпоху в становлении отечественной культуры – время духовного расцвета, поиска эстетических и этических идеалов, страстной жажды обновления, преодоления розни, обретения устойчивости и надежности через нравственную сплоченность. Все эти черты несет в себе знаменитая «Троица» Рублева, одна из лучших работ мастера, освещенная светом любви и радости, мечтой об идеале – светлом и совершенном человеке будущего. Его образы эмоциональны, наполнены жизнью, это мир света и красоты.

Не менее значителен Феофан Грек, блестящий художник и философ, в зрелом возрасте покинувший Византию и ставший одним из самых знаменитых русских иконописцев. Представитель византийской традиции, Феофан Грек являет собой то единение страстного пафоса убеждения и глубину обретения новой веры, которые «слились в Византии с глубоко прочувствованной литургической, церковной жизнью и пышностью и великолепием Священной империи» [9]. Строгость и монументальность, мудрость и величавость, трагический пафос – вот черты творческого почерка Феофана Грека. В частично сохранившихся новгородских фресках, в росписях московских храмов (церковь Рождества Богородицы, Архангельский и Благовещенский соборы), от которых сохранился иконостас Благовещенского собора, созданный вместе с Андреем Рублевым, ощущается мощь великого трагического таланта Феофана Грека – византийского художника, мыслителя и философа, нашедшего на Руси восторженных почитателей и учеников.

Следует упомянуть еще об одном выдающемся мастере русской иконописи – старце Дионисии, «открытом» в XX веке благодаря одному из исследователей русской старины Василию Георгиевскому. Почерк Дионисия удивительно индивидуален. Его фигуры парят в воздухе, его цвета – будь то желтый, голубой или зеленый – отличаются нежностью, мягкостью. Здесь нет и намека на суровый почерк византийских мастеров. Основной цвет всегда белый, символизирующий чистоту и покой, свойственные для высоко духовного существа. Даже «Апокалипсис» (одна из немногих сохранившихся работ) не несет в себе ужаса, смятения, страха. Его «Страшный суд» – это воздаяние по заслугам, праздник для чистых и праведных душ. Исследователи приводят примеры того, что творчество Дионисия оценивалось современниками наравне с Рублевым.

В течение долгого времени, до XII–XIII веков, когда возникает зрелая схоластическая философия, категории добра и красоты были не настолько отделены и разработаны, чтобы основать на них отдельные философские дисциплины. Начиная с XII века категории добра и красоты разрабатываются философами-схоластами, разграничиваются не только друг от друга, но и в самих себе, приобретая собственную понятийную структуру, и к XVII веку, когда наступает время заката схоластики, философ Нового времени Рене Декарт может описать философию как дерево, корнями которого являются учения о бытии и познании, а плодами – этика, эстетика и другие философские науки.

Развитие гуманитарной культуры в области философии всё более отдаляет понятия о прекрасном и добром от возможностей понимания простого человека. Надо отметить, что церковь, которая была главным образовательным институтом в Средние века, никогда не ставила задачей обучить всех христиан тонкостям метафизики. Однако она считала полезным передавать им достигнутые знания в доступной форме, упрощая сложности книжной учености до наглядного образа. Поэтому церковь ценила и признавала полезность изобразительного искусства. Здесь надо отметить, что категория прекрасного, разрабатываемая в схоластике, была так же далека от практики средневекового художника, как и от повседневной жизни простого человека. Занимая в средневековой иерархии такое высокое место, категория прекрасного почти не имеет отношения к художественной практике своего времени. В Средние века художественное творчество воспринимают как род ремесла, руко-

водствующегося собственными правилами, которые не имеют ничего общего с идеалами прекрасного. Подчиненное место, которое занимает искусство в средневековой духовности, для самого средневекового сознания отнюдь не умаляло его значения. Если вспомнить о том, что весь видимый мир, включая человека, изначально подчинен абсолютному существу, его сотворившему, то подчиненность чему-то высшему – общее свойство всех вещей этого мира. Искусство также находит свое место в этой иерархии: идеологами церкви утверждается полезность живописи для достижения духовных целей. Собором в Аррасе 1025 года одобрено положение о том, что Писание, недоступное простоядианам как текст, должно преподаваться им через образы, живопись называется литературой для мирян.

Именно поэтому живопись занимает столь значимое место в ряду искусств. Интерес к ней постоянно возрастает. Полотна средневековых художников, в которых изображаются библейские сюжеты, востребованы не только в церкви, но и во дворцах знати и в домах горожан. Церковные алтари становятся всё богаче, они должны вызывать у паствы благоговейное чувство, нести в себе образ Красоты и Добра как единого алтарного пространства.

Значительное влияние на живопись Средневековья оказал святой Франциск Ассизский (начало XIII в.), основавший францисканский орден, для которого возводились церкви, нуждающиеся в живописном оформлении. Деятельность Франциска Ассизского стала новым шагом в осмыслении роли искусства в постижении сущности Красоты и Добра, их неразрывной связи. С тех далеких времен образ Франциска Ассизского как человека, несущего в мир Красоту и Добро, на протяжении веков продолжает волновать художников. Так, великий французский композитор Оливье Мессиа́н посвятил этому образу оперу «Святой Франциск Ассизский», премьера которой с большим успехом прошла в ноябре 1983 года. Таких примеров можно привести немало. Одним из выдающихся художественных произведений Новейшего времени стал фильм Роберто Росселлини «Франциск, менестрель Божий» (1950 г.). В 1961 этот образ был воплощен в фильме Майкла Кёртиса. Несколько позже, в 1972 году Франко Дзеффирелли воплотит этот образ в своем знаменитом фильме «Брат Солнце, сестра Луна».

В статье А. Майкапара, опубликованной в газете «Искусство» [10], подробно анализируется личность св. Франциска Ассизского и то влияние, которое он как один из самых по-

пулярных и почитаемых святых в христианском мире оказал на формирование представлений об эстетическом и этическом идеале и той роли, которую он сыграл в формировании художественного пространства культуры. «Нищее житие» как духовный идеал святого, отсутствие корысти, служение во имя Добра, подлинная Красота духовного подвига, воспеваемого не только в религиозной литературе, в творчестве профессиональных художников, но и в народных песнях (лаудах). Сначала в Италии – родине Св. Франциска, а затем и во всем христианском мире этот образ, запечатленный в полотнах художников, в литературе, в легендах и сказаниях, в народных песнях становится идеалом Красоты и Добра.

Особенно ярко этот образ воплотил в своем творчестве один из выдающихся итальянских живописцев, скульптор и архитектор конца XIII – начала XIV века Джотто ди Бондоне, которого называют родоначальником европейской реалистической живописи. Его творчество знаменует собой переходный период от Средневековья к Возрождению, эту эпоху принято характеризовать как Проторенессанс, Заря Возрождения, начало новой эры. Как замечают многие исследователи, «казалось, что Джотто уже родился со всеми необходимыми живописцу знаниями, так уверенно он отошел от принятых церковных норм в изображении святых и ангелов. И, главное, все заказчики соглашались с решением художника, ставшего еще при жизни духовным авторитетом для современников и мифологической личностью для следующих поколений» [11]. Такова сила гения, способного преодолеть даже самые мощные стереотипы, сложившиеся в искусстве.

Чрезвычайно выразителен цикл фресок, посвященных сценам из жизни Франциска Ассизского, а также росписи, сделанные в Верхней церкви Сан-Франческо в Ассизи. На протяжении многих лет Джотто обращался к этому образу. Последние двадцать лет жизни он провел во Флоренции, своем родном, горячо любимом им городе. Там он расписывал капеллу Барди легендами о св. Франциске, который был для него не просто неким абстрактным образом, но живым воплощением Красоты и Добра, эстетическим и этическим идеалом, вдохновляющим на жизненный и творческий подвиг, на поиск собственного пути в созидании новой красоты.

Если XII век – это время обращения к идеям Платона, то XIII – всё больше обращается к Аристотелю, к сочинениям Цицерона и Вергилия. Даже в богослужении появляются личност-

ные мотивы, Иисус – Бог поворачивается к человеку как Иисус – земной человек, подверженный страданиям, вызывающим не только поклонение перед силой его Духа, но и сострадание, соучастие, что способствует приближению его к простому человеку. В Провансе возникает литературный поэтический язык, поэзия трубадуров (от *trovare* – «находить», «изобретать») в качестве высшего идеала возносит Любовь. Рыцарская любовь приводит к рождению рыцарского романа, возносящего на вершину в иерархии ценностей верность, благородство, великодушие, щедрость, мужество, доблесть, готовность к подвигу. В XIII–XIV веках активно развивается городской театр, драма, завершается формирование основных форм средневековой драмы – миракля, мистерии, моралите, фарса.

В пространстве средневековой культуры зреют новые тенденции, тенденции Ренессанса, «но это еще не было Возрождением, хотя бы уже потому, что развитие индивидуализма происходит в рамках средневекового религиозного сознания. Не случайно, что в это время столь большое распространение получает мистика. Человек осознает свои силы, но направляет их на постижение Бога. Велик интерес к земным переживаниям, но выступают они в искусстве в одеждах религиозных». Эти новые тенденции заставляют задуматься над тем, что «нет светлых разума побед», что «мир ослабел, мир нездоров». В этих словах французского поэта эпохи зрелого Средневековья Эсташа Дешана отражена потребность в новом осмыслении сущности бытия, к поиску эстетических и этических идеалов, способствующих достижению новых «побед разума», возвращающих человеку право строить новый, более совершенный мир. Так наступала заря Возрождения, предвестие Ренессанса, которому было суждено открыть человеку новые горизонты познания и самопознания.

Использованная литература:

1. *Виппер Б. Р.* Искусство Древней Греции. М.: Наука, 1972. С. 9.
2. Там же.
3. *Аннеткова-Шарова Г. Г., Дуров В. С.* Античная литература. М.: Академия; СПб.: СПбГУ, 2004. С. 87.
4. Там же.
5. Там же. С. 92.
6. Там же.
7. *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб.: Алетейя, 2003. С. 28.

8. Майорова Н. О., Скоков Г. К. Шедевры русской иконописи. М.: Белый Город, 2009. С. 57.

9. Колпакова Г. С. Искусство Византии. Ранний и средний период. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 9.

10. Майкапар А. Е. Христианские святые в живописи. Святой Франциск Ассизский // Искусство. 2005. № 4 (316). С. 22-23.

11. 100 знаменитых художников. XIV–XVIII вв. Харьков: Фолио, 2003. С. 155.

КУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Автор в статье рассматривает и конкретизирует формы библиографической информации, которые являются способами существования, выражения и проявления ее содержания, направленные на выполнение определенных культурных функций.

Ключевые слова: библиографическая информация, библиографическое описание, библиографическая запись, библиографическое пособие, библиографические технологии, библиограмма.

Author of the article examines and specifies the form of bibliographic information, which is the mode of existence, expression and manifestation of its content in order to fulfill certain cultural functions.

Keywords: bibliographic information bibliographic description bibliographic record bibliographic guide, bibliographic technology bibliogramma.

Библиографическая информация предстает в качестве культурной формы реального существования библиографии. Главная ее особенность заключается в выполнении ею культурных функций: библиографическое отражение (моделирование) культуры; хранение ценностей культуры; создание культурного продукта; трансляция ценностей от поколения к поколению. Форма библиографической информации является культурной по сути еще и потому, что содержит в себе ценностное начало. Будучи способом выражения содержания, она носит активный характер, по-своему творит содержание, отражает ценностную активность субъекта. Форма несет в себе печать прошлого, общекультурного опыта освоения мира информации и знания, то есть она имеет свою историю формирования и развития от простых вариантов к сложным.

Как известно, в реальном существовании библиографическая информация предстает в разных видах, что делает логичным рассмотрение множества ее культурных форм. Библиогра-

* ВОХРЫШЕВА Маргарита Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и библиографоведения Самарской государственной академии культуры и искусств, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Самара, Россия (e-mail: vohr3@yandex.ru).

VOHRYSHEVA Margarita G. – Ph.D. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Professor, Head of Documentation and bibliography of the Samara State Academy of Culture and Arts, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Samara, Russia (e-mail: vohr3@yandex.ru).

фические культурные формы конкретизируются на следующих уровнях:

- формы существования библиографической информации (библиографическое описание, библиографическая запись, библиографическое пособие);
- жанры библиографических пособий;
- структуры печатного и электронного библиографического ресурса;
- способы библиографической интерпретации (трансформации) знания (документов, текстов, смыслов);
- библиографические технологии.

Культурные формы библиографической информации – это способы существования, выражения и проявления ее содержания, направленные на выполнение определенных культурных функций.

Культурная форма отличается от своего объекта в его конкретно-исторической реальности. Объект представляет собой факт использования и интерпретации данной культурной формы. Например, библиографическое описание как культурная форма содержит в себе набор признаков, свойств, которые в совокупности позволяют понять, что речь идет о библиографическом описании. Но сам объект – библиографическое описание – как артефакт предстает во всем многообразии конкретных проявлений, библиограмм, как все чаще они обозначаются. С данными библиограммами проводятся всевозможные операции с целью включения их в процессы практического использования. При рассмотрении же библиографического описания как культурной формы обсуждаются не утилитарные его функции, направленные на реализацию конкретных целей, а внимание концентрируется на ином круге вопросов: каков должен быть набор признаков, чтобы адекватно идентифицировать документ и представить его наиболее рациональным способом. Иными словами, речь идет о модели библиографического отображения документа, о краткой форме выражения его содержания с целью последующего его узнавания.

Артефактов, воспроизводящих одну и ту же культурную форму, может быть множество. Сама же форма остается исходным образцом для последующего вариативного репродуцирования. Известно, продолжая тот же пример, что вариантов библиографического описания существует много, но главные постулаты (набор основных сведений о документе) сохраняются. По онтологическим и семантическим параметрам культурная

форма является тем исходным элементом культуры, из сочетания которых формируются культурные системы (например, система правил библиографического описания).

Понятие культурной формы касается материальных и духовных продуктов деятельности. Методологически важно, что оно распространяется и на технологии, способы, методы, посредством которых осуществляется деятельность людей. Всякая культурная форма включает в себя как культурный продукт (результат), так и технологии его достижения. При этом последние представляются значимыми атрибутивными признаками культурной формы, так как исторический отбор форм и их укоренение в традиции зависит, прежде всего, от способности соответствующих технологий удовлетворить жизненно важные человеческие потребности и интересы.

Появление новых культурных форм всегда связано с трансформацией функций объекта, необходимостью в силу каких то обстоятельств адаптации к новым условиям посредством создания нового продукта, способа деятельности, организационной структуры или путем изменения технологии. Этот процесс всегда инновационен и состоит из ряда фаз: возникновение и осознание новой потребности; артикулирование параметров заказываемой новации; реализация заказа в нескольких вариантах; выбор лучшего из вариантов; интеграция новой культурной формы в практику; признание ее потребителем и превращение в норму или образец по удовлетворению соответствующей потребности. Нередко культурные формы просто заимствуются из других сфер деятельности и вводятся в библиографическую практику. Так, использование сайтов библиотек для ответов на библиографические запросы породило новую культурную форму – «виртуальную справочную службу» со своей атрибутикой, нормами и правилами.

Некоторые культурные формы долговечны, закрепляются в традиции; другие не выдерживают проверки социальным опытом, исчезают, выполнив свою роль в соответствующих социально – культурных условиях, их объекты утрачивают свою практическую функциональность. Так произошло с культурной формой библиографических пособий – так называемыми «малыми формами», которые, будучи ориентированными на мало-подготовленного читателя, утратили актуальность в условиях всеобщего среднего образования. Но при этом они сохраняются в культуре, поскольку представляют интерес в плане социодинамики библиографии, как ценность символического характера, отражающая черты соответствующей эпохи.

Библиографическое пособие – это особого рода культурная форма, поскольку представляет собой произведение, выраженное признаками персонального авторства, содержащее оригинальный библиографический текст. В этом случае культурная форма пособия «текстуализируется» в конкретном продукте и тем самым вводится в поле социально-культурной коммуникации. Культурная форма как таковая приобретает полноценное смысловое значение только в ее реальном культурном контексте.

Структура библиографической информации рассматривается в аспекте культурной формы потому, что она упорядочивает мир информации и знания. По мнению философов, в упорядочивании мира заключается одна из основных функций культуры вообще. Упорядочение информации и знания является, на наш взгляд, главной задачей библиографии. Мир информации, как уже отмечалось, огромен и хаотичен, в связи с чем задача найти и выбрать нужное для человека часто оказывается неразрешимой, и он довольствуется фрагментами, далеко не оптимальными с точки зрения его потребностей. Данное обстоятельство обостряет проблему структурирования знания.

Создание структурных культурных форм библиографических пособий, их оптимизация, различение по читательскому, целевому назначению, характеру и содержанию документов и многим другим признакам – это результат многолетнего опыта специалистов-библиографов. В каждом случае набор структурных признаков не случаен. Он определяется культурными функциями, которым должна соответствовать та или иная структурная форма в социуме. Специфические комбинации структурных признаков образуют жанры пособий.

Структурирование знания – это, прежде всего, его фрагментирование и организация на этой основе определенных культурных форм. Процесс познания строится на последовательном освоении определенных фрагментов знания. Нельзя усвоить все сразу, человек не может вместить в себя все имеющееся знание. Корпус знания просто необходимо фрагментировать, создавая ряд контуров в соответствии с замыслом и возможностями человека в их усвоении, а затем уже интегрировать части в целостность. Именно на этом пути фрагментации и интеграции знания строятся процессы образования и самообразования, а через них – определенный тип культуры.

Библиографическое пособие как нельзя лучше выполняет функции фрагментирования и интегрирования знания в це-

лостность. Целостность достигается в рамках пособия в целом, фрагментирование – в отдельных разделах; целостность – в рамках одного раздела; фрагментарность – на уровне единичной библиографической записи.

Структурирование – это и внутреннее строение библиографической информации, ее организация на основе определенных признаков. Оно включает в себя:

- набор элементов основного текста;
- метатекст (введение, вступительная и заключительная статьи, примечания, приложения, вспомогательные указатели и др.);
- способы группировки материалов пособия;
- установление взаимосвязей между элементами внутри основного текста и с элементами метатекста.

Выполнению культурных функций в социуме подчинены и выработанные библиографической практикой способы библиографической интерпретации (трансформации, преобразования) знания (документов, текстов, смыслов). К ним относятся аннотации, рефераты, обзоры, дайджесты и другие культурные формы, в которых представляется, раскрывается, популяризируется в разных вариантах знание.

Закономерно, что библиографическая информация формируется двумя потоками: один них стремится к максимально полному отражению знания; второй – выборочно представляет наиболее ценное. Эта закономерность имеет под собой культурную мотивацию сохранения всех фактов и выборочная их актуализация в соответствии с потребностями времени. Два основных направления в библиографической информации (фиксирующее и интерпретационное) сформировали соответственно две ведущие культурные формы, одна из которых нацелена на объективное представление документов, вторая – на их избирательность с определенных позиций личностного (или группового) субъективного подхода на основе выработанных практиков критериев. Первая форма занимает стабильное место в культуре, в то время как вторая более тесно связана с конкретно-историческим этапом развития общества.

Как уже отмечалось, к числу культурных форм библиографической информации относятся технологии ее производства и функционирования. Технология понимается как специально организованная деятельность, ориентированная на достижение определенных результатов. Она относится к сфере культуры (К. Поппер, М. С. Каган) и выделяется в ее особую «предметную» область.

Библиографические технологии включают в себя:

- способы отражения источников информации, технологии библиографирования;
- моделирование документальных потоков;
- семиотический механизм сохранения культуры через технологии знаковых систем;
- механизм по организации и хранению информации (классификация, каталогизация и др.);
- способы интерпретации знания;
- библиографический поиск информации;
- библиографическое обучение потребителей, консультирование;
- технологии взаимодействия библиографа и потребителя;
- социокультурные способы формирования библиографической культуры;
- механизм трансляции библиографической информации через систему каналов массового, группового и индивидуального информирования, через медиасредства.

Данный перечень не исчерпывает всего многообразия библиографических технологий, но названные здесь уже представляют обширное поле для исследования их как культурных форм, то есть совокупности признаков, выявляющих их качественную определенность и позволяющих на основе конкретизации разворачивать целые культурные системы.

В качестве основной задачи специалистов-библиографов следует рассматривать создание новых культурных форм существования и представления библиографической информации. Ведущая тенденция в размышлениях о будущем – обращение к категориям «знание» и «смысл». Все более становится понятным (и это получает отражение в работах современных библиографоведов), что библиография должна не только приспособляться к новым информационно-коммуникационным технологиям, но и приспособлять их к себе, учитывая возможности, которые могут быть предложены благодаря наработанным библиографами приемам взаимодействия со знанием.

В странах Запада после компьютерными бума работают над семантическими технологиями, нацеленными на работу со смыслами и значениями. Отечественные специалисты ввели понятие «эпистемической волны» и эпистемических технологий, в основе которых «лежит системо-мыследеятельностный подход, который позволяет работать со знаниями более эффективно, нежели в рамках семантической и тем более информа-

ционных парадигм» [1]. Эти технологии сориентированы на работу со знанием с целью информационных прорывных продуктов, главным образом в рамках проектной деятельности. Экспериментальное создание эпистемотеки, позволяющей доступ к новым структурам и прорывным формам теоретического мышления, а также обеспечивающей «доступ к доступу», то есть к новейшим поисковым эпистемическим системам – навигаторам в мире знания, – определенный опыт на этом пути. Возможно, перспективы поиска новых культурных форм следует также связывать с возможностями структурирования сетевых элементов неформального характера. Но для решения этой задачи требуется иной субъект, хорошо осознающий проблему, обладающий волей и возможностями инициации нужных организационных усилий. Речь идет и о формальных структурах, и о личностном компоненте.

Трудно не согласиться с академиком В. С. Степиным, утверждающим, что всякое развитие сопровождается вызреванием субъектных структур нового типа и нельзя недооценивать фактор субъектности [2].

Для прогрессивного развития библиографии в новых условиях необходимо формирование высокоорганизованных, креативных субъектных структур, способных к экспертной аналитической деятельности в электронной среде, выполнению определенных регулятивных функций и созданию новых культурных форм функционирования библиографии.

Использованная литература:

1. *Громыко Н. В.* Что такое эпистемотека // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 90-105.
2. *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 63.

РАЗДЕЛ 3.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т. В. Коваленко*

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассматривается методология сравнительных исследований как перспективной формы концептуализации культурологического знания в отечественном гуманитарном дискурсе. Кратко проанализированы основные этапы в истории развития сравнительных исследований культуры в англо-американской антропологической мысли, определены перспективы сравнительных методов в культурологии.

The article discusses the methodology of comparative studies as a promising form of conceptualization of cultural knowledge in the domestic humanitarian discourse. A brief analysis of the main stages in the history of comparative studies of culture in the Anglo-American anthropological thought, positive vision of comparative methods in cultural studies.

Ключевые слова: антропология, науки о культуре, сравнение, теория, кросс-культурная методология, холокультурализм, культурные различия.

Keywords: anthropology, cultural sciences, comparison, theory, cross-cultural methodology, holocultural theory, cultural differences.

Тенденции развития современной цивилизации, связанные с проблемой глобализации и глокализации культур, актуализируют проблему межкультурных взаимодействий, культурных различий и сравнительных исследований культур, как прак-

* КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович – кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского института культурологии, старший преподаватель кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия (e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com).

KOVALENKO Timofey V. – Ph.D. Candidate (Theory and History of Culture), Deputy Director of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Culture of Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia (e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com).

тики их решения. Кросс-культурная компаративистика в этом смысле выступает в качестве эффективной исследовательской стратегии, позволяющей анализировать особенности стилей мышления народов мира, способы конструирования форм идентичности. Последние выступают в качестве ключевых аспектов современной культурологии, обеспечивая, наряду с исследованиями культурной политики, ее прикладной потенциал.

В настоящее время в отечественном культурологическом дискурсе проходит становление новой междисциплинарной культурологической стратегии, основанной на компаративном подходе к исследованию культур. Причем необходимо отметить, что сравнительный аспект уже достаточно давно востребован теорией менеджмента [1], прикладной политологией [2] и другими областями социально-гуманитарных наук. В рамках вышеназванных дисциплин сформированы соответствующие предметные области, введены в учебные планы подготовки специалистов, разработаны учебники и курсы лекций.

Однако в профессиональном сообществе, во всяком случае – региональном, такой взгляд на формирование парадигмы культурологии как системы научного знания, представляется весьма экзотичным. И, характеризуя опыт культурологии, как самостоятельной дисциплины, нашедший отражение, прежде всего, в учебных изданиях, стоит отметить ее явный неструктурированный характер и большее тяготение в сторону истории искусств, с одной стороны, или абстрактной философии культуры, изучающей предельные основания, с другой. Специальный науковедческий анализ этой проблемы провел Ю. А. Лукин [3].

Как представляется автору, отечественная культурология не слишком значительно аккумулировала опыт англо-американской культурной антропологии. До недавнего времени он не использовался совсем, что и приводило к методологическим перекосам и нестыковкам, когда теорию и историю культуры рассматривали как историю искусств или философию культуры или МХК. Однако в последние годы появляются культурологические исследования, которые с помощью серьезного антропологического анализа существенно углубляют понимание культурных различий, систем их диалектики в национальных культурах. Общее представления о роли ценностных ориентаций должны быть дополнены конкретным исследованием их происхождения, эволюции, функционирования в современном обществе, осмыслением традиционных и модернизированных форм мышления, индивидуальной и коллективной идентичности.

При таком понимании культурологии, стратегическое значение приобретают теоретические и прикладные исследования в рамках кросс-культурного (или сравнительного) анализа, и здесь без опыта культурной антропологии не обойтись. Сравнительная культурология, формирующаяся сегодня в качестве перспективной области практикоориентированных гуманитарных исследований, представляет собой междисциплинарную стратегию, направленную на анализ культурных форм, явлений, процессов «с целью выявления и идентификации подобного (общего, инвариантного) и специфического (различного) в культуре» [5].

На важность использования сравнительной методологии указывали крупнейшие антропологи XX века. Рассматривая сравнительный метод как основу всякого обобщения, Бронислав Малиновский, отмечал, что он «... должен всегда оставаться основой для всякого обобщения, для вывода любого теоретического принципа или универсального закона, применимого к ... материалу» [5]. Основоположник комплексного изучения феномена человека в его культурном и историческом многообразии Ф. Боас писал: «... важнейшая задача обществоведов – критически дифференцировать общезначимое, т.е. присущее всему человечеству как таковому, и специфически значимое, т.е., характерное для определенных типов культуры. Это – одна из проблем, заставляющая нас внимательно изучать культуры... Их изучение позволяет уяснить как общечеловеческие, так и свойственные отдельным обществам тенденции» [6].

Однако в отношении сравнения как метода научных исследований среди современных теоретиков часто присутствует, как замечают антропологи Р. Фокс и А. Грингрич, некоторая интеллектуальная неопределенность, заключающаяся в том, что если рассматривать общие его принципы, то сравнение представляется основополагающим методом и инструментом социально-гуманитарных наук, но, в частности, системность его понимания растворяется в десятках вопросов [7]. Множеству ученых оно кажется самоочевидным, не нуждающимся в тщательном рассмотрении, а тем более объяснении его роли в процессах порождения и взаимного влияния культур. Иллюстрацией этого интеллектуального парадокса выступает перефразированный тезис Августина Аврелия, высказанный в отношении времени: «Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, несколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [8].

Такая интеллектуальная неопределенность связана с естественной эволюцией наук о человеке и влиянием постмодернистской методологии на их тематическое самоопределение. Между тем в теоретических и практических исследованиях по культурной антропологии сравнения используются везде: от миграции до проблем идентичности, от специфики национальных культур, до изучения элит в процессе общественного развития. Более пристальное рассмотрение этого противоречия, отражает широкий интеллектуальный тупик [9]. Множество исследователей, рассуждая в контексте моды на качественные, субъективные интерпретации, заданные рамками постмодернистского мышления, рассматривают сравнение как часть устаревшей методологии, связанной с «большими теориями». [Такая ситуация достаточно долго была характерной для социально-гуманитарных наук на Западе, и является доминирующей в отечественном дискурсе сегодня.] И лишь немногие исследователи-гуманитарии, и западная научная традиция здесь не исключение, считают сравнение процедурным признаком научности. Конечно, скрупулезный и объективный сравнительный анализ чаще всего связан с одновременным изучением множества объектов, применением математического аппарата и статистических методов и определенными трудностями инструментального характера. При этом любое сравнительное культурологическое исследование – одновременно и исследование междисциплинарное, а следовательно, эпистемологически продуктивное, имеющее явную прикладную и прогностическую направленность.

Наверное, было бы весьма интересным пристальнее рассмотреть практику применения сравнительных методик в западной традиции культурной антропологии, причем упомянутая выше «неопределенность» актуализирует такой анализ, результаты которого могут быть использованы в процессе тематического определения культурологии как отрасли научного знания и учебной дисциплины в современной России.

Общее состояние культурной антропологии в 80 – 90-е годы XX века было ознаменовано дискуссиями об объективности и социальной полезности прикладных антропологических исследований. Пик этой постмодернистской ревизии классической антропологии, предвосхищенной исследованиями М. Гриоля и М. Лейриса [См.: 10], миновал, но, по утверждению ряда теоретиков, дискуссия об объективности и/или субъективности методологии имела положительное значение.

Действительно, большая часть классических представлений о культурах сформированная в англо-американском антропологическом дискурсе в период между Второй Мировой войной и окончанием «холодной войны», подверглась внутренней критике. Следствием такого анализа стали устойчивые представления о том, что концептуальные контуры культурной антропологии 60-70-х годов XX века способствовали реализации европейской колониальной политики в отношении традиционных культур народов Америки, Азии и Африки [11, 12]. Ставшие к тому моменту классическими методы кросс-культурного анализа подверглись жесточайшей критике ввиду того, что культуры, выступающие объектом сравнения, рассматривались как самостоятельные и стабильные образования, в то время как реальная картина была такова: все локальные культуры существовали в пределах единой мировой системы и так или иначе попадали под влияние набирающего силы процесса глобализации, что приводило к унификации их специфических структур. А некоторые культуры, считавшиеся самостоятельными, фактически являлись лишь разными моделями социального развития в пределах существующего миропорядка.

В 1980-х годах фокус постмодернистской критики сместился в сторону анализа потенциальных возможностей науки давать адекватное описание и интерпретировать культуры на основе фактов, а не впечатлений [13, 14]. Кросс-культурная методология при этом позиционировалась как достаточно сомнительное явление, поскольку объективность оценок напрямую детерминировалась авторитетом исследователя.

Таким образом, постмодернистски ориентированная западная антропологическая критика конца XX века поставила под сомнение, то, что было очевидным и рассматривалось в качестве краеугольного камня наук о человеке и культуре, – адекватность сравнения как метода научного исследования.

В 1920-1930-х годах антропологи рассматривают свою область как основное направление социально-прогнозных исследований, причем именно сравнение выступает основанием адекватности и объективности результатов науки. Так Рут Бенедикт, например, для книги «Модели культуры» (1943) выполняет сравнительные исследования нескольких заметно различающихся сообществ, а затем, в дополнение к ним, проводит прямое сравнение трех «примитивных» культур – Зуньи, Добу и Квакуитль, сделав профили их культурных конфигураций [15]. Аналогичным образом поступает М. Мид, применяя

сравнительные исследования в работах о Самоа (Взросление на Самоа, 1938 [16]) и Новой Гвинеи (Как растут на Новой Гвинее, 1930 [17]). Здесь можно упомянуть так же и Б. Малиновского, который еще в 20-х годах использовал кросс-культурный анализ, изучая вопросы универсальности Эдипова комплекса (Секс и вытеснение в обществе дикарей, 1926 [18]; *The Father in Primitive Psychology*, 1927 [19]) или противопоставляя сексуальные традиции жителей Тробрианских островов европейским нормам (Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии, 1929 [20]). Так применение сравнительного анализа классиками культурной антропологии XX века способствовало пониманию культурного многообразия, утверждению идеи самобытности целостности культур, выделению специфических черт особенно в сравнении с западной культурой, которая рассматривалась ими в качестве базовой, идеальной модели. И что немаловажно, они верили, что кросс-культурные исследования должны и приносят пользу всему обществу.

С середины 50-х годов XX века в основе сравнительной методологии надолго утверждается холокультурный подход, связанный с формированием Региональной картотеки данных по межчеловеческим отношениям (HRAF – Human Relations Area Files) [21] и школой количественных кросс-культурных исследований Дж. П. Мердока.

О необходимости формализации накопленных сведений о специфике культур народов мира (культурных различий) и формировании специальной базы данных впервые заявил, по видимому, Э. Б. Тайлор [22]. В начале XX века работа по каталогизации этнографического материала достаточно успешно проводилась исследователями Амстердамской школы. Под руководством С. Р. Штайнмеца были систематизированы сведения о более чем 1500 этносах [23]. Однако эта идея не получила конечной реализации. Наибольших успехов деятельность по созданию базы данных достигла в рамках американской антропологической традиции во многом благодаря усилиям Дж. П. Мердока, который начиная с 1930-х годов начал систематическую работу по сбору формализованной информации по социальной организации и культуре народов мира [24]. Рассматривая в своих статьях антропологию как эмпирическую науку, ученый разрабатывает принципы организации и классификации данных для кросс-культурного анализа, которые позволяют ему осмыслить проблему культурных универсалий. В своей основной книге «Социальная структура» [25] он излагает теоретические и методологические основы холокультурного подхода, а программных статьях

«Фундаментальные характеристики культуры» [26] и «Общий знаменатель культур» [27] выстраивает концепцию, на базе которой впоследствии возникнет HRAF. В рамках программы Йельского университета Human Relations Area Files в 1973 году была собрана и систематизирована информация о 1267 народах мира. В 1969 году Дж. П. Мердок в соавторстве с Д. Р. Уайтом публикуют «Стандартную кросс-культурную выборку» [28], содержащую сведения о 186 культурах, не ограниченных численными параметрами.

Центральной исследовательской проблемой культурной антропологии, по мнению Дж. П. Мердока, становится интерпретация сходства и различий культур народов мира, а целью исследований – кросс-культурный анализ повторяющихся черт в социальной организации и ценностных моделях этносов. [Здесь, как представляется, заключен чрезвычайно важный прогностический потенциал науки, который вне всякого сомнения должен быть востребован современной российской культурологией. Достаточно вспомнить даже тот факт, что в период Второй мировой войны Мердок с коллегами подготовили ряд справочников по культурам народов Океании и консультировали военнослужащих по ведению диалога с коренным населением островов, где располагались американские военные базы.] Сконцентрировавшись на поиске сходств, а не различий, переосмыслив базисные модели культуры Л. Г. Моргана, Г. Спенсера и Э. Б. Тайлора, ученый проводит кросс-культурный анализ таких феноменов как брак, война, религиозное поведение и утверждает, что «культура никоим образом не инстинктивна по природе, она определяется исключительно посредством обучения» [29]. Обнаружив черты единообразия в процессе научения он выделяет четыре, а потом еще шесть важных факторов культуры [30].

Итак, с середины XX века холокультурный подход формируется как «универсалистская» методология, в рамках которого формулируется базовая модель понимания культуры, становится ведущим в культурной антропологии и определяя направленность теоретических и прикладных исследований культуры.

И сегодня, любое сравнительное изучение культуры ассоциируется с Дж. П. Мердоком, его школой количественных исследований и HRAF, хотя в западной антропологической традиции существует и другие варианты, представляющие методологию кросс-культурного анализа во всем многообразии равно как и потенциал развития культурологии.

Особенно много методик появилось после 1945 года – от универсалистских до региональных форм.

Одной из них была популярная в период 1950 – 1970-х годов сравнительная методология, сформулированная в рамках неоэволюционизма. В ее основе – утверждение, что этапы развития культуры имеют свою закономерность. В 1960 году появляется книга, подготовленная под редакцией М. Д. Салинза и Э. Сервиса «Эволюция и культура» [31], заложившая основы последующего доминирования в антропологии социального эволюционизма. Ее основное значение состояло в расширении дисциплинарных границ, а типологии социополитической организации общества, которые располагаются в порядке увеличения сложности и составляют эволюционную последовательность, до сих пор применяются специалистами по археологии и истории первобытной культуры. Так, концепция универсальной эволюции Л. А. Уайта была дополнена концепцией специфической эволюции. Ученые применили эволюционный подход не только для стадийного исследования культуры, но и с целью сравнения – изучения параллелизма и особенностей развития конкретных обществ в условиях сочетания случайных факторов и среды.

В другой широко распространенной культурантропологической теории – структурализме, сравнительные методы применялись для выявления поверхностности различий в культурном многообразии с опорой на когнитивные общечеловеческие структуры [32].

Так или иначе, основные сравнительные теории культур второй половины XX века (холокультурализм, неоэволюционизм, структурализм) были связаны с доминирующими методологическими традициями своего времени. Но говоря о перспективах применения сравнительных исследований в современных науках о культуре, следует понимать последние не только в духе «монополии HRAF», при всей важности исследований школы Мердока. Вскрывая потенциал кросс-культурных исследований, антропологи Р. Фокс и А. Грингрич обращают внимание на два существенных обстоятельства. Во-первых, наряду с кратко описанными здесь и другими «универсалистскими» антропологическими теориями, существуют также так называемые сравнительные подходы «низшего порядка», значение которых тоже нужно учитывать. Во-вторых, не следует забывать об эмпирической, а не только теоретической, составляющей сравнительного исследования [33].

В качестве примера можно привести исследования М. Глюкмана, представителя Манчестерской школы неофункционализма, которые он провел в Южной Африке [34]. Он одним из пер-

вых решил заново рассмотреть давно полученные результаты эмпирических исследований и использовать их как отправную точку для сравнительного анализа традиционных и модернизационных тенденций. Его собственное исследование процессов колониальной экспансии на материале племени зулусов показало, что все эмпирические данные и сравниваемые элементы представляют собой части более глобальных процессов, выходящих за рамки зулусской локальности.

Дискуссии о методах исследований региональных различий в социальных, культурных, религиозных, политических, гендерных отношениях, в которых принимали участие ученые-представители разных стран, занимаясь разработкой ключевых понятий, теории и практики сравнения, существенно обогатили науки о культуре и внесли значительный вклад в концептуализацию и аргументацию антропологии. И совершенно точно, бессмысленно утверждать, что все большие антропологические теории, упомянутые здесь и другие, основанные на сравнительном анализе, проведенном в Южной Африке, Меланезии, бассейне Амазонки, или даже в Европе и индустриальных зонах, устарели. На уровне концептуального и эмпирического содержания они должны быть востребованы культурологическим знанием в современной России, формируя перспективные пути развития сравнительных исследований.

Нуждаются и включения в российский контекст социально-гуманитарных наук крупнейшие теории цивилизационного развития и кросс-культурного взаимодействия последних лет, так же содержащие в своей основе сравнения, – мир-системный анализ И. Валлерстайна [35] и теорию ориентализма Э. Саида [36], исследования С. Хантингтона [37] и Л. Харрисона [38], Г. Хофштеде [39] и другие.

* * *

Итак, сравнение представляя собой естественную характеристику человеческого мышления, как нельзя лучше выражается в научных исследованиях. Использование данного метода предполагает установление базовых концептов и выявление возможных зависимостей между переменными, что предопределяют основные направления исследований. Бесспорно, никакое научное исследование не может обойтись без сравнения, также как и любая теория, не смотря на тенденции, присущие науке в целом, требует проверки. Без сравнения невозможно правильно оценить связаны ли следствие и предполагаемая причина.

Без сомнения сегодня в отечественном гуманитарном дискурсе наступает время критической переоценки опыт наук о культуре и человеке, время поиска новых векторов развития, концепции и идей, время расширения поля междисциплинарного взаимодействия. Горячие теоретические споры по таким понятиям, как «культура», «общество», «национализм», «пол» и свидетельствует о возрастающем интересе к концептуализации в профессиональном сознании определенных областей культурологии и антропологии.

Сигналами грядущих сдвигов является не только внутрироссийские противоречия, основанные на межнациональных противоречиях, главным фактором в развитии которых, вне всякого сомнения, выступают барьеры в осмыслении культурных различий, но и тенденции глобализации, развития международного бизнеса, интенсификация межкультурных контактов не только с Европой и Америкой, но и с народами Востока, Индии, Китая, Юго-Восточной Азии.

Культурология, как поле междисциплинарного синтеза наук о культуре и человеке, способна стать сегодня подлинным кристаллизующим центром объяснительного и прогностического знания. Институционализация таких ее областей как «Теория и практика межкультурной коммуникации» и «Сравнительная культурология», прочное закрепление их в программах подготовки специалистов в российских вузах и выпуск специальной литературы [40], являются основанием для объединения усилий в плане переоценки сравнительных методов и новых научных исследований проблемы культурных различий.

Использованная литература:

1. Сравнительный менеджмент: учеб. / под. ред. С. Э. Пивоварова. СПб.: Ритер, 2006. 368 с.
2. *Голосов Г. В.* Сравнительная политология: учеб. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. 368 с.
3. *Лукин Ю. А.* Атипичная культурология. М., 2007. 292 с.
4. *Быховская И. М.* Сравнительно-культурные (компаративные или кросс-культурные) исследования // Культурология. XX век: словарь. М. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 439.
5. *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2000. С. 28.
6. *Боас Ф.* Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 500.

7. Fox R. G. & Gingrich A. Introduction // Anthropology, by Comparison / Gingrich A. & Fox R.G., Eds. L. & N.Y.: Routledge, 2002. P. 1-24.
8. Августин Исповедь. XI. XVI. 17.
9. Fox R. G. & Gingrich A. Introduction ... P. 1-2.
10. Leiris M. L'Afrique fantôme. P.: Gallimard, 1981. 632 p.
11. Asad, T. (ed.) (1973) Anthropology & the Colonial Encounter / T. Asad, Ed. N.Y.: Ithaca Press, 1973. 281 p.
12. Reinventing Anthropology / D. Hymes, Ed. N. Y.: Pantheon. 470 p.
13. Clifford J. On ethnographic authority // Representations. 1983. № 2. P. 118-146.
14. Writing Culture: The Poetics & Politics of Ethnography / J. Clifford & G.E. Marcus, Eds. Berkeley, CA: University of California Press. 1986. 305 p.
15. Benedict R. Patterns of Culture. Boston & N. Y.: Houghton & Mifflin & Company, 1934. 260 p.: на рус. яз. см. частично опубликовано: Бенедикт Р. Модели культуры // Культурология. 2005. № 1. С. 108-134; Бенедикт Р. Образы культуры // Человек и социокультурная среда. М., 1992. С. 88-110.
16. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 134 с.
17. Мид М. Культура и мир детства: Взросление на Самоа. Как растут на Новой Гвинее. Отцовство у человека социальное изобретение. Культура и преемственность и др. М.: Директ-Медиа, 2008. 878 с.
18. Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. М.: Высшая школа экономики, 2011. 224 с.
19. Malinowski B. The Father in Primitive Psychology. London: Norton, 1966. 94 p.
20. Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Избранное. Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 439-862.
21. Human Relations Area Files. Cultural Information for Education and Research [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yale.edu/hraf/>. (Дата обращения: 13.10.13).
22. Tylor E. B. On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1889. Vol. 18. P. 245-272.
23. См., например: Steinmetz S. R. Classification des Types Sociaux et Catalogue des Peuples // Zur Ethnologie und Sociologie. II: Gesammeltc Kleinere Schriften. Groningen, 1930.

24. Обзор деятельности Дж. П. Мердока по созданию HRAF, в том числе библиографию его работ на англ. яз. см.: Коротаев А. В., Кушнарера М. Б., Халтурина Д. А. Мировые религии и семейно-родственная организация: кросс-культурное исследование // Этнографическое обозрение. 2002. №5. С. 3-16.

25. *Мердок Дж. П.* Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. 606 с.

26. *Мердок Дж. П.* Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1.: Интерпретация культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С.49-57.

27. *Мердок Дж. П.* Общий знаменатель культур // Культурология. Дайджест. 2005. № 1. С. 202-234.

28. *Murdock G. P.; White D. R* Standard Cross-Cultural Sample // *Ethnology*. 1969. №8 (4). P. 329–369.

29. *Мердок Дж. П.* Общий знаменатель культур ... С. 205.

30. См.: Покореня Г. В. Генезис кросс-культурного подхода в исследовании культур: автореф. дис. канд. филос. наук: 24.00.01. СПб.: 2008. 26 с.

31. *Evolution and Culture / M. Sahlins & E. R. Service, Eds.* MI.: University of Michigan Press, 1988. 131 p.

32. См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.

33. *Fox R. G. & Gingrich A.* Introduction ... P. 4.

34. *Gluckman M.* Analysis of a Social Situation in Modern Zululand. Manchester: Manchester University Press, 1958. 77 p.

35. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб: Университетская книга, 2001. 416 с.

36. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский миръ, 2006. 637 с.

37. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: Издательство АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.

38. *Харрисон Л.* Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008. 279 с.

39. *Hofstede G.* Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 596 с.

40. См., например: Борзова Е. П. Сравнительная культурология. Т. 1.: учеб. пособ. СПб: Изд-во СПбКО, 2013. 239 с.

СВЕРХТЕКСТ КАК СВЕРХКРИЗИС: КАВКАЗСКИЙ РОК И КАВКАЗСКИЙ ТРИКСТЕР

Циклическое угасание и возрождение сакральности, чередование «Вызова» и «Ответа» есть неперемное условие развития системы. Несоизмеримость «Вызова» «Ответу» вызывает к жизни антисистему – упрощенный социокультурный космос (терроризм). В таких условиях герой, воссоздающий таким образом систему, «превращается» в антигероя. Образ антигероя, «тени» героя – трикстера имманентно содержится в потенциях системы, периодически испытывающей циклические кризисы, проявляясь в террористическом дискурсе Кавказского текста.

Ключевые слова: *сверхтекст, кризис, трикстер, топос, сакральность, профанное, бренд.*

Cyclical extinction and rebirth sacredness alternation «Challenge» and «Answer» is an indispensable condition for the development of the system. Incommensurability «Challenge» «Reply» brings to life antisystems – easy social and cultural space (terrorism). In such circumstances, the hero, thus simulating the system, «turns» in the anti-hero. The image of the anti-hero, the «shadow» of the hero – the trickster inherently contained in potencies system periodically experiencing cyclical crises, manifested in terrorist discourse Caucasian text.

Keywords: *supertekst, crisis, trickster, topos, sacral, profane, brand.*

Поль де Манн пишет в статье «Критика и кризис»: «Мы в значительной степени потеряли интерес к реальным событиям, описываемым Малларме как кризис, но мы вовсе не утратили интерес к тексту, претендующему на описание кризиса, ибо именно текст и есть тот самый кризис, на который он ссылается. Ведь здесь, как и во всех поздних прозаических и поэтических произведениях Малларме, дело писания поистине рефлексировывает свой собственный источник и открывает круг вопросов, ни один из которых его последователям забывать непозволительно. Мы можем говорить о кризисе, когда при саморефлексии происходит «отделение» того в литературе, что согласуется с первоначальной направленностью, от того, что бесповоротно с ней не

* ЛЮСИЙ Александр Павлович – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела теории искусства Российского института культурологии, г. Москва, Россия (e-mail: allyus1@gmail.com).

LYUSY Alexander P. – Ph.D. Candidate (Theory and History of Culture), Senior Researcher, Department of Art Theory of the Russian Institute for Cultural Research, Moscow, Russia (e-mail: allyus1@gmail.com).

совпадает. Тогда наш вопрос об отношении к предшествующей критике формулируется таким образом: занимается ли на самом деле критика внимательным самоанализом вплоть до рефлексии своего собственного истока? Задается ли она вопросом о необходимости дела критики?» [1].

Для этого, как бы отвечает П. де Ману, Ж. Делёз в книге «Критика и клиника», необходим прием, лингвистический прием. Все на свете слова рассказывают историю любви, историю жизни и знания, но эта история не намечается и не обозначается словами, не переводится с одного слова на другое. Скорее, это история о том, что есть «невозможного» в языке и теснейшим образом с ним связано: его внеположности. Лишь прием, свидетельствующий о безумии, делает ее возможной. Вот почему психоз неотделим от лингвистического приема, который нельзя смешивать ни с одной из известных категорий психоанализа, поскольку у него другое предназначение. Прием ведет речь к пределу, но не преступает его. Он уничтожает обозначения, значения, переводы, но лишь для того, чтобы язык наконец-то столкнулся по ту сторону предела с фигурами новой жизни и сокрытого знания. Сколь бы ни был необходим прием, это всего лишь условие. Доступ к новым фигурам получает тот, кто умеет превозмочь предел [2].

Для нового понимания сложности как кризиса и кризиса как сложности необходимы новые понятия. Важными составляющими каждой культуры являются системные единства текстов, прежде всего художественных, в основе которых лежит устойчивый мифологический код. Объединенные вокруг подобной мифологемы сверттексты представляют собой многоуровневые системы, компоненты которых, находящиеся в прямых и обратных связях, участвуют в создании целостного художественного пространства. Исследуя тот или иной сверттекст, возможно выделить тексты, как составляющие его ядро, так и находящиеся на границе культурно-системного единства, выявить ключевые образы и мотивы, играющие немаловажную роль в различных произведениях, относящихся к сверттексту, и проанализировать их языковую ткань. Сверттексты – немаловажная часть национальной культуры, оказывают серьезное влияние на ее развитие и анализ которых необходим для ее постижения.

В последнее время проявилось такое качество Кавказского текста, как наличие «террористического дискурса». Чеченский военный конфликт вызвал естественную потребность в художественном осмыслении происходящего в контексте культурных традиций и новых взглядов для поиска путей выхода, решения

многочисленных проблем, вызванных войной. Как тут Кавказский текст русской культуры соотносится с ментальными проблемами, связанными с массовым сознанием и бессознательным российского общества?

Были предприняты многочисленные попытки создания адекватных художественных образов, различных по степени авторского таланта и исполнения. В основном, такие попытки предпринимались в киноискусстве и музыке, реже в театре и изобразительном искусстве. Можно назвать хотя бы диаметрально противоположные по своему ментальному, оценочному вектору фильмы – «Мусульманин» П. Тодоровского и «Чистилище» А. Невзорова, которые довольно утрированно, при всем различии позиций, показывают войну не столько как вооруженное столкновение, сколько как столкновение различных миропониманий и в какой-то степени идеологий.

Крайнее удивление выражает Авраам Шмулевич тому факту, что в качестве заставки к популярному российскому фильму «Война» (автор сценария и режиссер А. Балабанов, 2002) была использована песня «Иерусалим» барда чеченского сопротивления Тимура Муцураева (правда, пел ее не сам автор).

Мы тебя освободим,
Богу души отдадим,
Взор к Аллаху обратим,
Будет наш Иерусалим!

«Странно также, – продолжает А. Шмулевич, – что израильская дипломатия пропустила факт появления на российском экране столь вопиюще антиизраильской песни... Это как если бы израильский фильм начинался бы с песни «Самопожертвование (Хава Бараева)», посвященной племяннице Мовсара Бараева, командира диверсантов, захвативших «Норд-Ост». Летом 2000 года она на груженном взрывчаткой уазике взорвала базу омского ОМОНа [3].

Известный девиз поэтического эстрадного шестидесятичества «Поэт в России – больше, чем поэт», по мнению А.В. Овруцкого, – можно в равной степени отнести и к русскому барду Юрию Шевчуку и к чеченцу Тимуру Муцураеву. «В их текстах заключены смысловые коды, способные дать глубинное понимание состояния массового сознания, а также разгадки будущего» [4]. В художественных текстах можно увидеть предвестники событий. Если многочисленные научные институты порой расписываются в своей бессилии в решении чеченских проблем, то художники могут выйти на интуитивные догадки

или метафорически предложить пути решения, которые не являются очевидными.

«Вниманье, цель!» – раздался чей-то крик
Из гнусного скопленья русских гадов.
От мести раскаленный грузовик
Встречает враг стрельбой из автоматов.

Характер некоторых песен Т. Муцураева, как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, является продолжением традиций российской авторской песни, возникшей как жанр в Советском Союзе и выполнявшей социальные функции откровенного, задушевного разговора со слушателем, запрещенного авторитарной идеологией. В таких песнях говорится о том, о чем не писали советские газеты и не говорили официальные лидеры. Национальный, переходящий в националистический, крен в текстах Т. Муцураева роднит его с российским бардом И. Тальковым. Еще один парадокс – «певец чеченского сопротивления» поет многие песни на русском, на языке «оккупации» и «порабощения», в представлениях идеологов боевиков».

Историческая перспектива песен этого барда необозрима, как и весь Кавказский текст – от ветхозаветного Соломона до будущих райских садов для правоверных. Доминирующим эмоциональным состоянием большинства песен является гордость и патриотизм. Затем фатализм как состояние предопределенности событий, наличие Божьего промысла. Мотив мести стоит на третьем месте. Очевидно, имеет место мотивационный дефицит чеченского сепаратизма, в качестве восполнения которого используется апелляция к традиционным (согласно традициям), национальным (национальный характер), религиозным, а также нравственным (наличие моральных причин, «за праведное дело») детерминантам агрессии.

Можно говорить о проблеме в самооценке, наличии самовосприятия как социальных, национальных аутсайдеров. Снижение самооценки в общественном сознании идеологи сепаратизма пытаются компенсировать, или скорее даже гиперкомпенсировать, с помощью создания национальной героики, а также формирования мифа о новом богоизбранном народе (чеченская миссия). Последнее предполагает расширение именно традиционного чеченского ислама до доктрины всемирного значения – единственной надежды «праведной части мира» в войне с грехом и враждебными идеологиями (западной – потребительской, иудео-христианской и т.д.). В этом направлении

также можно рассматривать и дискурсы, направленные на унижение России и русских.

Таким образом, в качестве источников мотивационного подкрепления непримиримости выступают традиции, национальный характер, религиозные факторы, а также нравственные императивы. Гордость как доминирующая эмоция направлена на повышение самооценки в общественном сознании, а фатализм выполняет, очевидно, психотерапевтические функции – снижение страха смерти. В нескольких песнях Т. Муцураева присутствует не только открытая поддержка терроризма (актов шахидов), но и призыв слушателя к таким действиям. Оправдание и в определенной степени инициирование террористических актов делает Т. Муцураева, по сути, идеологом терроризма. В художественном отношении песенный исламизм Т. Муцураева напоминает наивный романтизм. «При более тщательном историко-литературном анализе «песен чеченского сопротивления», – отмечает А. Алексеев, – на тему исламского джихада без труда обнаруживается как знакомство авторов с арабской военно-духовной мыслью (что, в общем, ожидаемо и никак не удивительно), так и с западноевропейской лексикой и риторикой времен крестовых походов. В противном случае, приходится говорить о феноменальном сходстве мышления нынешних чеченских «певцов свободы» с менталитетом средневековых крестоносцев и их мусульманских противников (два последних, в самом деле, почти что совпадали)» [5]. По словам Т. Муцураева, «Двуглавый монстр должен быть убит». Однако конечная его цель – современный Иерусалим как символ глобальной потребительской идеологии. А эта угроза для идеологов и бардов чеченского сепаратизма представляет все же большую опасность, чем силовые акции из федерального центра. Известно, что песни Муцураева приобрели определенную популярность и среди российских бойцов. Их крутят в некоторых московских клубах. Исследование феномена их популярности – не только культурологическая и правовая, но и психиатрическая проблема.

В целом, сепаратистская кавказская русскоязычная Муза предлагает слушателю два основных лейтмотива: «война за свободу» и «война за веру». Если в «войне за свободу» поэты-ваххабиты признают допустимыми «крайности» вроде захвата больницы с беременными женщинами, то в «войне за веру» таким поступкам как будто не должно быть места. Широко распространено не просто одобрение действий «чеченского Робин Гуда» Басаева, а прямое восхваление его вылазки в Буденнов-

ске как переломного момента первой чеченской войны. Изобразить же в романтической или в какой-либо иной форме деяния Бараева пока никто не решился ни с какой стороны.

«В данной связи важным является вопрос террористического топоса, того специфического пространства, в котором становится возможным и реализуется терроризм, – утверждают В. П. Римский и С. Н. Борисов, опираясь на идеи Г. Дебора и других исследователей «общества спектакля». Презентация террористического проекта как альтернативы существующей реальности происходит в силу «дефицита реальности» и обуславливает публичность проявлений терроризма. Террористический акт есть та точка, в которой происходит «диалог» «человека террористического» и «массового»: не только террорист, но и общество становится субъектом террора, и именно таким путем «новая» реальность вторгается в повседневность системы. Причина, по которой становится возможным появление альтернативы реальности – системы, – утрата этой системой реальности, утрата подлинного основания составляющего истинность – сакрального. Террорист ставит под сомнение прежде всего легитимность, но также право на существование системы» [6].

Конец цикла в традиционном обществе запрограммирован как угасание и растворение сакрального в профаном. Поэтому периодическое проявление насилия внелегитимности, террора, изначально присуще традиционной социокультурной системе. Циклическое угасание и возрождение сакральности, чередование «Вызова» и «Ответа» есть неременное условие развития системы. Несоизмеримость «Вызова» «Ответу» вызывает к жизни антисистему – упрощенный социокультурный космос (терроризм). В таких условиях герой, воссоздающий таким образом систему, «превращается» в антигероя. Образ антигероя, «тени» героя – трикстера имманентно содержится в потенциях системы, периодически испытывающей циклические кризисы. Герой и его функциональный антипод – трикстер, отражая базовую дуальность: сакральное – профанное, святое – скверное, верх – низ, правое – левое обеспечивают существование общества как в стабильные, так и в кризисные периоды. Т.е. терроризм, как архаическая поведенческая модель, есть опознание традиционного общества. «Человек террористический» принципиально чужд современности, с которой он борется. В этом случае поле данной борьбы также должно быть традиционным.

Мироощущение носителя традиции характеризуется определенными пространственными представлениями – прежде

всего фактом наличия противостояния пространства «сакрального» и «профанного». Центр как вместилище сакрального противоположен «периферии», аморфной и профанной. Однако в современном терроризме в целом превалирует безразличие в выборе места проведения теракта. Поле применения нелегитимного насилия довольно размыто, что не оставляет сомнений в отказе от постулирования традиционной архаичности современного террористического проекта. Рассуждения о топосе современного терроризма, в частности, его кавказской составляющей, фиксирует не только и не столько размытость его пространственных характеристик, сколько его «нереальность». Мир постмодерна, «оставивший» тотальное насилие в прошлом веке вместе с тоталитаризмом, не может и не желает поверить в реальность происходящего.

Жесткая табуизация насилия внутри «золотого миллиарда» оборачивается «миротворческими акциями» в странах-«изгоях», которые носят название «спецопераций», «миротворческих миссий», но только не войны, «официально» изжитой, как и насилие. Глобальный терроризм и обезличен, а главный его «бренд» – Усама Бен Ладен, скорее виртуальный персонаж, присутствующий «везде» и «нигде». Этот неуловимый и абстрактный террорист, архаичность образа и действий которого позволяют соотнести его с мифическим культурным героем, или скорее с его отрицательным вариантом – трикстером, в условиях сакрально-символического кризиса «оборачивается» антигероем как носителем антисистемности. Антигерой-террорист выступает как определенный посредник между мирами традиционализма (исламский терроризм как носитель сакральности) и модерна/постмодерна (рафинированное секулярное современное общество, лишённое сакральности). Пространство террора как бы выпадает из реального пространства и переносится в область символов и мифов (неких искусственных идеологических конструкторов). Неприятие насилия сменилось неким интересом и влечением к нему, на деле оборачивается безразличием. На смену сакральным запретам пришел новый механизм подавления, безразличие и поощрение, преувеличение, которое делает бесполезным любой протест, как и желание вообще. Нет смысла больше ограничивать насилие, вытеснять его на периферию социума, локализовывать в сакральном, когда зритель буквально становишься соучастником новой формы жертвоприношения, что позволяет сделать телеэкран. Какие же слова он находит?

Эдуард Тополь в «Романе о любви и терроре» передал возмущение людей всей системой телевизионного и радиовещания, связанного с освещением захвата зрителей «Норд-Оста» в Москве 23 октября. Само название мюзикла – перевод названия знаменитой поэмы Волошина «Северо-Восток», с ее Русью, отданной тиранам и демоническим силам. И ветры с Кавказских гор подключились к смещению России в этом направлении. Главным моментом террористического зрелища стало ритуальное жертвоприношение «черных агниц» – вдов-шахидок, что доказывает, что за захватом заложников не стоит Бен Ладен, если сравнить достаточно примитивное бедуинское волхвование (с его числовой магией, наивной верой, что от взрыва Торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года рухнет Запад) и изощренное колдовство с кавказской составляющей. При этом сенсационной скоропалительной манерой подачи материалов, неожиданными пассажами эмоциональной черствости, психологической некомпетентностью и даже отсутствием должного журналистского профессионализма СМИ провоцировали террористов, нагнетали напряженность, способствовали усилению протеррористических настроений. Как свидетельствует Э. Тополь: «Радиоприемник был в руках одного из террористов, он не расставался с ним. «Второй день продолжается балаган с захватом заложников в «Норд-Осте». Зал аж ахнул». «На балконе стоял телевизор на режиссерском пульте... Передавали много ненужного. Например, всемирную хронику захвата заложников – с цифрами, сколько при этом было убито человек. Вы не представляете, как это нас нервировало и как заводило террористов и Бараева». «По радио говорят, что специально для заложников, находящихся на Дубровке, передаем песню «ДДТ» «Последняя осень». Мы просто обалдели!» [7].

В романе Юрия Козлова «Колодец пророков» персонажи размышляют над тем, что именно «малые» народы были преимущественным местом обитания имперской идеи, с крушением которой они из опоры превратились в геополитический гексоген. «Малые народы, объяснил генерал Сак (читай: Дудаев. – А. Л.), могли, несмотря на пролитую кровь и доставленные им русскими страдания, разделять судьбу царской и советской России в ее величии, но никакая сила не заставит их разделить судьбу нынешней (неизвестно какой) России в бесчестье и позоре».

– Как можно жалеть народ, который не знает, что ему надо, и умирает ни за что? – размышляет один из боевиков Сака. Последнего, кстати, до последних дней не оставляют мечты стать

президентом восстановленного СССР. Но истинно «толстовское», отмеченное печатью своеобразной художественной «дедовщины» издевательство автора над генеральской пилоткой, которая, несмотря на все ухищрения носителя, разъезжается, напоминая «столь часто обсуждаемую и поминаемую в войсках часть женского тела», явно опровергает амбиции данного персонажа.

В связи с последними событиями на Кавказе ничего не остается, как констатировать почти буквальное угадывание писателем, поверх прототипа, имени основного кавказского трикстера – Са-ак, вместо пилотки жующего перед телекамерой галстук.

Значительным явлением КТ стала повесть молодого писателя (финалиста премии «Дебют» 2006 года) А. Скобелева «Паратофф». Один из персонажей, напоминая героя кавказского очерка Лермонтова – представитель типа современного ландскнехта «элитных войск» – «свободный журналист Костомаров, промышленяющий в Чечне по разным линиям фронтов. «Таких как я адреналинщиков вообще-то много было, и главное не боялись, что в рабство возьмут, те, кстати, уважают таких свободных джигитов, чувствуют, что терять нам нечего, к себе зазывали, некоторые уходили к ним...» [8].

Именно в его уста авто влагает представление картины бойни и Большого Чеченского Пленения. «Надо сказать этих д...в было за что брать. Это ж какие куриные мозги надо иметь, чтоб патроны на мясо менять, потом эти пули в лоб себе получать, или колеса от бэтээр загоняли, а потом из засады не могли уйти. Их обычно продавали на базарах, чтоб батрачили до изнеможения. Убивать не убивали, по крайней мере у Рустама в отряде, он этих дел не любил, он же учителем труда был в школе, говорил, я своих учеников не убиваю, а вот за дурость их пусть отрабатывают».

У Костомарова все же пробуждается что-то, похожее на совесть, когда он вспоминает о встрече с несгибаемым солдатом, настоящим кавказским пленником, получившим в плену кличку «Трофей». «Я тогда-то и задумался о своей паскудности, понял, в чем его сила была, и моя слабость. Конечно, я весь из себя свободный был, войну в себе переборол, только корней у меня не было, на все два мнения противоположного имел, а своего – хрен, и ничем я не изменился там, как был амебой так и остался, разницы никакой, что в Москве бухать, что в Чечне по горам прыгать. Вся разница между мной и Субботиным этим в том и была, что он у стенки смотрел бы в дуло с презрением и усмешкой, а я с пустыми глазами...».

То, что «рекламному» авторскому герою, разработавшему концепцию нового сорта водки «Паратофф», явно в честь (анти) героя «Бесприданницы» А. Островского, кажется абракадаброй (кавказское имя-отчество хозяина алкогольного предприятия сливается в «шимиротактыч», как «ефраншиш» в «Петербурге А. Белого, или странной прихотью (пиво «Трофей, бренд которого приходится раскручивать), выстраивается к концу произведения в связное целое.

«Из искры “рекламоборчества” разгорится “сдвиг парадигмы” в общественном сознании», – считает канадская журналистка Н. Кляйн, автор книги «NO LOGO. Люди против брендов» (М., 2003). В эпоху первоначального накопления капитала в Англии «овцы съели людей». Теперь изображенный на ярлыке одежды метафорический, аллегорический аллигатор вырастает до таких размеров, что поглощает блузу, на которой вышит. Благодаря системе массового обращения к целому поколению (в том числе к самым обездоленным слоям этого поколения), возникают брэнды-люди и брэнды-нации ходячих рекламных щитов, племя глобальных тинейджеров-кочевников, осуществляющих в однородном рынке культурный взаимообмен. И эта глобальная армия подростков-клонов марширует в глобальный супермаркет. «Корпоративное пространство, – полагает Н. Кляйн, – представляется подобием фашистского государства, где все мы отдаем честь логотипу и почти не имеем возможностей для критики, потому что наши газеты, телеканалы, Интернет-сервис, уличные и торговые пространства сплошь контролируются транснациональными корпорациями и обслуживают их интересы» [9].

«Трофей» – трагически-«удачный» бренд самой России, но ставший невольным участником его рождения Субботин, из которого новые мафиозные хозяева пытаются сделать киллера, не стал покорно нести этот рекламный щит. Кавказский пленный от Скобелева, уже теряя сознание после «контрольного» выстрела и последним сверхчеловеческим усилием проникая в сознание любимой девушки, вносит в мировую критику бренда свою стилистическую специфику: «Каждая марка – это как деньги, деньги обеспечены золотом, а марка обеспечена человеком. Есть человек – есть марка, нет человека – марка погибает, понимаешь, о чем я, ты не просто руководишь процессом, ты обеспечишь марке жизнь, как называли твой бренд, анита его называли, и даже не думай, что все придумали с твоим приходом, все было придумано до тебя, они нарисовали образ марки и уже искали конкретного человека, понимаешь, они нашли тебя, со мной

было по другому, я все еще в плену, меня продали аслану, кличка у меня была трофей, вот аслан и решил свое пиво трофейным назвать, понимаешь, это страшные люди, анечка, маленькая моя, у тебя еще есть время смотаться от них, все не то кругом, пойми, из тебя выжимают по-немногу, потом ты окажешься на моем месте, ты станешь брендом, как и все остальные, ты их видела уже, у них глаза стеклянные, они не чувствуют ничего, я сопротивляюсь, со мной сложнее справиться...».

В романе «Паратоф» кавказская проблема, прежде всего проблема Чечни, представлена как проблема внутреннего состояния и теневого устройства самой России, что на новом художественном уровне экстраполирует КТ на всю Россию.

В заключение приведем стихотворение Д. Колчина, также обращенного к актуальным архетипам Кавказского текста в русской культуре:

«Давай сегодня выпьем за Кавказ»,—
Знакомый лейтенант промолвил.
Коньяк – в стаканы. Хлопнули на раз.
Кафе не различало молний
Усталых, значит, было в аккурат.
Накатываем так по новой.
«Они по нам лупили из засад,
А мы их – в ничего! – ковровой...»

* * *

Подумал я, прикинув оком:
«Конечно, охрененно старый
Расклад...», потом стаканчик опростал.
Летеха намахнул ответный...
И мне вдали казался пьедестал.
А другу – Алхан-Юрт предсмертный...

Согласно О. Фрейденберг [10] – при оформлении первобытного мировоззрения в солярно-загробных мифах борьба героя со смертью часто заменяется актом укрощения или его соединения с героиней, женщиной, символизирующей смерть. Структура Кавказского текста в целом во многом продолжает совпадать с сюжетами античных мифов о Тезее и Ариадне, Ясоне и Меде. Всем им помогала пройти испытание и освободится героиня-спасительница из вражеского мира (Тесею – Адиадна, Ясону – Медея). Архетипы КТ, видоизменяясь (несмотря на тенденцию превращения спасительницы в жертвенную убийцу-шахидку, т.е. в массовую, мстящую и умножающую свою месть на московские «множествам» медею).

Использованная литература:

1. Поль де Ман Слепота и прозрение. СПб., 2002. С. 15.
2. *Делёз Ж.* Критика и клиника / пер с франц. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина; послесл. и примеч. С. Л. Фокина. СПб., 2002. С. 36-38.
3. *Шмулевич А.* Поколение Джихада против поколения Пепси // Нахский журнал [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.teptar.com/2007/09/28/jihad_vs_pepsi.html. (Дата обращения: 13.06.13).
4. *Овруцкий А. В.* Песни чеченского сопротивления (дискурсивный анализ текстов песен Т. Муцураева) // Южнороссийское обозрение. Собрание трудов. Вып. 33. Ростов-на-Дону, 2006. С. 48.
5. *Алексеев А.* Эстетика террора [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.specnaz.ru/antiterror/180/>. (Дата обращения: 13.06.13).
6. *Римский В. П., Борисов С. Н.* «Человек террористический». Девальвация пространства в глобальном террористическом проекте // Провинция и столица: центробежные и центростремительные процессы духовной эволюции культуры: матер. Всерос. науч. конф., посвященной 130-летию Белгородского ун-та (г. Белгород, 22-24 мая 2006 года). Белгород, 2006. С. 74.
7. *Тополь Э.* Роман о любви и терроре. М., 2003. С. 198.
8. Пленники надежды: Повести. М.: Независимая литературная премия «Дебют»; Международный фонд «Поколение», 2008. 464 с.
9. *Кляйн Н.* NO LOGO. Люди против брендов. М., 2003. С. 247-248.
10. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1998. С. 82-86.

О ЕДИНСТВЕ СУБСТАНЦИИ И ОБЩНОСТИ ПУТИ

В статье сделана попытка сформулировать единый взгляд на онтологию вечного вопроса о месте и роли человека в становящемся бытии. Достижения естественных наук способствуют сближению взглядов различных школ на данный вопрос. В статье рассматриваются отношения душевных явлений и разума, подчеркивается возрастающее значение разума в процессе формирования человека социального из человека разумного.

Ключевые слова: субстанция, становление, эволюция, знание, чувственное, душевное, мыслимое, человек, разумный, социальный.

The paper attempts to formulate a unified view of the ontology of the eternal question of the place and role of human beings in becoming existence. Achievements of science contribute to a convergence of views of different schools of the question. The article examines the relationship of psychic phenomena and mind, highlights the increasing importance of the mind in the formation of human social Homo sapiens.

Keywords: substance, formation, evolution, knowledge, sensory, emotional, conceivable, man, sensible and social.

Европеец: – У человека нет выбора, он должен остаться человеком.

Индиец: – У человека нет выбора, он должен стать человеком.

Из беседы Востока с Западом

Великие творцы Упанишад, достопочтенный М. ибн Араби и очарованный гармонией бытия Б. Спиноза независимо друг от друга признали единство субстанции как принцип существования бытия. Ее разнородность не столько разделяла ее элементы, сколько способствовала объединению разных «монад» и воспроизводству новых и более содержательных соединений и сплавов, сил и явлений, которые независимо от их сложности также называются субстанцией или материей. В частности, и человек есть пример субстанции.

Мысль о единстве субстанции означает не только ее единичность и множественность. (Не стоит в небольшой статье вспоми-

* ШИХИЕВ Шукур Бабаевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информатики Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Россия (e-mail: sh_sh_b@mail.ru).

SHIHIEV Shukur B. – Ph.D Candidate (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Informatics of Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia (e-mail: sh_sh_b@mail.ru).

нать перипетии споров Парменида с афинянами по поводу этих категорий). Субстанция едина и самодостаточна своей способностью взаимодействия всех ее сил, элементов и конструкций. Эту мысль следует пояснить на примере.

Сегодня трудно найти человека, не знакомого с цифровой техникой. Все, что мы видим на экране монитора и слышим из динамика, все наши команды компьютеру и его реакция и ответы, – все это есть проявления одной единственной субстанции – электрической энергии, обузданной, разумеется, другой субстанцией, в данном случае твердыми материалами, способными хранить и перемещать ее из одного места в другое. Одна сила не может творить, должна быть вторая, способная сопротивляться первой. В таком взаимодействии друг с другом они смогут сотворить нечто новое и сложное. А какие чудеса творит сила электрической энергии благодаря этой кооперации!

Ветви дерева едины общим стволом. Единство субстанции в нашем примере означает то, что при дальнейшем дроблении и расчленении электрической энергии и материала, хранящего и проводящего ее, обнаружится в них немало общих и родственных элементов. Как же иначе? Их взаимодействие означает их родство. Далее этот принцип обобщается: если продолжить процесс деления и идентификации материи, то можно прийти до той самой тонкой энергии, первопричины, Абсолюта, монад и т.д., которые под разными именами означают одно и то же множество первичных сил, способных к самореализации в форме становящегося бытия.

Единство субстанции предполагает использовать аналогии как индуктивный метод обобщения и обоснования явлений бытия. Например, обнаружить в соляной воде субстанциональную связь между солью и водой.

Субстанция в своем становлении достигла такого уровня самоорганизации, что она, в нарушение второго закона термодинамики о возрастании энтропии (беспорядка) в мироздании, превратилась в уникальную структуру в виде живой клетки, способной осуществлять физико-химические преобразования атомов и молекул, совершать различные механические движения, поддержать свое существование и воспроизвести себе подобные объекты. Весь этот театр становящегося бытия, поставленный эволюцией, остался бы без зрителей, если бы в клетке не были реализованы уникальные возможности субстанции ощущать свое состояние, запоминать его и воспроизводить. Так получилось, что в каждом человеке идет одна и та же постанов-

ка с единственным зрителем – сознанием самого человека. Никто иной не может на нее взглянуть.

Ложное представление человека о том, что он, точнее, клетки его тела (рецепторы) ощущают внешние предметы, основано на том, что причиной появления ощущений являются те самые предметы внешнего мира. Внешняя сила приносит изменения в рецепторы или в ощущающую субстанцию, отклоняя некоторые ее атомы и молекулы от равновесного состояния. Это отклонение собственного состояния от обычного и ощущается в самой субстанцией. Нечто подобное имеет место, если медный стержень греть с одного конца. В середине стержня встречаются разные значения тепловой энергии. Взаимодействие тепла и холода в молекулах живой клетки провоцирует ощущение разности температур.

Ощущения приукрасили жизнь клетки и ничего более. Но их ожидало бурное будущее благодаря другой субстанции – памяти, в которой значение ощущения может сохраниться. Например, в памяти могут сохраниться различные значения (сладость, горечь и т.д.) ощущение вкуса. При повторном ощущении вкуса, например, кислого, он вступает в контакт с кислым в списке хранимых в памяти значений вкуса. Это явление также ощущается уже третьей субстанцией, и оно известно нам, как распознавание или узнавание. Узнавание – это оживление ощущений определенной области памяти. Ощущение, вызванное узнаванием, есть знание.

Приведенное выше конструктивное описание ощущения, памяти и знания можно реализовать в виде аналитической машины и обосновать экспериментально многие положения психологии.

Далее, качества предмета, раздельно вступившие в соответствующие органы чувств человека (перцепция), обратно объединяются, то есть, осуществляется апперцепция. Кант полагал, что апперцепция разных качеств (ощущений) становится возможной по причине одновременности этих ощущений. Ощущение протекает на уровне тонких энергий, которые меняются и проявляются дискретными порциями, квантами. Кванты ощущения фиксируются субстанцией времени, как последовательность однородных импульсов, разделенных паузой. Самое простое по содержанию ощущение: после паузы – квант, после кванта – пауза. Оно и есть ощущение времени. Оно и образует стержень любого ощущения. Иные ощущения отличаются от ощущения времени тем, что в них кванты окрашены в качества, например, красный, синий, сладкий и т.д.

Поэтому каждое из двух ощущений, например, рык льва или движение его челюстей, имеют нечто общее – ощущения времени. В субстанции времени они пересекаются, два ощущения – движение челюстей и рык льва – соединяются, образуя представление из двух ощущений. Таким образом, если лев открывает пасть и издает звук одновременно, то эти два ощущения накладываются друг на друга в субстанции времени. То есть, на оси времени они встречаются, и данное явление может стать основанием апперцепции этих двух качеств. Кант писал о природе времени и его роли в апперцепции еще тогда, когда не было квантовой механики.

Аналогично при движении части тела, например, руки по поверхности тела неоднородные «кванты» осязания участвуют в формировании не только ощущения времени, они сопровождают движение моторных клеток, становясь для них ощутимой единицей измерения. Ощущение механических движений клеток фиксируется в субстанции восприятия протяженности в пространстве.

Аналогично присутствие в каждом ощущении специфической субстанции или признака со значениями приятное и неприятное могло стать причиной формирования памяти, воспроизводящей явления желаемое и нежелаемое, то есть, явления души.

Приведенное выше толкование известных категорий должно укрепить нашу веру в то, что синтетические знания, объявленные Кантом врожденными, настолько априорны, насколько мы способны понять их источник и механизмы становления.

Подобные споры о единстве и различиях между терминами и учениями имеют место в философии и сейчас. Философствовать значит мыслить, строить или сочинять знания, используя язык. Когда знание активизируется и становится элементом сознания, оно называется мыслью. Осознать – значит ощущать. В органах чувств сосредоточены не все ощущения, которые доступны сознанию. Мы ощущаем не только голод и жажду, но желания и страхи, мечты и свои представления.

Следовательно, мысль есть знание в реальном времени. Как сознаваемое явление, мысль должна ощущаться сознанием. И ощущение, по определению, есть знание и мысль. А знание, выраженное словом, мыслится словом, то есть, ощущение звучания и графики данного имени становится суррогатом того ощущения, которое было вызвано чувственным знанием, обозначенным этим именем. Ощущение знания представляет со-

бой его обоснование и истинность. Ясность ощущения знания есть ясность соответствующей мысли.

Знание можно представить себе таким образом. Например, читая слово «дом», мы в первую очередь четко ощущаем зрительно три символа, образующие это слово, и только потом, возможно, но более туманно, образ какого-то дома и некоторые ощущения, связанные с этим домом. Таким образом, мысль для нас есть сочетание двух различных ощущений: ощущение слова и ощущение образа.

Соотношением образа и слова в мысли определяется источник, форма и способ обоснования очевидности или истинности знания. Даже великие мыслители отличались друг от друга тем, что для них являлось более весомым основанием для признания истинности знания – само явление и его образ в памяти или имя явления и, связанная с ним воображаемая идея. В зависимости от этого ясность мысли опиралась на ощущения: частично самой мысли, частично ее имени. В первом случае их называли сенсуалистами и материалистами, а во втором случае – рационалистами и идеалистами. Поэтому, взгляды на основание истины, полученные философом от природы, – как цвет волос и форма носа, не следует считать его личной ошибкой и заблуждением по неосмотрительности. В принципе, нет никакого заблуждения, ибо выбор источника веры в достоверность знания зависит от нашего понимания природы знания. Каждый из нас пользуется обоими способами. Когда ищут черного кота в темной комнате, мы предпочитаем верить в ощущения; когда ищут сумму двух шестизначных чисел, мы верим абстракциям. И все они верны, ибо воспринимаемый предмет одновременно находится на различных уровнях восприятия и в форме различных знаний.

И. Кант в «Критике чистого разума» указывал пять уровней представления знания от чувственного до трансцендентного [1]. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Для Локка, Беркли и Юма центр тяжести знания лежал ближе к чувственному миру, а для Декарта, Спинозы и Лейбница чувственность из содержания знания давно исчезла, и оно состоит из абстрактной идеи.

Следует отметить достижение европейской мысли XX века в лице феноменологии, которая выступила в поддержку права абстрактных идей на частную жизнь в пределах индивидуального сознания.

В истории и культуре различных народов можно наблюдать различия в восприятии этносом чувственного знания и образов.

Абстрактные понятия европейской метафизики в индийской философии употребляются как собственные имена, ибо для них еще «слово было Богом», а народу Индии душевные явления были более интересны, нежели тело, лишенное души. Поэтому оно у них и сжигалось для утилизации. Принцип единства субстанции в индийской философии отождествляет Бога с человеком. И человек стремится стать богом, а не находиться вечно на его иждивении.

Иное отношение к телу и материи вообще было у египтян, в сознании которых чувственное знание имел более высокий рейтинг, нежели душевные переживания. История древних греков указывает на то, что образы внешних предметов и явлений, то есть мысль, занимала в их сознании активные позиции. Три различные информационные системы внутреннего мира человека или три формы знания – чувственное, душевное и образное – в разной степени проявляют себя в сознании разных людей. Эта особенность человека может передаваться по наследству, распространяться и стать характерной чертой целого народа.

Известно, что в разные периоды жизни человек может оказаться во власти душевных страстей и предаваться чувственным удовольствиям или проявить благоразумие, раскаяться за прошлые грехи и держать душу под присмотром разума. Из такого психологического типа вырастает праведник или пророк.

Одно из опасных заблуждений современной психологии заключается в том, что в ней полномочия трех форм знания – чувственного, душевного и образного – должным образом не разграничены, иерархические отношения между ними не выделены, переплетения души и рассудка не замечаются. Игнорирование особенностей формирования различных форм знания вводит в заблуждение, а когда искаженное знание определяет житейское поведение человека, оно наносит огромный вред в первую очередь его психике.

Остановимся на одном из правил формирования знания. Есть такая поговорка: если человека, всю жизнь строящего дома и мосты, однажды обнаружат за дурным делом, то строителем его называть не будут. Или для плотника топор есть инструмент с острым лезвием, а для доярки топор – просто железка с деревянной ручкой. «Неухоженный» топор воспринимается плотником как недоразумение, и он не изменит образ топора в его сознании. Аналогично, доярка будет приятно удивлена, отрубая ветку сирени топором плотника, но, оставаясь при своем мнении о топоре.

Для плотника топор хорош как инструмент для выполнения определенного вида работы. Для доярки он хорош как тя-

желый предмет, чтобы забивать кол на поле. Для музея топор интересен своей историей. Для коллекционера драгоценностей его золотой топор важен стоимостью.

Нужно заметить то, что разные правила были использованы при формировании образов топора и человека (строителя). Ибо в образе топора нас объективно интересует его острота, а к образу человека большинство людей нацелены «прикрепить» качества по целесообразности. Единичный, но впечатляющий факт, может стать основным значением качества. Мы так устроены, что пользуемся этим правилом, когда формируем свой личный образ. Основанием для использования различных правил служит наше желание быть лучше других.

Если человек хочет быть о себе хорошего мнения, то он найдет и исполнит пару добрых деяний в пять лет один раз, и это станет для него достаточным основанием его добродетельности на все времена. Или же пир, устроенный «главой» для администрации, говорит о его щедрости, а разворованный бюджет и обескровленное население – признак смелости и управленческого дара.

Иначе говоря, из актов собственного поведения или из мира чувственного знания отбираются некоторые для формирования знания следующего уровня – общего мнения о себе. Мнения о себе должно быть хорошее, по этой установке делается выбор фактов из деяний. Так мы строим свой мир.

Добрая душа приписывает собственный характер и миропонимание всем живущим на земле людям. Злая душа найдет основания видеть злодея в других. После подобных искажений, которым рассудок подверг свои представления, можно не удивляться тем ужасам, которые случаются между людьми в реальности.

По нашему мнению, еще не сделан тот решающий шаг в понимании структуры и механизмов формирования и функционирования той информационной системы, которая определяет ценности конкретного человека, следовательно, и поведение его. Только некоторые из гениальных писателей в своих произведениях деликатностью художественного слова затрагивают эти проблемы, ибо они касаются интимных сторон жизни человека. Под деликатной пленкой интима находится пласт неприличия и бугры безобразия. Сколько лицемерия и сколько предубежденности в помыслах и поведении человека, прикрывающего свое тело и душу от взора посторонних? Тело прикрывает человек от взора посторонних, несмотря на знание анатомии всеми нами. Душу свою прячет человек от собственного

умозрения. Он желает оставаться в неведении по отношению к своему животному миру. Он знает немало о животной природе других людей и признает недостойными многие страсти души. Дьявольские качества человеческой души стали помехой для жизнеспособности не самого человека, а социума. То есть, для социума стало вредным то качество, которое было полезным для тех объектов, из которых состоит сам социум.

В самом человеке оказалась и иная сила, притягивающая людей друг к другу. Социум стал той средой, в которой столкнулись две противоположные силы любви и ненависти человека к человеку. Согласно закону триады Гегеля где-то должна была быть третья сила, синтезирующая первые две. Сегодня нет сомнения в том, ею является разум. Сочетание ненависти и ума стало причиной катастроф в социуме. Этот союз помог сапиенс уничтожить более дружелюбных неандертальцев. Союз животной страсти с воинствующим рассудком, который называется безрассудством, стал терзать социум, а точнее говоря, другую половину души человека, которая желала себе покоя, добра и любви. Тысячелетние страдания убеждали сознание людей в формировании противовеся безрассудству – нового союза любви и разума, творящего добро. Добро и зло в разуме находят соприкосновение. Зло невозможно уничтожить, оно, как и добро, суть нашей души. Единственное, что можно сделать – повысить статус добра в сознании человека. Для сравнения деяний добра и зла у человека имеются весы – это его разум. Перенаправить усилия ума на добрые дела так же нелегко, как менять русло большой реки в глубоком каньоне. Все религии и этические учения пытаются решать именно эту задачу.

Но, этика по сей день не решается объявить о сущности души нечто подобное, что дарвинизм сказал про происхождение человека. Имам Х. Газали позволил себе писать о том, что ежедневное созерцание человеком результатов его жизнедеятельности убеждает его в совершении омовения пять раз в день. К деятельности души своей человек относится иначе. Он использует рассудок для маскировки нечистот своей души. Сам факт обнаружение их сознанием считается злом против этики. Не потому, что они противны, а для того, чтобы сохранить их при душе как тайное оружие.

Разве не очевидно, если запретить человеку трогать грязь руками, а душу умом, то останется он навеки немытым и грешным. Ни чувства-осведомители, ни душа-хранитель переживаний не могут быть надежным путеводителем. На эту роль может претендовать только трезвый разум.

Основная причина тому – слабость ума, которая наблюдается и в науках: в философии, в психологии. Бытие – одно, а противоречащих друг другу мнений о нем – много; ибо человек строит окружающий его мир по своему подобию. Поэтому у разных народов разные миры, в том числе, разные представления о самом человеке.

Индийская философия отличается глубиной и широтой охвата основной проблемы бытия человека: о его месте и роли в эволюции субстанции. Та деятельность, которая осуществляется человечеством в поиске правильного пути перемещения по ступенькам эволюции, означает только то, что разум стал доминирующей силой, определяющей пути усовершенствования субстанции. Ему предшествовала в этой роли душа, ее страсти и страхи предопределили пути совершенствования млекопитающих и приматов. Эта эстафета перешла душе от чувственного знания. Все три силы представляли собой информационную систему, многие навыки нужны животному в миг его рождения. Структура и масштабы этой системы таковы, что они формируются по божьему замыслу или по программе ДНК. В частности, способности ощущать, переживать и говорить человек получает при рождении и теряет после смерти. Следовательно, душа, как огромный арсенал знаний, обнаруживающаяся в теле человека и покидающая это тело, должна где-то формироваться и храниться до слияния с телом. Так рассуждал человек. Индусы считали, что души не возникают в ином мире и не исчезают. Они материализуются вновь и вновь. Эта была фантастическая догадка, подтвержденная генетикой через тысячелетия. Известно, что информационная спираль ДНК при определенной энергетической поддержке извне размножается, достраивается и превращается не просто в живой организм, а в поле (кшетра) битв.

В последней главе первой части романа «Воскресенье» Л.Толстой указывает на одну важную особенность души: «Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских...» [2], но одно и то же качество в разной степени проявляет себя в разных душах, определяя их индивидуальность. От особенности души зависит характер событий, происходящих в ней.

Каждая глава в «Бхагавад Гите» посвящена одному качеству внутреннего мира человека. Глава 13 [3] посвящена теме противостояния, главными действующими лицами которого являются само поле; противоборствующие на этом поле силы и судья поединка. В «Бхагавад Гите» названы имена всех объектов и явлений, участвующих в жестоком столкновении души и разума.

От правильного расчленения и разделения функций каждой службы внутреннего мира человека зависит успех исследования и истинность знания о данном предмете. Кроме трех форм знания: чувственного, душевного и мыслимого человек обладает еще двумя способностями: совершать движение различными частями тела и осознавать первые четыре способности и управлять ими централизованно.

При всей своей мудрости Сутры и Упанишады, по нашему мнению, не выделяют должным образом среди названных ими сил главную или их равнодействующую, которой предстоит умиротворить человека.

Это тема отдельного рассмотрения: о взаимоотношениях души и разума. Разум выявляет и выставляет истину. Он методично и согласно своей конституции и законодательству одно за другим предъявляет к явлениям душе свои требования. Работа у него такая. Разум способен только призвать душу к порядку. Разумеется, только обширная и прочная сеть знаний способна соединить и склеить, выравнивать и освободить от противоречий рассудок, много веков обслуживающий противоречивые интересы души. Разуму стыдно за свое детство, то есть, за рассудок, попраный страстями души. Душа, оказавшись под лучами разума, либо растает в межклеточном пространстве, либо укроется под панцирем, или сгорит вместе с телом и разумом. Это уже тема для отдельной статьи. Убедительным основанием для такой статьи является индийская философия. Ибо, отдавая дань успехам европейского рационализма, следует признать более объективное и глубокое понимание сути человеческой души в памятниках индийской культуры по сравнению с тем, что сделано в этой области в философии и теологии других народов.

Использованная литература:

1. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. С. 52-71.
2. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в 12-ти т. Т. 11.: Воскресение. М.: Госиздат. Художественная литература, 1959. С. 206.
3. Бхагавад Гита. М.: РИПОЛ, 2009. 480 с.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК МИРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Автор, рассматривая отличительные особенности индийской культуры, приходит к обоснованным выводам, что должен измениться подход к изучению и западной, и русской, и индийской культуры с традиционного западного, задействующего только интеллект, на всеобъемлющий духовный.

Ключевые слова: национальная культура, индийская философия, религиозность, духовность.

The author, considering the distinctive features of Indian culture comes to reasonable conclusions that must change approach to the study and western and Russian, and Indian culture with traditional Western, employs only the intellect, to the comprehensive spiritual.

Keywords: national culture, Indian philosophy, religion, spirituality.

Сарвепалли Радхакришнан в своей знаменитой двухтомной работе по истории индийской философии писал: «Если индийские мыслители соединят любовь к старому с жаждой истины, будущее индийской философии может стать таким же славным, как и ее прошлое» [1]. Говоря о прошлом и настоящем, мы всегда должны смотреть в будущее. Так же как, говоря о любой национальной культуре, мы должны всегда иметь в виду общемировую культуру, частью которой она является, в которой выполняет свою важную роль и вне которой она отчасти теряет свое значение.

Любая национальная культура при самозамыкании обречена на вырождение. Мы в той степени знаем свою культуру, в какой знаем культуру других народов, в какой открыты для других культур. Чем более мы знакомимся с культурами разных стран, тем более наша собственная национальная культура раскрывается в совсем неожиданных ракурсах, открывая свои еще более яркие и сочные краски и более глубокие смыслы.

* ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Российского института культурологии, г. Краснодар, Россия (e-mail: gutsalov_alex@mail.ru).

GUTSALOV Alexander A. – Ph.D. Candidate (Philosophy), Senior Researcher, Department of Expert Advisory Activities and Issues of Heritage of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Krasnodar, Russia (e-mail: gutsalov_alex@mail.ru).

Каждая культура включает в себе различные составляющие: социальную, географическую, техническую, языковую, политическую, экономическую, философскую, религиозную, эзотерическую, психологическую и др., а также духовную. Национальное своеобразие определенной культуры состоит в неповторимости узора выдвигающихся на первый план культурных составляющих и в их своеобразии. Духовная составляющая в отличие от всех других имеет универсальное значение. Она придает культуре именно человеческий характер. В Индии на первом плане всегда стояли вопросы духовного самосовершенствования. Духовная составляющая культуры открывает универсальный характер культуры человека, призванного раскрыть истинный смысл своего существования, а также существо и содержание пути к его реализации. Изучение иной культуры неизбежно акцентирует наше внимание на тех сторонах, которые находятся в ней в центре внимания. Поэтому изучение индийской культуры не индийцами неизбежно сдвигает акценты внимания в сторону духовных вопросов. И это смещение акцентов помогает лучше понять свою культуру, через выявление, прояснение для самих себя и понимание ее глубинного духовного смысла.

Фундаментальные основания индийского подхода выстраданы многими тысячелетиями. Они не результат жизни тех, кто натренировал интеллектуальные мышцы и выдвигает те или иные доктрины, сегодня доказывая одно, а завтра – другое. Они – результат тяжелой духовной практики многих лиц, достигших просветления.

Величие индийской философии заключается в постоянном соотношении интеллектуальных размышлений с целью жизни, с опытом переживаний этой цели. Цель – не нечто чисто интеллектуально выстроенное, а именно имеющее место в реальном опыте переживания, в котором достигнутое приносит чувство полного удовлетворения. В этом смысле можно сказать, что истина переживаема и нелогична, в том смысле, что недостижима простой или сложной логикой рассуждений. Логика может лишь расчистить пространство души, чтобы открыть дорогу для достижения переживания истины. Истина не нечто высказываемое, не связка «субъект-предикат». Истина – это опыт переживания полного растворения своей ограниченной индивидуальности в опыте тотальности. Почему такого рода практические вопросы ушли из системы современного гуманитарного знания? Потому что цели подменены сознанием, которое

отказалось от духовности. Духовность незаметно подменили религиозностью и связали ее неразрывно. Религиозность предлагает путь к обретению себя через совершение ритуальных действий, через обряды и принятие на веру определенных догматов. Духовность предлагает путь к обретению себя через духовную практику, которая может полностью лишена религиозного характера (догматичности, ритуальности и обрядовости). Религиозность может быть лишь элементом в подлинной духовной практике, но вовсе не определяющим ее существо. Индия со своим многотысячелетним багажом знания, заключающего в себе мощный духовный заряд, способна вернуть нам эти сугубо духовные цели. И не важно, следует ли Индия в наше время этому своему предназначению или нет. Духовный авторитет прошлого Индии столь велик, что для остального мира она связывается с ним неразрывно.

Мы должны признать духовное достоинство культуры Индии, но вовсе не для того, чтобы впасть в очередное возвышение одной культуры над другими, а для того, чтобы с этой помощью обратить внимание на духовную составляющую своей национальной культуры и раскрыть ее смысл. На основе такого подхода сознание, которое возвышает одних и принижает других, становится несостоятельным. Проявления сознания, зараженного вирусом колониализма, в каких бы формах оно не проявлялось – европоцентризм, американизм, африканизм и т.д., – сводятся на «нет» при понимании общей духовной основы всех национальных культур. Если хотите, Индия продолжает в этом смысле ненасильственную борьбу против колониализма своей тихой проповедью духовного отношения к жизни.

Радхакришнан в предисловии к русскому изданию «Индийской философии» пишет, что главный принцип индийской философии «заключается в том, что высшим назначением человека является согласованное развитие различных сторон его природы – тела, ума и духа. Простого физического развития или интеллектуальной гибкости еще недостаточно. Целью стремлений человека должно быть духовное совершенствование» [2].

К сожалению, на Западе получил распространение подход, который можно было бы назвать анатомическим, который разделяет культуру и человека на отдельные составляющие, чтобы изучать их по отдельности. В медицине при лечении человека это проявляется в лечении отдельных органов вне их связи со всем организмом. В философии это проявляется как чисто умозрительное занятие вне связи с практикой. Да и человек в чисто

интеллектуальном представлении лишен единства. Человек понимается как эмоциональное, психическое существо (предмет психологии), как носитель языка (предмет лингвистики), как существо воспринимающее, чувствующее, творческое (предмет искусствovedения и эстетики), как интеллектуально познающее существо (предмет философии), как существо моральное (предмет отдельно стоящей этики), как существо политическое (предмет политологии), как существо социальное (предмет социологии), как существо верующее (предмет религиозных богословских идеологий). И нет ни одной науки, которая бы изучала человека в его целостности. Наоборот, проблемы отношения этих составляющих, к примеру, противопоставления веры и знания, до сих пор актуальны. Мы видим, что даже философия, призванная к целостному изучению человека и культуры, также последовала этому анатомическому пути. Как раз Индия с ее многотысячелетней практикой изучения человека не отходит от принципа целостности ни в медицинских науках, ни в философии, ни в религии. Поэтому эти разные с точки зрения западного мыслителя философские, религиозные, мистические, эстетические, этические, психологические, медицинские и т.д. подходы и именуется одним словом «Веда» (Знание). Индийская философия и культура может помочь заблудившемуся человечеству вернуть цель (истину), найти дорогу к цели на основе целостного подхода к изучению культуры и человека, вернуть человеку человека и его культуру.

Цели изучения культуры какой-либо страны могут быть разными, и в зависимости от преследуемой цели результаты этого изучения также будут различными. Если мы обращаемся к культуре Индии, как обычно обращаются к любой другой культуре, то мы изучаем персоналии, различные культурные явления, выявляем скрытый смысл, соглашаемся или спорим с выводами. При таком подходе мы удовлетворяем нашу потребность любознательности. Также мы можем посмотреть на влияние этой культуры на культуру других стран и увидеть ее и в текстах древнегреческой культуры, и в работах неоплатонизма, и в творчестве Фихте, Гете, Гегеля, Шопенгауэра, Гуссерля и т.д. Но откроем ли мы эту культуру таким образом?

Для чего мы изучаем культуру Индии? Для чего мы изучаем культуру вообще? С целью выявить своеобразие и исключительность форм? С целью показать оригинальность философских и богословских систем? С целью выявить иную систему терминов, с помощью которых выражается данная система

философии или религии? Этим мы до сих пор занимались. И это, хоть и удовлетворяет любопытство любознательных людей, удовлетворяет запросы государства в области международных отношений, но это не то, ради чего нужно активизировать этот процесс взаимного изучения наших культур. На основе такого подхода мы будем продолжать выстраивать структуру мало связанных и самодостаточных культур, оказывающих друг на друга «определенные влияния», и этим ограничиваться. В результате человечество представится в очередной раз не как человечество, а как набор разных специй в отдельных банках. Их можно смешать, но это вовсе не обязательно: их можно использовать и по отдельности, а можно и вовсе не использовать. Этот взгляд, согласно которому культуру отдельной страны или целого региона можно изучать в отрыве от изучения культур других стран и на этой основе ее значимость для мира, можно назвать генномодифицированным. И в результате получается однородная масса генномодифицированных культур. Пример этого-то, как мы изучаем европейскую философию и культуру: как самодостаточную. Хотя трудно себе представить большую степень подверженности влиянию со стороны культур и философий всех народов, которые европейские народы в свое время колонизировали, чем это происходит в европейской культуре.

Но человеческая культура имеет один общий для всех культур ген. Этот ген – ген собственно культуры, ген творческого выражения заложенных в человеке способностей строить, выражать радость в движении тела, в звучании голоса, изливать чувства в поэтическом слове или красках живописи, погружать в самопознание и познание окружающего мира в философии и богословии. И этот ген – общий для всех народов, потому что мы все – люди, не китайцы, не русские, не индийцы, а, прежде всего, люди. Каждый народ имеет свои привычные формы, свои понятийные и языковые системы. Он по-разному выразит эти человеческие чувства. Но это те же самые чувства, те же самые устремления человека к счастью и радости. Если мы не выявим эту изначальную основу для изучения культуры Индии, России и других стран и народов, то мы также застрянем на проблеме радикального различия «наших и чужих» понятий и терминов, образов и ритуалов, характера мышления. И как следствие, погрязнем во внешних формальных различиях и противопоставлениях. И человеческая культура как таковая в очередной раз ускользнет из наших рук. Мы будем видеть за ней индуса или русского, которых при благоприятных условиях можно

унизить и завоевать, культуру которых можно опошлить и не принимать во внимание многие века. Общеизвестна история с открытием храма Каджурахо одним западным миссионером. Какие выводы были сделаны из этого открытия? Ученый еще раз убедился в превосходстве культуры Запада. Таким образом, культура, за которой изначально видели или предполагали дикаря как ее творца, переставала быть культурой, достойной внимания, даже имея все необходимые признаки этого достоинства. Оценки многих западных мыслителей больны этим колониалистским занижением значимости культуры народов неевропейских, как правило, ими же обобранных.

Нам нужно искоренить не просто проявления колониализма в мышлении. А обнаружить и искоренить основы, его порождающие. Какие это основы? Прежде всего, не видеть за тем или иным культурным проявлением общечеловеческие тенденции. Нам нужно выстраивать изучение культуры как общечеловеческого феномена, как попытки наших далеких или близких собратьев выражать общие для всех стремления, чаяния и чувства, и под этим углом зрения изучать их специфику. Только тогда, когда культуры Индии, России, Запада, Африки, Америки, Ближнего Востока, Юго-восточной Азии будут осознаны как общекультурные, общечеловеческие явления, имеющие равную значимость для всего мира, мы сможем, наконец, раскрыть культуру как таковую и насладиться взаимным обогащением равноправных национальных культур. Настало время для изменения отношения к индийской философии со стороны европейски образованных людей. Время мышления колониалистов, принижающих значимость и место в общей культуре человечества каких-либо неевропейских культур должно неизбежно уйти. Иначе мы так и останемся в среде генномодифицированного западного безкультурья.

Если рассматривать культуру каждой страны как выражение сокровенного в человеке, как попытку прорваться к подлинному, к истине через творчество, то мы увидим удивительное родство культурных феноменов. И тогда различие форм, терминов, концепций не будет отвлекать нас от самого главного, не будет возводить между нами глухие стены и возвращать в нас чувство ложной национальной гордыни и исключительности, тогда мы осознаем культуру Индии, также как и культуру любой другой страны, как свою собственную культуру, потому что она также выражает общие для всех чаяния творческих людей, общие основы жизни. Тогда за различием терминов и концепций мы уви-

дим общие смыслы и значения, возможно, просто выраженные в иной форме и иной системе понятий и идей. Я убежден, если мы с такой точки зрения посмотрим на основы религиозных культур России и Индии, к примеру, Русского Православного вероучения и ведического знания Индии, то неизбежно придем к выводу, что в духовном отношении это одно и то вероучение.

Именно этот духовный общечеловеческий заряд и дает индийская мудрость миру. Духовные основы этой культуры – главное ее богатство. Она призвана одухотворить национальные культуры человечества, или, говоря иначе, способствовать развороту внимания представителя любой культуры на духовные первоосновы.

Как только ученые, даже именитые (подобно Гегелю и Гуссерлю), оценивают индийскую культуру с точки зрения чисто интеллектуальных достоинств по западной мерке, то они неизбежно теряют саму основу для адекватного понимания ее глубины и скатываются в низины европейского высокомерия, имея ее примитивной, детски-наивной, неразвитой, возникшей на заре человеческой цивилизации и т.п..

И в то же время порой невозможно полностью понять исходные интуиции крупных западных мыслителей без учета влияния со стороны Востока. Эти слова можно отнести к Геркалиту, Сократу, Платону, Пифагору, Плотину, Гете, Фихте, Гегелю, Шопенгауэру, Гуссерлю, Хайдеггеру и т.д [3]. Мой опыт анализа текстов Эдмунда Гуссерля показывает, что исходные интуиции Гуссерля имели восточные корни. И повышенное внимание к его творчеству со стороны индийских мыслителей, так и со стороны российских и европейских философов вовсе не случайно [4]. Феноменология Гуссерля может стать основой для выявления общей основы всех философий и культур.

Феноменологический метод, предложенный в начале XX века немецким математиком и философом Эдмундом Гуссерлем, заключается в переводе внимания с внешних объектов сознания на само сознание, на его структуры, благодаря работе которых мы имеем данными любые восприятия, смыслы и значения, предметы. Необходимой помощью в этом процессе является специфический прием, выраженный греческим словом «эпохе». Он заключается в так называемом «вынесении за скобки» всех имеющих место концепций, точек зрения, непроясненных предпосылок. Это кстати одна из причин сложности сравнительного анализа феноменологии с другими учениями, поскольку Гуссерль редко ссылался на кого-то в своих трудах.

Но, возможно, именно это сделало Гуссерля принципиально открытым для любых идей и любого опыта, лежащего в основе любых философских систем. Хорошо сказал об этой характерной особенности феноменологии – открытости – индийский философ Дж. Моханти: «Почти сорок лет работы над Гуссерлем – как я нахожу, обращая свой взгляд назад, – сделало меня свободным от какой-либо другой традиции и другой философской школы. Но будучи Гуссерлианцем я не нахожу доступ к другим философиям закрытым. Напротив, то, что является отличным в Гуссерлевском пути, – это открытость к феноменам, to the given qua given, к данному...» [5].

Гуссерлевская феноменология в силу своей специфики может стать почвой для преодоления радикальной дихотомии между Востоком и Западом, но только с помощью духовного ключа, который дает нам Индия.

На последнем перед рождественскими каникулами семинаре курса 1925-26 годов Гуссерль выразил важную для понимания отношения его с индийской философией (и не вполне оцененную еще) идею входа в феноменологию двумя возможными путями – через критику наук и через «мифически-практическое воззрение на мир», чему научное представление о мире полностью противоположно. Индийская философия исходит из идеи практического спасения души, в то время как Запад ставит целью чистую теорию, теорию без всяких внешних целей [6]. Внешне такое разделение выглядит разумным, но примечательно, что они охарактеризованы не просто как не сводимые друг к другу и не пересекающиеся противоположности, а именно как пути вхождения в феноменологию. Сама феноменология, по замыслу Гуссерля, призвана стать всеобъемлющей наукой, в которой получают прояснения основы всех наук и явлений культуры. Поэтому это замечание можно и нужно трактовать как указание на возможность преодоления противоположности Запада и Востока. И место такого примирения – это поле чистой в трансцендентальном отношении феноменологической работы. Впрочем, этот тезис не получил какого-нибудь развития у Гуссерля.

Такой возможностью преодоления противоположности Востока и Запада может стать построение новой феноменологии сознания с меньшим количеством неявных допущений, в которой опыт эстетический, духовно-нравственный и религиозный (что не одно и то же), вообще любой доступный человеку опыт получит – пусть даже в начале и гипотетически предполагаемую – возможность участвовать в конституции предметов мира

и сущностно ее определять. Это может перевернуть базисные основания феноменологии – духовно-нравственная практика, если она, в самом деле, способна изменять конститутивную работу сознания, в обратную очередь, может открыть в сознании трансцендентальные основы нравственного поведения и духовного отношения к миру. Человек обретет целостность в системе трансцендентально-феноменологического учения о сознании. Иначе говоря, нужно феноменологически проверить тот опыт, ту систему мировоззрения, о котором нам говорят индийские Веды, буддийские тексты. Это не противоречит заявленным в феноменологии принципам как «строгой научности», так и интересубъективности. Это говорит о том, что сама феноменология может стать для западных людей входом в индийскую философию, что, собственно, на мой взгляд, и пытался безуспешно сделать Гуссерль. Только в отличие от него нужно теперь попытаться погрузиться в феноменологию сознания с учетом духовной составляющей.

Гуссерль проделал колоссальную работу по извлечению базисных основ работы нашего сознания, благодаря которой мы можем сейчас и делать такого рода выводы и пытаться найти феноменологически оправданное решение для преодоления оппозиции Запада и Востока. Хотя, конечно, сам Гуссерль вряд ли бы разделил подобные идеи. Он осознавал различие целей в индийской и феноменологической философиях.

Когда-то принц-отшельник Сиддхарта после нескольких лет упорных духовных практик ради достижения истины (вечного счастья без страдания) решил отказаться от общения с мудрыми, чтения Священных Писаний, следования авторитету просветленных мастеров, чтобы обрести истину в своем собственном сознании. И достиг цели – стал просветленным, Буддой. Гуссерль, после многих лет напряженной работы придя к идее трансцендентальной редукции (эпохе), призванной вывести нас на необъятные просторы трансцендентально чистого сознания, также отказался от наивной веры в мир, от разного рода некритически принятых установок, от авторитетов мудрых и Священных Писаний, от влияний всех философских традиций и концепций, чтобы достичь истину в исследовании своего сознания. Но так и не был удовлетворен достигнутым.

Цели, которые ставили перед собой Будда и Гуссерль, различны. Один стремился к достижению состояния вечного счастья без страданий. Второй ставил целью прояснение работы сознания, благодаря которой мы имеем данными себя, других

и мир. В письме от 28 марта 1914 года к русскому философу Густаву Шпету (1879-1937) Гуссерль, говоря о смысле своего учения, выразил это кардинальное различие весьма недвусмысленно: «...Речь идет не о новом учении о спасении, благодаря которому верующий достигнет блаженства, но что открыта новая наука, бесконечно плодотворная почва для работы... Но, конечно, никакая добрая воля не поможет без настоящего эпохе, т.е., без решимости сорвать шоры исторических предрассудков» [7]. Не трудно догадаться, что под эпохе попадает и само учение, преследующее своей целью спасение. Но Гуссерль при этом сам устанавливает цель для своего учения – прояснение условий данности в сознании меня, других и вещей, феноменального мира в целом. И на фоне восточных идей на его учение также можно посмотреть как на попытку спасения. Целью спасения оказывается сам феноменально данный мир и сознание, единственная роль которого сводится к тому, чтобы этот мир был как-то дан. Не случайно, говоря об идее новой науки, он противопоставляет ей идею спасения души. Для него самого идея спасения не чужда, только объект спасения меняется.

Тем не менее, сам отказ Гуссерля от наивного понимания мира со всей наивной верой людей в окончательность и нерушимость этих смыслов, конечно, при всем коренном отличии от протеста Будды, сродни ему. Логика этого шага схожа. Если вся наша осознаваемая жизнь проходит во вселенной сознания, значит, нужно погрузиться в него, в исследование работы всех структур, основных принципов, смыслов, имеющих место в нем. И там искать и найти решение. И это как раз то поле, в котором разные культуры смогут понять и принять друг друга.

Гуссерль активно использовал восточную лексику – «Абсолютное сознание», «Абсолютное Я», «я без другого», «медитация», «очищение», «Я – безучастный наблюдатель», «реализация Божественности» (Богореализация), «внутреннее сознание», «редукция наивного полагания мира», «абсолютное настоящее», в котором заключены все времена, «сознание без мира» (без сознания мира), «отказ от наивной веры в мир» и т.д. Но при этом он наполнял эти термины совершенно иным содержанием. Хотелось бы заострить внимание на проблеме терминов и дескрипций [8]. В исследовании следует всегда определять значения используемых нами терминов, даже, если кажется, что эти термины имеют устоявшееся значение. По своему опыту изучения текстов Гуссерля могу сказать, что он переосмыслил буквально всю философскую и отчасти богословскую терминологию, наполнив

их иным, авторским, содержанием. Самыми сложными для Гуссерля в этом процессе ассимиляции оказались именно термины и значения индийской философии. При недооценке этого обстоятельства можно угодить в этот терминологический капкан, примеры чего мы можем встретить даже в творчестве весьма именитых исследователей. Эта проблема не столь безобидна, как может показаться. Именно по этой причине, на мой взгляд, существует проблема межрелигиозного, межкультурного понимания, когда одни и те же термины наполняются разными смыслами, а одни и те же смыслы выражаются разными терминами. Это касается и проблемы изучения индийских текстов не-индейцами. Поэтому наличие терминов адвайтической философии у Гуссерля и, более того, принятие их им, вовсе не делает его адвайтистом. Приведу по этому поводу пример.

В 1923 году Гуссерль весьма нетрадиционно для родного ему иудаизма и принятого им лютеранского протестантизма определяет суть своих религиозных взглядов: «Первичный религиозный опыт» есть «первичное переживаемое отношение к Богу, в котором субъект этой интуиции осознает себя не в качестве того, к кому обращен внешний по отношению к нему Бог, и не в качестве носителя сообщенного ему откровения; но он познает Бога, созерцая Его в себе, он сознает свое изначальное единство с Ним; осознает себя самого как само воплощение божественного света, как посредника, возвещающего о божественной сущности из самого заложенного в нем содержания божественной сущности» [9]. Свою позицию Гуссерль определяет как «неортодоксальный протестантизм» [10]. Если внимательно вчитаться в эти слова вне контекста феноменологии, мы увидим чуть ли не тождественность этого «неортодоксального протестантизма» ведическому учению об Атме, буддийскому учению о Будде, которые также призывают раскрыть Атму и Будду (соответственно) в себе, испытать их внутри себя.

«В этико-религиозных размышлениях Гуссерля Бог – это идеал абсолютного блага, сопричастность которому возможна только на основе непосредственно переживаемого опыта высших ценностей» [11].

Это определение было плодом религиозной интуиции Гуссерля. Теперь задача состояла в том, чтобы на основе феноменологического описания конституировать этого Бога в себе. И к чему приходит в этой своей попытке Гуссерль? Он не допускает даже мысли, чтобы опыт переживания высших ценностей как-то мог бы существенно определять процесс конституирования

предметного мира, структуру работы сознания, заключающейся в различении, синтезе и идентификации. Поэтому понятие «Бог» начинает включать в себя только всю потенциальную и актуальную конституцию intersубъективного мира, со всей сложной системой отношений между я и другими я, моей культурой и чужой культурой, моим миром и миром других и чужих. Поскольку вся эта конститутивная работа происходит внутри нашего сознания, мы говорим, что это и есть суть и предел богореализации нашего сознания, что, разумеется, противоположно смыслу понятия «богореализации» в Ведах. Игнорирование этого феноменологического контекста и дает основание некоторым исследователям зачислять Гуссерля в стан адвайтистов и даже именовать его «вторым Шанкарачарьей».

Гуссерль в своем стремлении разгадать тайну сознания (и всего познания) вовлекся в типично европейскую стезю – разводя человека познающего (конституирующего мир) и человека этически и эстетически оценивающего, любящего и ненавидящего, верующего и неверующего. С одной стороны, этические и эстетические нормы и предписания совершенно ничего не дают конститутивной феноменологии, они не участвуют в конституции предметов и субъектов феноменального мира. А с другой стороны, сами эти нормы и предписания никак не оправдываются конститутивной феноменологией, которая, как заявлено, призвана прояснить основы всякого познания, всей нашей жизни. Между человеком духовно-нравственно ориентированным и человеком познающим пролегла пропасть. И это суть основополагающая неявная предпосылка «беспредпосылочной» феноменологии. А вместе с тем основной ее принцип.

Но именно в утверждении фундаментальной связи между человеком нравственным и человеком познающим и заключается главное, с чем к миру обращается индийская духовная мысль. Духовно-нравственное поведение наряду с духовными установками человека на подлинную самоидентификацию может изменить саму структуру конститутивной работы нашего сознания и открыть особое состояние сознания, в котором не будет мира отличных от меня других людей и вещей (нирвана в буддизме, нирвикальпасамадхи в йоге, слияние с Богом в веданте), но в котором буду Я без другого, в котором будет сознание. Наш разговор о Гуссерле вызван стремлением показать, как принятие во внимание одухотворенной индийской мысли может изменить сам подход к рассмотрению западной философии и выявить иные пласты проблем, делая в то же время более прозрачными очень сложные пассажи ее наследия.

В рамках феноменологии оказывается несостоятельным религиозное учение о спасении (в смысле достижения буддистской нирваны или слияния с Богом в адвайте), которое выглядит простой фантазией, конститутивно не оправданной. Гуссерль определял эту религиозную культуру как результат мифологического творчества, а цель и смысл жизни в его рамках рассматривал как психологический шаг ухода от мира. Такие выводы, в частности, он делал на занятиях зимнего семестра 1925-26 годов. Поэтому, несмотря на использование восточной терминологии, на позитивное отношение к буддистской Сутта-питаке, Гуссерль был оппонентом индийской духовной мысли.

В чем же причина этого? Несмотря на все свои попытки проверить истины Востока, возможность сознания без мира, Я без другого, погрузиться в смысл Я, Гуссерлю недоставало главного – опыта такого переживания. Гуссерль, как честный исследователь, доверял только опыту, причем только своему личному опыту (хотя это противоречит интерсубъективной установке феноменологии, заключающейся кроме всего прочего и в принятии к исследованию любого, даже мне актуально не данного опыта). Главная проблема отношения Гуссерля (читай, западной философии) и индийской мудрости – это проблема опыта, различия принципиально разных типов опыта. На различном типе опыта базируется и разное понимание сознания – как принципиально различающее или же как сознание, в котором все различия не способны нарушить покой идеи, что все есть Я.

Основная скрытая предпосылка феноменологии Гуссерля – это принятый априори как принципиально непреодолимый ни в каком опыте факт мира феноменов, за которым стоит различающее сознание. Не само сознание само по себе, а именно различающее (и на этой основе синтезирующее и идентифицирующее) сознание этого мира было основой и целью изучения Гуссерля. Наивная вера в мир была редуцирована, но не сама вера в этот мир. Хотя разве это не наивно? Отрешенность сознания на Востоке будет означать преодоление фундаментальных и непреодолимых никаким образом, с точки зрения Гуссерля, основ функционирования сознания, благодаря которым вообще мир являет себя как отличный от меня мир других субъектов и вещей. Эти основы – различие, синтез и идентификация. Без них сознание быть не может, по Гуссерлю. Адвайта и буддизм настаивают на противоположном – сознание обретает свою подлинную сущность только в преодолении этих основ.

Собственно, в этом и заключена пресловутая проблема противостояния Востока и Запада. Есть ли решение ей? И на какой основе оно возможно? Думаю, есть. И этот выход показан многими индийскими мудрецами и святыми. Этот выход – в обращении, анализе и собственном обретении исследователем опыта практического переживания данных истин. Основой для такого анализа могут быть проблемы на стыке западной и индийской философии – проблемы я, проблемы отношения разных типов опыта – в состоянии бодрствования, сна со сновидениями и без сновидений, турии (сверхсознательном состоянии). Непонимание Вед происходит из-за узости и превратного понимания самой философии как пути познания истины. В итоге полноценное человеческое существо, призванное достичь истину во всей своей полноте превратилось в существо интеллектуальное, ограниченное только интеллектом как единственно достойным для раскрытия всей полноты истины. Другие составляющие человеческого существа не принимаются во внимание. В этом была беда Гуссерлевской феноменологии и вообще западной философии.

Еще хотелось в завершение обратить внимание на характер анализа духовного наследия Индии. Распространенный подход к интерпретации Вед – приписывание авторства, обращение внимания на изменение стилей, поэтику и философию со всем набором философской анатомии – логика, этика, эсхатология и т.д.. Но это все не имеет большого значения, если понимать Веда именно как священное писание, передающее нам духовное знание. Для такой интерпретации необходимо нам определить значение духовного, его составляющие, поле его реализации. Какой подход мы выберем, таким и окажется наша оценка Вед. Либо как незрелая поэтика, первые попытки познать окружающий мир, либо как первые зачатки философского мышления (мифологический подход). Либо как написанное в разные времена вобравшее в себя аромат своего времени (исторический подход). Либо так или иначе отражающий культурные особенности того времени, в какое они были написаны (культурологический подход), либо как эволюция философских воззрений (историко-философский подход), либо как различная постановка проблем и попытка так или иначе решить их (философский подход), либо как закодированное знание о мире и вселенной (эзотерический подход), либо как мистические прозрения, не требующие анализа, а требующие слепого принятия без обсуждения (догматический, мистический подход), либо как система ритуального отношения к миру и Богу (ритуально-религиозный подход). Но

отражает ли это сами Веды? И да, и нет. Да, потому что так или иначе содержат эту информацию, какую вскрывают эти подходы. Нет, потому что не ради этого они писались и давались.

Скорее, вслед за Шри Ауробиндо Гхошом, следует признать справедливость предположения наличия некоей кодировки в текстах, поскольку их невозможно принимать буквально. Но только вот какой ключ выбрать для расшифровки? Некий мистический ключ приведет нас к безответственным заявлениям и псевдопрозрениям; философский – к опять же признанию Вед первым творением незрелого человека, чтобы попытаться как-то выразить свое отношение к миру и природе, к самому себе; религиозный – уведет нас в царство ритуального мракобесия, когда слепое исполнение гимнов и исполнение предписанных ритуалов принимается достаточным для раскрытия истины. Как видим, все подходы предлагают ключи для расшифровки, но справляются ли они, отвечают ли достигнутые результаты назначению Вед? Как правило, наши незрелые оценки исходят из незрелости самого нашего подхода. Когда мы интерпретируем Веды как результат деятельности незрелого ума, не проявляем ли мы сами незрелость своего ума, поскольку априори достигнутые результаты в западной философии считаются априори чем-то более высоким. Достигли ли мы знания истины при владении всеми философскими подходами, открыло ли нам это царство истины? Нет. Тогда что же является незрелым? Те, кто говорил об открытии истины и пытался нам донести ее в разных формах, или мы, оценивающие ее и потерявшиеся в дебрях мыслительных поисков (или происков), в которых истине уделяется так мало места, почти ничего. Вот поэтому нужно отрешиться от всех подходов оценки Вед, имеющих место, и задать вопрос – что хотел сказать нам их автор, о какой истине говорится в этих Ведах? Нужно признать достижение истины за факт априори для отработки этой версии подхода, чтобы убедиться в ее реальности. Только это принятие априори должно быть затем подтверждено в процессе сложного анализа и в опыте, чтобы не скатиться в слепой догматизм, от которого веет могилкой. Так что же хотел нам сказать их автор?

Дать описание вселенной, иерархию, причинные механизмы осуществления природных процессов, смысл и назначение природы, мира и человека в нем, характер жизни человека, чтобы обрести истину, что есть истина, что есть человек, что есть Бог, что есть природа. Все эти знания даны для того, чтобы человек не вел слепую жизнь, а вел осознанную жизнь, придерживаясь определенных

правил отношения в обществе, в семейной жизни, в личной жизни. Но что значит вести осознанную жизнь? Это значит знать, для чего я пришел в этот мир, что является причиной именно такой жизни, почему моя жизнь полна невзгод или, наоборот, радости, что я должен делать, чтобы реализовать смысл своей жизни. Определение поэтапной духовной практики для всех людей, для всех сознательных существ в мире – это является ключом к распознаванию внутреннего смысла священных ведических писаний. Они перестают быть незрелым плодом сознания первобытного малообразованного человека, а оказываются зрелым духовным плодом людей, познавших истину и желавших по воле самой этой истины поделиться ею с людьми. Думаю, что кодировка этих знаний должна была быть, чтобы не давать их лицам, не стремящимся к знанию, а стремящимся к власти, силе, богатству. В этом смысл наличия множества ведических историй, противоречащих друг другу. На самом деле, это не плод незрелости, а плод искусного разума, чтобы не дать впасть в иллюзию буквального понимания историй, буквальной интерпретации Вед, чтобы научиться извлекать духовные уроки для своей жизни из этих историй. Именно духовная логика делает эти внешне противоречивые истории логично связанными и требующими одна другую: духовная логика развертывания событий внутренней жизни человека, идущим по духовному пути.

Мы должны изменить сам подход к изучению и западной, и русской, и индийской, и какой-либо иной культуры с традиционного западного, задеиствующего только интеллект, на всеобъемлющий духовный. С этой точки зрения, процесс раскрытия истины может оказаться совсем иным. И в этом процессе неожиданно могут получить свое место в общем знании о человеке даже ритуалы и мантры, описанные в Ригведе и Яджурведе, раскрыться в самом выгодном свете своеобразии русской духовной философии и культуры и т.д.

ЗаклЮчить свою статью хотел бы словами С. Радхакришна-на: «Преодолев затруднения внешнего порядка, мы почувствуем конгениальное биение родственного человеческого сердца – не индийского, не европейского, а просто человеческого» [12].

Использованная литература и примечания:

1. *Радхакришнан С.* Индийская философия. В 2-х т. Т. 1. М.: Иностранная литература, 1956. С. 24.
2. Там же. С. 6.
3. Общая тенденция внимания к Востоку на Западе, начиная с Альберта Великого (XIII век) до Ницше (XIX век) освеще-

на в работе: Торчинова Е. А., Корнеева М. А. Хайдеггер и восточная философия. СПб.: СПб философ. об-во, 2001. С. 63-87.

4. Гуссерль был знаком с индийской философией и проявлял к ней устойчивый интерес в течение всей жизни, начиная со времени своего студенчества. Кроме того, Гуссерль внимательно читал и тексты буддийской «Суттапитаки» и даже написал нечто вроде обзора, который был опубликован в 1925 году. Многие факты, подтверждающие это, изложены в статье: Schumann K. Husserl and Indian Thought // Phenomenology and Indian Philosophy. New Delhi, 1992. Этим объясняется наличие большого количества чисто индийской терминологии в текстах Гуссерля.

5. *Mohanty J. N. Phenomenology and Indian Philosophy // Phenomenology and Indian Philosophy. New Delhi, 1992. P. 8.*

6. Цит по: Мотрошилова Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология – Герменевтика, 2003. С. 22.

7. *Мотрошилова Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология – Герменевтика, 2003. С. 81.*

8. Хотя нужно учитывать специфику гуссерлевской феноменологии. Он переосмысливал практически все термины мировой философии в своем ключе и придавал им иное значение. Об этом см.: Гуцалов А. А. Термины и дескрипции в феноменологической философии Э. Гуссерля // Современная неклассическая философия: сб. матер. межвуз. конфер. М., 2008. С. 32-40.

9. Цит по.: Молчанов В. И. Гуссерль // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2005. С. 517-518.

10. Там же. С. 518.

11. Там же.

12. *Радхакришнан С. Индийская философия ... С. 7.*

INDIAN PHILOSOPHY TO CULTURE: A DETENT

Настоящее исследование представляет собой последнюю работу Джаджати Кешари Пателя – известного индийского ученого, директора Делийского научно-исследовательского института международной политики, специалиста по российско-индийским отношениям, где он рассуждает об особенностях индийской философии как мирового культурного наследия.

Ключевые слова: культура, взаимовлияния культур, индийская философия, культурное наследие.

The present study represents the latest job Jajati Keshari Patel – known Indian scientist, director of the New Delhi research institute of international politics, an expert on Russian-Indian relations, where he talks about the peculiarities of Indian philosophy as a world cultural heritage.

Keywords: culture, interaction of cultures, Indian philosophy, and cultural heritage.

Вступительное слово к статье доктора Пателя

Мы познакомились с доктором Пателем в один из моих недавних приездов в Индию на торжественном приеме, устроенном в честь 21-ой годовщины учреждения Делийского научно-исследовательского института международной политики, директором которого он был. Президентом этого научно-исследовательского заведения является член Индийского Парламента, профессор, доктор наук П. К. Патасани.

Затем мы еще встречались у него в институте и резиденции. Провели несколько часов в беседе на разные философские, политические, культурологические темы. Он меня поразил широтой своего мировоззрения, трезвостью оценки происходящих в мире событий, силой своего патриотизма, который одинаково распространялся на Индию и Россию. Все годы работы своего детища – института международной политики – он активно способствовал развитию добрых дружественных отношений между Россией и Индией. Он сильно переживал за далеко не лучшее их актуальное состояние.

Получив образование в нашей стране, в МГУ, он навсегда впитал в себя глубокую благодарность и любовь к России.

* ПАТЕЛЬ Джаджати Кешари (1960 – 2012) – кандидат политических наук, директор Делийского научно-исследовательского института международной политики, г. Нью Дели, Республика Индия.

PATEL Jajati Keshari (1906 – 2012) – Ph.D. Candidate (Political Sociology), Executive Director Foreign Policy Research Institute, New Delhi, India.

Мощь и глубина их меня сильно впечатлили при первом же знакомстве с ним. Его учителями в России являлись известный индолог, историк, политолог и социолог кандидат экономических наук и доктор исторических наук Анатолий Акимович Куценков, в 1989 – 2001 году возглавлявший Центр индийских исследований Института востоковедения РАН, а также всем известный ученый, политик, общественный деятель, академик РАН Евгений Максимович Примаков.

По моей просьбе, доктор Патель специально к конференции в честь открытия Южного филиала Российского института культурологии, прошедшей в Широкой Балке близ Новороссийска 9-12 сентября 2012 года, написал тезисы своего заочного выступления. Они были присланы им во время работы конференции, за 7 дней до своей безвременной кончины 18 сентября. К сожалению, полноценную статью он уже не успел завершить и прислать. Его сила, вдохновение, мощная вера в Россию и Индию, в будущее отношений между нашими народами, в развитии которых он видел не только будущее наших стран, но и смысл своей жизни, для меня на всю жизнь останутся ярким вдохновляющим примером. Мы выражаем свои соболезнования его супруге, детям, всем его коллегам и близким.

Ниже, перед его тезисами, публикуем некролог, подготовленный по нашей просьбе в Индии, также специально для настоящего издания.

*А. А. Гуцалов,
кандидат философских наук,
Южный филиал Российского ин-
ститута культурологии*

Obituary

The torch bearer of Indo Russian cooperation and NAM in India Dr. J. K. Patel passes away.

Jajati Keshari Patel (52) popularly known as Dr. Patel in diplomatic circles passed away at his native city of Bhubaneswar , Odisha State in India on 18th September 2012. He had gone to Bhubaneswar to see his ailing mother from New Delhi.

Dr. Patel post-graduated from Delhi School of Economics in Sociology in 1981 and thereafter, he went to Moscow for higher research. He obtained his Ph. D. degree from Moscow State University under the supervision of Professor Anatoly Akimovich Kutsenkov in the year 1993.

He got married to Shelly Patel in 1995. While at Moscow,

Dr. Patel was blessed with a son Raj Ratan Patel in 1995 and daughter Lalita Patel at Bhubaneswar 1998 .

Dr. Patel came back to India permanently from Moscow in 2000 along with all his family members and settled down in New Delhi.

He established the Foreign Policy Research Institute (FPRI) and was engaged in serious research activities and promotion of India's relations with various countries as the Director (FPRI). He also as the Editor-in-Chief, continued with the publication of the well known monthly journal NAM To-Day which is having a wide readership in the country and abroad, especially the diplomatic circles.

Dr. Patel in his brief period of 12 years of stay in India after his return from Moscow organized several National and International seminars and conferences for bilateral relations between India and other countries especially Indo-Russian friendship and cooperation.

He used to always emphasize on the strategic partnership between India and Russia and before a few days of his passing away, Dr. Patel was quite enthusiastic and euphoric about the forthcoming visit of the President of the Russian Federation Mr. Vladimir Putin to New Delhi as his close friends disclosed.

Significantly, Dr. Patel died on the same day of his birth. He was born on 18th September 1958.

In his passing away, the academic circle, journalist fraternity and the diplomatic community in the country lost an ever-energetic champion and leader of the Non-Aligned Movement (NAM) and Indo-Russian relations.

*Bhabani Dikshit,
Managing Editor, «World Focus» Indocentric
Foreign Affairs Monthly Journal &
Raj Ratan Patel, son of Dr. J K Patel.*

Indian Philosophy to Culture: a Detent

The Spectrum of Indian philosophy to culture is rather wide, ranging from ancient heritage for preservation to disseminate variety of contemporary creativeness. Today it restores the basic culture and aesthetic sensibilities of the people. In recent past, the basic spectrum of culture, has to achieve and it needs the maintenance and conservation of India's Heritage, ancient monuments and historic sites. In observation of other countries, the propor-

tion of Institutional and initiatives which is still binding to art and culture.

In the new millennium, the Indian cultures have blended over various cultural influences and it deals with both tangible and intangible heritage of India as a whole. However, in a larger prospective, it also addresses issues relating to national identity in consecutive issues relating to rational identity in conjunction with several other obstacles, such as tourism education, and external relations.

Over the years, Indian philosophy has submitted under apathetic interference of cross cultural heritage beneficiaries of west and its Philosophy has to restore the needs conducting archeological explorations and excavations of past and the preservation of Indian ancient monuments, antiquarian remains and development of epigraphically researches etc.

At length, the anthropological survey of India appears to be treated as bio-cultural of Indian population, which referred to weakest of the weak in practical. The other aspects of philosophy is to restore the clued collection, to preservation of segment and maintenance of Indian culture & documentation and study of ethnographic materials.

In, 21st century, Indian philosophical view is impinging inter a on the conduct of century's diplomacy, what might be called the decentralization of political culture. Further to that, the importance of the media has configured and it has over emphasized the options. And the social Management has characterised by greater involvement of people in every aspect of national policy. The role of media impinges destabilizing cultural heritage that what India had formulated a public policy for long. Which is most complex in infrastructure is yet to know.

And it is true that even across the cultural footing, the philosophy has questioned on gifts as grammer of culture and above all the numerals are of decimal number and essence of script. Grammatically speaking, in India the philosophy is natural footing; rather it is crystallized with renaissance of 21st century of invasions. This philosophy has been fanned of our westward what is resvated in an era of new vision and new thinking in science of cyber technology and Part it appears that india's myth plays a great part o f human life. It has power to suppress the history, rather to discover the enthusiasm of Indian heritage, other than nations, who forgot willfully the skill of unrest to speak, the Indian philosophy which explode the culture of myth about the dark days.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЗНАНИЯ В ИНДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Настоящая статья посвящена вопросу, как «познание» воспринималось в индийской философии. Она также исследует то, как древние индийские мыслители определяли отношение между познанием и реальностью. Наконец, статья фокусирует свое внимание на роли философии в получении и приложении знаний на практике в перспективе индийского подхода.

***Ключевые слова:** познание, индийская философия, древние индийские мыслители, индийские философские школы, Упанишад, Веданта, Санкхья, Шрути, Смрити.*

This article deals with the question as «knowledge» was perceived in Indian philosophy. It also explores how the ancient Indian thinkers determined the relationship between knowledge and reality. Finally, the article focuses on the role of philosophy in the delivery and application of knowledge in practice in the future of the Indian approach.

***Keywords:** cognition, Indian philosophy, the ancient Indian thinkers, Indian philosophical schools, the Upanishads, Vedanta, Sankhya, Shruti, Smriti.*

Познание осуществляет себя во взаимодействии с миром в процессе социально-экономической деятельности общества. Мир может быть воспринят как объекты, которые существуют и развиваются, так, как они существуют и развиваются и как они распознаются человеческими существами посредством органов восприятия. Хотя акт творения познания осуществляет человеком, оно хранится в каждом индивидуальном сознании в форме языка. Согласно стандарту ЮНЕСКО «Национальная информация. Общество. Политика» (2010), человеческие потребности происходят из знания творения, знания сохранения, знания утилизации. Следовательно, знания формируют основную компоненту человеческой деятельности и зависят от громадного объема знаний. Таким образом, познание обществ содержит плюралистические, включающие в себя и эволюци-

* ПРАБХАКАРА Рао Джатьяло – профессор лингвистики, координатор Центра изучения иностранных языков Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия (e-mail: pjanghyala1@gmail.com).

PRABHAKARA Rao Jandhyala – Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages School of Humanities of Central University of Hyderabad, Hyderabad, India (e-mail: pjanghyala1@gmail.com).

онные, перспективы [1]. Следовательно необходимо иметь ясное понимание понятия «познание», в том числе различных компонентов и процессов, относящихся к нему. Потому что неправильное представление понятия «познание» может стать источником его ложных приложений, что, в свою очередь, может привести к плохим результатам.

Настоящая статья посвящена вопросу, как «познание» воспринималось в индийской философии. Она также исследует то, как древние индийские мыслители определяли отношение между познанием и реальностью. Наконец, статья фокусирует свое внимание на роли философии в получении и применении знаний на практике в перспективе индийского подхода.

Прежде чем заняться этим, нужно иметь общее представление об индийских философских системах и знание их происхождения. Информация об этом широко доступна в исследовательской литературе [2, 3, 4, 5].

Индийская философская мысль имеет 3000-летнюю историю. В течение этого длительного времени мир философствовал с разных точек зрения – с точки зрения материализма, идеализма, консерватизма, либерализма, притязаний на логику и на интуитивизм, рационализм, номинализм и т.д. Все эти системы сфокусированы на различных интерпретациях реальности, сущности жизни и их отношении. Разнообразие индийских философских систем проистекает из признания или отрицания ими авторитета Вед и Упанишад. Конечная цель философских знаний, как она предложена для обсуждения философами, заключается в: 1) трансформации и одухотворении человеческой жизни; 2) реализации наивысшей истины в жизни. Другими словами, цель философии не ограничена лишь теоретическим и спекулятивным интересом, но отнесена к практическому аспекту человеческого существования. Мыслители всех индийских философских школ внесли выдающийся вклад в разработку проблем философии. Они стремились достичь синтетического взгляда на мир.

Упанишады являются основанием индийской философии. Поскольку они содержат сущность ведической мысли и, таким образом, их знают как Веданту, означающую «завершение Вед». Авторы Упанишад и точные даты до сих пор не установлены. Они содержат различные аспекты истины о реальности. Упанишадам выпала особая роль в понимании индийской философии. Историки часто признают две главные трудности при изучении индийских систем знания: 1) хронология жизни авторов и про-

изведений; 2) сами произведения. Ни у одного из мыслителей, особенно в древней Индии, никогда не было никаких замечаний о самом себе и времени (датах), в которое он жил. Таким образом, всегда сложно проследить эволюцию индийской мысли и предлагать ее на обсуждение с исторической точки зрения.

Возникшие в Упанишадах философские проблемы примечательны тем, что они касались глубинных основ человеческой природы и опыта. Значение Упанишад заключается в том, что многие поздние школы индийской философии, особенно Веданта и Санкхья, произошли из них. Общее количество Упанишад, опубликованных на сегодня, составляет сто восемь, включая новые и старые. Главных Упанишад – тринадцать. Без погружения в такие дискуссионные вопросы, как возраст и хронологический порядок Упанишад, можно сказать, что для мыслителей Упанишад философия не только интеллектуальная активность, но и поиск жизненного идеала (Парама Пурушартха). Другими словами, конечной целью поиска реальности представляется реализация этого идеала.

Есть две концепции, предложенные мыслителями Упанишад для идентификации реальности. Они включают Атмана и Брахмана, где первый ассоциируется с физическим (пища и дыхание) и психологическим пониманием ума и деятельности человеческого существа, а последний – с космическими процессами. Однако, в реальности они суть одно. Хотя Упанишады принимают множественность мира, они настаивают на лежащем в основе единстве реальности, то есть, Атмана и Брахмана. Эта идея была в действительности продолжением идеи Пуруши в Ведах. Таким образом, Упанишады предлагают унифицирующий взгляд на реальность и жизнь. Цель знания выходит за пределы эпистемологического рассмотрения. Все школы индийской философии признают реальность мира. Интерпретация реальности может быть различной в различных школах. В то время как Чарвака усматривает реальность в сочетании грубых элементов земли, воды, огня и воздуха, буддисты предлагают на обсуждение взгляд, что мир состоит из атомов. Мир есть пространственно-временной и причинный порядок, который означает, что существование мира связано с пространством, временем и причиной. Эволюция мира объясняется в причинно-следственном отношении.

Все древние индийские философские системы могут быть классифицированы в Шрути и Смрити [6]. Шрути включают в себе все четыре Веды. Изначально Вед четыре: Риг, Яджур, Сама и Атхарва. И каждая Веда включает в себя четыре части,

которые называются Мантры, Брахманы, Араньяки и Упанишады. Школы, признающие авторитет Вед, называются школами Астика (ортодоксальные). Смрити включают в себе кодексы законов, эпосы, Пураны, Агамы и Даршаны. Школы, подобные буддистским, джайнским и чарвакам, не признают авторитет Вед и, следовательно, они называются школами Настика (гетеродоксальные). Теории Веданта и Миманса базируются на Ведах, где, как и ньяя, вайшешика, санкхья и йога, не противопоставляют себя Ведам, хотя их взгляды базируются на различных основаниях. Рамаяна, написанная Вальмики, и Махабхарата, написанная Вьясой, представлены в виде эпоса. Смрити Ману являются наиболее известным среди всех смрити как кодекс законов. Они имеют наиболее глубокое влияние на индийское общество. Есть много Пуран, посвященных непосредственно каждому божеству в Индии.

Веды представляют знания, которые являются выражением богатыми идеями опыта арийского народа. Они содержат беспримерную проницательность в тайны организации и эволюции реальности и духовное содержание. Это знание было создано риши на основе их высоко интуитивного опыта на ведическом языке, который лингвистически отличается от санскрита. Однако во времена Упанишад мы можем найти большое влияние дравидийской культуры. Бурроу в своей работе [7] показывает около 150 слов дравидийского происхождения в Упанишадах. Это влияние дальше распространилось на санскрит, и позднее арийская группа языков под влиянием дравидийской группы изменила свою грамматическую систему, получив сходство с последней. Следовательно, лингвистическое и культурное сближение этих двух главных групп на индийском субконтиненте показывает, что арии в культурном отношении оказали сильное влияние на дравидов, а дравиды оказали такое влияние на ариев в лингвистическом отношении. Однако, следует отметить, что в обоих случаях каждая группа сохранила свою идентичность, которую часто полагают в виде принципа «единство в многообразии и наоборот».

Общими идеями во всех системах индийской философии являются: 1) реальность мира; 2) реальность я; 3) закон кармы; 4) переселение душ; 5) самсара; 6) начальный пессимизм и конечный оптимизм; 7) мокша (освобождение); 8) способ освобождения; 9) праманы (знания); 10) авторитет Вед [8].

Как было сказано выше, настоящая статья фокусирует свое внимание на праманы (познания) и на роль философии, как она

была представлена древними индийскими мыслителями, и на связь обоих в современном понимании.

Сначала следует сказать, что, несмотря на большой возраст (временное отстояние) идеи и взгляды индийских мыслителей о познании до сих пор остаются уместными по причине их динамичного, рационально эволюционного и всегда обновляющегося характера. Следовательно, они оказываются всегда новыми в изменении исторических, политических, социальных и научных обстоятельств.

Во всех индийских философских системах проблема познания и теории познания горячо обсуждались.

Мундукоупанишада ясно различает апара (более низкое) и пара (более высокое) виды Видьи (познания). Веды, грамматика, астрология и т.д. принадлежат к более раннему, то есть, к апара, а философия – к более позднему, то есть, к пара. Видья и джнана используются почти как синонимы мыслителями упанишад, хотя некоторые различия возможно провести между ними. Видья означает философское познание и это, в свою очередь, не что иное, как познание реальности. И Упанишады учат нас, что реальность есть Атман и Брахман. Следовательно, философия, в конечном счете, представляет Атман Видью и Брахман Видью. Таким образом, познание понято не в эпистемологическом, а в онтологическом смысле. Важно указать, что Апара Видья, относящаяся к Ведам, содержит вербальное познание и Пара Видья, нетленное (акашара), является невербальным познанием. Так, философское вопрошание отлично от привычного вербального познания. Конечной целью является достижение Брахма-Джнана, которое является невербальным познанием, где нет места для языка или слов. Это очень важное заявление, трактующее философию как мета-знание. Такое понимание приобрело значение в наше время, когда есть быстро распространяющаяся раздробленность науки на разные области и предпринимаются попытки понизить роль философии в синтезировании знаний различных отдельных наук.

Чарваки, которые в общем полагаются материалистами, полностью отрицают авторитет Вед. Они заявляют, что восприятие суть только средство познания. Таким образом, объекты, воспринятые тонкими чувственными органами, реально существуют и, следовательно, вне их нет реальности [9]. Так как чарваки не верят в причинность и ее универсальность, они рассматривают связь между предшествующим и последующим как случайную.

Главный вклад буддистской философии в познание есть утверждение о тесной связи между эпистемологией и этикой [10].

Джайнизм различает действительные (праман) познания и познания о недействительном (апраман) знании. Первое допускает совершение различия между желательными и, соответственно, нежелательными объектами. Потому что действительное познание находится в полном согласии с его объектами, где недействительное познание означает несогласие с объектом. Философия Вайшешика классифицировала действительное познание на восприятие, воспоминание, интуицию и недействительное познание на сомнительную иллюзию, неопределимое восприятие и сны [11]. Философы нья объясняют познание через своеобразное отношение между субъектом и объектом в терминах Висая-Висайи-Бхава. В соответствии с этим познание относится к душе так же, как и к вещам (объектам).

Индийская теория признает познание как комбинацию моторной и сенсорной активности. Объект воспринимается не только потому, что он существует, но и благодаря тому факту, что есть отношение (Самавая) субъекта к объекту. Чтобы избежать иллюзии, нам следует выйти за пределы ощущения. Как заметил Берлингей: «...Мы предполагаем объекты познания из их чувственной восприимчивости» [12]. Объект известен субъекту по его качествам и отношениям. Другими словами, объект воспринят, потому что он сам себя показывает. Такой взгляд называется буддистами Артха Криякарвита, а мыслителями Ньяя – Сапахлаправазтитва. Философия Ньяя заявляет, что помимо восприятия и интуиции существует экстраординарное восприятие, которое они называют Алаукика Пратьякша. Идея философов Ньяи, что характеристика принадлежит к объекту и объект воспринят через его характеристики, разделяется почти всеми индийскими философами.

В соответствии со школой санкхьи объекты распознаются с помощью эго (ахамкара). Знания появляются «благодаря пересечению космоцентрических и антропоцентрических точек зрения». Они, таким образом, производят различие между танматра, то есть, объект, который существует сам по себе, и махабхута, то есть, проявление. И философы адвайты и буддисты различали познание реальности и феноменальной реальности. Философы адвайты видели, что познание, достигаемое через интуицию, отлично от познания, получаемого посредством восприятия.

Таким образом, все индийские философские школы обсуждают проблему познания. Они также говорят о различных источниках познания – от теоретически воспринятого до эмпири-

ческого, от логического до интуитивного. Любая информация может не быть обращена в познание, таким образом, информация есть познание, если она истинна. Познание исходит из реальности. Хотя реальность одна, она имеет плюралистический характер. Философии дан статус мета-науки – это важное понимание по отношению к современной науке.

Использованная литература:

1. National Information Society Policy. A Template: 2010 / UNESCO Electron. resource]. – Access mode: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.105.7506&rep=rep1&type=pdf>. – (Access date: 03.06.13).
2. Bishop, Donald H. Indian Thought: An Introduction. New Delhi: Wiley Eastern Private Limited, 1975.
3. Sinha, Jadunath Outlines of Indian Philosophy. Calcutta: New Central Book Agency, 1992.
4. Sarasvati, Sri Swami Satchidanandendra The Method of The Vedanta: A Critical Account of Advaita Tradition. London: Kegan Paul International, 1989.
5. Sharma, B.N.K. History of the Dvaita School of Vedanta and its Literature. Delhi: Motilal Banarsidass, 1981.
6. Bishop, Donald H, Indian Thought ... P. 14.
7. Burrow T. The Sanskrit Language. Oxford: Oxford University Press, 1955.
9. Sinha Jadunath Outlines of Indian Philosophy ... P. 8-17.
- 10 Ibid. P.65.
11. Bishop, Donald H. Indian Thought: An Introduction... P. 139.
12. Sinha Jadunath Outlines of Indian Philosophy... P.161-164.

Перевод на русский язык А. А. Гуцалова

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ЛИЧНОСТИ ДЛЯ РАБОТЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Автор в статье утверждает, что становление профессионального переводчика как межъязыковой и межкультурной посреднической личности происходит посредством постоянного пополнения, развития и совершенствования языковых, риторических, лингвокультурных, общекультурных и этнокультурных, психических, этических, социальных и других компонентов, которые в профессиональной переводческой деятельности преломляются и актуализуются через язык перевода.

Ключевые слова: межкультурное пространство, межкультурная коммуникация, лингвистика, культура речи.

Author of the article argues that the emergence of a professional translator as mediation and intercultural personality comes through continuous replenishment, development and improvement of linguistic, rhetorical, cultural, general cultural and ethno-cultural, mental, ethical, social and other components in the professional translation activities refracted and actualized through the target language.

Keywords: intercultural space, intercultural communication, linguistics, of speech.

Традиционно перевод понимается как вид устной или письменной деятельности, в результате которой создается текст, репрезентирующий текст-оригинал на языке перевода [1]. Однако в современном быстро меняющемся мире, мире высоких технологий и интенсивного информационного обмена между людьми разных стран и разных социально-культурных воззрений, такая чисто лингвистическая трактовка перевода представляется неполной, поскольку переводчик – это не только лингвистическое посредническое звено, но и медиатор между представителями разных культур и социумов. Следовательно, и сам перевод представляет собой как перекодировку текста с одного языка на другой, так и социально значимый акт межкультурной коммуникации [2]. Последние годы ознаменовались целым рядом ис-

* ШАМЛИДИ Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск, Россия (e-mail: evgeny.yy@yandex.ru).

SHAMLIDI Evgeny Y. – Ph.D Candidate (Linguistics), Professor, Department of Theory and Practice of Translation of Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia (e-mail: evgeny.yy@yandex.ru).

следований перевода с точки зрения межкультурной коммуникации (см. работы Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, В. В. Кабакчи, Е. С. Кубряковой, С. Г. Тер-Минасовой, В. И. Карасика, И. А. Стернина, А. Вежбицкой и др.).

Эти и другие авторы совершенно верно указывают на то, что фоновые знания переводчика в наше время базируются не только на лингвистической, но и на культурологической составляющей. Думается, однако, что между лингвистической и культурологической составляющими жестких границ нет и быть не может. Ведь степень владения как родным, так и «рабочим» иностранным языком в первую очередь идентифицирует профессиональный уровень переводчика как мультикультурной личности.

Формирование лингвистической составляющей как важнейшего компонента коммуникативной компетенции является наиболее сложной задачей подготовки переводчиков.

Базовыми компонентами культуры речи переводчика, владеющего одним, двумя или более иностранными языками, являются хорошее произношение, безупречное владение как нормативной, так и коммуникативной грамматикой, обширный лексический запас, а также хорошая дикция, умение не только переводить чужие мысли, но и в полном соответствии с литературными языковыми нормами излагать свои собственные, т.е. владеть ораторским искусством (риторикой).

Произношение. Если лингвистический тренинг проходит в условиях отсутствия языкового окружения, то при обучении произношению недостаточно ограничиваться лишь вводно-коррективным фонетическим курсом, который во многих языковых вузах преподается лишь в рамках первого семестра. На первом этапе, как известно, проходит приспособление речевого аппарата обучаемого к произнесению фонем изучаемого иностранного языка, что осуществляется выполнением ряда упражнений по каждому звуку. Однако это не приведет к избавлению от явного иностранного акцента, если не обращать внимания на аллофонические характеристики в пределах каждой из изучаемых фонем. Так, например, звук [e] в английских словах *bed* и *head*, с одной стороны, и словах *wedding* и *bell*, с другой, произносится по-разному, впрочем, как и звук [ɪ] в словах *pit* и *sing*. Таких примеров можно привести множество. Устойчивость правильного произнесения и артикулирования каждого звука и его аллофонов достигается как многократным произнесением лексем, выстроенных в ряд упражнений в соответствии с фонемными и

аллофоническими характеристиками, так и последующим тренингом скороговорок, что наряду с произношением также помогает кардинально улучшить дикцию. Следующий этап – это выработка правильных интонационных образцов.

Если эти упражнения не повторять, хотя бы время от времени, на последующих и старших курсах, то правильные произносительные навыки, выработанные на первом курсе, нередко утрачиваются, и многие выпускники переводческих и других языковых факультетов «опускаются» до прежнего восточно-европейского акцента (*Eastern European accent*), избавиться от которого с каждым годом становится все труднее. А ведь произношение – визитная карточка устного переводчика. Так, во время пребывания в Англии в 1990 году, я спросил у местных университетских преподавателей, как они оценивают произношение П. Р. Палажченко, переводчика М.С. Горбачева. Ответ был следующим: «*He speaks just like we do. There's no Russian accent on him* (Он говорит также как мы. У него нет никакого русского акцента)». Не правда ли весомый довод ощутить чувство гордости за нашу страну и нашу лингвистическую школу.

Произношение имеет ярко выраженный социокультурный статус в англоязычных странах. В них вряд ли можно устроиться на престижную должность, не владея должными произносительными и риторическими навыками и хорошей дикцией.

Грамматика. Параллельно с произношением немаловажное внимание уделяется нормативной грамматике, обучение которой происходит непрерывно выполнением ряда грамматических упражнений с постепенным их усложнением. В рамках английского языка особое внимание должно уделяться личным и неличным формам глагола, устойчивым глагольным конструкциям, не имеющим аналогов в русском языке (*complex object, complex subject, etc.*), а на переводческих факультетах – специфике перевода последних. Перевод совпадающих конструкций также имеет свои особенности. Так, пассивный залог в английском языке употребляется гораздо чаще, чем страдательный залог в русском языке, поэтому перевод английского пассивного залога нередко осуществляется активным залогом русского языка. Будущие переводчики не должны ограничиваться выполнением грамматических упражнений, составленных на иностранном языке. Особое внимание нужно уделять выполнению переводных упражнений с родного языка на иностранный, что способствует как активному усвоению грамматических конструкций иностранного языка, особенно тех, кото-

рые не имеют аналога в родном языке, так и активизации пассивного словарного запаса.

К сожалению, на языковых факультетах первыми двумя годами обучение грамматике иностранного языка, как правило, заканчивается. По моему мнению, на старших курсах преподавание нормативной грамматики должно сменяться обучением коммуникативной грамматике, т.е. грамматике речевой коммуникации с учетом как формального, так и неформального аспектов разговорной речи, включая предложное управление, которое нередко не совпадает с предложным управлением родного языка, фразовые глаголы, а также отклонения от нормативной грамматики, присущие неформальной разговорной речи. Все это помогает выработать навык переключения от формальной речи, которой переводчик пользуется при переводе докладов, сообщений, презентаций и проч., к неформальной речи, к которой переводчик обязан уметь прибегать при неофициальном общении. Иной раз странно наблюдать, когда сидя со своим иностранным клиентом в ресторане или пабе, переводчик продолжает оперировать штампованными фразами и клише, которые уместны лишь при формальном общении на симпозиумах и конференциях. Такие переводчики, конечно, за глаза, могут «награждаться» антикомплиментами типа: «Oh, those Russians, they speak like textbooks».

Лексикон. Если произносительные навыки и владение грамматикой, образно говоря, формируют ствол и ветви языкового дерева, то лексикон – это листва, которая вдыхает в это дерево жизнь. Пополнение лексикона переводчика – нескончаемый процесс, который продолжается всю его сознательную жизнь. Основной принцип формирования и пополнения лексикона профессионального переводчика можно сформулировать следующим образом: «Я знаю, как означить этот объект или понятие на родном языке, я должен уметь это делать на рабочем иностранном языке». Обширность лексикона переводчика напрямую зависит от объема его фоновых знаний, формирующих видение им картины мира, которая базируется как на языковых и социокультурных ценностях той страны, в которой он родился, воспитывался и получал образование, так и на позднее приобретенных знаниях о культуре, традициях, обычаях страны (или стран) изучаемого иностранного языка. В плане овладения лексиконом современный переводчик обязан ставить перед собой задачи, которые не стояли и не могли стоять перед переводчиками прошлых лет.

Во-первых, это владение нормативным словарным запасом,

включая книжную (высокопарную, поэтическую, религиозную, литературно-разговорную и проч.) лексику. Современный переводчик должен знать наиболее известные классические произведения художественной литературы как родного, так и иностранного языка, а последние желательно читать в оригинале. Владение основами художественного перевода позволяет как устным, так и письменным переводчикам наряду с адекватной смысловой передачей содержания текста по возможности соблюдать стилистическую эквивалентность, т.е. сохранять стиль автора, адекватно передавать лексические, синтаксические и фонетические образные средства. Стремление передать лишь смысл речи оратора, говорящего на красивом литературном языке, полностью выхолащивает стилистическую составляющую текста. Тогда в интерпретации таких переводчиков предложение типа «Величественная цепь неприступных кавказских гор, покрытых золотой бахромой снегов» звучит как «a range of beautiful Caucasian mountains covered with snow» вместо стилистически адекватного «a majestic range of impregnable Caucasian mountains covered with a gilded fringe of snow».

Не секрет, что современные лекторы часто отходят от «сухого» делового стиля изложения и пересыпают свою речь шутками и юмором, что оживляет аудиторию и способствует более эффективному восприятию даже очень сложной темы сообщения. Однако без знания национальной специфики комического юмор при переводе может быть потерян. Вспоминается эпизод, когда к нашей кабине для синхронного перевода во время перерыва на кофе подошел лектор из США, чей доклад мы только что переводили, и сказал: «I think you are very good interpreters». На наш вопрос: «Почему? (What makes you think so?)» он ответил: «It's because when I'm joking and you translate, everybody is laughing (Потому что, когда я шучу, и вы переводите, все смеются)», на что моя партнерша по синхронному переводу с присутствующим ей чувством юмора ответила: «No, you're wrong. We were just pulling faces. (Это не так. Мы просто корчили рожи.)», на что лектор от души рассмеялся. Подобные эпизоды способствуют формированию дружественных и доверительных отношений между переводчиками и их клиентами, что при дальнейшей работе с ними, как в языковом, так в прагматическом и психологическом отношениях, облегчает процесс перевода.

Во-вторых, современный переводчик обязан изучать неформальную сниженную разговорную лексику, включая низкие коллоквиализмы, сленгизмы, а иногда, в зависимости от ха-

рактера работы, жаргонизмы (в том числе и профессиональные) и арготизмы. При этом переводчик учитывает преходящую природу таких образований и внимательно следит за тем, какие коллоквиальные лексические и фразеологические единицы релевантны на данном этапе, а какие вышли из употребления. Другой аспект, заслуживающий внимания, заключается в том, что одни и те же коллоквиальные единицы получают разное толкование в различных вариантах иностранного языка. Так, выражение «What's up?» в британском варианте означает «Что случилось?», а в некоторых американских штатах употребляется как обычное приветствие типа «Hello!». Сленгизм «pissed» в британском варианте означает «пьяный, наклюкавшийся», а в американском – «злой, рассерженный».

Конечно, не всегда устный переводчик вправе соблюдать стилистическую эквивалентность, особенно когда дело касается перевода вульгарной и бранной лексики или откровенно «хамских» выражений. Переводчик как высокообразованная и культурная личность обязан сочетать в себе черты психолога, дипломата, а, с лингвистической точки зрения, мастера эвфемизации. Вспоминается визит англоязычной делегации к руководителю одного из предприятий г. Москвы в середине 90-х, когда вместо приветствия тот, обращаясь ко мне, сказал: «Ты, что ль, переводчик? Ну, спроси, чё им надо». Понимая, что дословный перевод разрушит дальнейшую коммуникацию, я перевел следующим образом: «The principal of the institution kindly enquires of the purpose of your visit (Руководитель учреждения любезно интересуется целью вашего визита)». По окончании переговоров глава делегации, которая понимала русский язык (о чем руководитель предприятия не догадывался), поблагодарила меня за то, что я избежал дословного перевода, хотя мне, как говорят в этих случаях, было «за державу обидно».

В-третьих, нельзя упускать из внимания тот факт, что переводчику постоянно приходится работать с терминологией. В отличие от художественного перевода, в котором исключительно важную роль играет передача коннотаций и импликаций, в специальных (терминологических) текстах акцент делается на передачу денотативных значений терминов. В пределах узкой специализации термины, как правило, однозначны, что способствует недвусмысленности их перевода, e.g. cockpit в авиации означает кабину пилота, а management в медицине – это «лечение». Исключения из этого правила редки, хотя и встречаются, e.g. аббревиатура OT в медицине может означать occupational

therapy «лечение профессиональных заболеваний», operation theatre «операционная» и operation table «операционный стол». Многозначность термина чаще всего проявляется тогда, когда он «путешествует» из одной терминосистемы в другую. Так, в медицине precipitation rate – это «скорость (реакция) оседания эритроцитов (РОЭ), в то время как в метеорологии – это «интенсивность выпадения осадков». В своей профессиональной деятельности переводчику часто приходится работать в разных областях терминологии. При переключении из одной терминосистемы в другую профессиональный переводчик прорабатывает массу литературы по данной специальности, стремясь к достижению необходимого для работы уровня информационного запаса [3]. Иногда для того, чтобы обеспечить адекватный перевод на специальной конференции в течение двух-трех дней, переводчику приходится к ней готовиться два-три месяца. При всем при этом переводчика подстерегает немало опасностей. Во-первых, нужно принимать во внимание тот факт, что специалисты в определенной сфере, с которыми переводчик будет работать, перестают ощущать специальные термины как таковые, поскольку эти термины с течением времени становятся частью их повседневной жизни. Поэтому, когда специалисты приглашают переводчика работать в их профессиональной сфере, нередко можно услышать следующее: «Да вы справитесь. Там нет ничего сложного, терминов практически нет». У профессионального переводчика подобные заявления всегда вызывают настороженность, и он обязан потребовать от организаторов все материалы конференции, включая доклады, сообщения, презентации в «Power Point», что сейчас особенно модно, и проч. Эти материалы тщательно прорабатываются, термины выписываются и получают оформление в виде словников. Кроме этого, до начала конференции необходимо выяснить значения терминов, сокращений и аббревиатур, отсутствующих в словарях, а таких подчас бывает немало. Вторая опасность заключается в том, что при переключении из одной терминосферы в другую переводчик может поддаться соблазну перевести новый для него термин либо узуальным значением, либо привнести значение из знакомой для него сферы. Так, на одной конференции по нефтегазовой отрасли термин fishing был переведен как «рыбалка», в то время как в этой сфере fishing означает «ловильные работы (в скважине)». Вспоминается и другой случай, когда переводчица, работавшая с Крисом де Бургом, перевела предложение «This song is written in major key» как «Эта песня на-

писана в главном ключе». Правильный перевод – «в мажорной тональности».

Другой вопрос заключается в том, стоит ли зазубривать термины и их перевод. Видимо, это имеет смысл, если переводчик постоянно работает в одном отделе какой-либо компании или организации, имеет дело с ограниченным числом терминов и лишен мотивации работать где-либо еще. Тем переводчикам, которые по роду своей деятельности сталкиваются с разными терминосистемами, не имеет смысла делать этого по той простой причине, что количество терминов в современном мире исчисляется миллионами. Поэтому в голове укладываются наиболее значимые и рекуррентные термины из разных областей деятельности и знаний. Исключение составляют ситуации, когда из-за дефицита времени переводчик не успел должным образом подготовиться к конференции или какому-либо иному мероприятию. В таких случаях синхронисты осуществляют «прогон» терминов, чаще всего в паре, сначала практикуя их перевод с иностранного языка на родной, затем с родного языка на иностранный, что способствует их активному усвоению.

Помимо сказанного особое внимание нужно учиться уделять именам собственным: географическим названиям (хорошее знание географии – непременный атрибут фоновых знаний переводчика как мультикультурной личности), наименованиям наиболее известных газет, журналов, фирм, предприятий, торговых марок и брендов, именам известных личностей из разных областей науки и культуры, библейским, мифологическим, историческим персонажам и т.д. При этом переводчик обязан уметь правильно произносить эти имена собственные на иностранном языке, поскольку в сравнении с родным языком их произношение часто не совпадает, и, произнося их по канонам родного языка, переводчик рискует быть не понятым. Сравним, например, русск. Карфаген и англ. Carthage [ˈkɑːθɪdʒ], русск. Лейпциг и англ. Leipzig [ˈlaɪpsɪɡ], русск. геогр. р. Ганг и англ. the Ganges [ˈɡæŋdʒiːz], русск. библ. Иаков и англ. Jacob [ˈdʒeɪkəb], русск. миф. Ясон и англ. Jason [ˈdʒeɪs(ə)n], русск. Пенелопа и англ. Penelope [piːˈneləpiː], русск. истор. Навуходоносор и англ. Nebuchadnezzar [ˌnebjəkədˈneɪzə], русск. Эйнштейн и англ. Einstein [ˈaɪnstɑːn], русск. Магеллан и англ. Magellan [məˈɡelən], русск. Дуглас (Michael) и англ. Michael Douglas [ˈdʌɡləs], русск. Барбра Стрейзанд и англ. Barbra Streisand [ˈstraɪsænd], русск. Мерседес и англ. Mercedes [məˈseɪdɪz], русск. Самсунг и англ. Samsung [ˈsæmsʌŋ] и т.д.

В плане владения лексиконом иностранного языка и его усвоением основное отличие между переводчиком и любым другим человеком, хорошо знающим иностранный язык, заключается в том, что у первого активный словарный запас всегда больше, чем у второго. Пассивный словарный запас проявляется на уровне рецепции и узнаваемости, обычно – при восприятии текста на иностранном языке. Напротив, в переводческой деятельности активный словарный запас иностранного языка проявляется на уровне репродукции, чаще – при переводе с родного языка на иностранный, что особенно актуально при устном переводе, когда у переводчика практически нет времени на обдумывание того, какой подходящий эквивалент нужно извлечь из своего словарного багажа. Методы повышения активного словарного запаса могут быть самыми различными. Так, активизацию общественно политической лексики можно осуществлять поочередным просмотром новостных каналов (например, Евроновостей /Euronews/) на иностранном и русском языках, чтением статей и сообщений в оригинале и переводе, сличением оригинала и перевода, а на более продвинутом этапе – выявлением переводческих ошибок, неточностей и предложением собственных переводческих версий.

Профессиональный переводчик должен постоянно стремиться выводить в активный словарный запас не только общественно-политическую лексику, включая новообразования типа SCO (Shanghai Cooperation Organization) = «ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества)», но и наиболее частотные термины из различных других областей науки и техники, проникающие в язык СМИ и становящиеся неотъемлемым атрибутом фоновых знаний любого образованного человека. Так, из-за ряда событий, произошедших в последнее время, некоторые узкопрофессиональные термины проникли в СМИ и стали общеизвестными: avian flu «птичий грипп», SARS (severe acute respiratory syndrome) = «ТОРС (тяжёлый острый респираторный синдром) – атипичная пневмония», BOP (blowout preventor) «противовыбросовое оборудование» (термин приобрел известность после разлива нефти нефтяной вышкой компании British Petroleum в Мексиканском заливе) и проч.

Еще один аспект, заслуживающий внимания, касается необходимости понимания переводчиком модного сейчас на Западе движения «политкорректности» и его отражения на языковом уровне. В английском языке это, прежде всего, относится к устранению упоминания половой принадлежности. Так, вместо не считающегося уже политически корректным слова policeman

употребляется *police officer*, вместо *fireman* – *firefighter*, вместо *stewardess* – *flight attendant*, вместо *cleaning lady* – *sanitation engineer*, вместо *barman* – *bartender* и проч. Замена также подлежат наименования некоторых профессий, как, например, *bus operator* вместо *bus driver*, *garbologist* вместо *garbage collector*. Устраняются из языка прямые именованные физических недостатков: *hair disadvantaged* вместо *bald*, *horizontally challenged* вместо *fat* или *obese*, *vertically challenged* вместо *short*. Интересно в этом смысле проследить «эволюцию» слова *invalid*: *invalid* → *handicapped person* → *disabled person* → *differently abled person* (досл. человек с иными возможностями) [подробнее см. 4]. В этом же ключе переводчик, работающий в политической сфере, обязан избегать упоминания этностереотипов и заменять их политкорректными формами выражения [5]. Так, в Канаде на конференции по северным народностям, транслируя доклад с русского языка на английский, я переводил слово «Эскимосы», как то дано в словарях, английским эквивалентом «Eskimos». Во время перерыва ко мне подошел канадский представитель этой народности и попросил не употреблять в переводе слово «Eskimos», поскольку на их языке оно звучит пренебрежительно. «Please, call us Inuits / Называйте нас Инуитами/» – вежливо попросил он, что я незамедлительно принял к сведению в своей дальнейшей работе.

Изложенные выше доводы свидетельствуют о том, что воспитание в себе качеств профессионального переводчика отнюдь не завершается получением диплома об окончании ВУЗа, а продолжается всю сознательную жизнь, поскольку пополнение багажа фоновых знаний в разных областях человеческой деятельности – это непрерывный и нескончаемый процесс. С другой стороны, не совсем точным представляется тезис о том, что становление профессионального переводчика основывается на лингвистической и экстралингвистических составляющих [6]. Как было показано выше, степень владения как иностранным, так и родным языками напрямую указывает на уровень культуры переводчика. Поэтому, по нашему мнению, логичнее говорить о лингвистической культурной составляющей и внелингвистической культурной составляющей процесса становления профессионального переводчика.

Внелингвистическая культурная составляющая, которая в современном мультикультурном мире играет не менее важную роль, чем лингвистическая культурная составляющая, включает в себя самые разные аспекты. Специфика переводческой де-

тельности в современном мире определяется тем, что переводчик выполняет важнейшую социальную функцию посредника не только между разноязычными, но и разнокультурными общностями. Поэтому, кроме языкового тренинга, важно готовить специалиста «в области интерлигвокультурной коммуникации» [7]. В зависимости от специфики поликультурной и полиэтнической среды переводчик обязан знать традиции, обычаи, историю, наиболее выдающихся личностей не только стран, говорящих на его «рабочем» иностранном языке, но и культуру этносов, с которыми ему приходится сталкиваться в ходе своей профессиональной деятельности. Так, в христианском мире по правилам этикета при приветствии старший протягивает руку младшему, в то время как в мусульманском мире младший может первым протянуть руку старшему в знак уважения.

В условиях поликультурной и полиэтнической среды обязательной составляющей языковой личности переводчика является толерантность. Как известно, толерантность означает терпимость к иному образу жизни, поведению, обычаям, мнениям, верованиям. В 1995 году ЮНЕСКО была принята Декларация принципов толерантности, включающих уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Разумеется, существуют границы терпимости, т.е. наличие неких моральных границ, не позволяющих смешивать толерантные отношения с вседозволенностью, с пренебрежением и игнорированием законов и устоев общества. Для переводчика толерантность предполагает не только умение понимать и воспринимать «другую» культуру, но и умело транслировать как свою, так и «другую» культуру носителям переводящего языка. Приведу пример из собственной переводческой деятельности. Как-то мой клиент из США захотел отблагодарить женщину из отдела по приему иностранных посетителей за чуткое и внимательное отношение и купил ей букет из четырех роз. Пришлось объяснить, что в России четное количество цветов, это знак памяти и дань уважения к усопшим. Придя в себя после удивления, американец вернулся в цветочный магазин и купил еще одну розу, после чего не замедлил меня поблагодарить за то, что я помог ему избежать неловкой ситуации.

Сложнее приходится переводчику в тех случаях, когда он сталкивается с неприятием обычаев или традиций. Так, по традиции западной культуры столовые приборы, например, нож и вилка, положенные на тарелке крест-накрест сигнализируют

о том, что гость отказывается от дальнейшего приема пищи. Однако в России попытки объяснить это правило этикета часто наталкиваются на непонимание или пренебрежение принимающей стороны. Нередко слышишь следующее: «Это у них на Западе так. А у нас, когда все едят, пусть тоже ест». Особенно неприятно видеть, когда на заключительном банкете после конференции или симпозиума высокопоставленные лица пытаются обнять или, даже, поцеловать иностранного гостя, на что тот мягко может сказать следующее: «You, Russians, are a very tactile nation (Вы, русские, очень тактильная нация)».

Находясь за границей, также нередко сталкиваешься со стереотипами по отношению к нашей стране. Так, представив меня своим гостям на одной вечеринке в г. Бристоле хозяйка сказала: «We are so sorry, but we have no vodka here (Простите, но у нас здесь нет водки)». Я попытался объяснить, что я не пью водки, что, как житель Кавказа, я иногда могу выпить бокал сухого вина, но хозяйка мне так и не поверила.

Толерантность тесно соприкасается с такими качествами, как решимость, выдержка и самообладание, без которых профессиональная переводческая деятельность просто невозможна. Переводчик должен быть толерантен к иногда проявляющемуся к себе пренебрежительному отношению со стороны организаторов конференции, иметь чувство собственного достоинства и не позволять возлагать на себя функции, не оговоренные в контракте (например, устраивать гостей в гостинице, обеспечивать транспорт и проч.). Также необходимо проявлять выдержку при работе с недоброжелательной аудиторией. Такая ситуация может возникнуть, когда, например, переводчика направляют работать с аудиторией, привыкшей к другому переводчику, а тот по какой-либо причине не смог явиться на работу. Единственный способ завоевать аудиторию в такой ситуации – своим профессионализмом доказать, что ты не уступаешь своему предшественнику ни в языковом, ни в общекультурном отношении.

Выдержка и толерантность необходима и при работе с клиентами, которых ты переводишь. Исходя из опыта переводческой деятельности, представляется возможным разделить докладчиков на три категории. Первые – профессионалы. Они знают свой предмет и умеют доходчиво и просто доносить до аудитории самые сложные идеи. Таких докладчиков стремишься переводить как можно ближе к тексту, сам получая при этом удовольствие. Вторые также знают свой предмет, но не имеют достаточных ораторских и культурно речевых навыков для того, чтобы быть адекватно понятыми

аудиторией. Иными словами говоря, они не владеют культурой речи в необходимой мере. В этом случае переводчик выступает в роли корректора, часто перефразирует текст оригинала, стремясь сделать текст перевода как можно более понятным аудитории. Третьи недостаточно профессионально владеют предметом и темой сообщения и стремятся скрыть свой непрофессионализм за «броней» терминов и витиеватых речевых оборотов. В этом случае переводчик выступает не только в роли корректора, но и дешифровщика, следуя известному в теории перевода принципу «KISS (Keep It Short and Simple /Переводи короче и проще/)». Придерживаться этого принципа заставляет, во-первых, осознание того, что пословный или, даже, пофразовый перевод ввергнет аудиторию в полное недоумение, а, во-вторых, уверенность в том, что вина за неудачное выступление будет полностью переложена на переводчика, что, кстати говоря, бывает нередко, ибо переводчик у «ораторов» третьего типа – классический «козел отпущения».

Справедливости ради нужно сказать, что иногда даже высоко профессиональные переводчики не справляются со стоящими перед ними задачами. Это происходит тогда, когда у переводчика не хватило времени на активное усвоение нового для него терминологического пласта и глубинного проникновения в тему и предмет конференции, когда у переводчика в силу негативных раздражителей или каких-либо других причин не заладился перевод с самого начала, когда физическое состояние переводчика (болезнь, недомогание, подавленное настроение и проч.) не позволяют ему проявить свой профессионализм в полной мере, когда нет взаимопонимания и нормальных человеческих отношений с партнером по последовательному или синхронному переводу, когда переводчик слишком болезненно реагирует на поведение аудитории (выкрики с места, перешептывание, хождение по залу, непрекращающаяся невербальная коммуникация) и т.д. Чтобы избежать этого переводчик должен всегда быть в тонусе, заниматься спортом, владеть методикой психологического тренинга, постоянно расширять объем своих языковых и внеязыковых компетенций, быть в курсе значимых событий, происходящих в мире, повышать уровень культуры межличностного, межнационального и межэтнического общения. Все эти компоненты, составляющие переводческую компетенцию, придают уверенность переводчику и служат залогом успешной профессиональной деятельности.

Как верно отмечает А. Б. Бушев, переводческая компетенция есть «сложная многомерная лингвокогнитивная категория, включающая профессиональные навыки и умения, позво-

ляющие переводчику» эффективно осуществлять акты межъязыкового и межкультурного посредничества [8]

Итак, становление профессионального переводчика как межъязыковой и межкультурной посреднической личности происходит посредством постоянного пополнения, развития и совершенствования языковых, риторических, лингвокультурных, общекультурных и этнокультурных, психических, этических, социальных и других компонентов, которые в профессиональной переводческой деятельности преломляются и актуализуются через язык перевода.

Использованная литература:

1. *Тюленев С. В.* Теория перевода. М.: Гардарики. 2004. С. 10.
2. *Серебрякова С. В.* Языковая личность переводчика как результат реализации лингвокогнитивного потенциала обучаемого // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. 2008. № 58. С. 25.
3. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. С. 48-53.
4. *Панин В. В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 217 с.
5. *Шамлиди Е. Ю., Кокова М. М.* Некоторые специфические черты отражения национальных стереотипов в англо-американском сленге // Вестник ПГЛУ. 2008. Вып. 2. С.97-101.
6. *Латышев Л. К.* О некоторых составляющих переводческой компетенции и их формировании // Ученые записки РОСИ. Сер.: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. Вып. 3. Курск: Изд-во «РОСИ», 1999. С. 3-11.
7. *Халеева И. И.* Подготовка переводчика как «вторичной языковой личности» // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. Вып. 24. М.: МГЛУ, 1999. С. 63-72.
8. *Бушев А. Б.* Языковая личность профессионального переводчика: научное издание. Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. С. 236.

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9.
Тел./факс (861) 277-92-42.

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 22.08.13.
Формат 60×84 1/8. Гарнитура SchoolBook (OTF).
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 20,46 усл.-печ. л. Тираж 100.
Заказ № 1691.